

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІІІ.

1896.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	39
И. М. Гренсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія во время имперіи	297
О. П. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ	341
М. В. Везобразова. „О Воликой Наукѣ“ Раймунда Луллиа въ русскихъ рукописяхъ XVII вѣка	383

КРИТИКА И ВИБЛІОГРАФІЯ.

О. Ф. Зѣлинскій. <i>М. Крашенинниковъ</i> . Августалы и сакральное магистерство. Исслѣдованіе въ области римскаго муниципальнаго права и древностей. С.-Пб. 1895	400
С. Е. Савичъ. <i>В. Уроцкий</i> . Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. С.-Пб. 1895	422
А. Е. Ирѣвниковъ. Труды девятаго археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. Т. I. 1893	446
И. П. Житоцкій. <i>М. Марковский</i> . Антоній Радвильовскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII вѣка	451
И. П. Дебольскій. <i>Сергій Шумаковъ</i> . Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. М. 1895.	463
И. П. Соколовъ. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster grösstentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitungen versehen von <i>Jh. Meyer</i> . Leipzig. 1894	467
— Книжныя новости	479
— Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ)	17

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Императорскій Московскій университетъ въ 1896 году	85
И. О—въ. Городскія и уѣздныя училища Виленскаго учебнаго округа въ 1894 году	93
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Н. П. Отраховъ (<i>искролокъ</i>)	114

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. Н. Крашенинниковъ. <i>Varia</i>	33
С. Лавровъ. Эпиграфическія этюды (<i>продолженіе</i>)	47
Schmidt, Georgius. <i>Exegetica</i>	52
А. О. Эпманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (<i>окончаніе</i>)	61

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 1-го февраля).

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Въ литовско-русскомъ государствѣ до позднѣйшаго времени существовали дворы двоякаго типа — панскіе и крестьянскіе. Дворы панскіе съ конца XIV вѣка устроятся во всѣхъ областяхъ Литвы-Руси по образцамъ польскихъ *zagrod* и замковъ шляхетскихъ, въ концѣ концовъ дѣлаются основными базисами территориально-административнаго состава Речи Посполитой ¹⁾. „Господарству“ и „вѣчному праву“ владѣльцевъ панскихъ дворовъ подчиняются дворы крестьянскіе, извѣстные подъ самыми разнообразными названіями — дымовъ, дворницъ, службъ, потуговъ, земель, слѣдовъ и т. д., по большей части въ значеніи поселковъ, тянувшихъ то непосредственно къ панскимъ дворянъ и ихъ волостямъ, то къ отдѣльнымъ селамъ и мѣстечкамъ ²⁾.

¹⁾ См. мою статью: „Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“, въ *Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*, 1895 г., кн. V.

²⁾ Вопросъ о старыхъ западно-русскихъ дымахъ-дворницахъ въ общихъ чертахъ затрогивается въ нашей литературѣ, главнымъ образомъ, въ изслѣдованіяхъ по исторіи крестьянъ и землевладѣнія юго-западной Россіи, частью также и по исторіи мѣстнаго управленія литовско-русскаго государства. См. *Ө. Леонтовича* — „Крестьяне юго-западной Россіи въ XV — XVI вѣкахъ“, въ *Кіевскихъ Унив. Изв.*, 1863, №№ 10 и 11; *Антоновича* — Предисловіе (о крестьянахъ юго-западной Россіи) ко II тому VI части Архива юго-западной Россіи, 1870; *Новицкаго* — предисловіе („Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI—XVIII вѣкахъ“) къ I т. VI ч. Арх. Ю.-З. Россіи и отдѣльно — „Очерки исторіи крестьянскаго сееловія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкахъ“, 1876; *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* — „Помѣстья Литовскаго государства“, въ *Чтеніяхъ* въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца, 1890, III, и отдѣльно; *ею*

Въ настоящей статьѣ мы подробно разсмотримъ по источникамъ ¹⁾ различныя наименованія крестьянскихъ дворовъ, коснемся, затѣмъ, общихъ вопросовъ: о хуторномъ типѣ, личномъ составѣ дворовъ, экономическомъ строѣ и разрядахъ крестьянъ, съ указаніемъ на дальнѣйшую ихъ судьбу въ пору введенія въ господарскихъ и панскихъ мастиностяхъ польско-пѣмецкаго волочнаго хозяйства.

же— „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI столѣтія“, въ Киевскомъ Сборн. въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая 1892 г.; г-жи *А. Я. Ефименко* — „О дворницкомъ землевладѣніи“, въ *Русской Мысли*, 1892, № 4 и 5; *Любавскаго* — „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства“, въ *Ученіяхъ въ Общ. Ист. и Древн.*, 1893 и отдѣльно. Хуторныя же формы сельскихъ поселеній существовали и въ старыхъ восточно-русскихъ земляхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ и доселѣ. См. объ этомъ *Н. Леонтовича* — „Вѣрь по Русской Правдѣ и Полицейному Статуту, въ срѣщеніи съ задругою юго-западныхъ славянъ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1867, т. 134); *его же* — „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“ (*ibid.*, 1874, т. 174); *его же* — „О древне-русскомъ городѣ“ (Сборн. госуд. знаній, 1875, III). См. также *Потанина* — „Никольскій уѣздъ и его жители“ (*Древн. и Нов. Россія*, 1876, X); *Бергеновой* — „Задружное начало“ (*Юридическій Вѣстникъ*, 1878, VIII); г-жи *А. Я. Ефименко* — „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“ (*Русская Мысль*, 1882, № 4 и 5; та же статья помѣщена въ сборникѣ: „Исслѣдованія народной жизни“, 1884); *Щербина* — „Сольвычегодская земельная община“ (*Отечественныя Записки*, 1879, № 7 и 8); *Сергѣева* — „Съ сѣвера“ (*Дѣло*, 1880, № 4); *Красноперова* — „Антошкина община“ (*Отечественныя Записки*, 1882, № 6); *Гольцова* — „Наша сельская община“ (*Русскій Вѣстникъ*, 1885, № 6); *Блюменфельда* — „Къ вопросу о землевладѣніи въ древней Россіи“ (*Записки Новорос. Унив.*, 1884, т. 39, и отдѣльно). Объ аналогическихъ формахъ сельскихъ поселеній, сохранившихся у южныхъ славянъ до послѣдняго времени подъ именемъ задруги, см. *Маличевича* — „Прегледъ задружногъ станя Срба“ (*Гласникъ Дружества Срб.*, 1857, 1 вл.; русскій переводъ въ *Русской Бесѣдѣ*, т. IX); *Утѣшеновича* — „Hauscommunion d. Südslaven“ (1852); *Боншича* — „Pravnij obusaji“, 1866, и „Zbornik pravn. obusc.“, 1874; *Бориславлевича* и *Сувевича* — „О задруги“ (Побратимство, 1881, № 1—8); *Гешова* — „Болгарская задруга“ (Періодическое описаніе, 1881); *Левенсона* — „Hausgemeinschaft“, 1888; *Радулевича* — „Die Hauscommunion d. Südslaven“, 1892.

¹⁾ Кромѣ актовъ, помѣщенныхъ въ существующихъ въ печати сборникахъ, въ настоящей статьѣ приводятся данныя, извлеченныя мною изъ Варшавской копій Литовской Метрики, также архивныя данныя, собранныя проф. *С. А. Бершадскимъ*. Къ сожалѣнію, изданіе послѣдняго сборника приостановлено и едва ли появится въ продажѣ. Въ подстрочныхъ ссылкахъ на источники я буду обозначать данныя, взятые изъ сборника Бершадскаго, сокращеніемъ: „Лит. Мет.“; данныя же, извлеченныя мной изъ Литовской Метрики, обозначаются: „Коп. Лит. Мет.“.

I.

Древнѣйшею формою сельскихъ поселковъ на Руси пужно считать *дымъ*. Извѣстія о немъ находимъ уже въ начальной русской лѣтописи. Подъ 859 годомъ говорится въ лѣтописи о дани съ дыма, платившейся козарамъ полянами, сѣверянами и вятичами ¹⁾). Точно также сохранились весьма раннія извѣстія о княжеской дани съ дыма. Подъ 944 годомъ лѣтопись упоминаетъ о дани съ дыма, платившейся при Игорѣ древлянами: „и дасть (Игорь) дань деревскую Свенельду, имаше же по чернѣ кунѣ отъ дыма“ ²⁾). Въ восточно-русскихъ актахъ подать, исчислявшаяся по дымамъ („подымное“), упоминается еще въ началѣ XVI вѣка ³⁾).

Въ западно-русскихъ актахъ сохранились многочисленныя извѣстія о дымахъ, какъ общей принадлежности сельской общины во всѣхъ областяхъ литовско-русскаго государства. Дымъ означаетъ иногда составную часть службы или дворища; иногда же дымъ является по актамъ такимъ же самостоятельнымъ подраздѣленіемъ села, какъ и дворище. Находимъ, наконецъ, указанія на дымы — отдѣльные поселки, стоявшіе обособленно отъ селъ и наравнѣ съ послѣдними входившіе въ общій составъ самостоятельныхъ волостныхъ единицъ.

Такимъ образомъ, въ собственной Литвѣ еще при Витовтѣ дымъ являлся основною единицею податнаго обложенія сельскаго населенія. Изъ одного акта (около 1444 года) видно, что въ литовскомъ селѣ Брушаныхъ при Витовтѣ дань платилась по пошлинѣ — съ дыма по кунницѣ ⁴⁾). Въ вырокѣ 1514 года, между прочимъ, сообщается о томъ, что люди господарскаго двора Неменчинскаго, въ Виленскомъ тивунствѣ, платили „по старинѣ“ („подле давного обычая“) мезлеву, также орали, пахали и сѣно косили по дымамъ ⁵⁾). Въ актахъ нерѣдко упоминаются села, состоявшія исключительно изъ дымовъ. Таковъ, на примѣръ, составъ имѣнія Клевицы въ Ошмянскомъ повѣтѣ по инвентарю 1598 года ⁶⁾). То же находимъ и въ Жмуди; на примѣръ,

¹⁾ П. С. Л., I, стр. 7. Ср. *ibid.*, 8, 285.

²⁾ *Ibid.*, V, 97.

³⁾ А. А. Э., I, № 136, — актъ 1500 года.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 28.

⁵⁾ Лит. Метр., Суд. дѣл., № I, стр. 62.

⁶⁾ А. В. К., т. XIV, № 84.

въ инвентарѣ 1555 года имѣнія Титовяне упоминаются нѣкоторыя села (Гнѣздиловичи, Войборовичи), раздѣлявшіяся прямо на дымы ¹⁾. Есть, впрочемъ, литовскіе инвентари, въ которыхъ говорится о дымахъ, какъ составныхъ частяхъ службъ, позже и волокъ ²⁾.

Точно также въ старыхъ кривичскихъ земляхъ дымъ изстари являлся основною принадлежностью сельской общины и при томъ въ значеніи какъ отдѣльнаго поселка, такъ и составной части службы или даже просто села.

Въ Полоцкой землѣ дымы составляли непосредственныя части селъ, а иногда представляли собою совершенно самостоятельныя поселки. По описи (1588 года) имѣній Полоцкаго владыки села слагаются непосредственно изъ дымовъ. Упоминаются также дымы — самостоятельныя „поселицы“, стоявшія особняками, не входившія въ составъ селъ; напримѣръ: „Янко на Вердукъ 1 дымъ, Бояринъ на Бѣлой Водѣ 1 дымъ“, — къ фольварку Струнскому „прислухало“ 8 дымовъ — отдѣльныхъ „поселицъ“, къ фольварку Тетчевскому — 19 дымовъ-поселицъ и, кромѣ того, два села: Усвица изъ 10 дымовъ и Завечелье — изъ 19 дымовъ ³⁾. По позднѣйшему инвентарю (1601 года) имѣній того же владыки села также дѣлятся непосредственно на дымы; въ селахъ числится отъ 2 до 20 дымовъ въ каждомъ; въ одномъ селѣ числится 43 дыма. Упоминаются также села изъ одного дыма. Таково село Тетчи: „Андрей Михайловъ, Лобанъ съ сыномъ Радивономъ, одинъ дымъ, двѣ службы“; здѣсь все село сосредоточивается въ одномъ дымѣ, — служба представляетъ собою собственно не подраздѣленіе дыма, а обозначаетъ лишь общее понятіе лежавшаго на дымѣ тягла ⁴⁾. Дѣленіе селъ непосредственно на дымы встрѣчается также въ частныхъ имѣніяхъ Полочанъ. По инвентарю 1591 года, имѣніе Тяпинъ, принадлежавшее пану Николаю Служкѣ, состояло изъ 3-хъ селъ: въ главномъ селѣ Тяпинѣ числилось 14 дымовъ, въ двухъ другихъ по 3 дыма; кромѣ того, къ имѣнію тянулъ дымъ Гришки, стоявшій особнякомъ отъ главнаго села, въ лѣсу, „въ деревнѣ“ ⁵⁾.

Существованіе дымовъ въ Витебской землѣ доказывается инвентаремъ (1594 года) имѣнія Смоленянъ князей Сангушковичей: составъ

¹⁾ Ibid., № 2.

²⁾ Ibid., № 2, 20. Археографическій Сборникъ, I, стр. 35.

³⁾ Археографическій Сборникъ, I, № 59.

⁴⁾ Ibid., I, № 73, стр. 222.

⁵⁾ А. В. К., XIV, № 47.

сель, принадлежавшихъ къ этому имѣнію, опредѣляется бѣльшимъ или меньшимъ числомъ дымовъ ¹⁾).

Въ Минской землѣ еще въ концѣ XVI вѣка встрѣчались села, состоявшія непосредственно изъ дымовъ. Такой составъ имѣютъ по инвентарю 1590 года села Гатовъ и Новый дворъ въ Минскомъ повѣтѣ ²⁾). По инвентарю того же года имѣніе Крайскъ въ томъ же повѣтѣ состояло изъ нѣсколькихъ сель съ дымами: село Гриневичи—17 дымовъ, село Летушки—7 дымовъ, село Бубны—20 дымовъ и проч. ³⁾). Такой же составъ имѣютъ села въ минскомъ имѣніи пана Томковича по инвентарю 1596 года ⁴⁾).

Подобный же составъ сель встрѣчаемъ въ Могилевской землѣ. По инвентарю 1592 года имѣнія Могильная князей Радзивилъ нѣкоторыя села, послѣ раздѣла земель на волоки, оставались на старомъ положеніи, слагались изъ однихъ дымовъ ⁵⁾).

Есть, впрочемъ, минскіе и могилевскіе инвентари, изъ коихъ видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ села слагались изъ службъ или волокъ, съ подраздѣленіемъ тѣхъ и другихъ на дымы ⁶⁾).

Указаніе на изстаринное существованіе дымовъ въ Смоленской землѣ даетъ запись о Ржевской дани, 1479 года: основною единицею обложенія считаются въ ней дымъ и жеребій,—запись вовсе не упоминаетъ ни о службахъ, ни о волокахъ ⁷⁾). Изъ позднѣйшихъ памятниковъ Смоленскихъ видно, что дымы долго удерживали въ Смоленской землѣ старое бытовое значеніе. По инвентарю Дубровенскому, 1560 года, села слагаются изъ дымовъ, при чемъ одинъ дымъ составлялъ службу или полъ, треть и четверть службы, а иногда въ одномъ дымѣ числится и по двѣ службы („въ селѣ Онисковичи Артемій Кононовичъ—дымъ 1, службъ двѣ; Калыико Степановичъ—дымъ 1, службы 2; Панко Макаровичъ зъ сынами—дымъ 1, службы 2“). Иногда, впрочемъ, 3 и 4 дыма числятся въ одной службѣ: братья, жившіе первоначально однимъ дымомъ, раздѣлялись на отдѣльные

¹⁾ Ibid., № 58.

²⁾ Ibid., № 59.

³⁾ Ibid., № 42.

⁴⁾ Ibid., № 77.

⁵⁾ Ibid., № 51.

⁶⁾ О дымахъ—службахъ см. А. В. К., XIII, стр. 351 и сл.; XIV, №№ 39, 40, 49, 67; Кош. Лит. Метр., V, 301. О дымахъ—частяхъ волокъ см. А. В. К., XIV, №№ 51 и 52.

⁷⁾ А. З. Р., I, № 71.

дымы, но попрежнему продолжали числиться въ одной службѣ. Въ данномъ случаѣ подъ службою разумѣется вообще тягло, норма повинностей, лежавшихъ на каждомъ дымѣ въ полномъ составѣ тягла или въ его частяхъ ¹⁾). Такое же значеніе имѣли дымы въ бывшемъ Мстиславскомъ княжествѣ, тянувшемъ къ Смоленщинѣ ²⁾).

Въ значеніи самостоятельныхъ частей сель дымы встрѣчаются затѣмъ въ областяхъ бывшей Черной Руси. Примѣромъ можетъ служить инвентарь 1588 г. имѣнія Лунинецъ въ Новгородскомъ воеводствѣ. Имѣніе это состояло изъ 74 „осѣблыхъ“ дымовъ, представлявшихъ собою болѣе или менѣе сложныя семейныя группы. Въ одномъ дымѣ живутъ, напримѣръ, отецъ съ нѣсколькими сыновьями или братьями, также два, три и больше отдѣльныхъ главъ семейныхъ; иногда же нѣсколько братьевъ живутъ каждый особымъ дымомъ ³⁾). Въ 1502 г. пану Хребтовичу были даны въ Новгородскомъ повѣтѣ три отдѣльные дыма пшевичниковъ ⁴⁾). Встрѣчаются также инвентари Черной Руси, въ которыхъ села состоятъ изъ службъ, слагающихся изъ большаго или меньшаго числа дымовъ ⁵⁾).

Дымы составляли также общую принадлежность сельской общины въ литовскомъ Полясьи. Въ записной книгѣ пожалованій короля Казимира (1440—1458 г.) опредѣленно говорится о дымѣ, какъ отдѣльнымъ поселкѣ, отличавшемся отъ села и дворича: „У Пинску село Плотница (дано) князю Юрію Семеновичу у Доверичохъ а Василь зъ братомъ Термиловичи. У Достоевъ: Василь а Еремей. одинъ дымъ, а Олекей, то два дыма. У Роровичохъ: Кованъ Раковичъ, Шеметь а Кованъ. Олекей Вавуличовъ—два (дыма). Яковецъ а Костянты, а Симоновское пустое двориче“ ⁶⁾). Предметъ данины составляютъ: одно село, три отдѣльные поселки (въ Доверичахъ, Достоевъ и Роровичахъ), каждый изъ одного, двухъ и трехъ дымовъ и, наконецъ, пустое двориче. Въ

¹⁾ Археографическій Сборникъ, III, стр. 245 и слѣд.

²⁾ А. З. Р., I, № 82.

³⁾ Иванъ Малнинъ съ 3-мя сыновьями—1 дымъ. Трохимъ Смолка, сынъ Лукьянъ,—Марко и Кирило 1 дымъ (три отдѣльные хозяева). Сенко Вастыничъ съ 3-мя сыновьями (Карпомъ, Грикомъ и Олексеємъ), Тошило и Кирило Карповичи (3 хозяева) 1 дымъ. Ахимъ Пацковичъ съ 2-мя сыновьями, Добродеревецъ съ сыномъ (2 хозяева)—1 дымъ. Пять братьевъ Лосевичей живутъ 3-мя дымами. Три братья Ждановичи живутъ каждый съ сыновьями отдѣльными дымами. Напротивъ, братья Омельковичи живутъ въ одномъ дымѣ и пр. (см. А. В. К., XIII, № 98).

⁴⁾ Копія Лит. Метр., V, 322.

⁵⁾ А. В. К., XIV, № 11, 85.

⁶⁾ Лит. Метр., Записей, № 3, стр. 1 и слѣд.

поборовомъ универсалѣ 1578 г. говорится, что въ Полѣсьи не было ни службъ, ни волокъ, существовали по старинѣ одни дымы¹⁾. Затѣмъ, изъ другихъ актовъ видно, что въ Полѣсьи, какъ и въ другихъ мѣстахъ южной Руси, дымы составляли обыкновенно части дворищъ²⁾.

Что касается Сѣверской земли, то выше приведено указаніе начальной лѣтописи на существованіе дымовъ у сѣверянъ, вятичей и полянъ уже въ половинѣ IX вѣка. На существованіе дымовъ въ Сѣверщинѣ литовской эпохи указываетъ, между прочимъ, описаніе границъ великаго княжества Литовскаго съ Московскимъ, 1523 г. Изъ этого акта видно, что въ XVI вѣкѣ въ Сѣверщинѣ вполнѣ удерживался старый строй сельской общины, слагавшейся изъ дымовъ³⁾. Въ актахъ литовской эпохи не встрѣчаемъ никакихъ указаній на службы и дворища въ Сѣверщинѣ. По всему видно, дымъ являлся въ Сѣверщинѣ до позднѣйшаго времени основнымъ элементомъ мѣстной сельской общины.

Въ Кіевщинѣ литовской эпохи точно также удерживались дымы старыхъ полянъ, по показанію начальной лѣтописи платившихъ еще до князей Рюриковичей дань козарамъ съ дыма (см. выше). О кіевской „подымщицѣ“, какъ обычной формѣ податнаго обложенія, говоритъ уставъ, данный Кіевской землѣ въ 1507 г.: „а о подымщицѣ, какъ будетъ было за великаго князя Витовта“⁴⁾. Указанія на непосредственное дѣленіе кіевскихъ селъ на дымы не разъ встрѣчаемъ въ мѣстныхъ инвентаряхъ XVI и слѣдующихъ столѣтій. Такимъ образомъ, имѣніе Веледникъ, по инвентарю 1595 г., состояло исключительно изъ дымовъ (по 16, 19 и больше дымовъ въ одномъ селѣ), съ такимъ же сложнымъ личнымъ составомъ, какъ и дворища волынскія или полѣвскія. Подобно послѣднимъ, кіевскіе дымы, какъ видно изъ упомянутаго инвентаря, слагались изъ братьевъ съ сыновьями, „пріймами“ (зятьями) и пр.⁵⁾ Люстрація Житомирскаго повѣта

¹⁾ Vol. leg. II, стр. 981.

²⁾ См., напримѣръ, Памятн. Кіевск. Ком., III, 2, стр. 168 и слѣд. Ревизія пущъ, 76 и сл. Писцовая книга Пинскаго староства, II, стр. 188 и слѣд.

³⁾ Такъ, въ описаніи границъ перечисляется рядъ селъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ повѣтахъ: село Боровичи въ Стародубскомъ повѣтѣ—40 дымовъ, село Хоминичи въ Черниговскомъ повѣтѣ—12 дымовъ и пр. (Лит. Метр., Судн. дѣлъ, № 3, стр. 182 и слѣд.).

⁴⁾ А. З. Р., II, № 30.

⁵⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, № 81.

половины XVI вѣка (1545 и 1552 г.) исчисляють сельское население исключительно по дымамъ ¹⁾. Есть также акты, указывающіе на дымы въ Киевской землѣ, перечислявшіеся по отдѣльнымъ тягламъ—службамъ ²⁾.

Исчисленіе сельскаго населенія по дымамъ очень долго держалось также въ Подольской землѣ. Обложение населенія данями и повинностями по числу дымовъ лежитъ въ основѣ люстрацій польскаго Подолья, 1493 г. ³⁾, также повѣтовъ: Каменецкаго, 1530 г., и Бра-славскаго, 1629 г. ⁴⁾. Въ 1661 г. изъ 400 сельскихъ поселеній Подолья большинство представляло лишь незначительные хуторки въ 1—3 дыма ⁵⁾.

Въ средней полосѣ литовской Руси, на Волыни и въ Подляхія, дымы также служили единицей тяглаго обложения; но, по всему видно, дымы не сохранили за собою въ этихъ земляхъ стараго самостоятельнаго значенія, входили въ составъ дворницъ, жеребьевъ и другихъ основныхъ частей сельской общины ⁶⁾.

Наконецъ, до и послѣ присоединенія къ Польшѣ Галицкой земли, въ актахъ послѣдней долго упоминаются дымы то въ значеніи самостоятельныхъ поселковъ, то дворницныхъ частей, какъ на Волыни и Подлесьѣ. Въ мѣстныхъ актахъ (со второй половины XIV вѣка) дымы—*fumus* и *domus, curia* „*alias dworzysko*“ — понятія, повидимому, вполне тождественныя ⁷⁾.

Указанія на дымы, какъ общую принадлежность сельской общины по *всѣмъ* областяхъ литовско-русскаго государства до и послѣ Люблинской уніи, находимъ въ многочисленныхъ актахъ ⁸⁾ о подымщинѣ

¹⁾ Ibid., ч. VII, т. II, стр. 39, 42, 423 и пр.

²⁾ См. Антоновича Грамоты великаго княж. литовскаго, № 10. *Zródła dziej.*, XI, 19.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 72.

⁴⁾ Ibid., стр. 61, 395.

⁵⁾ Именно, 74 села имѣли всего по 1-му дыму, 82 села—по 2 дыма, 63 села по 3 дыма и пр. (ibid., стр. 501 и слѣд.). О дымахъ въ Барскомъ староствѣ Подолья см. Грушевскаго „Барское староство“, стр. 234.

⁶⁾ О дымахъ на Волыни см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 32, 381 и др.; *Zródła dziej.*: XI, 19. О дымахъ въ Подляхія см. Ревизія пуцъ, 168; *Лит. Метр.*, Судн. дѣлъ, № 3, стр. 7.

⁷⁾ Акта *grodz. i ziem.* II, № 4, 5, 7; VIII, 9 и пр.

⁸⁾ Напримѣръ, въ господарскихъ листахъ и привилеяхъ на данину земель, имѣній и пр., также въ инвентаряхъ и другихъ памятникахъ, относящихся къ различнымъ областямъ литовско-русскаго государства (см. А. З. Р., I, № 71, 82;

(подымовщинѣ, подымномъ, платѣ подымномъ, грошахъ или пенязяхъ подымныхъ, *exactio vel rescipia fimalia* и пр.), не „унаслѣдованной Литвою отъ временъ татарскаго ига“¹⁾, но, какъ замѣчено раньше, составлявшей исконную форму тяглового обложенія въ древне-русскихъ земляхъ. На существованіе дымовъ во всѣхъ областяхъ литовскаго государства даетъ категорическое указаніе посланіе короля Сигизмунда о созваніи сейма въ Вильцѣ, въ 1511 г., между прочимъ, для обсужденія на сеймѣ возбужденнаго королемъ вопроса объ отбываніи ратной службы въ шляхетскихъ имѣніяхъ „выправкою съ 10 дымовъ нахолка“²⁾. Такое же значеніе дается дыму въ королевскомъ распоряженіи 1558 г. о „даваньи“ подводѣ съ волокъ, а гдѣ волокы не мѣрены, тамъ—съ дыма³⁾. По универсаламъ „поборовымъ“ 1569 и слѣдующихъ годовъ основными единицами тяглового обложенія считаются также волокы и дымъ (послѣдній—„гдѣ волокы не мѣрены“) ⁴⁾. Подымщина существовала въ Литвѣ-Руси, какъ и вообще въ польско-литовской Речи Посполитой, до послѣдней четверти XVIII столѣтія и имѣла значеніе „податка экстраординарнаго“, каждый разъ назначавшагося (особенно съ Люблинской униі) сеймомъ на жалованье войску, въ случаѣ объявленія войны и пр.⁵⁾. Мысль

II, 26, 27, 30, 163, 164; III, 19, 68. Памяти. Кіевск. Ком., II, 2, стр. 99; III, 2, стр. 158, 164, 167; IV, 2, стр. 219. А. Ю.-З. Р., I, № 23. Арх. Ю.-З., Р. ч. VI, т. I, стр. 98—100; VI, II, № 62; VII, II, стр. 1, 62, 75, 395, 428, 501. *Антоновича Грамоты*, № 10, 57. *Zródła dziej.*, VI, 19. *Akta grodz. i ziem.*, II, № 4, 5, 7, 18, 19, 44; III, 60, 83, 93; IV, 46, 79; V, 62; VI, 4, 5, 16, 20; VIII, 9, 18, 32, 37, 48 и пр.).

¹⁾ Какъ ошибочно полагаетъ г. *Любавскій*, въ своемъ изслѣдованіи „Областное дѣленіе“ и пр. По его словамъ, „подымщина, какъ и половщина, посощина и пр., унаслѣдованы отъ временъ татарскаго ига. Въ Кіевской и Подольской земляхъ татары жили нѣкогда въ перемежку съ русскимъ населеніемъ; здѣсь была установлена подать съ сохраненіемъ любимаго татарами числа—подымщина“, (стр. 482).

²⁾ Лит. Метр., Записи, № 7, стр. 198.

³⁾ А. З. Р., III, № 19, стр. 95.

⁴⁾ См. Vol. leg. II, стр. 797, 952. По универсалу 1578 г. „въ великомъ княжествѣ литовскомъ, въ Кіевѣ на Волыни и индѣ, гдѣ не мѣрены волокы, податокъ берется съ каждой осѣдой службы. Если на службахъ бываетъ по нѣсколько дымовъ, то установленный поборъ берется съ каждыхъ двухъ дымовъ, составляющихъ одну тягловую единицу. Гдѣ нѣтъ ни службъ, ни волокъ, по одинъ дымъ, какъ это бываетъ на Полѣсьи, тамъ также два дыма сообща платятъ поборъ“ (см. *ibid.*, 981; ср. 995, 1025, 1246, 1291, 1349, 1380).

⁵⁾ См., напримѣръ, Vol. leg. VI, стр. 116.

объ отмѣнѣ подымнаго въ литовско-русскихъ областяхъ была впервые высказана и временно осуществлена сеймовою конституціей 1673 г., положившею замѣнить старую подымщину личною или поголовною податью (*kontrybusia rogówna, pobóg z osob, kwota*)¹⁾. Подымное на старыхъ основаніяхъ (изложенныхъ въ конституціи 1667 г. — о порядкѣ раскладки взиманія подымнаго) было возстановлено сеймовою конституціей 1690 г.²⁾ На сеймѣ 1736 г. снова поднимается вопросъ о „*sposobie zniesienia podymnego u obmyślenia zapłaty woysku wel. knięstwa Litewskiego*“, главнымъ образомъ, въ виду „*ulżenia ciężarów dobr dziedzicznych*“³⁾. На сеймѣ 1764 г. постановлено было окончательно рѣшить на предстоящемъ сеймѣ (1766 г.) вопросъ объ отмѣнѣ подымнаго въ коронѣ и великомъ княжествѣ литовскомъ и объ изысканіи къ означенному сейму новыхъ источниковъ для содержанія войска⁴⁾. Окончательная отмѣна государственной подымной подати, не только въ великомъ княжествѣ литовскомъ, но и въ коронѣ, принадлежитъ конституціи 1766 г., установившей на содержаніе войска, вмѣсто старой подымщины, питейные и другіе налоги (*szorowe i szelężne*), съ тѣмъ, чтобы, по уплатѣ подымнаго послѣдней „*gaty*“ (въ 1768 г.), никто больше не обязанъ былъ платить эту подать⁵⁾. Сборъ подымный, въ значеніи владѣльческаго (старостинскаго) дохода, упоминается еще въ инвентаряхъ второй половины XVIII вѣка⁶⁾.

Въ нѣкоторыхъ актахъ думы носятъ названіе *подымей*. Подымья встрѣчаются только въ сѣверо-восточныхъ областяхъ литовско-русскаго государства (въ Литвѣ, Кривичскихъ земляхъ, Сѣверщинѣ и Кіевщинѣ) и, по всему видно, не были извѣстны въ юго-западной Руси. Такимъ образомъ, о подымьяхъ литовскихъ говоритъ инвентарь Трокской экономіи, 1670 г. Въ пору составленія инвентаря села, принадлежащія къ этой экономіи, были переведены на волоки; составъ послѣднихъ обозначается въ инвентарѣ по каждому селу, а при пустыхъ селахъ указываются, кромѣ того, существовавшіе раньше (до запустѣнія селъ) на сельскихъ волокахъ „*osady podymia*“,

¹⁾ Vol. leg. V, стр. 138, 167—183; ср. *ibid.* 342, 744.

²⁾ *Ibid.*, V, стр. 805.

³⁾ *Ibid.*, VI, стр. 674.

⁴⁾ *Ibid.*, VII, стр. 338.

⁵⁾ *Ibid.*, VII, стр. 487, 508.

⁶⁾ Арх. Ю.-В. Р., ч. VII, т. II, № 62.

или „osady dymow“¹⁾. Подымья встрѣчались также въ Жмуди, какъ это видно изъ привилея, даннаго въ 1500 г. королемъ Александромъ старостѣ жмудскому, пану Станиславу Яновичу, на 60-ть подымей въ Жмуди, жившихъ, повидимому, въ одномъ поселкѣ²⁾. Затѣмъ, подымья вмѣстѣ съ дымами упоминаются въ инвентарѣ (1594 г.) Витебскаго имѣнія Смоленянъ, принадлежавшаго князьямъ Сангушко-вичамъ. къ этому имѣнію, между прочимъ, принадлежали села: Куцейно за Двѣпромъ изъ 7 подымей, Ледневиче изъ 12 дымовъ и пр.³⁾. Въ одномъ актѣ 1497 г. упоминается село Золотовичи въ Смоленскомъ повѣтѣ, пожалованное писарю Сенку Тереховичу: оно состояло изъ 10-ти подымей, изъ коихъ 5 „дымовъ“ принадлежало „отчищамъ“, другіе же 5—людямъ прихожимъ, ихъ „долникамъ“; тѣ и другіе жили въ одномъ „селцы“⁴⁾. Въ 1509 г. даны татарскому писарю Обрагиму Тимирчичу въ Вѣлицкомъ повѣтѣ пять крестьянскихъ службъ, въ коихъ числилось 8 подымей⁵⁾. Въ томъ же году татарамъ Кеяковичамъ даны въ Новгородскомъ повѣтѣ 8 службъ людей, жившихъ въ 20 подымьяхъ⁶⁾. Въ упомянутой выше описи границъ великаго княжества Литовскаго съ Московскимъ (1523 г.) говорится о подымьяхъ и дымахъ въ Сѣверской землѣ и сосѣднемъ Мстиславскомъ повѣтѣ, при томъ не только въ селахъ, но и городахъ⁷⁾.

¹⁾ Таковы пустыя села съ бывшими въ нихъ подымьями: с. Ворники Большіе, с. Ворники Меньшіе, wioska Дойляды, с. Куреле, с. Ванциники (см. Археогр. Сборн., II, № 97, стр. 179, 181).

²⁾ „Просилъ въ насъ людей въ Жомонти, на имя Когичащъ, а повѣдалъ намъ, штожь всихъ тыхъ людей шестьдесятъ подымей, которыижь люди за его отца, за пана Яна Кезгайловича, какъ былъ старостою въ Жомонти, втекли до нѣмецъ, и нѣмци въ нашон же земли черезъ границу тии люди посадили“ (Варш. копія Лит. Метр., V, 229).

³⁾ А. В. К., XIV, № 58.

⁴⁾ Лит. Метр., Записей № 5, стр. 63.

⁵⁾ Варш. копія Лит. Метр., V, 301.

⁶⁾ Ibid., V, 302.

⁷⁾ „Село Питенгъ Черниговское, а рубежь съ Путывлемъ, и подымя не помнятъ, колко было“ (очевидно, во время описи село это было пустое, безъ жителей). „Отъ Стародуба граница Горскъ, а въ томъ Горску подымей 30... Село Дѣвица городовое, подымей не помнятъ никто, колко было. Шиловичи, село городовое, къ Чернигову обѣ сю сторону Сулы, подымей никто не помнятъ. Ситниковичи, село городовое, у верхъ Остра подымей полтредцать. Ордачиковъ, село городовое, на низъ по Остру, подымей 10“ и т. д. „Въ городѣ Мглинѣ Мстиславскаго повѣта 500 подымей. . Городъ Понова Гора — 500 подымей“ (см. Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 3, стр. 182).

Наконецъ. подымья упоминаются въ актахъ старой Кіевщины. По инвентарю (1593 г.) иявнія пановъ Тышкевичей-Логойскихъ, подъ Житомиромъ, всѣ села, сельца и селища въ этомъ иявніи состоятъ изъ „*podumej osladlych*“.—нѣтъ ни дворищъ, ни службъ ¹⁾).

Въ смыслѣ же дымовъ—составныхъ частей сельъ, а также и мелкихъ хуторковъ, упоминаются въ актахъ истобки, печища, избы, избища, дома и господа.

Истобками называются въ приведенномъ выше актѣ 1497 г. думы и подымья Смоленскаго села Золотовичи, пожалованнаго писарю Сенку Тереховичу ²⁾).

Въ западно-русскихъ актахъ находимъ указаніе также на *печища* въ общемъ значеніи дыма. Въ судномъ дѣлѣ, записанномъ въ Литовской Метрицѣ подъ 1501 г. о земляхъ и пуцѣ двора Контягинскаго въ Виленскомъ тивунствѣ. говорится, что крестьяне, жившіе въ спорной пуцѣ, свидѣтельствовали на судѣ о принадлежности земель и пущи истцу ссылкой на „печища“—бывшіе крестьянскіе дворы или думы въ спорной пуцѣ, оставленные крестьянами ³⁾. Въ данномъ случаѣ литовскія печища вполне напоминаютъ „печища“—думы, какими въ старое время жило сельское населеніе въ Двинской и другихъ сѣверно-русскихъ земляхъ ⁴⁾. Повидимому, такія же печища встрѣчались въ старое время и въ другихъ восточно-русскихъ земляхъ ⁵⁾.

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 223 и слѣд.

²⁾ Лит. Метр., Записей № 5, стр. 68: „а изъ тыхъ отчичовъ на томъ селци толко пять, а другая пять *истобокъ* прихожихъ людъцей, должничовъ ихъ... А болши того ничего тамъ *дымовъ* нѣтъ“.

³⁾ Споръ шелъ между королевой и паномъ Юріемъ Илличемъ о „забраніе“ имъ земель и пуцъ, принадлежавшихъ къ господарскому двору Контягинскому въ Виленскомъ тивунствѣ. Въ выровѣ по этому дѣлу, между прочимъ, говорится: „многихъ господарей девяти волостей люди свѣтчили передъ нами (судьями) въ одно слово, штожь тая земля звѣчная пущи двора Контягинскаго и тыхъ земель отчичи в къ *печищамъ* своимъ привели съ которыхъ земель ихъ отецъ пана Юрьевъ панъ Ивашко Илличъ согналъ, и панъ Юрей, еще перешедши черезъ тую границу, тыхъ людей землю собѣ „на дворную пашню попахалъ“ (см. Варш. копія Лит. Метр., V, 290).

⁴⁾ См. г-жи А. Я. Ефименко, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ (*Русская Мысль*, 1882, № 4 и 5); „Ислѣдованія народной жизни“, стр. 186 и слѣд.; ея же о „Дворищномъ землевладѣніи“, въ *Русской Мысли*, 1892, апрѣль, стр. 157 и слѣд.

⁵⁾ Въ одномъ судномъ дѣлѣ 1630 г. упоминаются печища, принадлежавшія крестьянамъ Гороховской волости во Владимірскомъ повѣтѣ Московскаго государства (см. *Временникъ* Моск. Общ. ист. и древн., кн. XVIII, смѣсь, стр. 50 и слѣд.).

Избы и избница—названія дымовъ по актамъ Смоленской земли, также Черной Руси и Подляхін. Такимъ образомъ, въ приведенномъ выше актѣ 1497 г. о пожалованномъ писарю Сенку Тереховичу сельцѣ Золотовичи въ Смоленской землѣ думы и подымья крестьянъ названы также избами ¹⁾. Такое же наименованіе дымовъ избами находимъ въ другихъ актахъ. Въ 1499 г. дворянину Митку Семеновичу данъ въ Смоленскомъ повѣтѣ Еленской волости человѣкъ Топоровъ съ братьями: они жили отдѣльнымъ „сельцомъ“ въ 4-хъ „избахъ“, „а пятая изба пуста стоитъ“ ²⁾. Въ пущахъ Каменецкихъ и Мстибоховскихъ, въ сѣверо-восточной части Подляхін и сосѣднихъ мѣстностяхъ Черной Руси, разбросаны были мелкіе думы-хуторки, въ видѣ отдѣльныхъ „избъ“ и „избницъ“ бортниковъ, ловцовъ и пр. ³⁾.

Домъ, подобно дыму, упоминается въ самыхъ древнихъ памятникахъ русскаго права. Въ Русской Правдѣ дается дому значеніе не только жилья, но и семьи ⁴⁾, а также семейнаго имущества ⁵⁾. Въ такомъ же значеніи домъ извѣстенъ и Псковской судной грамотѣ ⁶⁾. Такое же значеніе дается дому въ памятникахъ русско-литовскаго права. Судебникъ Казимира, 1468 г., постановляетъ: если злодѣй (воръ) пойманъ съ лицомъ на мѣстѣ татбы, „а онъ у домъ не принеслъ (лица). жена и дѣти того не поживали“, то отвѣтственность надаетъ на одного виновнаго, — „злодѣй терпи, а жена и дѣти и домъ ихъ невиненъ“ ⁷⁾. Здѣсь подъ домомъ нужно разумѣть именно семью. Затѣмъ, въ Литовскомъ Статутѣ (въ статьѣ о гоненіи слѣда) „домъ“, какъ въ Русской Правдѣ „товаръ“, противопоставляется „селу“,

¹⁾ Дворянинъ Бокей, посланный на мѣсто для „осмотра“ и провѣрки показанія Золотовлянъ о числѣ „дымовъ“ въ сельцѣ, показалъ, что „толко всего на томъ селци избъ пять тыхъ людей—отчичовъ, а другая пять избъ прихожихъ людей изъ ихъ долиаки, а живутъ на той же землицы“ (Лит. Метр. Записей, № 5, стр. 63).

²⁾ Ibid., 535.

³⁾ Ревизія пущъ, стр. 163, 164, 166, 170, 208.

⁴⁾ „Аже боудоуть оу него дщеры дома, то даяти часть на ня“ (Русская Правда, Карамз. сп., ст. 103); „аже будетъ сестра въ дому, да томъ задниця не имати“ (ib., 107; ср. также ib., 111).

⁵⁾ „Аще кто зажжеть гумно, то на потокъ и на грабежь домъ его“ (ib., 97); „аще кто оумираа раздѣлитъ домъ дѣтемъ своимъ, на томъ же стоять“ (ib., 105).

⁶⁾ „Аже сынъ оуца, или матеръ не скорमितъ до смерти, а поидеть изъ дому, части ему не взять“ (Пск. с. грам., ст. 53; ср. ст. 60).

⁷⁾ Судебникъ Казимира, ст. 5.

въ смыслѣ отдѣльнаго хутора или поселка ¹⁾). Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ домъ составляетъ по актамъ такой же предметъ данины, какъ и двориче, служба и пр. Въ записной книгѣ пожалованій Казимира читаемъ: „Синьцу повару (даны) домъ и земля дядка его, Мелешкола, ажъ не будетъ ближшого наслѣдка“. Какъ показываетъ опись границъ великаго княжества Литовскаго съ Московскимъ (1523 г.), въ Сѣверницѣ цѣлые ряды селъ состояли изъ домовъ, тождественныхъ съ дымами ²⁾). По люстраціи Кременецкаго замка, 1563 г., села дѣлятся частію на волокы, частію же на службы, а эти послѣднія исчисляются по домамъ ³⁾). Названіе подымей домами находимъ также въ кривическихъ земляхъ. Напримѣръ, въ инвентарѣ (1594 г.) имѣнія Смоленяне въ Витебскомъ повѣтѣ подымья села Куцейно за Днѣпромъ называются также домами ⁴⁾). Наконецъ, въ старыхъ актахъ Галичины (съ послѣдней четверти XIV вѣка) исчисленіе сельскаго населенія по домамъ (*domus*, *buda*, *budowanie*, *tugurium*) ведется параллельно съ исчисленіемъ по дымамъ (*fumus*) и дворичамъ (*curia*, *dworzyska*). Въ актахъ галицкихъ постоянно встрѣчаемъ глоссы: „*domus alias dworzyska*“, „*domus sive fumus*“, „*buda alias tugurium*“, „*budowanie alias domus*“ и пр. ⁵⁾).

Господа—общеупотребительное въ старыхъ русскихъ, польскихъ и вообще славянскихъ актахъ названіе дома или семьи, затѣмъ семейной или общественной власти (*dominium*). Въ значеніи семья „оспода“ встрѣчается въ Исковской лѣтописи: „егда бо видѣ гдѣ въ который родъ или въ осподу, или въ богатыя, или въ простыя люди, болѣзнь люта“ ⁶⁾). Названіе семьи и дома переносится на домохозяевъ, считавшихся „господою“ въ отношеніи къ членамъ семьи, также къ слугамъ и рабамъ ⁷⁾, а затѣмъ принимается и къ представителямъ

¹⁾ Литовскій Статутъ, 1566, XIV, 6; Статутъ, 1588, XIV, 9; ср. Русскую Правду, Карам. сп. 88.

²⁾ Таковы села Черниговскія: Домылинь, Волянчо, Коалничи и др. (Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 3, стр. 182).

³⁾ Село Вороневцы—11 службъ, 31 домъ; с. Осники—16½ службъ, 49 домовъ; Ониско Рыбалка и Корней Маневичъ—2 дома, по Лолужбы (отдѣльный поселокъ) и пр. (см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 117).

⁴⁾ А. В. К., XIV, № 58.

⁵⁾ См. Akta grodz. i ziem. II, № 7; IX № 96, 101, 161; XIII, № 2039 и др.

⁶⁾ Морская язва (см. П. С. Л., IV, 61).

⁷⁾ Въ „вопрошаніяхъ“ Кирика хозяинъ дома—„господа“ въ отношеніи къ „паробку“ (Павловъ, Памятн., I, 66). По договору Новгорода, 1270 г., если хо-

общественной власти. Въ послѣднемъ смыслѣ господа нерѣдко встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ: „яко предати хотяху господу свою и градъ“¹⁾; псковичи говорили въ 1342 г. новгородцамъ: „кланяемся вамъ, господѣ своен, обороните насъ“²⁾. Точно также въ Псковской судной грамотѣ и другихъ восточно-русскихъ актахъ до конца XV вѣка подъ „господой“ вообще разумѣются нарядники (князь, вѣче и пр.) и судьи³⁾. Въ договорѣ Новгорода съ великимъ княземъ московскимъ Иваномъ Васильевичемъ, 1471 г., послѣдній именуется господою: „добили челомъ своей господѣ великимъ княземъ“; „целуемъ крестъ къ своей господѣ, къ великимъ княземъ“⁴⁾. Въ общемъ же значеніи *dominium*, общественной власти, господа извѣстна древнимъ памятникамъ славянскаго права⁵⁾. Въ смыслѣ дома господа извѣстна Вислицкому Статуту⁶⁾ и доселѣ держится въ польской рѣчи (производное—*gospodarz*, хозяинъ дома, глава семьи). Малоруссы и теперь понимаетъ господа въ смыслѣ дома и потому спрашиваетъ: „чи панъ въ господи“, какъ и литвинъ называетъ семью, домъ „*gaspada*“, хозяина дома „*gaspadogus, gospodynin*“. То же самое значеніе господа—дома или жилья семьи воспроизводится въ старыхъ литовско-русскихъ актахъ⁷⁾. Замѣтимъ при этомъ, что данныя сравнительной

лопъ или роба почнетъ вадити на господа, тому ти вѣры не ати“. (Собр. гос. грам. и догов., I, 4; ср. *ib.*, 14). Та же статья воспроизводится въ договорѣ Новгорода, 1471 г. (*ib.*, № 20).

¹⁾ П. С. Л., II, стр. 156, подъ 1202 г.

²⁾ *Ibid.*, III, 81; IV, 55. Въ 1398 г. Герасимъ и Радивонъ „съ плачемъ добыша челомъ своей господи“—Великому Новгороду (*ibid.*, 100).

³⁾ Пск. судн. грам., ст. 10, 18 и пр. Ср. А. А. Э., I, 62.

⁴⁾ Собр. гос. грам., I, № 20.

⁵⁾ Винодольскому закону, Полицкому Статуту и др. См. мое сочиненіе, „Древ. хорв. далматск. законодат.“, 53, 76.

⁶⁾ По Вислицкому Статуту (ст. IX) *gospoda-hospitalium*. домъ. Въ западно-русскомъ переводѣ Статута польская „*gospoda*“ воспроизводится словомъ „домъ“ (А. З. Р., I, стр. 3, и. 9).

⁷⁾ Напримѣръ, въ судебномъ вырокѣ 1516 г. по одному уголовному дѣлу находимъ упоминаніе о „господѣ“, въ значеніи дома или дыма: „Сынъ мой хотѣлъ пойти до дому... и тотъ намѣстникъ съ тымъ тивуномъ Петромъ и съ людьми пана своего, квалтомъ пришедши на *господу*, его, сына (мо)его, забилъ ажъ до смерти“ (Лит. Метр., Суд. Дѣл. № 1, стр. 169). Господа въ смыслѣ жилья, дома, семьи не разъ упоминается въ Литовскомъ Статутѣ: „хто бы на чий домъ або на господа квалтомъ наехалъ або нашолъ, а то господарь домовый, такъ тежъ и гость который в томъ дому або в госпоре стоять“ (Лит. Стат., 1566, XI, 1; ср. 4, 6. Стат. 1588, I, 10; XI, 19).

филологія указываетъ на „господу“ какъ на переживание отъ древняго быта ариѣцель, у которыхъ „gôshpada“ (отъ gôš или gô—стадо и pada или pad—state, ire) означало стоянку пастуховъ, пастбище,—отсюда затѣмъ ведійское ghaspati—хозяинъ, господинъ ¹⁾). Это-то прааріѣское названіе пастбища позже переносится къ понятіямъ людскаго обихода, воспроизводится въ старыхъ памятникахъ славянъ и литовцевъ, то въ смыслѣ жилья и семьи, то власти, общественнаго наряда, dominium.

Новую серію понятій, однородныхъ съ дымомъ, подымьемъ и домомъ, представляютъ дворъ, подворье и дворище. Приведемъ извѣстныя намъ данныя, разъясняющія общій ихъ характеръ и значеніе по источникамъ литовско-русскаго права.

Дворъ принадлежитъ къ изстариннымъ институтамъ, извѣстнымъ Русской Правдѣ и другимъ памятникамъ древняго русскаго права ²⁾). По западно-русскимъ актамъ крестьянскіе дворы изстари существовали въ собственной Литвѣ и другихъ литовско-русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ, въ записной книгѣ пожалованій Казимира (1440—1458 гг.) зарегистрирована слѣдующая данина: „У Кгеранойнахъ у Старыхъ пану Кгастовту (даны) Надся зъ братомъ и съ племенемъ, уснихъ шесть дворовъ“. Въ дворахъ живетъ одно „племя“, какъ и въ полѣскихъ или волынскихъ дворищахъ. Изъ вырока 1514 г. видно, что въ Виленскомъ тивунствѣ крестьяне жили дворами: господарскіе люди Койминцы и Безденцы показывали на судѣ, что они не имѣютъ подъ собою волостныхъ земель, а сидятъ возлѣ господарскаго двора, на дворныхъ поляхъ, и „часто ся дворы свои переносимъ на иншія мѣста для навозовъ“, при чемъ стація (корны) и тяглыя службы они отправляютъ „подле давного обычая“, съ дымовъ, очевидно, составлявшихъ такое же подраздѣленіе литовскихъ дворовъ, какъ и полѣскихъ дворищъ ³⁾). Въ Литовской Метрицѣ зарегистрировано нѣсколько вырочковъ времени великаго князя Александра, также указывающихъ на крестьянскіе дворы въ собственной Литвѣ. Такъ, боярамъ Пепинскимъ принадлежалъ въ Мерецкомъ повѣтѣ дворъ на рѣкѣ Олдрѣ, гдѣ были поселены въ одномъ мѣстѣ 4 крестьянскія семьи; въ 1496 г.

¹⁾ См. *Pictet, des origines Indo-Europeennes*, II, 22, 64; *A. Fick, Vergl. Wörterb. d. Indogerm. Sprachen*, 3-е изд., I, 583.

²⁾ См. мою статью: „Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“, — въ *Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*, 1895, кн. V.

³⁾ Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 2.

во дворѣ жили сыновья первыхъ его основателей, въ числѣ 21 лица. Дворъ этотъ, подобно южно-русскому дворищу, представлялъ совершенно обособленный хуторъ, не принадлежавшій ни къ какому селу ¹⁾). Въ другомъ вырокѣ 1501 г. говорится также о дворахъ людей королевы, жившихъ въ Котлягннской пущѣ, тянувшей къ Виленскому тивунству. Светки показывали на судѣ, что „въ той пущи панскихъ ани боярскихъ дворовъ не бывало, а ни *ихъ людей*“, очевидно, какъ это было въ другихъ мѣстахъ, гдѣ существовали дворы людей панскихъ и боярскихъ ²⁾). Крестьянскіе дворы упоминаются затѣмъ по актамъ въ земляхъ кривичскихъ, особенно въ землѣ Смоленской. Таковы, напримѣръ, дворы смоленскихъ вѣчниковъ ³⁾, по записной книгѣ Казимира поступавшіе въ данину разнымъ лицамъ. Такое же указаніе на крестьянскіе дворы находимъ въ актѣ 1497 г., изъ котораго видно, что, по просьбѣ Смольнянъ, владычьи люди, жившіе въ Смоленскѣ на церковныхъ земляхъ, были переведены изъ города въ особый сельскій „обрубъ“, съ дозволеніемъ осаживать въ немъ дворами людей извѣчныхъ и прихожихъ ⁴⁾).

Подворье, по всему видно, имѣло такое же общее значеніе, какъ и дворъ. Въ имѣніи Подубискомъ (въ Жмуди), принадлежавшемъ панамъ Пашкевичамъ, дворная челядь, выселенная изъ панскаго двора, жила на общемъ сельскомъ положеніи, на особой пашной землѣ, тремя „подворьями“, въ значеніи отдѣльныхъ поселковъ — особняковъ ⁵⁾. Изъ одного вырока 1516 г. видно, что подворьями жили крестьяне также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Слонимскаго повѣта ⁶⁾). Подворье было обычнымъ названіемъ крестьянскихъ поселковъ въ особенности въ Сѣверинѣ, какъ это видно изъ описанія восточной границы Литовскаго княжества съ Московскимъ (1523 г.) ⁷⁾.

Дворища, въ смыслѣ крестьянскихъ поселковъ, принадлежать къ изстариннымъ формамъ сельской общины, извѣстнымъ въ старыхъ памятникахъ сѣверной, западной и въ особенности южной Руси. Въ источникахъ находимъ обстоятельныя данныя, объясняющія значеніе, составъ и вообще организацію дворищъ, ихъ поземельныя и тягло-

¹⁾ Варш. копія Лит. Метр., V, 117.

²⁾ Ibid., V, 290.

³⁾ О значеніи вѣчниковъ см. ниже.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 144.

⁵⁾ А. В. К., XIV, № 78, стр. 548, — инвентарь 1596 г.

⁶⁾ Лит. Метр., Судн. дѣлъ, № 1, стр. 169.

⁷⁾ Ibid., Судн. дѣлъ, № 8, стр. 182.

выя отношенія и т. д. Остановимся сначала на дворницахъ сѣверно-русскихъ земель, затѣмъ перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію данныхъ, относящихся къ дворницамъ собственно въ областяхъ литовско-русскаго государства.

Любопытныя данныя о дворницахъ въ сѣверно-русскихъ земляхъ находимъ въ новгородскихъ и двинскихъ актахъ XIV—XVI вѣковъ. Изъ этихъ актовъ видно, что въ Новгородской и Двинской земляхъ обычною формой крестьянскихъ поселеній было „село земля“—собственно мелкій хуторъ, состоявшій изъ одного или нѣсколькихъ дворовъ (собственно усадьбъ) и дворницъ, „съ вончимъ животомъ“ и хозяйствомъ жившей въ селѣ-дворищѣ семьи или же нѣсколькихъ „товарищей-участниковъ“. Въ старыхъ купчихъ грамотахъ новгородскихъ и двинскихъ говорится обыкновенно о куплѣ—продажѣ, какъ нѣлаго „села земли“¹⁾ или „полсела“²⁾, такъ и отдѣльныхъ „дворищъ“ и „поддворищъ“, иногда „уцѣстка въ дворницѣ“ и пр.³⁾ Личный составъ владѣльцевъ такихъ дворницъ объясняется довольно обстоятельно двинскими раздѣльными актами XVI вѣка. Въ одномъ изъ такихъ актовъ (1534 г.) рѣчь идетъ о раздѣлѣ дворницъ съ землями въ Есютинской волости. Дворища составляли отдѣльный поселокъ (у озера Дерегина)—владѣніе крестьянина Гридя Черена „съ товарищи“. Товарищество состояло изъ 12 крестьянъ, жившихъ 5-ю отдѣльными семьями⁴⁾, и тянуло непосредственно къ Есютинской волости. Въ своихъ дворницахъ товарищи вели „попчее“ хозяйство, состоявшее изъ „статковъ“ и земель. Это-то хозяйство по раздѣльному акту товарищей и было распределено между ними на доли, очевидно, по отдѣльнымъ дворницамъ—семьямъ⁵⁾. Такой же точно составъ имѣло другое товарищество, владѣвшее въ Лисестровской волости той же Двинской земли самостоятельнымъ „жеребьемъ“ Карзинныхъ деревень. Въ данномъ случаѣ деревня состояла изъ 6-ти семей („дѣти“ Офонасьевы, Федоровы, Онкудиновы и пр.), владѣвшихъ въ числѣ 12-ти „товарищей“ общими имуществомъ („вончимъ

¹⁾ А. Ю., № 71 (IV, VI, VIII—X, XV).

²⁾ Ibid., № 19.

³⁾ Ibid., № 71, XIX.

⁴⁾ Составъ семей товарищества слѣдующій: 1) Гридя Черенъ и два братья его—Васко и Млшко, 2) Ома Паладинъ и его сыновья—Федко и Юрка, 3) Гридя Круглово и его сыновья—Федко, Гриша и Тонкой, 4) Малыга Грабовъ и 5) Люша Хреповъ.

⁵⁾ А. Ю., № 20.

животомъ“) своихъ отцовъ—конями, коровами, овцами, хлѣбомъ, деньгами, котлами, сковородами и инымъ „животомъ“, а также землей „своего владѣнія“ съ дворами и дворищами. По акту 1571 г. товарищи раздѣляли между собой „безъ выѣта“ на „доли“ все домашніе животы, статки, земли и дворища; въ общемъ владѣніи оставленъ лишь одинъ дворъ и „деревня“, то-есть, повидному, усадебная осѣдлость раздѣливагося товарищества ¹⁾).

Въ западно-русскихъ актахъ дворище (*dworzyska*) означаетъ какъ земельную единицу ²⁾, такъ и поселокъ, дворъ-особнякъ, съ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Въ актахъ съ латинскимъ или польскимъ текстомъ нерѣдко дворище переводится словомъ „*curia*“ ³⁾. Въ такомъ значеніи дворища существовали на протяженіи всей территоріи литовско-русскаго государства, не только въ Полѣсьѣ и на Волини, но и въ собственной Литвѣ, во всехъ Кривичскихъ земляхъ и пр. ⁴⁾).

Такимъ образомъ, существованіе дворищъ въ собственной Литвѣ доказывается однимъ актомъ конца XV вѣка, сохранившимся въ Литовской Метрицѣ, именно листомъ великаго князя Александра, даннымъ въ 1494 году пану Станиславу Гошейку на владѣніе въ Виленскомъ повѣтѣ дворищемъ Сурминовскимъ. Дворище первоначально принадлежало Виленскому боярину пану Сурмину; въ 1494 г. оно отсуждено отъ Сурмина господарскимъ вырокомъ, въ пользу Гошейка, за разныя шкоды, причиненныя ему Сурминомъ ⁵⁾).

Дворища, затѣмъ, упоминаются въ старыхъ Кривичскихъ земляхъ. Такъ, въ уставной грамотѣ Сигизмунда-Августа Полоцкой землѣ (1547 г.)

¹⁾ Ibid., № 23.

²⁾ Въ такомъ значеніи говорится о дворищѣ, напримѣръ, въ Галицкой кучей 1351 г.: панъ Витславъ купилъ дворище у двухъ братьевъ Скибичей,—здѣсь подъ дворищемъ разумѣется собственно земля, принадлежавшая Скибичамъ и проданная ими Вятславу (*Временникъ* Общества исторіи и древностей, кн. XV, смѣсь).

³⁾ См. Варш. копія Лит. Метр., вн. XLI, стр. 59, актъ 1484 г.

⁴⁾ Дворища, по актамъ, не встрѣчаются лишь въ Сѣверницѣ и въ лѣвобережной урайнѣ Кіевщины. Районъ дворищной формы крестьянскихъ поселеній и дворищнаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ г. Любавскій ограничиваетъ только территоріей Полѣсья и Волини,—затѣмъ слѣды дворищъ находятъ въ одной Черной Руси (см. „Областное дѣленіе“, стр. 453—455), что положительно не подтверждается документальными данными не только Литовской Метрики, но и актовъ, давно обнародованныхъ въ печатныхъ сборникахъ.

⁵⁾ Варш. коп. Лит. Метр., кн. VI, стр. 13.

упоминаются дворища, купленные Полоцкими боярами въ мѣстѣ Полоцкомъ¹⁾. Здѣсь дворище означаетъ городское мѣсто или усадьбу въ городѣ,—это, такъ сказать, переживаніе отъ болѣе древняго времени, когда дворищами (какъ было изстари въ сѣверно-русскихъ земляхъ, въ составъ которыхъ, какъ извѣстно, входили и поселенія кривичей) могли называться и сельскіе поселки, въ литовскую эпоху получившіе на сѣверѣ въ особенности общее названіе службъ (см. ниже). Сельскія дворища, затѣмъ, нерѣдко упоминаются въ актахъ смоленскихъ. Такъ, въ записной книгѣ Казимира зарегистрированъ рядъ смоленскихъ данинъ, въ томъ числѣ данина мѣстному князю Мучѣ Давидова дворища²⁾. Сохранились также акты, указывающіе на дворища въ составѣ Могилевскихъ волостей³⁾ и въ областяхъ бывшей Черной Руси⁴⁾.

Въ Подляхія (особенно въ восточной ея половинѣ) дворища до половины XVI вѣка составляли чуть ли не столь же распространенную принадлежность сель., какъ и въ сосѣднемъ Полѣсьѣ или на Волини. Приведемъ извѣстныя намъ данныя о подляшскихъ дворищахъ. Сюда относится, сколько извѣстно, первое по времени показаніе записной книги Казимира, въ которой зарегистрирована данина Бенку Шаневичу съ братомъ церковнаго дворища въ Родованицахъ Берестейской волости. Въ 1454 году даны пану Хоцкевичу въ Каменецкомъ повѣтѣ Подляхія шесть дворищъ, бывшихъ при Витовтѣ за боярами и въ пору данины лежавшихъ пустыми; дворища даны новому владѣльцу, съ правомъ „самому пахати и люди садити у въ отчичовъ мѣсто“⁵⁾. Въ 1469 году князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій далъ слугѣ своему Сенку Серговичу половину дворища Таратопскаго съ полями, землями бортиными, лѣсами и сѣножатями⁶⁾. Въ Мельницкомъ повѣтѣ князь Иванъ Путятичъ владѣлъ двумя дворищами Мусоры; дворища

¹⁾ А. З. Р., III, № 5.

²⁾ Лит. Метр., Записей № 3, стр. 1 и слѣд.

³⁾ См. Arch. Sangusz., IV, стр. 398—399.

⁴⁾ Кромѣ указаннаго г. Любляскимъ (стр. 455) господарскаго листа, 1515 г., на данину князю Чорторыскому людей и дворищъ въ Новгородскомъ повѣтѣ, сюда относится также записанный въ Литовской Метрицѣ господарскій листъ, данный въ 1496 г. „людямъ дворищанамъ“ въ Новгородскомъ повѣтѣ о послушаніи боярамъ Тоновскимъ (см. копія Лит. Метр., VI, 89).

⁵⁾ Варш. коп. Лит. Метр., кн. VII, стр. 761.

⁶⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 227. Въ копія того же акта, помѣщенной въ Лит. Метрицѣ, кн. XXV, стр. 247, дворище названо Таратожскимъ. Въ А. Ю.-З. Р. актъ извлеченъ изъ Лит. Метр., кн. XVIII, стр. 141.

первоначально были даны ему государемъ лишь „до наше воли“, а въ 1496 году подтверждены „на вѣчность“¹⁾. Въ 1498 году пану Ивашку Пышневичу даны шесть дворищъ съ людьми въ Пѣсочномъ Мелницкой волости; изъ нихъ четыре дворища были „данныя“ (дворищане платили медовую дань), пятое—служебное (съ него шла служба путная)²⁾. Въ 1499 году господарь присудилъ своимъ выркомъ Берестейскимъ землянамъ Тишковичамъ семь дворищъ въ Камецекомъ повѣтѣ³⁾. По показанію господарскаго вырока 1511 года, Воинскій войтъ Сосновскій присвоилъ себѣ близъ Воина (въ западной окраинѣ Подляхін) дворища дворянина Заранковича, и на одномъ изъ этихъ дворищъ „збудоваль“ для себя дворъ, а „на иныхъ дворищахъ люди посажалъ“, да и „ратаевъ дворныхъ“ (Заранковича) съ „поля“ согналъ⁴⁾. Въ „Ревизіи пущъ“ есть также акты, свидѣтельствующіе о существованіи дворищъ въ восточной половинѣ Подляхін⁵⁾.

Что касается Сѣверщины, то, сколько намъ извѣстно, нѣтъ документальныхъ данныхъ, подтверждающихъ существованіе дворищъ въ этой землѣ. Повидимому, тамъ дворища вовсе не были извѣстны; но это еще не значитъ, что Сѣверщина никогда не знала аналогичскихъ съ дворищами формъ крестьянскихъ поселеній: дворищамъ волянскимъ или полѣскимъ вполне соответствуютъ сѣверскіе думы, подымыя и подворья.

То же нужно сказать и о лѣвобережной кievской украинѣ: подобно Сѣверской землѣ, за-деснянскіе повѣты Кіевскаго воеводства, какъ кажется, вовсе не знали дворищъ; по крайней мѣрѣ въ актахъ нѣтъ на нихъ никакихъ указаній. Что касается, затѣмъ, правобережнаго Подиѣпровья Кіевщины, то существованіе здѣсь дворищъ можно прослѣдить по актамъ до конца XVI вѣка. Такимъ образомъ, въ жалованной грамотѣ Выдубицкому монастырю, 1568 года, упоминается дворище на Звѣринцѣ, подъ Кіевомъ⁶⁾. Въ 1590 году кievскій митрополитъ Михаилъ далъ Софійскому землянину Олешевичу грамоту на земли въ имѣніи Софійскаго намѣстничества въ Кіевскомъ повѣтѣ и; между прочимъ, на дворища Хилимоновское, Гнилецъ

¹⁾ Варш. коп. Лит. Метр., V, 120.

²⁾ Ibid., V, 157.

³⁾ Ibid., V, 205.

⁴⁾ Лит. Метр., Суд. дѣлъ № 2, стр. 100.

⁵⁾ Ревиз. пущъ, 162, 170.

⁶⁾ А. З. Р., III, № 44.

и пр. ¹⁾). Свѣдѣнія о дворищахъ въ Киевскомъ и Овручскомъ повѣтахъ съ конца XV вѣка до послѣдней четверти XVI вѣка находятся также въ „Грамотахъ великихъ князей литовскихъ“, изданныхъ профессоромъ В. Антоновичемъ ²⁾).

Дворище изстари было господствующею формою сельскихъ поселеній, главнымъ образомъ, въ юго-западной Руси, то-есть, на территоріи литовскаго Полѣсья—бывшихъ княжествъ Минскаго, Туровскаго, Клецкаго и др., затѣмъ всей Волини, Подолья и наконецъ Галичины.

Повсемѣстное существованіе дворищъ въ литовскомъ Полѣсьѣ доказывается цѣлымъ рядомъ актовъ XV и XVI вѣковъ, въ большинствѣ давно извѣстныхъ въ печати. Указанія на дворища въ Полѣсьѣ въ XV вѣкѣ даетъ записная книга пожалованій Казимира. Свѣдѣнія по тому же вопросу можно найти въ нѣкоторыхъ листахъ господарскихъ. Такимъ образомъ, въ 1497 году великій князь Александръ подтвердилъ за Иваномъ Полозовичемъ имѣнія въ Пинскомъ повѣтѣ, въ томъ числѣ нѣсколько крестьянскихъ дворищъ ³⁾. Въ „Ревизіи пущъ“ есть цѣлый рядъ указаній на дворища въ Полѣсьѣ ⁴⁾. Обстоятельныя данныя по тому же вопросу содержатъ въ особенности инвентарь Полознаго имѣнія, 1598 года: принадлежавшія къ нему Пинскія волости состояли исключительно изъ дворищъ, съ большимъ или меньшимъ числомъ дымовъ въ каждомъ изъ нихъ ⁵⁾. Какъ видно изъ писцовой книги Пинскаго и Клецкаго княжествъ (составленной по распоряженію королевы Боны въ половинѣ XVI вѣка, по поводу предпринимаго ею волочнаго кадастрированія земель въ этихъ княжествахъ), старая дворищная форма сельскихъ поселеній и крестьянскаго землевладѣнія осталась на прежнемъ основаніи на обширной территоріи Зарѣченской части Пинскаго княжества (въ силу мѣстныхъ условій, не дававшихъ возможности ввести сплошное волочное хозяйство). Въ остальныхъ мѣстахъ Полѣсья старыя дворища были замѣнены „осѣдлыми волоками“ ⁶⁾.

¹⁾ А. З. Р., IV, 26.

²⁾ См. № 11, 16, 19, 34.

³⁾ Варш. коп. Лит. Метр., VI, 102.

⁴⁾ См. стр. 74, 76, и др.

⁵⁾ Памятн. Киевск. Ком., III, 2, стр. 158 и слѣд.

⁶⁾ См. Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. XXIV, 176 и слѣд., 417, 436, 519 и пр. Писцовая книга Пинскаго староства, II, стр. 188 и слѣд. Обстоятельная разработка вопроса о дворищномъ землевладѣніи крестьянъ

Указанія на дворща въ Волинской землѣ находимъ въ массѣ актовъ XV и XVI вѣковъ. Кромѣ актовъ XV вѣка, помѣщенныхъ въ „Актахъ, относящихся къ исторіи Юго-Западной Россіи“¹⁾, въ „Архивѣ Сангушекъ“²⁾ и др., въ Литовской Метрикѣ находится цѣлый рядъ господарскихъ выроковъ и листовъ на даншы второй половины XV вѣка, въ которыхъ говорится о дворщахъ въ разныхъ мѣстностяхъ на Волини³⁾. XVI вѣку принадлежитъ также рядъ волинскихъ инвентарей и другихъ актовъ, свидѣтельствующихъ о повсемѣстномъ распространеніи дворщъ во всѣхъ повѣтахъ Волинской земли⁴⁾.

Въ Подоліи дворщная система крестьянскихъ поселеній чуть ли не въ такой же степени была всеобщей, какъ и на Волини и Полѣсьѣ. Сколько намъ помнится, въ старыхъ сборникахъ актовъ литовско-русскаго государства встрѣчается всего одинъ актъ, въ которомъ опредѣленно говорится о дворщахъ подольскихъ; это именно запись 1427 г. великаго князя Витовта Еську Нешевичу на дворще Ярополково въ Подольской землѣ⁵⁾. Въ недавно изданныхъ актахъ Барскаго староства⁶⁾ находимъ любопытныя данныя касательно внутренняго быта подольскаго населенія— шляхетскаго и крестьянскаго: данныя эти не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ Подольѣ формы сельскихъ поселеній и землевладѣнія построены были на тѣхъ самыхъ дворщныхъ началахъ, какъ и на Волини. На существованіе въ Подоліи дворщъ въ XIV вѣкѣ даетъ указаніе листъ великаго князя Витовта, данный имъ въ 1383 г. слугѣ своему Волосу на селище Во-

въ литовскомъ Полѣсьѣ принадлежитъ проф. М. Ф. Владимірскому-Будинову, въ его очеркѣ: „О формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ“, помѣщенномъ въ „Кіевск. сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая“, 1892.

¹⁾ I, № 28 и др.

²⁾ III, № 11.

³⁾ Варш. коп. Лит. Метр., V, 20, 108, 120, 147, 151, 157; XLI, 456 и др.

⁴⁾ См. Памятн. Кіевск. ком., III, 2, стр. 19, 77; IV, 2, стр. 50, 60, 161, 163, 164, 167. А. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 35, 37, 45, 68, 143; т. II, 5; ч. VII, т. II, стр. 32, 381 и др. Арх. Ю.-З. Р., I, № 38. Arch. Sang., III, стр. 8, 39, 40, 59, 87, 95 и др. Zródła dziej., VI, стр. LXXV—XC. Въ сочин. Любавскаго объ областномъ дѣленіи (стр. 453—454) приведенъ изъ Литов. Метрики рядъ данныхъ о волинскихъ дворщахъ.

⁵⁾ А. Ю.-З., Р. I, № 17.

⁶⁾ Въ VIII ч. „Арх. Ю.-З. Р.“.

лоску и дворища Песець и Каменную Кучу, на р. Калусѣ, въ Бакотской волости ¹⁾. Сколько помнится, это самое раннее свидѣтельство о дворищахъ въ южно-русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ литовско-русскаго государства. Замѣтимъ, наконецъ, что, какъ видно изъ актовъ Барскаго староства, дворищныя формы землевладѣнія и сельскихъ поселеній въ одинаковой мѣрѣ существовали въ быту не только подольскихъ крестьянъ, но и мѣстной „околичной“ шляхты (не привилегированной, служилой) ²⁾. По замѣчанію Грушевскаго, „дворище лежало въ основѣ шляхетской околицы“ ³⁾. Можно думать, что на такихъ же началахъ основывались и „околицы“ рядовой (околичной) шляхты сѣверныхъ частей Волинской и Киевской земель (въ теперешнихъ уѣздахъ Овручскомъ и Радомысльскомъ) ⁴⁾, а также „дворища“, „дворцы“, „дворчики“ и „дѣны“ служилыхъ бояръ—шляхты, жившей въ Литвѣ, Черной Руси и другихъ мѣстахъ отдѣльными семьями или „родами“ съ дѣтьми, братанками и пр., которые „z iednego domu uda“ и сообща владѣли своими дворцами и дворчиками съ тянувшими къ нимъ мелкими пашенными грунтами и пр. ⁵⁾. Дѣло въ томъ, что, подобно русско-литовскимъ крупнымъ панамъ-магнатамъ и вообще шляхтѣ привилегированной, копировавшей въ своихъ „мастностяхъ“ весь изстаранный *modus vivendi* замковъ-дворовъ польскихъ магнатовъ, рядовая шляхта Литвы-Руси устраивала въ своихъ околицахъ дворища, дворцы и дворчики

¹⁾ Лит. Метр., Переписей, № 17, стр. 61.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 5, 10, 18, 20, 22, 37 и др. Ср. послѣдов. Грушевскаго „Барское староство“, стр. 254, 261, 263. Кромѣ околичной шляхты, въ источникахъ упоминаются также „околичныя бояре“, владѣвшіе землями (см. Arch. Sang., III, № 100,—1510 годъ).

³⁾ „Барск. староство“, стр. 261.

⁴⁾ См. проф. В. Антоновича моногр. объ „околичной шляхтѣ“—въ „Арх. Юго-Западной Россіи“, ч. IV, т. I.

⁵⁾ На такихъ основаніяхъ жили служилые бояре-шляхта, наприм., въ Ошмянскомъ повѣтѣ, въ Трабахъ, имѣніи пановъ Гаштольдъ, какъ видно изъ инвентаря этого имѣнія, 1581 г. (А. В. К., XIV, стр. 231). Въ инвентарѣ лѣнія князей Сангушвиновичей-Косова, въ Слонимскомъ повѣтѣ, упоминается „дворчикъ боярскій“—дворецъ или фольваркъ служилой шляхты князей Сангушекъ (*ibid.*, 617). Изъ жалов. грамоты королевы Бонны, 1526 г., боярамъ Польховскимъ и Колбовичамъ видно, что бояре эти жили однимъ „дворищемъ-отчиной“ (Ревизія пущь, 254). Въ Пинскомъ повѣтѣ упоминается село Плотница „поспозитое“, состоявшее изъ 6-ти дворищъ „боярскихъ“ (господар. бояръ) и 3-хъ поповскихъ (*ibid.*, 83). О „боярскихъ“ дворищахъ см. также *ibid.*, 112, 120—121.

также по общему шаблону „zagrod“ польской рядовой шляхты, жившей, въ существѣ дѣла, по такимъ же началамъ дворичнымъ, какихъ изстари держалось все сельское населеніе старой Польши или Литвы-Руси ¹⁾). Территориально обособленные отъ крестьянскихъ поселковъ, околицы—дворища русской служилой (околичной) шляхты, подобно такимъ же обособленнымъ „zagrodam“ и „wioskam“ польской шляхты „zagrodowej“ или „zagonowej“, по своей внутренней конструкціи, мало чѣмъ отличались отъ дворичъ остальнаго сельскаго населенія ²⁾).

Дворища, наконецъ, долго сохранялись въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ съ XIV вѣка въ составъ польскихъ провинцій.

Въ Холмской землѣ, отошедшей отъ Волыни къ Польшѣ окончательно въ 1377 г. ³⁾, старыя дворича удерживались по селамъ еще во второй половинѣ XVI вѣка, какъ это показываютъ инвентари староствъ Ратненскаго (1565 г.) и Любомльскаго (1564 г.) ⁴⁾.

Въ Галицкихъ актахъ находимъ весьма раннія указанія на дворича въ русскихъ земляхъ. Акты съ данными о дворичахъ въ Галичинѣ принадлежатъ первымъ же годамъ послѣ присоединенія ея

¹⁾ На аналогическихъ началахъ дворичныхъ были обоснованы въ старое время формы землевладѣнія и сельскихъ поселеній удругихъ славянъ западныхъ и южныхъ. Ради примѣра укажемъ на одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ южно-славянскаго права—извѣстный Статутъ Хорватской общины—жуپی Полицкой (Полицы). По этому Статуту русскимъ дворичамъ вполне соответствуютъ „поддворища“—части сельскихъ земель (съ усадьбами), бывшихъ въ отдѣльномъ владѣніи „сусид“, „главъ“—членовъ сельской общины (см. мое сочин. „Древн. Хорв.-Далм. законодат.“, стр. 70).

²⁾ Въ своихъ хуторкахъ, „rolnych zagrodach“ и „wioskach“, рядовая шляхта въ Великой и Малой Польшѣ, въ старое время, сидѣла цѣлыми „gniazdami“, родами и семьями, на небольшихъ клочкахъ земли (на 2 или 3-хъ данахъ-волокахъ сидѣло иногда 14 и больше „hegez“), сама, безъ кметей, обрабатывала землю и вообще по образу жизни мало чѣмъ отличалась отъ сельскихъ кметей. Польскіе историки признаютъ за общее правило: сколько было селъ, столько было дворовъ шляхетскихъ, представлявшихъ каждый отдѣльную „rodzinu“. Въ старой Польшѣ вообще преобладала „jednowioskowa posiadłość szlachecka: co wieś, todwór szlachecki, to gniazdo szlacheckie“. Подъ названіемъ „wioski“ скрываются, по большей части, отдѣльные „folwarczki“—литовско-русскія дворича (см. *Zródła dziejowe*, t. XII, p. 18, 104—108, 270 и пр.; t. XIV, 27, 85).

³⁾ См. мое „Очерки ист. лит.-русск. права“, стр. 244.

⁴⁾ См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 276, 327. Ср. также *Prochaska*, *Materiały archiwalne*, № 203. *Akta grodz. i ziem.*, V, № 161. *T. Lubomirski*, *Starostwo Ratnenskie*, въ *Bibl. Warsz.*, 1856, t. II, стр. 210 и слѣд.

къ Польшѣ (въ 1349 г.)¹⁾. Затѣмъ, до позднѣйшаго времени находимъ въ актахъ многочисленныя указанія на дворича въ различныхъ мѣстностяхъ Галичины²⁾.

Въ изложенномъ очеркѣ мы разсмотрѣли извѣстныя намъ данныя, разъясняющія вопросъ о распредѣленіи дворичей на территоріи литовско-русскаго государства. Главнымъ райономъ дворичной формы сельскихъ поселеній нужно считать обширную территорію юго-западной Руси, обнимавшую въ литовскую эпоху Подлѣсье, Волинь, правобережное поднѣпровье Кіевщины, Подолію и Подляхію. Дворича встрѣчались, затѣмъ, въ разныхъ мѣстностяхъ кривичскихъ земель, собственной Литвы и Жмуди. Въ района дворичной формы оставались Сѣверщина съ лѣвобережною украиною Кіевщины,—въ заднѣпровьѣ двориче замѣнялось дымомъ, подымемъ, подворьемъ и пр.

Основной типъ литовско-русскихъ дворичей вездѣ былъ одинаковъ. Въ актахъ находимъ болѣе или менѣе обстоятельныя данныя по вопросамъ объ общемъ значеніи дворичей въ системѣ сельскихъ поселеній литовско-русскаго государства, о личномъ составѣ дворичей и группировкѣ ихъ по различію разнообразныхъ повинностей, лежавшихъ на дворичахъ, и, наконецъ, о судьбѣ дворичей со времени введенія польско-нѣмецкаго волочнаго хозяйства въ господарскихъ и панско-шляхетскихъ экономіяхъ и маестностяхъ.

Въ актахъ съ латинскимъ или польскимъ текстомъ „двориче“ (*dworzyska*) отождествляется иногда съ *curia* и *curiola*, *domus*, *sydlisceze*, въ общемъ значеніи крестьянскаго двора, дома или вообще усадьбы, жилья³⁾. Большею же частью двориче отличается отъ *curia* и *domus*⁴⁾ и обозначается терминами: *area*⁵⁾, *fin-*

¹⁾ Таковы акты начала 50-хъ годовъ XIV вѣка, помѣщен. въ А. З. Р., I, № 3; *Времникъ* Моск. Общ. ист. и древн., т. XV, смѣсь (Галицкая купчая на двориче, 1351). Ср. *Maciejewski*, *Hist. Słowian. prawod.*, VI, 146 (купчая половина XIV вѣка). Ср. *ibid.*, III, 335.

²⁾ Облѣгомъ данныхъ касательно дворичей въ Галичинѣ отличаются въ особенности „*Akta grodz. i ziem.*“, т. I, № 5 (1375 г.), 6 (1375), 7 (1377), 13 (1386), 14 (1386), 32, 44, 69, 142; т. III, № 71 (1399), т. IV, № 3 (1392), 24, 26, 31; т. VII, № 8 (1371); т. VIII, № 3 (1359); въ остальныхъ томахъ помѣщены акты XV и XVI вѣковъ. См. также *Prochaska*, *Materiały archiwalne*, № 10 (1892), 64, 73 А. Ю.-З. Р., I, № 6, 10, 13; II, 62 (около 1389 г.). А. В. К., XIV, № 50 и др.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 37. *Akta grodz. i ziem.*, II, № 69; VII, 26; XIII, 2039.

⁴⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 10, 18, 20. *Akta*, XV, № 4456.

⁵⁾ *Akta gr.*, XIII, № 3154. *Stadnici*, O wsiach Woloskich, стр. 88. Варш. копія Лит. Метр., кн. LXII, стр. 107 (актъ 1487 г.).

domus ¹⁾ и *praedium* ²⁾, въ смыслѣ отдѣльнаго поселка, составлявшаго цѣльнсе, обособленное хозяйство или владѣніе одной или нѣсколькихъ крестьянскихъ семей, жившихъ вмѣстѣ, въ одномъ дворницѣ. Въ этомъ смыслѣ крестьянское двориче представляетъ аналогію съ панскимъ „дворцомъ-фольваркомъ“. Двориче—тотъ же сельско-хозяйственный фольваркъ, приспособленный къ условіямъ крестьянскаго быта, со всѣми принадлежностями дворца-фольварка: „будованьемъ“ (домомъ или домами, дымами и другими хозяйственными постройками), „гуменцемъ“, „оборой“ для быдла (скота) и пр., затѣмъ съ землями пашными и бортными, огородами и другими угодьями и принадлежностями крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ, въ инвентарѣ (1570 г.) имѣнія князя Масальскаго, въ Луцкомъ повѣтѣ, говорится о дворницѣ Солицы „зо всимъ на все, зъ землю, з пашнею, з боры, з лесеы, з озеры, з ловы звериными и пташими, яко ся тое двориче в границах и обыходех своих само въ себе мает, на которомъ дворичи человекъ на имя Шеакъ Суцъ“ ³⁾. Здѣсь двориче, по своему составу, имѣетъ общее значеніе мелкаго, крестьянскаго имѣнія или маетности, равнозначительно въ миниатюрѣ съ панскимъ „дворомъ-маетностью“ ⁴⁾. Есть и другія документальныя данныя, подтверждающія нашу мысль объ общемъ значеніи дворича. Въ 1469 году князь Иванъ Кобринскій далъ Семену Сергоничу половину дворича Таратопскаго, тоже „съ лѣсы, польми, сѣножатями“ и пр. ⁵⁾. По всѣмъ такимъ даннымъ, двориче вполне напоминаетъ дворецъ-фольваркъ любого пана-шляхтича, съ тою лишь разницею, что двориче сидитъ

¹⁾ Akta grodz. i ziem., II, № 5.

²⁾ Ibid., V, № 76.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 382. Подобное же обозначеніе состава дворича находимъ въ Галицкихъ актахъ. Въ 1485 г. король Казимиръ далъ церкви въ Тлумачѣ двориче—„aream cimiterio continquam cum domibus, aedificiis, braxatorio et pomario in ipsa area consistentibus, duos hortos penes pomarium praedictum in medietate sitos, duos laneos agri, pratum, piscinam cum ambabus rippis, piscaturis, decursionibus et piscibus eiusdem in fluvio Zgnity Tlumacz versus Chryuniowce positam, quae defundet libere iuxta ac ad latum et longum poterit, haec omnia, ita late, longe et circumferencialiter, prout ex antiquo sunt ad aliis areis, hortis et laneis circumferencialiter distincta“ (Akta grodz. i ziem., IX, № 92). Въ одной Галицкой купчей 1351 г. всѣ угодья дворича названы его „объздомъ“ (*Временникъ*, XV, смѣсь).

⁴⁾ См. мою статью: „Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“, въ *Варшавскихъ Университетскихъ Известіяхъ*, 1895 г., V.

⁵⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 227.

на землѣ крестьянской, волостной, а не фольварочной или дворной, какъ дворецъ панскій.

Въ актахъ нерѣдко попадаются прямыя указанія на дворща, какъ совершенно обособленные поселки, не принадлежавшіе ни къ какому селу. Въ 1451 г. великій князь Свидригайло далъ князю Михайлу Чарторыйскому въ Луцкомъ повѣтѣ имѣніе изъ 3-хъ селъ (Алытовъ на рѣкѣ Стублѣ, Деревянное на рѣкѣ Рудицѣ и Дековъ на Стублѣ жъ) и двухъ отдѣльныхъ дворщъ: дворща Суховсь въ верху Радоховки и дворща церковнаго Плекачевскаго, подъ монастыремъ, на рѣкѣ Стублѣ ¹⁾. Въ 1507 г. княгиня Гольшанская получила въ Луцкомъ же повѣтѣ данину—имѣніе Головню, состоявшее изъ 4-хъ дворщъ—отдѣльныхъ хуторковъ, лежавшихъ каждый въ особомъ мѣстѣ; позже изъ такихъ дворщъ-особняковъ образовались цѣлыя села ²⁾. Въ одной галицкой грамотѣ 1386 года упоминается дворще Предримахи въ Львовскомъ повѣтѣ, „на милю отъ села Зарудецъ“ ³⁾. Въ 1501 году землянину Воынскому Ставецкому дано въ Турейской волости (Владимірскаго повѣта) дворще Липье: „на томъ дворщѣ сидитъ одинъ человекъ“—о селѣ вовсе не упомянуто ⁴⁾. Казимиръ далъ въ 1485 году церкви въ Тлумачахъ (въ Галиціи) дворще-особнякъ, не принадлежавшій ни къ какому селу ⁵⁾. Затѣмъ, въ инвентаряхъ XVI вѣка нерѣдко перечисляются „села“, состоявшія всего изъ одного дворща. Напримѣръ, имѣніе князя Масальскаго въ Луцкомъ повѣтѣ состояло въ 1570 году изъ 8 селъ, изъ коихъ три (Петрашевичи, Олешковичи и Солницы) заключали въ себѣ по одному дворщу ⁶⁾: понятія села и дворща въ данномъ случаѣ вполне совпадаютъ.

Въ большинствѣ инвентарей XVI вѣка составъ селъ опредѣляется изъ нѣсколькихъ дворщъ; но иногда каждое изъ такихъ дворщъ представляло собою особнякъ, состоявшій всего изъ одного „дыма“. Такой составъ имѣютъ, напримѣръ, села въ имѣніи Прусиновскомъ въ Владимірскомъ повѣтѣ по инвентарю 1582 года или въ имѣніи

¹⁾ Лит. Метр. Записей, № 22, стр. 11.

²⁾ Напримѣръ, дворще Яковиче грамоты 1507 г. является позже отдѣльнымъ селомъ и пр. (См. Arch. Sang., III, № 69; ср. *ibid.*, стр. 498).

³⁾ Akta grodz., II, № 13.

⁴⁾ Варш. коп. Лит. Метр., V, 231.

⁵⁾ Akta gr., IX, № 92.

⁶⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 381—382.

Верховъ въ Луцкомъ повѣтѣ по инвентарю 1589 г. ¹⁾). Точно также въ селахъ Кременецкаго замка, по описи 1552 г., большинство дворищъ имѣеть по одному дыму ²⁾). Во всѣхъ такихъ случаяхъ понятія дворища и дыма совпадаютъ. Эти-то малыя дворища-дымы представляли собою собственно новые поселки, сажавшіеся на новинѣ, „на сырomorphic корени“, и по своему составу различались по инвентарямъ отъ дворищъ „большихъ“ или „старожитныхъ“ ³⁾, представлявшихъ иногда значительные поселки, каждый изъ десятка и больше дымовъ. Подобный составъ имѣють, напримѣръ, дворища въ Пинскомъ имѣніи князей Сангушекъ, по инвентарю 1598 года ⁴⁾).

Составныя части дворищъ упоминаются въ инвентаряхъ подъ разными названіями: дымовъ ⁵⁾, полдворищъ, жеребьевъ или полжеребьевъ ⁶⁾, также третинъ ⁷⁾, урочищъ ⁸⁾, селидбъ ⁹⁾ и пр. Большія дворища въ Галичинѣ обыкновенно дѣлились на *sofs, rags* или *portio* ¹⁰⁾. Всѣ дворища даннаго села подлежали общему сельскому наряду и тяглу. Если дворища были особняки, то село имѣло характеръ небольшой волости; дворища такого села въ своей совокупности составляли его „объѣздъ“ ¹¹⁾).

Не все сельское населеніе жило дворищами. Въ инвентаряхъ XVI и XVII вѣковъ „подданные дворищане“, „люди подворищные“ и „полдворищные“ отлчаются отъ *огородниковъ, загородниковъ, застѣнковъ* и *подсудьковъ*, жившихъ особыми дымами, не въ составѣ дворищъ. Огородники (большею частью, изъ старой челяди невольной, а иногда и изъ вольныхъ наймитовъ) жили отдѣльными дымами не на тяглыхъ, крестьянскихъ земляхъ, а за „стѣной“, „огорожей“—на „остаточныхъ“ земляхъ панскихъ, не бывшихъ въ пользованіи фольварковъ и дворищанъ. Отъ такихъ огородниковъ (загородниковъ или

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 45 и 47.

²⁾ Ibid., ч. VII, т. II, стр. 32 и слѣд.

³⁾ Памятн. Кіевск. Ком., III, 2, стр. 50, 60, 150, 188.

⁴⁾ Ibid., стр. 158 и слѣд.

⁵⁾ Ibid., стр. 168.

⁶⁾ Ibid., 16, 158, 182, 192. О полдворищахъ см. А. Ю.-З. Р., I, № 227. А. В. К., XIV, № 50. О жеребьяхъ—частяхъ дворищъ см. Памятники, III, 2, стр. 19, 34. О полжеребьяхъ см. *ibid.*, 35.

⁷⁾ Ревизія пущъ, 74.

⁸⁾ Писцовыя книги Пинскаго староства II, стр. 191.

⁹⁾ Ibid., 227, 229.

¹⁰⁾ *Akta grodz.*, VI, № 125, 135; IX, 110; XIII, 2782 и пр.

¹¹⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., I, № 3; актъ 1351 г.

застѣнковъ). повидимому, отличались огородники-подсусѣдки, жившіе особыми дымами на земляхъ крестьянскихъ, по найму у людей дворянскихъ ¹⁾. Воляпскимъ людямъ дворянскимъ соответствуютъ „дворянцане“ галицкихъ селъ ²⁾; дворянцане упоминаются также въ нѣкоторыхъ актахъ Черной Руси ³⁾.

По различію крестьянскихъ повинностей, отправлявшихся людьми дворянскими, дворянцане по источникамъ раздѣляются на *служебныя* (замковыя, въ господарскихъ имѣніяхъ), *тлылыя*, *податныя* или *данныя* (отъ дани, уплачивавшейся съ дворянцанъ), *конюшныя* (или конюшскія), *бобровничыи* и т. п. ⁴⁾,

Что касается тягловаго значенія дворянцанъ, то, по изстаринной пошлинѣ, они облагались разными сборами и повинностями государственными и вотчинно-владѣльческими, главнымъ образомъ, сообразно съ составомъ принадлежавшихъ къ дворянцанъ мелкихъ частей, по преимуществу дымовъ, служившихъ поэтому нормальными единицами тягловаго обложенія сельскаго населенія въ литовско-русскомъ государствѣ. Отсюда, какъ мы знаемъ, и общее названіе разныхъ сборовъ и повинностей „подымщиной“, изстари существовавшей въ литовско-русскомъ государствѣ, а затѣмъ и въ польско-литовской Речи Посполитой до послѣдней четверти XVIII вѣка. Правда, въ источникахъ перѣдко говорится о податяхъ и повинностяхъ, отправля-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 35, 37, 45, 68 и пр. Въ нѣкоторыхъ актахъ огородники называются „загородниками“ или „застѣнками“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 47, 143; ср. мое сочиненіе „Крестьяне юго-западной Россіи“ въ *Кіев. Унив. Извѣстіяхъ*, 1863, № 11, стр. 23). Последнее названіе встрѣчается въ инвентаряхъ имѣній съ размежеваніемъ земель на волоки: подъ загородниками—застѣнками разумѣлись люди, которымъ отводились въ пользованіе „огороды“ съ „ролями“ изъ состава земель за „горожей“, „стѣной“, то-есть, за рубежомъ волочнаго измѣренія,—земель, оставшихся отъ общаго надѣла крестьянъ волоками. Въ такомъ же смыслѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ объяснять и значеніе огородниковъ въ имѣніяхъ съ дворянскимъ устройствомъ селъ. Въ нихъ нужно видѣть людей, сидѣвшихъ собственно не на огородахъ въ нашемъ смыслѣ, а на земляхъ „остаточныхъ“, за „огорожей“—межей земель, бывшихъ въ непосредственной эксплуатаціи панскаго дворца—фольварка, какъ и за межей земель людей дворянскихъ (См. мою статью: „Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“. *Варшавскія Университетскія Извѣстія*, 1895, V, стр. 50—51).

²⁾ См. *Шараневича Рус etc.*, 70—71, примѣчаніе 16.

³⁾ Напримѣръ, въ Новгородскомъ новѣтѣ (Варш. коп. Лит. Метр., VI, 89).

⁴⁾ Лит. Метр., Записей, № 23, стр. 268. Памятн. Кіевск. ком., IV, 2, стр. 161, 163, 164, 168. Arch. Sang., III, № 11. Варш. коп. Лит. Метр., V, 279, 293, 296 и проч.

шихся непосредственно дворищами. Напримѣръ, по ревизіи Барскаго староства, 1552 г., крестьяне (*homines possessionati*) села Маниковцы платять подати „*ex sua agra*“¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, однако, въ томъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ говорится о дворницѣ, уплачивавшемъ сборы, въ такомъ же точно смыслѣ, какъ, напримѣръ, и о волости, поставившей подводы, стаціи и пр., то-есть, только въ общемъ смыслѣ „объекта“ обложенія, а не нормальной его „единицы“.

Дѣло въ томъ, что, при крайнемъ разнообразіи состава дворищъ, представлявшихъ собою то незначительныя крестьянскія хозяйства, то иногда цѣлую ихъ совокупность (нерѣдко въ два десятка хозяйствъ и больше), признаніе дворища нормальной единицей или мѣриломъ тягловаго обложенія вело бы къ крайней неравномѣрности обложенія податнаго населенія. Такою единицею могло бы служить лишь малое дворище, состоявшее изъ одного или двухъ дымовъ. Эти-то послѣдніе, по самой природѣ вещей, должны были неизбѣжно получить значеніе основнаго мѣрила платежныхъ силъ дворищанъ. И дѣйствительно, какъ мы знаемъ, такое значеніе придавалось дыму ископнымъ обычаемъ Литвы-Руси уже при Витовтѣ. Съ введеніемъ, затѣмъ, земельного кадастра по польско-пѣмецкой волочной системѣ, значеніе нормальной единицы обложенія (при волочномъ землевладѣніи) приобретаетъ волока; но послѣдняя не устранила такого же значенія и за дымомъ, удерживавшимъ за собой старое значеніе тамъ, гдѣ сохранялось попрежнему дворищное землевладѣніе. Такимъ образомъ, въ дворищахъ сель, приписанныхъ къ Кременецкому замку, какъ видно изъ описи 1545 г., крестьяне отиравливали всѣ замковыя новинности не съ цѣлыхъ дворищъ, а именно по дымамъ: каждый дымъ дворища, напримѣръ, обязанъ былъ въ годъ три дня пахать и т. п.²⁾ Тотъ же порядокъ принятъ и въ уставѣ о волокахъ, 1557 г.: „А русскія волости, гдѣ волоки не мѣрены (то-есть, гдѣ крестьяне по-старому живутъ дворищами, службами и пр.), мають дати съ дыма такового, въ которомъ земли своею и особнаго хлѣба

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 82, стр. 153. Отсюда послѣдователи и заключаютъ, что дворище было „единицей“ обложенія крестьянъ податями (см. *Любавскій*, „Областное дѣленіе“, стр. 453; *Грушевскій*, „Барское староство“, 254). Г-жа А. Ефименко („Дворищное землевладѣніе“, 175) полагаетъ, что единицею обложенія было сначала дворище, потомъ дымъ.

²⁾ Памятники, IV, 2, стр. 219.

уживаютъ" ¹⁾),—единицей обложеній считается здѣсь не двориче. а его составная часть—дымъ. Въ „поборовыхъ“ универсалахъ сеймовыхъ XVI—XVIII вѣка тягловыми единицами, какъ замѣчено раньше, считаются собственно два основныя мѣрила: волока и дымъ,—нигдѣ нѣтъ ни слова о дворичѣ, какъ о единицѣ обложенія ²⁾). Въ Полѣсьѣ, какъ мы знаемъ, двориче было господствующею формою землевладѣнія, а между тѣмъ, въ податныхъ универсалахъ указывается именно лишь на полѣсскій дымъ (а не двориче), какъ на основную единицу обложенія ³⁾).

Руководясь изложенными данными, можно опредѣлить общее значеніе дворича въ слѣдующей формулѣ: двориче означало болѣе или менѣе сложную группу дымовъ—собственно крестьянскихъ семей, жившихъ на одномъ земельномъ участкѣ—общемъ ихъ владѣніи („*dzyerza wszysczy rozpolie*“), однимъ или нѣсколькими дымами—селидбами, съ общими подымнымъ (подворнымъ) хозяйствомъ („уживаютъ особнаго хлѣба“, живутъ „на томъ же хлѣбѣ въ одномъ дыму“) и съ общими для всего дворича податями и повинностями. Объемъ, размѣръ и раскладка повинностей, лежавшихъ на дворичахъ, опредѣлялись по исконному обычаю—сообразно съ числомъ существовавшихъ въ каждомъ дворичѣ дымовъ. Эти-то дымы и считались, при системѣ дворичнаго хозяйства и землевладѣнія, основными или нормальными единицами тягловаго обложенія дворичаи; дворича были лишь объектами, а не единицами такого обложенія.

Тяглый, служебный характеръ крестьянскаго землевладѣнія отражался въ особыхъ, мѣстныхъ названіяхъ сельскихъ поселковъ, сидѣвшихъ на крестьянскихъ земляхъ и отправлявшихъ съ нихъ разныя службы и повинности. Сюда относятся литовско-русскія службы, потуги и тягли, имѣвшія такое же значеніе сельскихъ поселковъ, какъ и дымы, дворы и дворича.

Служба составляла, какъ видно изъ актовъ, мѣстное названіе крестьянскихъ поселеній въ Литвѣ и вообще въ сѣверныхъ обла-

¹⁾ А. З. Р., III, № 19. Въ дворичахъ Галичины точно также извѣстна была изстаря подать *fumalium*, подымное, платившееся „*de quolibet fumo*“, „*a quolibet kmethone sive fumo*“, „*de quolibet domo seu fumo*“ и пр. (Akta grodz., II, № 5, 7 и пр.).

²⁾ Vol. leg., II, 796, 846, 1246 и пр. Въ универсалахъ перечисляются службы, слѣды, жеребы и пр., но, какъ будетъ сказано ниже, лишь въ смыслѣ объектовъ, а не нормальныхъ единицъ обложенія.

³⁾ Vol. leg., II, стр. 981.

стях литовско-русскаго государства. Волинскіе землевладѣльцы говорили въ 1545 г. люстраторамъ: „въ Литвѣ службами пашуть, а въ насъ дворищами нехай бы писано, а и такъ наши двѣ дворици не стоятъ за одну службу литовскую... Дворища именовъ нашихъ тутошнихъ волинскихъ ку службамъ литовскимъ не суть ровнаны, але большими и пожиточнѣйшими пожитками быти положены, завжды суть не ровно болшия службы литовскіи, нижли наши дворица волинскіи“¹⁾). Кромѣ собственной Литвы, службы существовали въ Жмуди, Подляхїи и во всѣхъ кривичскихъ земляхъ—Полоцкой, Витебской, Минской, Смоленской и повѣтахъ бывшей Черной Руси²⁾). Службы, затѣмъ, нрѣдка упоминаются и въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ—Сѣверщинѣ, Кіевщинѣ, Полѣсьѣ, Волини и наконецъ Подоли³⁾). Въ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній на службы въ Галичинѣ и другихъ русскихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ въ XIV вѣкѣ. Обстоятельство это, какъ намъ кажется, указываетъ на то, что въ болѣе раннее время, до присоединенія западно-русскихъ окраинъ къ Польшѣ, понятіе службы еще не успѣло вполне упрочиться и твердо привиться на территоріи Литвы-Руси, почему оно и не сохранилось въ мѣстныхъ актахъ русскихъ окраинъ въ пору ихъ принадлежности къ польскимъ провинціямъ.

Службой въ тѣсномъ смыслѣ называлась въ Литвѣ, по замѣчанію

¹⁾ Памят. Кіевск. ком., IV, 2, стр. 50, 60.

²⁾ О службахъ въ *собственной Литвѣ* см.: Skarb., № 542 (1387 г.). А. В. К., XIV, № 20, 25, 27, 36, 84 и пр. Археогр. Сборн., I, № 23. А. З. Р., I, № 62, 216; II, 9, 56, 99, 152, 160. А. Ю.-З. Р., II, № 74. Ревизія пущъ, стр. 182. Въ *Жмуди*: А. З. Р., II, № 160. А. В. К., XIV, № 2, 48, 69, 78, 81. Копія Лит. Метр., V, 325; VI, 23 и др. Въ *Подляхїи*: Skarb., № 2155. А. З. Р., II, № 161. Копія Лит. Метр., V, 368. Въ *Полоцкой землѣ*: А. Ю.-З. Р., I, № 47. Археогр. Сборн., I, № 73. Въ *Витебской землѣ*: А. Ю.-З. Р., I, № 62. Въ *Минской землѣ*: А. Ю.-З. Р., II, № 6. Собран. грамотъ Минск. губ., № 4 и слѣд. Arch. Sang., I, № 101. А. В. К., XIV, № 39 — 41, 49, 62, 67, 86. Въ *Смоленской землѣ*: А. З. Р., I, № 82; II, 9. Въ *Черной Руси*: А. З. Р., I, № 216; II, 99. Arch. Sang., III, стр. 81. А. В. К., XIV, № 3, 11, 35, 44, 75, 85.

³⁾ Въ *Сѣверщинѣ*: Лит. Метр., Записи, № 5, стр. 76, 98. А. В. К., XIII, стр. 351. Въ *Кіевщинѣ*: *Антонович*, Монографіи, I, стр. 248. *Владимірскій-Будимовъ*, Населеніе, стр. 42. А. Ю.-З. Р., I, № 59. *Антонович*, Грамоты, № 10, 12. Лит. Метр., Записей, № 9, стр. 35. Въ *Полѣсьѣ*: А. Ю.-З. Р., II, № 102. Ревизія пущъ, стр. 74, 76, 77, 122, 123. На *Волини*: Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 117. Skarb., № 2240. Arch. Sang., III, стр. 126. Лит. Метр., Записи, № 9, стр. 69. Въ *Подоли* (собств. Брацлавщинѣ): Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 47. Копія Лит. Метр., VI, 542.

проф. С. А. Герцадскаю, „совокупность самыхъ разнообразныхъ по мѣсту и времени обязанностей, лежавшихъ на томъ или иномъ участкѣ земли“ ¹⁾). Такова главная „земская“ повинность — ратная „служба“ (доспѣшная, панцырная и пр.), лежавшая на боярахъ, слугахъ и др. Отъ земской или ратной службы отличалась, далѣе, служба тяглая, *servitium*, состоявшая изъ совокупности всякихъ издѣльныхъ повинностей крестьянъ, напримѣръ, по обработкѣ господарской или панской земли, работамъ въ панскомъ дворѣ и т. д. ²⁾). Въ смыслѣ крестьянскихъ повинностей служба нерѣдко упоминается въ инвентаряхъ и другихъ актахъ. Для примѣра укажемъ на инвентарь имѣній Полоцкаго владыки, 1601 г., гдѣ говорится о подданныхъ въ Тетчи: „Андрей Михайловичъ Лобанъ съ сыномъ Радивономъ, „дымъ одинъ, службы двѣ“ ³⁾). Какъ раньше указано, здѣсь подъ службами пужпо разумѣть не составныя части дыма, а собственно лежавшія на немъ повинности. Въ такомъ же смыслѣ не разъ говорится о службѣ въ господарскихъ листахъ на данину земель и людей. Напримѣръ, въ 1502 г. пану Якубовичу даны въ Волковийскомъ повѣтѣ пять земель, „а съ тыхъ земель бывало намъ пять служобъ“ ⁴⁾).

Затѣмъ, службами называются въ источникахъ земельныя единицы, съ которыхъ жившіе на нихъ крестьяне отправляли всѣ свои повинности—господарскія и владѣльческія. Въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г. есть отдѣльный артикулъ „о шацоване земли“, гдѣ на первомъ планѣ поставлена осѣдлая жилая земля крестьянская, подъ общимъ титуломъ: „служба людей“, отличающаяся отъ земли пустовской и земли дворной ⁵⁾). Въ 1491 г. минскіе бояре Волчковичи продали князю Константину Острожскому свою отчизну, „на ния землю пустовскую Обарицкую, котороеж земли намъ передъ тымъ три службы были, на ния: Короневщина, а Тиховщина, а Перхоровщина“ ⁶⁾).

¹⁾ *Кіевская Старина*, 1888, № 10, стр. 93.

²⁾ О службѣ ратной см. Лит. Метр., Переписей № 17, стр. 160; Записей № 5, стр. 63 и пр. О службѣ тяглой см. *ibid.*, Записей № 3, стр. 91; № 25, стр. 6; Публичн. дѣль, № 28, стр. 114.

³⁾ Археогр. Сборн., I, № 73.

⁴⁾ Варш. копія Лит. Метр., V, 296.

⁵⁾ Лит. Стат., 1529, IX, 20: „Коли быхмо мы сами або панове рада наша выслая шацовати ния в которой колве речя, тогда мают шацовати подъ тымъ способомъ: служба людей 10 копъ грошей, земля пустовская 5 к. гр., а наши дворное бочка земли полкоцы грошей“ и пр.

⁶⁾ *Archiv Sangusz.*, I, № 101.

Въ смыслѣ же земельныхъ единицъ, бывшихъ въ владѣніи крестьянъ, въ источникахъ говорится о службахъ „осѣдлыхъ“ и не осѣдлыхъ, „пустыхъ“, оставленныхъ жившими на нихъ людьми¹⁾.

Службами же называются въ источникахъ и самые поселки крестьянъ, отправлявшихъ опредѣленные повинности съ своихъ земель. Въ инвентаряхъ господарскихъ и шлякетскихъ имѣній вездѣ говорится о составѣ селъ изъ ббльшаго или меньшаго числа службъ съ дымами въ такомъ же смыслѣ, какъ и о составѣ селъ изъ дворищъ съ дымами²⁾. Волинскія дворища, по нѣкоторымъ актамъ, составляютъ части службъ³⁾. Въ Пинскомъ Полѣсѣ „службы“, какими жили слуги путные и люди тяглые, противопоставались „дворищамъ“ данниковъ, въ смыслѣ, конечно, не земельныхъ единицъ, а крестьянскихъ поселковъ⁴⁾.

Въ актахъ упоминаются службы, имѣвшія значеніе обособленныхъ поселковъ. По инвентарю Гомельской волости, села Юрковичи и Озаричи состояли каждое изъ одной службы, слагавшейся всего изъ одного дыма⁵⁾: здѣсь вполнѣ совпадаютъ понятія села, службы и дыма. Въ 1515 г. князю Сангушко дано въ Владимірскомъ повѣтѣ село Соловичи, въ которомъ была всего одна „служба“ людей⁶⁾. Въ записной книгѣ Казимира нерѣдко говорится также о данинѣ селъ, съ одною службою людей въ каждомъ⁷⁾.

Въ источникахъ нерѣдко находимъ также прямыя указанія на

¹⁾ Въ „поборовыхъ“ универсалахъ (со второй половины XVI вѣка) отнесены къ объектамъ тяглого обложения „służby osiadły“ (Vol. leg. II, стр. 796, 797, 846 и пр.).

²⁾ См. напр. А. В. К., XIV, № 62, 78, 79, 81, 84 и пр. Село Давидко въ Смоленскомъ повѣтѣ состояло изъ нѣсколькихъ „селець“,—въ каждомъ изъ нихъ числилось по одной службѣ панцирной (Кониі Лит. Метр., VI, 159). Въ данномъ случаѣ село являлось небольшою волосткою, состоявшею изъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ селець—службъ.

³⁾ Въ 1513 г. дворянину Козминскому даны въ Луцкомъ повѣтѣ службы людей тяглыхъ: „а въ тыхъ де службахъ толко тра дворища, на имя: Полюгичи, а Лыздвичи, а Климовское. А къ тому двухъ дворищъ цустовскихъ: Конковскаго а Довыдковскаго“ (Лит. Метр., Записей № 9, стр. 69).

⁴⁾ Ревизія пущъ, 74.

⁵⁾ А. В. К., III, стр. 351 и слѣд.

⁶⁾ Arch. Sang., III, стр. 126.

⁷⁾ Наприм., „Визнаковъ Василей, синь въ него одинъ, братъ его Ивашко, а третій братъ Михайло, вси три одно село держать, одну службу служить.—Феряковъ Сенько, братъ его Ивашко, третій братъ Занько, четвертый братъ Фодько, одно село держать, службу служить одну“ и пр.

службы, мелкіе поселки-особняки, вовсе не принадлежавшіе къ составу сель. Упомянутыя выше три службы на землѣ Обарицкой въ Минскомъ повѣтѣ, данныя въ 1491 г. князю Константину Острожскому, имѣли значеніе поселковъ-особняковъ, изъ коихъ позже возникли отдѣльныя села,—изъ службы Корневщина—село Коренево около Тарасова, изъ службы Перхуровщина—село Перхурово и пр. ¹⁾ Такія службы составляли, подобно дворищамъ-особнякамъ, непосредственныя части десятковъ и другихъ волостныхъ округовъ, вовсе не входили въ составъ сель ²⁾. Въ такомъ же смыслѣ особняковъ-поселковъ говорятъ нерѣдко о службахъ господарскіе листы на даинну имѣній отдѣльными лицамъ ³⁾.

Подобно дворищамъ, большія службы обыкновенно дѣлились на составныя части. Въ источникахъ упоминаются службы „полныя“ („суполныя“, „сполныя“), „полслужбы“, „половицы“, „полторы“ службы, „трети“, „чверти“ или „четвертины“, также жеребы и пр. ⁴⁾. Службы дробились на части въ господарскихъ имѣніяхъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе пожалованія частей земель въ держаніе частнымъ лицамъ, въ имѣніяхъ панскихъ и шляхетскихъ — по волѣ землевладѣльцевъ. Последній случай записанъ въ Литовской Метрицкѣ: въ 1516 г. панъ Богушъ Боговитновичъ приказалъ въ своемъ имѣніи „гдѣ колве въ которой службѣ будетъ колько братаничовъ, або братовъ, або сыновъ жонатыхъ, и опъ казалъ тымъ подѣлиться, на особныя службы казалъ понти“ (*Любавскій*, Областное дѣленіе, 447). Дробленіе службъ, какъ и дворищъ, могло быть также результатомъ семейныхъ раздѣловъ крестьянъ и пр. (см. объ этомъ ниже). Основнымъ дѣленіемъ службъ, какъ и дворищъ, было дѣленіе на дымы. Въ источникахъ иногда службы просто отождествляются съ дымами.

¹⁾ Arch. Sang., I, № 101.

²⁾ Такъ, по инвентарю Волковйскаго двора (начала XVI вѣка) „десятиа“ Лепуницкій, Вельтюковский и др. состоятъ непосредственно изъ опредѣленнаго числа службъ (5, 30 и больше) людей тяглыхъ; о селахъ нѣтъ ни слова (Лит. Метр., Записей № 6, стр. 649. Ср. также *ibid.*, Записей № 6, стр. 492,—инвентарь Бирштанскаго двора 1502 г.).

³⁾ Arch. Sang., III, стр. 126. А. З. Р. I, № 82; III, 56. А. В. К., XIV, № 20, 97 и пр. *Антоновича*, Грамоты № 10. А. Ю.-З. Р., I, № 59; II, 102. Skarb., № 2155, 2240 и пр.

⁴⁾ Ревнзія пущъ, 74. А. З. Р., I, № 82; II, 161 (п. 4—о службахъ суполныхъ). Археогр. Сборн., III, стр. 248, 252, 259, 261. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 117. А. В. К., XIII, стр. 353; XIV, № 3, 41. Ср. *Garoszewica*, *Obraz Litwy* I, стр. 125. Лит. Метр., Запис. № 3, стр. 5 (половицы) и пр.

Волость Романовская въ Житомирскомъ повѣтѣ, по люстраціи 1545 г., состояла изъ 80 службъ, а по люстраціи 1552 г.—изъ 50 дымовъ ¹⁾. По инвентарямъ XVI вѣка среднее число дымовъ въ одной службѣ простирается отъ 1 до 20 дымовъ ⁴⁾. Большинство службъ имѣетъ вообще количество дымовъ отъ 1-го до 7, 8 и 9 ²⁾. Личный составъ людей, принадлежавшихъ къ одной службѣ, достигаетъ иногда значительныхъ размѣровъ—до трехъ и больше десятковъ рабочихъ рукъ ⁴⁾.

По различію крестьянскихъ повинностей, службы носили такія же названія, какъ и дворища,—были службы тяглыя, дякольныя, путныя, данныя и т. д. ⁶⁾. Въ Пинскомъ Полѣсьѣ службами специально назывались хозяйства людей тяглыхъ и путныхъ, въ противоположность хозяйствамъ данниковъ (платившихъ денежные сборы вмѣсто службъ), называвшимся собственно дворищами ⁶⁾. Затѣмъ, въ источникахъ службы людей тяглыхъ, „которые плугами своими власными орутъ“, вообще владѣютъ крестьянскою тяглою землею и имѣютъ на нихъ свою осѣдлость съ крестьянскою „маетностью“, отличаются, какъ и дворища, отъ „загородниковъ“, жившихъ на дворной пашнѣ „огородами“, которые (взмѣнивъ старой мѣсячины—содержанія отъ двора хлѣбомъ) „ку огородомъ своимъ и роли мають“. Загородники не входили въ составъ волостныхъ службъ, числились въ тяговомъ отношеніи по особымъ дымамъ ⁷⁾.

Что касается, наконецъ, вопроса о тяговомъ значеніи службъ, то въ актахъ говорится объ обложеніи службъ разнаго рода сборами и повинностями,—откуда можно бы, на первый взглядъ, заключать о томъ, что службы имѣли специальное значеніе единицъ тяглаго обложенія крестьянъ. Такъ, при великомъ князѣ Александрѣ было установлено „выправлять одного пахолка“ на войну съ каждыхъ 10-ти

¹⁾ Уменьшеніе количества службъ-дымовъ объясняется татарскимъ набѣгомъ предъ второй люстраціей (См. *Владимірскій-Будановъ*, Населеніе, 42).

²⁾ А. В. К., XIV, № 2, 11, 67, 85, 86 и пр.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 117 и сл.

⁴⁾ Наприм., въ Смоленскомъ повѣтѣ служба Толковичова состояла изъ 11-ти семей, въ коихъ числилось 32 лица; служба Василевская—7 дымовъ изъ 22-хъ лицъ и пр. См. Перепись (конца XV вѣка) Смоленскихъ князей, бояръ, слугъ панцырныхъ и щитныхъ, съ показаніемъ лицъ, отправлявшихъ ратную службу (Лит. Метр., Записей № 4, стр. 155 и слѣд.).

⁵⁾ А. З. Р., II, № 99, 161 (п. 5, 8) и пр.

⁶⁾ Ревизія пуць, 74, 76—77, 123 и пр.

⁷⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, № 47. О загородникахъ и дворищанахъ см. выше.

службъ. Сигизмундъ, въ своемъ посланіи (1511 г.) о созывѣ сейма для обсужденія, между прочимъ, вопроса о способахъ отправленія ратной службы, предлагалъ брать ратника съ каждыя 10-ти дымовъ, а если это будетъ „трудно“, то съ 10-ти службъ по 2 „молодца“¹⁾. Въ уставѣ (1529 г.) Жмудскихъ господарскихъ волостей также положено взимать разные сборы съ службъ²⁾. По сеймовой ухвалѣ 1529 г., воинская повинность отправляется такимъ же образомъ съ извѣстнаго числа службъ³⁾. О службахъ, повидимому, какъ единицахъ обложенія, говорятъ и позднѣйшія сеймовыя ухвалы по ратной службѣ⁴⁾, затѣмъ уставъ 1576 г. о денежномъ сборѣ для возобновленія украинскихъ замковъ и охраны границъ государства⁵⁾, наконецъ „поборовые“ универсалы послѣдующаго времени (съ 1569 г.), таксирующіе разные окладные сборы съ „służb osiadłych“, слѣдовъ, жеребьевъ и пр.⁶⁾.

Но нужно въ точности опредѣлить, что именно во всѣхъ приведенныхъ узаконеніяхъ разумѣется подъ именемъ „осѣдлой службы“? Трактуется ли она въ смыслѣ нормальной единицы обложенія, или же о ней говорится лишь въ общемъ значеніи объекта обложенія, безъ прямого отношенія къ специальному вопросу о нормѣ, мѣрилѣ или единицѣ послѣдняго?

Вѣдь службы, какъ и дворнища, имѣли самый разнообразный составъ и размѣръ земельныхъ участковъ, на какихъ жили тѣ и другія. Какъ мы знаемъ, дворнища и службы были малыя, въ 1—2 дыма; но сплошь и рядомъ были и такія, которыя достигали 20 и болѣе дымовъ, иногда съ весьма обширнымъ хозяйствомъ: опредѣлять одинаковую тягловую норму по службамъ, безъ вниманія къ разнообразному составу службъ большихъ и малыхъ, было бы, очевидно, явную несправедливость. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что во всѣхъ указанныхъ узаконеніяхъ рѣчь идетъ о службѣ собственно лишь въ общемъ значеніи объекта обложенія,—мѣриломъ послѣдняго въ отношеніи къ службамъ, какъ и дворнищамъ, являлся дымъ. Его-то и нужно считать основною единицей обложенія: сообразно съ количествомъ такихъ единицъ въ составѣ службъ и таксировалась вся совокупность лежавшаго на каждой службѣ тягла государственнаго и вотчинно-владѣль-

¹⁾ Лит. Метр., Записей № 7, стр. 198.

²⁾ А. З. Р., II, № 160.

³⁾ Ibid., № 161.

⁴⁾ Наприм., ухвала 1563 г. (ibid., III, № 33).

⁵⁾ Ibid., III, № 68.

⁶⁾ Vol. leg. II, стр. 796, 797, 846, 981 и пр.

ческаго. Что такъ дѣйствительно было на дѣлѣ, доказываютъ точныя свидѣтельства цѣлаго ряда актовъ. Такъ, мы уже знаемъ, что уставъ о волокахъ, 1557 года, вовсе не знаетъ ни службъ, ни дворищъ, какъ единицъ обложенія: таковыми опъ признаетъ лишь волоки, а гдѣ онѣ не мѣрены, тамъ сборы и повинности таксируются и раскладываются по дымамъ ¹⁾. То же самое правило цѣликомъ воспроизводится въ позднѣйшихъ податныхъ универсалахъ. Такъ, въ универсалѣ 1569 года, вслѣдъ за общимъ указаніемъ на объекты взиманія поборовъ—службы, жеребья и проч., точно опредѣляется порядокъ раскладки и взиманія поборовъ—по числу волокъ, „а gdzie włók mierzonych nie masz, tedy z dymu“ ²⁾. То же самое правило повторяется въ универсалѣ 1577 года ³⁾. Въ слѣдующемъ универсалѣ (1578 года) изложенное правило, повидимому, видоизмѣняется: гдѣ волоки не мѣрены, тамъ поборъ берется съ каждой осѣдлой службы. Но затѣмъ излагается слѣдующее разъясненіе: „іż na innych służbach bywa pokilka dymów, tedy dwa dymy na złoty ieden (сумма побора) składać się maia“ ⁴⁾—правило, которое затѣмъ неизмѣнно повторяется во всѣхъ позднѣйшихъ податныхъ универсалахъ, вплоть до уничтоженія подымной подати (см. выше). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ весь вопросъ сводится собственно къ дыму, считавшемуся паравнѣ съ волокой, почти до самаго паденія польско-литовской Речи Посполитой, одною изъ основныхъ единицъ обложенія крестьянъ всякаго рода окладными сборами, личными службами и натуральными повинностями. Здѣсь не было собственно ничего новаго, — уставы и универсалы лишь точно фиксируютъ исконную русскую пошлину обложенія тяглаго населенія по дымамъ. Пошлина эта практиковалась уже на зарѣ русской исторіи и удерживалась въ Литвѣ-Руси до повѣйшихъ временъ. Если затѣмъ въ актахъ говорится о повинностяхъ и сборахъ „съ службъ“, то послѣднія понимаются всегда въ такомъ же точно смыслѣ обычныхъ объектовъ обложенія, какъ и дворища, цѣлыя села и волости. Службы, какъ и села и волости, искони облагались обязательнымъ для нихъ податнымъ тягломъ не иначе, какъ лишь путемъ таксаціи и раскладки тягла по дымамъ—кореннымъ элементамъ, изъ какихъ слагалась старая сельская община въ западной и восточной половинѣ русской земли.

¹⁾ А. В. Р., III, № 19.

²⁾ Vol. leg., II, стр. 796—798.

³⁾ Ibid., 952.

⁴⁾ Ibid., 981.

Потугъ и *тляль*, какъ видно изъ источниковъ, представляютъ собой лишь особыя названія той же самой крестьянской службы.

Отождествленіе потуга съ службою находимъ, напримѣръ, въ сеймовой ухвалѣ 1528 года о поставкѣ землевладѣльцами одного ратника съ каждыѣ 8-ми службъ, или „потуговъ“ — крестьянскихъ тяглыхъ единицъ, состоявшихъ изъ одной или нѣсколькихъ семей¹⁾. Сколько извѣстно, потуги упоминаются въ источникахъ съ конца XV вѣка. Такъ, въ 1493 году великій князь Александръ далъ кievскому ключнику Полозовичу имѣніе въ Киевскомъ повѣтѣ Завешской волости, па имя Хабное, и людей 10 потуговъ, съ землями, разными угодьями и давами²⁾. Въ 1495 году намѣстнику Торопецкому Зенку Евлашквичу даны два „братенника“ Радивоновичи, дѣти Дорошковы и Иваловы, „у потуги Любецкихъ людей“, въ Новгородскомъ повѣтѣ; люди эти держали земли — отчины, „съ нихъ одна служба и одно дякло“³⁾. Оба „братенника“ жили одною семьей и сообща тянули одну службу, — въ потугѣ было, очевидно, нѣсколько такихъ семей — дымовъ. Въ 1499 году князь Богданъ Ѳедоровичъ купилъ въ Киевскомъ повѣтѣ у мѣстнаго боярина Бориса Тишковича отчину его, имѣніе Ирово, состоявшее изъ пяти „потуговъ“, — очевидно, тѣхъ же крестьянскихъ службъ⁴⁾. Какъ видно изъ описанія Житомирскаго замка, 1552 г., въ замковыхъ „селищахъ“ крестьяне жили особыми „потугами“; упоминаютъ селища изъ двухъ, трехъ и семи потуговъ — служебныхъ (путныхъ слугъ) и данныхъ (данниковъ). Въ составѣ волости, тянувшей къ Житомиру, не было людей тяглыхъ или „работныхъ“, отправлявшихъ издѣльные повинности (панщину), — не было поэтому и „тяглыхъ“ потуговъ⁵⁾.

Такимъ же мѣстнымъ названіемъ (по тяглу, службѣ) мелкаго крестьянскаго поселка была *тляль*. Въ 1498 году князю Константину Кірошинскому даны въ Смоленскомъ повѣтѣ дворъ Болваничи и волостка Бѣлицкая. Последняя состояла изъ семи „селець“ жилыхъ и восьми пустыхъ, — сельца эти называются въ господарскомъ листѣ „тяглями“. Въ сельцахъ живутъ люди вольные и непохожіе, также слуги конные. Каждая тягль состоитъ изъ одного крестьянина — хозяина съ братомъ или братаничами, сообща уплачивавшими дашь гро-

¹⁾ *Любецкій*, — „Областное дѣленіе“, прилож., стр. СХV.

²⁾ Лит. Метр., Записей № 3, стр. 84.

³⁾ Варш. копія Лит. Метр., кн. V, стр. 68.

⁴⁾ *Idid.*, V, 235.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 150.

шевую и медовую ¹⁾). Какъ видно по всему, сельца-тяги имѣли видъ обособленныхъ хуторковъ, мелкихъ службъ—семей, каждая съ своимъ особымъ хозяйствомъ и особымъ тягломъ.

Затѣмъ, „тяги“ или „потяги“ означаютъ, по актамъ, также вообще всякаго рода повинности и службы, отправлявшіяся сельскимъ населеніемъ. Такъ, по господарскому выroku 1499 года бояре Котовичи присуждены были „всякую тягль тягнути“ вмѣстѣ съ Свислочною волостью ²⁾). Изъ другаго вырока 1496 года видно, что владѣлица подтверждала свои права на службу людей, съ которыми она вела искъ, ссылкой на то, что „свекру есте моему и мужу моему служили вы сами и отцы ваши и братья ваша тяглою службою съ сохою, и съ серпомъ, и съ косою, и съ топоромъ, и иную тягль тянули по тому, какъ и иные селяне“ ³⁾). Въ такомъ же смыслѣ обычныхъ крестьянскихъ повинностей, тяглыхъ службъ, упоминается въ актахъ и „потяги“ ⁴⁾.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что литовско-русскіе „потуги“ и „тяги“ принадлежатъ къ исконнымъ институтамъ чисто русскаго происхожденія. Въ старыхъ новгородскихъ докончаньяхъ съ князьями говорится о „потугѣ“, означавшемъ то же, что и погость, въ смыслѣ волости (подраздѣленія большой сельской волости), жители которой сообща „тянули“ судомъ и данью ⁵⁾). Подъ потугомъ же разумѣется вообще тягло, всякая волостная повинность ⁶⁾). Въ восточно-

¹⁾ Любавскій,—„Областное дѣленіе“, прилож., № 2.

²⁾ Имено: „города рубити, и ордынщину давати, и дубащину платити, и пословъ и гонцовъ поднимати, и недѣли стеречи подводами у Свислочи, на городицы и на рѣкѣ Березыни и на броду, и мосты мають съ ними мостити, и въ Рудникахъ сѣно косити, и жытщину до замковъ нашихъ возити, и всякую тягль мають съ ними тягнути“ (Лит. Метр., Записей № 5, стр. 83).

³⁾ Варш. копія Лит. Метр., кн. V, стр. 87.

⁴⁾ Въ господарскомъ листѣ 1488 года, напримѣръ, говорится, что Константинъ Грекъ имѣлъ въ Новгородскомъ мѣстѣ дворъ, съ котораго „не было некоторое потяги съ мѣстомъ“, и потому просилъ „отпустить съ мѣстомъ не тянути некоторое потяги“; господарь разрѣшилъ ему „съ мѣстомъ некоторое потяги не тянути и службы не служити, и подвождь не давати, и серебрящины малое и великое не платити“ (Лит. Метр., Записей № 4, стр. 112). См. также Skarbius, № 2029, гдѣ также упоминаются „потяги“ въ общемъ смыслѣ повинностей, восточно-русскаго тягла.

⁵⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 28: по докончанью 1471 г., „купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердь въ свой потугъ, какъ пошло ко Новгороду“. Въ докончаньи 1270 г. потугъ замѣняется погостомъ (ibid., I, 4).

⁶⁾ А. И., I, 13, 17, 81; А. Э., I, 34, 79; А.А. Ю., 136. Горчаковъ, О землевладѣніи, прилож. № 2, V; Мейчикъ, Грамоты, 36.

русскихъ актахъ стараго времени встрѣчаемъ также „тягль“ въ значеніи небольшой волостки, затѣмъ крестьянскаго поселка (собственно тяглою семьи), а также и въ общемъ значеніи сельскихъ повинностей. Въ значеніи волостки „тягль“ упоминается въ одной новгородской грамотѣ, въ которой, между прочимъ, читается: „А поземщики ихъ (монастыря Св. Духа) писаны въ конецъ съ Неревской тяглюю“¹⁾. Въ восточно-русскихъ актахъ XV и XVI вѣка потугъ трактуется въ общемъ смыслѣ волостки изъ ряда поселковъ,—здѣсь высказывается понятіе потуга позднѣйшаго техническаго происхожденія; напротивъ, западно-русскіе акты несомнѣнно знаютъ первичную, болѣе древнюю технику понятія потуга, первоначально обозначавшаго собственно коренные элементы общины, въ видѣ небольшихъ хуторковъ-особняковъ (дымовъ, дворницъ, службъ и пр.), изъ какихъ затѣмъ слагались постепенно сельскія общины и цѣлыя волости. Эти-то техническія обозначенія зародышевыхъ элементовъ общинъ (задержавшіяся до позднѣйшаго времени въ западно-русскихъ актахъ) усвоены были образовавшимися позже на ихъ почвѣ, сложными, территоріальными общинами-волостями, которыя и обозначаются упомянутыми терминами въ восточно-русскихъ актахъ²⁾.

Ф. Леонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ См. *Неволинъ*, Пятинны, приложение № 1. О тяглѣ въ смыслѣ повинностей см. Доп. къ А. И., I, № 113; А. Ю., № 135; *Мейчикъ*, Грамоты, 65.

²⁾ Старыя техническія понятія „потуга“ и „тягла“ доселѣ сохраняются въ русскомъ обычномъ правѣ. По народному пониманію, потуги, какъ и тягла, означаютъ (кромѣ общей мысли о „натугѣ“, „тяжести“) тяглую повинность, мѣрною рабочей единицы, раскладку по тягламъ, мѣру земли и подать за нее, наконецъ—тяглую, крестьянскую семью, то-есть, мужа съ женой. Поговорки: „постылое тягло на мѣръ полегло“ (лишнее, чего никто не беретъ на себя); „отъ тяжелыхъ потуговъ (податей и пр.) деревня пуста“ и пр. (См. Толковый Словарь *Далля*, III, 327; IV, 415). Возвратъ обычнаго права, въ силу ихъ строго консервативнаго характера, доселѣ, такимъ образомъ, остаются вѣрными первичному понятію потуга и тягла, въ смыслѣ семейныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) единицъ, надѣленныхъ земельнымъ участкомъ и входившихъ въ составъ сложныхъ семейныхъ группъ—дворовъ и дворницъ. Въ допетровское время тягло считалось на Руси не только единицею рабочей силы и крестьянскаго надѣла, но и податной единицею, служившей мѣрилою раскладки и взиманія повинностей натуральныхъ и денежныхъ (см. *Н. П. Семеновъ*, „О судьбахъ крестьянскаго сословія въ Россіи“, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1893, май, стр. 161—163).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІV.

1896.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія 43

О. И. Леонтовичъ. Брестянокій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (продолженіе) 201

М. А. Дьяконовъ. Вобыли въ XVI и XVII вѣкахъ. 242

В. Ф. Миллеръ. Вылины объ Иванѣ Гостинномъ Омынѣ 276

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. И. Новосадскій. *P. Foucart. Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Éleusis. Paris. 1895* 307

М. В. Довнаръ-Запольскій. *И. А. Иванова. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка. Одесса. 1895* 322

И. С. Таккелля. По поводу рецензіи г. Батюшкова 338

О. Д. Батюшковъ. Отвѣтъ г. Таккелля 347

— Книжныя новости 351

— Отчетъ графа П. А. Башиста о поѣздѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ 13

— Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Василія Иогриана за вторую половину 1894 года 47

— Наша учебная литература (разборъ 19 книгъ) 79

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

И. Казанскій. Международная геодезическая ассоціація 47

О. П. Кенненъ. Нѣсколько словъ о Кавказскомъ музее. 86

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 87

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Д. Н. Кудрявскій. Суффиксъ Ablativi singularis въ индоевропейскихъ языкахъ 1

О. Г. Мищенко. Въ Полибію (продолженіе) 13

О. Ф. Зѣлинскій. О Софоклѣ-врачѣ 28

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го апрѣля).

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУ- ДАРСТВѢ ¹⁾.

II.

По свидѣтельству славянскихъ бытописателей, древніе славяне изстари жили мелкими, разбросанными поселеніями ²⁾. Старый славянинъ, по словамъ Палацкаго, строилъ свой домъ среди собственной нивы, — тамъ жили и его потомки; съ умноженіемъ жильцовъ народъ сталъ постепенно новые дома вокругъ стараго, откуда и возникла позже большая деревня ³⁾. Такія же хуторныя формы сельскихъ поселеній удерживались нерѣдко до позднѣйшаго времени въ русскихъ земляхъ, колонизовавшихся какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ русскаго сѣвера, такъ и въ безлѣсныхъ степяхъ южно-русскихъ „полей“. Въ то время, какъ первичные пункты поселеній, раньше другихъ колонизовавшіеся въ данной мѣстности, съ теченіемъ времени разрастаются въ сплошныя территориальныя общины, становятся „старѣй-

¹⁾ *Продолженіе*. См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

²⁾ Свидѣтельство о хуторномъ типѣ поселеній древнихъ славянъ сохранилось у Прокопія (писателя VI в.): „In tuguriis (καλύβαις) habitant vilibus et rare sparsis, atque habitacionis locum subinde mutant. Nomen etiam quondam Sclavenis Antisique unum erat: utrosque enim appellavit Sporos antiquitas, ob id opinor, quod σποράδην, hoc est sparsim et rare positos tabernaculis regionem obtinent: quo fit, ut magnum occupent spatium“ De Bello Gothico III, 14. (Ср. Šafařík, Sebrané Spisy, II, стр. 692). Таковъ же характеръ поселеній и древнихъ германцевъ. По свидѣтельству Тацита, германцы вели такую же хуторную жизнь, какъ и славяне, — жили отдѣльными семьями въ небольшихъ избушкахъ, выстроенныхъ въ разбросъ, далеко одна отъ другой, гдѣ пошло (Corn. Taciti, Germ. 7, 16. Ср. Caesar, De Bell. Gall. VI, 22).

³⁾ *Палацкаю Исторію Чехіи*, I, 169.

шми“, центральными пунктами большихъ политическихъ союзовъ, въ то самое время, вдали отъ этихъ центровъ, въ глуши лѣсовъ, болотъ или стѣнныхъ захолустьевъ-уходовъ, можетъ развиваться колонизація еще въ первичныхъ ея формахъ. Новгородскія писцовыя книги XV—XVI вѣковъ представляютъ весьма наглядные примѣры подобнаго хода развитія русской колонизаціи. Въ нихъ находимъ сплошь и рядомъ указанія на первичныя формы поселеній—деревни, выставки, починки, займища и пр., состоявшія изъ одного, двухъ, много трехъ дворовъ. Если еще въ XV—XVI вѣкахъ совпадали нерѣдко понятія деревни и двора, то такое совпаденіе несомнѣнно могло быть господствующимъ явленіемъ на Руси, въ эпоху первичной колонизаціи русскихъ земель, въ формѣ такихъ же одиночныхъ, разбросанныхъ хуторковъ, какъ и древне-славянскія колибы (халѣбл, *tyugium*) временъ Прокопія¹⁾. По новгородскимъ писцовымъ книгамъ, въ деревнѣ заключается, большею частію, по одному двору, съ жившими въ немъ иногда нѣсколькими семьями, не только родственными, но и чужими: кромѣ отца и дѣтей, въ одномъ дворѣ живутъ зятья, шурья, иногда пріятеля, подворники, захребетники и пр.²⁾ Подъ „село“ разумѣется не только отдѣльный поселокъ, но иногда и цѣлый рядъ деревень, по большей части въ одинъ дворъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ: въ писцовыхъ книгахъ нерѣдко говорится, что „тѣ деревни взяты въ кругъ“ къ селу такому-то, „къ селу принужены деревни“ такія-то и пр.³⁾ На крайнемъ сѣверѣ (бывшей Двинской землѣ) деревни-хутора являлись преобладающей формой сельскихъ поселеній еще въ XVII и XVIII вѣкахъ⁴⁾. Такой же характеръ хуторовъ имѣли деревни, заводившіяся русскими въ Сибири въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ. Деревни состояли изъ одного, двухъ, много трехъ дворовъ, съ жившими въ нихъ, нѣсколькими, не всегда родственными семьями. Съ теченіемъ времени семья разрасталась, выдѣляли изъ себя новые дворы—особняки; ху-

¹⁾ См. выше — цитату изъ Прокопія. Колиба, келья извѣстны и русскимъ источникамъ (см. *Аристова*, Промысл. 85).

²⁾ См. напримѣръ, *Времен. Общ. ист. и др.* 1851, XI, стр. 1, 8—8, 14, 41; *Новг. писц. книги*, I, 2, 5, 12 и пр.

³⁾ *Новолита*, Пятницы стр. 222, 277, 347; Приложение, 69, 126, 192 и др. О хуторномъ типѣ сельскихъ поселеній въ древне-русскихъ земляхъ см. мою статью о древне-русскихъ городахъ, въ *Сборн. госуд. знаній*, 1875, т. II.

⁴⁾ См. г-жи *А. Ефименко* *Крестьянское землевлдѣніе на крайнемъ сѣверѣ* (*Русская Мысль*, 1882, № 4--8) и „Исслѣдованія народной жизни“, 1885, стр. 185 и слѣд.

тора, такимъ образомъ, становились зерномъ, изъ котораго развились затѣмъ цѣлыя села¹⁾.

Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что къ тому же типу хуторныхъ поселеній слѣдуетъ относить и разсмотрѣнные нами по западно-русскимъ актамъ сельскіе поселки (дѣмы, дворища, службы и т. д.) XIV и слѣдующихъ вѣковъ. По сохранившимся извѣстіямъ о древнемъ бытѣ литовцевъ, послѣдніе изстари жили мелкими хуторками, разбросанными по краю. Такимъ образомъ, по свидѣтельству польскихъ лѣтописцевъ (Галла, Кадлубка и др.), пруссы и ятвыги въ XII вѣкѣ вовсе не знали большихъ сплоченныхъ поселеній, не имѣли ни замковъ, ни городовъ; населеніе жило въ разбивку лѣсными поселками-хуторами (*vicus, villa*). Точно также, въ Жмуди, вплоть до временъ Сигизмунда-Августа, преобладали мелкіе поселки, разбросанные по лѣсамъ и полямъ²⁾. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эти-то старо-литовскіе поселки цѣликомъ воспроизводятся въ разсмотрѣнныхъ нами выше дѣмахъ и службахъ литовскихъ, по актамъ XIV и слѣдующихъ вѣковъ.

Тою же самой дробностью и обособленностью изстари отличались сельскія поселенія въ старыхъ западно-русскихъ земляхъ. Въ самыхъ древнихъ актахъ находимъ указанія на разбивчатость, разбросанность земель съ жившими на нихъ рольниками, какъ на исконный русскій *обычай*. Категорическое свидѣтельство объ этомъ записано въ одномъ изъ галицкихъ актовъ, сохранившихъ древнѣйшія извѣстія о дворищахъ западно-русскихъ,—въ грамотѣ Владислава (Польскаго, 1378 года, Григорію Стехеру на земли: „*quia agri ad suam villam Maly Wynyk pertinentes, sitam in districtu Lemburgensi, non una linea secundum jus Teutonicum annexivum, sed secundum Ruthenorum consuetudinem spursim et particulatim sunt distincti, unde sibi non modicum scimus gravari incomodum*“³⁾). Дѣйствительно, какъ видно изъ сдѣланнаго нами обзора разныхъ наименованій сельскихъ поселковъ старой Литвы-Руси, хуторный типъ такихъ поселковъ нужно считать наиболѣе характернымъ и общераспространеннымъ

¹⁾ См. *Восточникъ Европы*, 1891, августъ, стр. 780.

²⁾ См. *Lasicii, De diis Samogitarum*, 45: „Dispense per silvas, campos degnunt, rara oppida nec pagos nimium multos, arces autem munitas multas habent, quorum fenestras meridiem versus spectant. Studio Sigismundi Augusti Regis in coetus et societatis convocati“. Ср. *Яросевича, Образъ Литвы*, I, 86. *В. Антоновича Моногр.*, I, 10—11.

³⁾ Akta Grodz. i Ziem. III, № 25.

признакомъ, въ особенности вновь колонизующихся сельскихъ общинъ во всѣхъ областяхъ литовскаго государства. Южно-русскія окраины этого государства, обнимавшія цѣлые повѣты, съ громадною территоріей (лѣвобережная украинна Кіевщины, повѣты Черкасскій, Каневскій, Браславскій и др.), какъ мы видѣли, въ XV и XVI столѣтіяхъ повсе не знали большихъ, сплоченныхъ сель, состояли исключительно изъ городовъ съ рядомъ „хуторовъ“, „пасѣкъ“, „пходовъ-становъ“ и пр. Такіе же хутора встрѣчаются подъ разными названіями также въ средней полосѣ и въ сѣверныхъ частяхъ литовскаго государства, а также въ русскихъ земляхъ, числившихся въ составѣ польскихъ провинцій. Люстрація Любомльскаго староства, 1564 г., даетъ, наприимѣръ, цѣлый рядъ указаній на дворща, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, сидѣвшія въ лѣсныхъ заросляхъ и пущахъ „goznie“, на отдѣльныхъ „golach“, „obszagalach“ или „szukach gol“ и пр.¹⁾ Въ силу мѣстныхъ условій (см. о нихъ ниже), дворще-отдѣльный обособленный поселокъ, было обычнымъ явленіемъ въ литовскомъ Полѣсьи. Какъ видно изъ писцовыхъ книгъ Пинскаго и Клецкаго княжествъ, а также изъ позднѣйшей описи Пинскаго староства, обширная Зарѣченская половина Пинской земли состояла чуть ли не исключительно изъ мелкихъ крестьянскихъ дворовъ (дворищъ), разбросанныхъ по обособленнымъ „островамъ“, между песковъ, болотъ, низинъ, негодныхъ для культуры²⁾. Такія же дворща-особняки часто встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Полѣсьи³⁾. О такомъ же составѣ полѣскихъ дворщъ говорятъ грамоты старыхъ мѣстныхъ князей. Въ 1515 году Пинскій князь Фѣдоръ Ив. Ярославичъ далъ служебнику Фурсовичу четыре дворща въ разныхъ урочищахъ: „въ Черниевичохъ двѣ дворща, на имя Дмитра Микулича а Кузму Мартиновича, и въ Посиничахъ дворще на имя Трухачевичъ, а въ Кошевичахъ дворще Черника Ходосковича“⁴⁾. Изъ одного акта 1554 года видно, что къ двору Ненковскому Пинскаго землянина Дмитровича тянуло пять дворщъ, располагавшихся въ разныхъ мѣ-

¹⁾ Таковы дворща сель: Любохане, Поланы, Висніовъ, Руда Комерска и пр. (См. Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, стр. 327, 357, 359, 435).

²⁾ Въ писцовой книгѣ Пинскаго и Клецкаго княжествъ перечисляются ряды сель (Геровичи, Ошобовичи, Кудринъ и пр.) Пинскихъ, съ ихъ дворщами, располагавшимися по отдѣльнымъ „островамъ“ и урочищамъ (См. Писц. кн. Пин. и Клецк. княжествъ, стр. XXIV, 176, 186, 189, 191; Писц. кн. Пинскаго староства, II, стр. 188 и слѣд.).

³⁾ Наприимѣръ, въ Клецкомъ княжествѣ (см. Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 435 и слѣд.).

⁴⁾ Ревизія пущъ, стр. 71.

стахъ (на Якимовщинѣ, въ Синичахъ и пр.)¹⁾. Такими же обособленными дымами—„поселицами“ жили подданные Полоцкаго владыки, какъ это видно изъ описи владычныхъ сель, 1588 года²⁾. Въ Витебскомъ имѣніи Смольнянахъ князей Сангушекъ, въ концѣ XVI вѣка, послѣ введенія волочнаго кадастра земель (причемъ большинство сель было посажено на волокахъ), оставались села, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ не могла быть введена волочная система крестьянскаго землевладѣнія, и потому такія села продолжали по старому числиться изъ подымей и службъ: подданные такихъ сель „*rogozdu na służbach siedzą*“³⁾. То же самое встрѣчаемъ въ другихъ инвентаряхъ, напримѣръ, Минскаго имѣнія пановъ Служекъ (1590)⁴⁾. Точно также „жеребы“, упоминающіеся въ Смоленской записи о Ржевской дани (послѣ 1479 г.), находились въ „особномъ“ владѣніи жившихъ на нихъ же владѣльцевъ⁵⁾. Въ инвентарѣ волости, тянувшей къ Гомельскому замку (40-хъ годовъ XVII столѣтія), перечисляются ряды сель, состоявшихъ всего изъ одной службы съ однимъ-двумя дымами, — здѣсь вполне совпадаютъ понятія села, службы и дыма⁶⁾. Такія же показанія о хуторномъ типѣ дымовъ-службъ находимъ въ инвентаряхъ имѣній въ собственно литовскихъ земляхъ⁷⁾.

Хуторный типъ поселеній обозначается въ источникахъ обыкновенно указаніемъ на „осаду“ людей „сельцами“, въ особыхъ „урочищахъ“, „обрубахъ“, „углахъ“ и т. п.⁸⁾. Иногда обособленность

¹⁾ Ibid., стр. 69.

²⁾ Владыкѣ „прислухали“ фольварки: а) за Полоцкомъ „у мли“ фольваркѣ Струньи,—тянувшіе къ нему подданные жили на „поселицахъ“, въ 8-ми дымахъ, лежавшихъ отдѣльно одинъ отъ другого, въ каждомъ дымѣ по человѣку; б) другой фольваркѣ Тетчи,—къ нему прислухаютъ прихожіе подданные—18 дымовъ, изъ коихъ нѣкоторые жили въ особыхъ урочищахъ,—„Бояринъ на Бѣлой Водѣ 1 дымъ, Янко на Вердухѣ 1 дымъ“ и пр. (См. Археогр. Сборн., I, № 59).

³⁾ См. А. В. К., XIV, № 58, — инвентарь имѣнія Смольнянъ, 1594 г., стр. 472 и слѣд.

⁴⁾ Ibid., № 39.

⁵⁾ См. А. З. Р., I, № 71. Напримѣръ, въ Туровской трети было 40 боярскихъ жеребевъ, „на ния Клипріановича а Васильевы Костелева, а Шльнины, а каждый свой жеребей особно держитъ“; въ другихъ волостяхъ на одномъ жеребей „сидитъ“ одинъ человѣкъ и больше.

⁶⁾ А. В. К., XIII, стр. 361 и слѣд.

⁷⁾ Ibid. XIV, № 27, 36,—инв. имѣнія Орлова въ Ковенскомъ повѣтѣ пана Кунцевича (1584 г.) и инв. имѣнія Виржъ въ Унитскомъ повѣтѣ пановъ Лопатинскихъ (1587). Ср. также *ibid.*, стр. 216, 580, 545 и пр.

⁸⁾ Для примѣра приведемъ нѣсколько данныхъ изъ актовъ. Въ подтвердительной грамотѣ, 1511 г., пану Яновичу на села съ нашими землями, ищинами,

поселковъ обозначается въ инвентаряхъ „широкостію кгрунта удожь и впоперекъ“, на какомъ сидѣли общимъ хозяйствомъ люди въ одномъ мѣстѣ. Такое обозначеніе находимъ въ упомянутомъ выше инвентарѣ Гомельской волости: въ составъ послѣдней входитъ рядъ небольшихъ селець (Антоновичи, Дятловичи, Юрковичи, Озаричи и др.), каждое изъ одной службы, съ однимъ-двумя дымами, сообща владѣвшими рабочимъ инвентаремъ (напримѣръ, 2 вола, 1 конь), пахатью („среднимъ кгрунтомъ“) опредѣленной „широкости“ (вдоль и поперекъ по милѣ и больше, иногда до 4 верстѣ), сѣножатями (на столько-то возовъ) и пр.¹⁾ Мелкіе поселки-хутора обозначаются нерѣдко въ инвентаряхъ, какъ и цѣльныя имѣнія, общимъ опредѣленіемъ имущественнаго состава поселковъ, — „границъ и обыходовъ“ принадлежавшихъ къ нимъ земель, лѣсовъ, озеръ, лововъ и разныхъ другихъ угодій²⁾. Наконецъ, территориальная обособленность посел-

озерами и рѣчками въ Плотельской волости (въ Жмуди) приводится замѣчаніе Иновича: „около тыхъ озеръ и рѣкъ и на тыхъ пуцахъ которые люди дѣдъ и отецъ его посажалъ былъ... а такъ посадили на тыхъ пуцахъ его и тежъ на нашихъ особю, по разнымъ селцомъ. А ерочица тыхъ селець, на имя: Коврянцы, Стокляны, Рякеты, Писры, Римшины, Рякти, Бобрукяны, Эльгыя, Кенураны, на Тенжи а на Жибѣ, на рѣкахъ. Въ Стырникахъ: Полонгяны, Лѣнокгирнѣ, на Святой рѣцѣ пустовцины и корчмитъ въ землю и съ платомъ. Вся (сельца): Денцблѣгены и пр. (всего 8 весей). А вси тми сельца вышеписаны — въ границахъ, промежи рѣкъ: Мяннѣ и Слятое, ажъ дотулъ, гдѣ рѣка Святая внадплетъ въ море“ (Лит. Метр. Записей № 9, стр. 15). Въ смыслѣ такихъ же урочищъ акты говорятъ объ „обрубкахъ“. По инвентарю Гомельской волости (1640 г.), село Марковичи сидитъ „при обрубѣ, широкостію на 3 мили, село Бобовичи сидитъ обрубомъ“ (А. В. К., III, стр. 351 и слѣд.). См. также А. З. Р., I, № 144. Изъ актовъ Лит. Метрики конца XV в. видно, что въ лѣсныхъ мѣстностяхъ сельчане живутъ „обрубамъ“ — на роснахахъ въ лѣсахъ, имѣютъ здѣсь явны, сѣножати, озера и другія угодья (Коп. Лит. Метр., V, 122, 222). Слонимскій памѣстникъ Юшко Гойцевичъ далъ Жомоитину землю пустовскую въ Бѣляницкомъ „обрубѣ“ на Лодейницѣ, — въ 1490 г. владѣлецъ жаловался, что „Бѣловичане его съ той земли выгоняютъ вопъ“ (ibid. IV, 154 и 402). Въ 1496 г. подтверждено за Богданомъ Павловичомъ имѣніе: „отчина его и дѣднн въ Черниговскомъ повѣтѣ есть на имя: Сибрецъ а Заболотовесье, въ бобровыми гонами у нѣ обрубѣ“ (ibid. V, 114). Пану Щастному въ Городенскомъ повѣтѣ принадлежалъ „уголъ“ Дубровки близъ Оделожа (села), между полями людей господарскихъ Пуниковыхъ и Зубовича. Король Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ этотъ уголъ „со вспмъ съ тымъ, какъ ся тая отчина ихъ, уголъ Дубровки, адавна сами въ собѣ и нѣ границахъ своихъ мають... сами домами своими въ поля живутъ, а поля ихъ концями въ лѣсу прилегли“ (Ревнзія пуць, стр. 184).

¹⁾ А. В. К., XIII, стр. 351 и слѣд.

²⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, — инвентарь имѣнія князей Масальскихъ въ Луцкомъ повѣтѣ, 1570 г., стр. 382. Къ составу имѣнія, между

ковъ обозначается иногда указаніемъ на разстояніе, въ какомъ лежать данные поселки, напримѣръ, отъ главнаго двора и пр.¹⁾

Затѣмъ, въ люстраціяхъ и инвентаряхъ XV — XVI столѣтій порѣдко встрѣчаемъ описанія имѣній съ весьма малочисленнымъ составомъ населенія въ принадлежавшихъ къ нимъ селахъ. Большинство послѣднихъ носитъ общій характеръ небольшихъ поселковъ. Такимъ образомъ, изъ люстраціи Кіевской земли, около 1471 года, видно, что не только въ южныхъ, но и въ сѣверныхъ частяхъ этой земли, села того времени по большей части относятся къ типу хуторовъ²⁾. Съ такимъ же составомъ порѣдко упоминаются села въ инвентаряхъ имѣній подольскихъ, волинскихъ, полѣскихъ и др. По люстраціямъ подольскихъ староствъ Хмельницкаго и Каменецкаго, 1565 года, лишь въ немногихъ селахъ числятся до 40 человѣкъ; большинство поселеній состоитъ изъ одного-двухъ десятковъ человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ селахъ и того меньше³⁾. Въ волинскихъ и полѣскихъ инвентаряхъ также порѣдко встрѣчаются села изъ одного дворища, съ однимъ или двумя жильцами⁴⁾.

прочимъ, принадлежить село Солоницы — 1 дворище, „за всемъ на все зъ землю, зъ пашнею, з боры, з лесы, з озеры, з ловы звериными и иганими, яко ся тое дворище в границах и обыкодах своих само в себе маєт, на которомъ дворищи чловѣкъ на имя Швакъ Суць“ (Ср. также Ровиз. пунць, 181).

¹⁾ Такимъ образомъ, по инвентарю имѣнія Трабъ въ Ошмянскомъ повѣтѣ, 1581 г., къ главному двору тицетъ 7 службъ людей путныхъ. Службы эти были разбросаны кругомъ двора — въ милѣ отъ него и больше. „Вояроне путни миль двѣ оде двору (перечисляются 10 лицъ), дымоу. 8, служба, — земли грунту оромего на бочекъ 6, сѣнокати на возовъ 10, лѣсу нѣтъ... Останоничи, полторы миль отъ двора Ольшанскаго (перечисляются 4 лица), 6 дымоу, служба... Ъйсиче миль отъ Трабъ (2 лица), 2 дыма, служба.. Мильники бояре, миль отъ двора (2 лица), 2 дыма, служба... Наколовиче, миль отъ Трабъ (два братья съ зятьями), 6 дымоу, служба“ и пр. (см. А. В. К., XIV, № 20).

²⁾ Такъ, по р. Рси числятся въ люстраціи 19 селъ; изъ нихъ только въ двухъ насчитывается до 20 жильцовъ, — большинство селъ состоитъ изъ 2—20 крестьянскихъ хозяйствъ. Къ г. Чуднову тнуло 7 селъ, изъ коихъ лишь одно село Салоговъ можно назвать относительно большимъ поселеніемъ (55 чел.). Больше населены 9 селъ, тнувшихъ къ гор. Житомиру; но и здѣсь численность населенія ни въ одномъ селѣ не достигаетъ 4-хъ десятковъ человѣкъ. Къ двору Гржежане тнуло 7 отдѣльныхъ хуторковъ и 4 приселка; каждый изъ такихъ приселковъ состоялъ изъ 3—4 дымоу, сидѣвшихъ на отдѣльныхъ земляхъ, съ особыми названіями — Жоровленщина, Ъленская, Хлюпинская и пр. (См. Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, стр. 1—7).

³⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, стр. 140, 170.

⁴⁾ Напримѣръ, изъ 7 селъ, принадлежавшихъ въ 1570 г. князьямъ Масальскимъ въ Луцкомъ повѣтѣ, три села заключали по одному дворищу: дворище

При благоприятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ разростаніемъ населенія мелкіе поселки-хутора могли превращаться съ теченіемъ времени въ большія сельскія поселенія. Примѣры образованія сель изъ хуторковъ не разъ встрѣчаются въ актахъ. Таково, напримѣръ, образованіе состава имѣнія Деречинъ въ Слонимскомъ повѣтѣ. Имѣніе это, состоявшее первоначально изъ одного сельца съ прилегавшими къ нему лѣсными зарослями, при Витовтѣ поступило въ данную пану Копачевичу, — въ 1440 году подтверждено за нимъ въ отчину. На лѣсныхъ входахъ своего имѣнія владѣлецъ постепенно разширялъ полевою занашку, устроилъ „на стадо свое“ дворецъ Бережки и завелъ на входахъ „займища и проробки“ Всемеры и Крупое. Позже число такихъ займищъ разрастается, — въ актахъ конца XV вѣка насчитывается въ имѣніи уже цѣлый рядъ поселковъ (до 13-ти), тянувшихся къ главному двору и образовавшихся на лѣсныхъ входахъ изъ старыхъ займищъ и проробковъ ¹⁾. Въ концѣ XV вѣка бояре Волчковичи продали князю Константину Острожскому отчину въ Минскомъ повѣтѣ, состоявшую въ то время изъ трехъ отдѣльных службъ-хуторковъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ; позже изъ каждой службы возникли отдѣльныя села: изъ службы Кореневщина около Тарасова образовалось село Коренево, изъ службы Перхуровщина — село Перхурово и проч. ²⁾. Въ мѣстныхъ инвентаряхъ не разъ встрѣчаемъ также указанія на то, что разростаніе населенія въ службахъ и дворищахъ не влекло за собой никакихъ измѣненій въ составѣ послѣднихъ: не смотря на увеличившееся противъ прежняго вдвое и больше число дворищныхъ жильцовъ, дворищане продолжали числиться въ „давнихъ“ дворищахъ, давать съ нихъ дани по старимъ окладамъ и проч. ³⁾.

села Солиницы состояло изъ одного дыма (въ инвентарѣ показанъ 1 жилецъ), дв. села Петрашевичи — изъ 2 дымовъ, дв. села Олешковичи — изъ 5 дымовъ. Въ остальныхъ селахъ числится тоже 1—3 жильца въ каждомъ дворищѣ (см. Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, стр. 381 и слѣд. Ср. также Писцовую книгу Шявскаго и Клецкаго княжествъ, стр. XXIV).

¹⁾ См. Arch. Sang., I, №№ 2, 3, 17, 28 и 38. Изъ инвентаря этого имѣнія 1609 года видно, что въ XVII вѣкѣ оно представляло большую вотчину (см. Археогр. Сборн., I, стр. 239 и слѣд.).

²⁾ Ibid., № 101.

³⁾ Такимъ образомъ, изъ люстраціи Любомльскаго староства, 1564 года, видно, что село Олеско изстари состояло изъ 8 дворищъ. Въ пору составленія люстраціи личный составъ дворищъ значительно измѣнился противъ прежняго: „теперь людей размножилось до 49 человекъ“ (по 6 тяглицевъ на дворище). Тѣмъ не менѣе въ селѣ удерживались „давнія“ дворища; въ люстраціи намѣчаются

Съ другой стороны, въ инвентаряхъ и другихъ актахъ западно-русскихъ содержится не мало данныхъ, изъ которыхъ видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рольники, въ силу мѣстныхъ, почвенныхъ условій, осуждены были постоянно вести хуторную жизнь, не имѣли возможности заводить у себя большія, сплоченныя поселенія. Такъ было изъстаръ, напримѣръ, въ Пинскомъ Полѣсьи, покрытомъ сплошными болотами и низинами, мало пригодными для обширной земельной культуры. Культура велась здѣсь по незначительнымъ, разбросаннымъ „островкамъ“, между мало доступными для обработки болотами и песчаниками, — крестьяне могли жить на такихъ островкахъ только небольшими дымами-дворищами. При разростаніи численнаго состава дворищанъ, новыя поколѣнія жильцовъ должны были волей-неволей выселяться въ другія мѣста, прискивать для своей „осады“ свободныя островки, заводить здѣсь новыя дворища съ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Нерѣдко случалось, что и небольшія дворища-хуторки не жили на одномъ мѣстѣ, раздѣлялись на „селитбы“ по островкамъ. Таковы, напримѣръ, дворища въ нѣкоторыхъ Пинскихъ селахъ, которыя, какъ показываетъ писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, состояли иногда изъ отдѣльныхъ „sadzib“ (усадебъ, съ крестьянскими дворами), раздѣлявшихся между собой болотомъ и проч. ¹⁾. Вообще говоря, мѣстными условіями, при какихъ развивалась сельская колонизація въ отдѣльныхъ областяхъ литовскаго государства, по большей части, объясняется одинаковое происхожденіе полдворищъ, полслужбъ и другихъ мелкихъ частей сельскихъ поселковъ, сдѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ, на общихъ дворищныхъ земляхъ, по обособленнымъ „островамъ“, между низинъ, болотъ или неудобныхъ для жилья и обработки песчаниковъ съ лѣсными зарослями ²⁾. Кромѣ

(по числу дворищъ) только 8 дворищныхъ хозяевъ, — съ „давняго“ же числа дворищъ уплачиваются сельчанами дани и повинности (Арх. Ю. З. Р., ч. VII, томъ II, стр. 361).

¹⁾ Такъ, дворіще Смоляновичи, тянувшее къ селу Лопатино, раздѣлялось по мѣстнымъ условіямъ на двѣ отдѣльныя усадьбы: одна „sadziba“ съ дымами сидѣла возлѣ болота, другая — нѣсколько дальше, на другой сторонѣ того же болота; въ усадьбахъ жили съ своими семьями два брата Смоляновичи. Такія же двѣ отдѣльныя усадьбы находимъ въ дворищахъ Сабиневичи и Песчанковичи. (См. Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 227 и 229).

²⁾ Изъ одного акта 1554 года видно, что къ двору Ненковскому пинскаго землянина Дмитровича принадлежало, между прочимъ, дворіще изъ двухъ половинъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ на землѣ одного и того же дворища: „На Якимовичнѣй Ждавецъ, то полдворища, а полдворища Простаговское, на вроде держи“ (Ревизія пуць, стр. 69).

Пинскаго Полѣсья, аналогическія же условія сельской колонизаціи имѣли мѣсто въ Жмуди, на территоріи которой, какъ и въ Полѣсьи, располагались сплошныя пространства мало пригодныхъ для культуры болотныхъ низинъ и песчаниковъ по мѣстнымъ рѣчкамъ и озерамъ. Жмудины, какъ замѣчено раньше, до позднѣйшаго времени разбивались на мелкіе поселки, обыкновенно располагавшіеся по рѣчнымъ и озернымъ „врочищамъ“—островкамъ, съ почвой мало-мальски пригодною для рольничества и лѣсной культуры (бортничества, лововъ и проч.) ¹⁾.

Дробность крестьянскихъ дворовъ, державшаяся въ литовско-русскихъ земляхъ нерѣдко до позднѣйшаго времени, объясняется прежде всего мѣстными условіями колонизаціи этихъ земель. Въ старое время восточная и западная половины русской территоріи въ одинаковой мѣрѣ покрыты были громадными и непроходимыми лѣсами, усѣяны болотами и озерами, перерѣзаны рѣками и ручьями ²⁾. Непроходимыя пущи, боры, рѣчныя и болотныя низины съ песчаною или глинистою почвой покрывали въ старину не только Литву, бѣлорусскій край и все литовское Полѣсье, но и простирались далеко по Приднѣпровью, доходили до южныхъ „полей“, служившихъ крайними рубежами старой Полтавщины, Кіевщины и Подолія ³⁾. Въ этомъ-то необъятномъ

¹⁾ О такихъ „врочищахъ“ сказано выше. Въ подтверждающей грамотѣ (1511 года) пану Яновичу на земли и озера съ рѣчками въ Плотельской волости говорится: „около тыхъ озеръ и рѣкъ и на тыхъ пущахъ которыя (люди) дѣдъ и отецъ его посажалъ былъ, ино съ тыхъ людей отъ оныхъ часовъ расшодилося ихъ не мало, а такъ посадили на тыхъ пущахъ его и тежъ на нашихъ (господарскихъ) особно по разнымъ сельцомъ“. Далѣе перечисляются приведенныя нами выше озерныя и рѣчныя „врочища“ селоцъ. (См. Лит. Метр., Записей № 9, стр. 15).

²⁾ *Аристовъ*—„Промышленность Древней Руси“, стр. 1. См. также замѣтки *Л. Майкова* въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1874, августъ, стр. 259—276. На лѣсную колонизацію славянъ указываетъ еще *Маврикій*: „In silvis autem et ad fluvios et paludes lacusque aditu difficiles habitant“. (Strateg., XI, 5).

³⁾ Сосѣди воляннъ и полянъ, древяно были полѣсьями, живущіе въ лѣсахъ; старое этнографическое имя Кіевщины—„Поляпо“ (безлѣсная страна), какъ не безъ основанія полагають изслѣдователи, могло быть занесено славянами изъ Карпатскаго предгорья. Доселѣ безлѣсное Карпатское предгорье, на сѣверъ отъ Подолія, называется „опольемъ“, жители его — „опольцами“ или „полянцами“, какъ и жители сосѣдней лѣистой равнины, по верховьямъ Буга и Стлара, зовутся „полѣсьяками—древлянами“. См. *Ключевскаго* „Боярская дума“.—*Русская Мысль*, 1880, стр. 13. О лѣсахъ въ Кіевщинѣ см. П. С. Д., I, 4, 8, 32. О колонизаціон-

морѣ сплошныхъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, своею малою доступностью обезпечивавшихъ населеніе отъ вражескихъ нападений ¹⁾, развивалась изстари колонизація литовско-русскихъ областей. Лѣсные поселки располагались, главнымъ образомъ, по рѣчнымъ теченіямъ и вообще воднымъ и болотнымъ низинамъ, на островкахъ и прогалинахъ, свободныхъ отъ лѣсной заросли и не покрытыхъ сплошными болотами; въ междурѣчныхъ районахъ, при чрезмѣрной иногда глубинѣ почвенныхъ водъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ было возможно образованіе поселковъ ²⁾. На это обстоятельство находимъ любопытное указаніе въ люстраціи Каменецкаго староства, 1565 года. При описаніи двухъ сосѣднихъ селъ — Чермной и Окпина, изъ коихъ въ первомъ жило 20 крестьянъ, а второй былъ пустой, люстраторъ отмѣтилъ въ своей описи слѣдующее: „а на them Окпиніе żadnem obczajem nie moze bicz wiesz, isz w Russi nie ssadza szie nigdi, thilko prsi wodzie a prsi liessie; przelosz ludzie ze wsi Czermnei uriwalaŋ rol y syanozeczci na thim tho Okpinie“ ³⁾. Лѣсные островки и прогалины, располагавшіеся по рѣкамъ и между болотъ, по своей незначительной пригодности для культуры, допускали только одно-

номъ движеніи русскихъ славянъ изъ подкарпатскаго края см. мою статью: „Национальный вопросъ въ древней Россіи“, въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1894, IX, стр. 2, 6. О лѣсномъ бытѣ старыхъ литовцевъ см. приведенную выше цитату изъ *Lasicil De diis Samogitarum*, 46.

¹⁾ На оборонительное значеніе у древнихъ славянъ лѣсовъ и болотъ указываетъ еще Юршандъ: „Hi (Slaveni) paludes silvasque pro civitatibus habent“. Какъ видно изъ русскихъ лѣтописей, чтобы вторгнуться въ лѣсную глушь, неприятель долженъ былъ одолѣвать въ старину громадныя трудности, подвергаться перѣдко опасности погибнуть въ болотахъ и лѣсахъ, не достигнуть цѣли. (См. I Новгородскую лѣтопись, 71; Воскресенскую, 187; I Псковскую, 189; Ипатьевскую, 98 и проч.).

²⁾ Тамъ могли быть только „полазныя“ или „подлазныя“ земли, обрабатывавшіяся назадомъ, безъ постоянного жилья на нихъ. О полазныхъ земляхъ см. Арх. Ю. З. Р., I, № 2 (инвентарь двора Гржежинъ: „земля пустая Михонющина, полазомъ ее лаять“). Лит. Метр. Зап. № 4, стр. 196. Копія Лит. Метр., V, 15, 231, 277; XXVI, 190; XXXVI, 5.

³⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, стр. 193. Въ силу тѣхъ же условій и въ Литвѣ лѣсные поселки располагались по рѣчкамъ и озерамъ. См., напримѣръ, приведенную выше грамоту, 1511 года, пану Иновичу на земли въ Плотельскомъ повѣтѣ, съ сельцами, располагавшимися по луцкамъ лѣснымъ, на рѣчныхъ и озерныхъ „врончицахъ“ (Лит. Метр., Записей № 9, стр. 15). Объ аналогической же системѣ прирѣчныхъ поселеній крестьянъ въ восточно-русскихъ земляхъ см. *И. И. Семенова* — „О судьбахъ крестьянскаго сословія въ Россіи“ (*Русскій Вѣстникъ*, 1893, май, стр. 161—2).

кіе, разрозненные поселки. Такъ было, напримѣръ, на территоріи литовскаго Полѣсья, гдѣ крестьянскіе поселки, какъ замѣчено раньше, обыкновенно располагались мелкими дворницами и дымами, на небольшихъ островкахъ и низинахъ, между непроходимыхъ болотъ и лѣсныхъ зарослей ¹⁾).

Въ районахъ сплошныхъ лѣсовъ, гдѣ не встрѣчались природные острова—прогалины, не заросшія лѣсомъ и не покрытыя болотами, новые поселки заводились на „обрубкахъ“, „лядинахъ“ и „роспашахъ“ (см. выше), путемъ разчистки лѣсныхъ мѣстъ для культуры“ на „сыромъ (суровомъ) корню“ или „на сыромъ лѣсѣ“, по выраженію старыхъ актовъ ²⁾). При трудности сразу завести обширную полевою запашку путемъ разчистки большихъ лѣсныхъ пространствъ, на старыхъ лядахъ, обрубкахъ и роспашахъ лѣсныхъ возможны были лишь небольшіе поселки рольниковъ. Последніе теребили изъ подъ лѣса мелкіе клочки земли и садились „особно“ (goźnie) однимъ —

¹⁾ Въ силу этихъ-то мѣстныхъ условій, при кадастрированіи Пинскихъ мѣстностей королеви Бонны, обширная зарѣчная часть Пинскаго княжества не была размѣрена на волоки, осталась на старомъ дворницкомъ положеніи—„ведлугъ давнего а старого звичаю—захована ведлугъ старини ихъ, для водъ великихъ, острововъ малыхъ и тѣхже земель злыхъ, нискихъ, мокрыхъ, росныхъ межъ блоты и водами“. Въ Клецкомъ княжествѣ также нѣкоторыя села остались въ волочного измѣренія „dla ziemi bardzo zlychъ u ostrowowъ rozpuschъ u these maluchъ“ etc. (Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 176, 186, 436).

²⁾ Первичный способъ обработки земли путемъ лѣсныхъ розчистей упоминается уже въ актахъ времени Витовта. Такова его грамота, 1388 г., на данину земель ради посаженія новаго села „на сыромъ корню“ (А. З. Р. I, № 6). Въ записной книгѣ данинъ Казимира зарегистрирована, подъ 1450 г., данина Ейтвидовичамъ и другимъ лицамъ земель въ Жмуди, взятыхъ у нихъ раньше и ятѣмъ возвращенныхъ: „король имъ опять вернулъ тые земли, занужъ еще отцомъ ихъ князь великій Витовтъ подавалъ противъ ихъ отчины, што привернулъ къ Велунѣ, а тогда (то-есть при Витовичѣ) сѣлъ на сыромъ лѣсѣ“. Поселки „на сыромъ корню“ упоминаются въ актахъ до позднѣйшаго времени. Въ 1511 г., на княжьи Вишневецкихъ подтвержденно „на вѣчность“ мѣстечко Перемиль съ фольварками, землями, селницами, лѣсами и разными угодьями, съ правомъ „на сыромъ корени люди садити“ (Лит. Метр., Записей № 9, стр. 46). Изъ иллюстраціи староства Хмільницкаго (половины XVI вѣка) видно, что нѣкоторыя мелкія села (Кочапонка, Педлѣдова и пр.) были „засажены на суровомъ корню“ (Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. II, стр. 157, 167). Ср. также Сборн. Муханова, 195 и пр. Западно-русскимъ обрубкамъ, роспашамъ и лядамъ соответствуютъ такія же лѣсныя ляды, роздерты, росчисты, роскосы и гары Новгородскихъ и другихъ восточно-русскихъ актовъ XIV и слѣдующихъ вѣковъ (См. *Аристоса* Промышлен., 57). Новые починки и здѣсь садились въ лѣсахъ „на сыромъ корню“ (А. А. З. I, № 15).

двумя дымами тутъ же, на своихъ отдѣльныхъ роляхъ, обрубкахъ и пр. ¹⁾).

Къ такой же дробности поселковъ велъ самый характеръ старой системы сельскаго хозяйства. При слабой густотѣ населенія и при обширности свободныхъ, никѣмъ неосвоенныхъ земель въ степныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ, старый рольникъ „подыметъ“ въ степи цѣлину или „чертитъ“, подсушиваетъ и выжигаетъ лѣсную поляну, приспособить ее къ рольничеству, посадить на ней съ своимъ дымомъ три—четыре года, до истощенія почвы, и, затѣмъ, не зная вовсе удобренія ради поддержки плодородія истощенной земли, переходятъ со всѣмъ своимъ хозяйствомъ на другое мѣсто, заводятъ новую яду—розчисть, съ тѣмъ, чтобы и ее со временемъ оставить. Это—то переложное (въ степныхъ мѣстахъ), подсѣчное, огневое или ядинное (въ лѣсныхъ) хозяйство занимало въ старое время видное мѣсто въ исторіи русской земельной культуры. Являясь чуть ли не всеобщимъ (особенно въ сѣверной полосѣ лѣсныхъ районовъ) еще въ XVI вѣкѣ, хозяйство это доселѣ практикуется на русскомъ сѣверѣ, гдѣ до нашихъ дней извѣстны древнерусскія яды, сыростьки, огнища, гаря, палы и т. д. ²⁾. Существованіе въ старой Литвѣ той же системы хозяйства можно прослѣдить по актамъ еще въ XVI вѣкѣ. Въ судебномъ вырокѣ 1514 года, по дѣлу господарскихъ людей Койминцевъ двора Неменчинскаго, жившихъ отдѣльными дворами (дымами) на земляхъ, принадлежавшихъ означенному двору, между прочимъ, записано показаніе Койминцевъ: „часто ся дворы свои переносимъ на иншіи мѣста для навозовъ“ ³⁾. Приведенныя раньше данныя о литовскихъ и бѣлорусскихъ „ядахъ“, „ядинахъ“ и „ядинцахъ“ (последнія—лѣсныя выжиги, оставленныя безъ обработки селища—

¹⁾ О лѣсныхъ „*golach, obzagach* или *vztukach gol*“, съ сидѣвшими на нихъ „*goznie*“ людьми см., напримѣръ, иллюстрацію Любомльскаго староства, половины XVI вѣка (Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. II, стр. 357).

²⁾ См. И. Бяляева „Нѣсколько словъ о земледѣліи древней Россіи“ (Времен. Ист. и др. XXII, отд. I). Аристова „Промышленность древней Руси“, 58. Сопытова „О системахъ земледѣлія“, 1867. Намекъ на слѣды у старыхъ славянъ такого же хозяйства, съ переменной мѣстъ поселеній, даетъ еще Проконій (*De Bello gothico*, L. IV), сообщающій о томъ, что славяне „*in tuguriis habitant vilibus et gare vragis atque habitationis locum sibiinde mutant*“. Точно также древніе германцы, жившіе подобно славянамъ въ разбросъ, гдѣ попало, посидѣвши на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, мѣняли мѣста обработкѣ, переносили пашни на новыя мѣста (Тацитъ *Germa.* 7 и 16; Саес., *de Bell. Gall.* VI, 22).

³⁾ См. Skarbiec, № 2281. Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 62.

пустоши) по актамъ начала XVI вѣка указываютъ также на слѣды существовавшего въ литовско-русскихъ земляхъ подсѣчного или лядиного хозяйства ¹⁾. Переживаніе той же системы, несомнѣнно извѣстной изстари въ южно-русскихъ областяхъ, сохранялись въ Малороссіи мѣстами еще въ XVIII вѣкѣ ²⁾.

Затѣмъ, западно-русскій сельчанинъ занимался не однимъ рольничествомъ, но и другими промыслами, смотря по удобствамъ лѣсныхъ и степныхъ уходовъ,—человодствомъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ, ловами звѣриными, птишими и пр. „Станы“ и „избы бортниціе“ (у „лазень“ къ дереву бортному) въ сѣверныхъ пуцахъ и „пасѣки“ въ южныхъ степяхъ, „дворы“, „избы“ и „становища“ въ пуцахъ и заросляхъ „на стадо“ или „животину“, „избы“ и „становища“ у рѣчныхъ и озерныхъ входовъ („затонъ“, „лукъ“ и пр.), лѣсные „дворы“, „станы“, „стайни“ и „околы“ ловецкіе ³⁾, какъ

¹⁾ Конія Лит. Метр., V, стр. 308, 305, 306; VI, 533, 544, 551. „Ляды“, „лядинны“ и „лядинцѣ“ были извѣстны не только въ собственной Литви и сѣверной полонинѣ Крипичской земли, но и въ бывшей Черной Руси (А. З. Р. I, № 218—въ Слоним. повѣтѣ; *ibid.* II, № 31—въ Погогород. нов.), даже на Волини (*ibid.*, II, № 14—въ Луцк. повѣтѣ).

²⁾ Въ „Сборникѣ матеріаловъ для исторіи общинъ и общественныхъ земель въ лѣнберижской Украинѣ въ XVIII вѣка“ (1884), изд. проф. И. Луницкаго, находимъ любопытныя указанія актовъ на переходное хозяйство въ Малороссіи еще въ прошломъ вѣкѣ. Въ одной грамотѣ говорится объ обычѣ пользоваться „сѣнокосомъ и паханемъ хлѣба повѣтъ безприсяжно и безобидно, одинъ передъ другимъ, по *перемѣннымъ мѣстамъ*, гдѣ кто пожелалъ“ (см. *ibid.*, стр. 202). Или въ грамотѣ 1766 года: „поле пахатное тамъ же выѣстѣ зопямъ и сѣнокосное, по древнему тамо устновленію обще всѣми жителями употребляются, сколько кому якого лѣта къ паханію и сѣнокосу надобность уважить, и гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо орегъ, либо косить, а собствешаго нѣякаго не мѣтеся“ (*ibid.*, 166).—Тоже переложное хозяйство практикуется у кавказскихъ горцевъ, обыкновенно, по истощенію кругомъ земля, переносящихся аулы на другія мѣста (см. мои „Адаты“, I, 176; *Гакстаузенъ* „Закавказскій край“, гл. 14), какъ и есть указанія на подсѣчную культуру у сѣверныхъ финновъ (см. *Alquist, Kulturwörter*, 26). О переложномъ или „кочевомъ“ земледѣліи у другихъ народовъ см. *Зибера* „Очеркъ первобытной экономической культуры“, 86 и слѣд.

³⁾ О „бортническихъ“ станахъ и избахъ см. Археографическій Сборникъ I, 17; Ревизія пуць, 208. О пасѣвахъ—Арх. Ю. З. Р. ч. V, т. I, стр. 532 и др. О дворахъ, избахъ и становищахъ „на стадо“ или „на животину“—А. И. К. XIV, стр. 199; Arch. Sang. III, № 23; Ревизія пуць, 164. Объ избахъ и становищахъ у рѣчныхъ входовъ, затонъ и пр.—Ревизія пуць, 163, 166 и пр. О ловецкихъ станахъ и дворахъ—Археографическій Сборникъ I, № 17; А. З. Р. I, № 204; II, № 161.

указано раньше, имѣли вездѣ значеніе одиночныхъ хуторковъ, разбросанныхъ далеко одинъ отъ другаго, именно въ силу самихъ условій охотничьихъ и другихъ промысловъ, требовавшихъ для себя большаго пространства и обусловливавшихъ этимъ повсемѣтную дробность и разбросанность лѣсныхъ и степныхъ становъ и дворовъ¹⁾. И здѣсь, какъ и въ быту рольничьихъ поселковъ, имѣли мѣсто своего рода лядины и перелогі: распахивалась заросль, служившая пастбищемъ, истреблялся подъ бортями лѣсъ путемъ займокъ подъ пахоть, истощался запасъ дичи, служившей для лѣсныхъ становщиковъ предметомъ лововъ,—промышленники переходили съ своими станами и избами на новые входы, заросли и ловы, оставляли на старыхъ мѣстахъ пустыя „ловища“, „становища“, „избища“ и т. д.²⁾

Затѣмъ, къ той же дробности и обособленности поселковъ могла вести и система натурального хозяйства, въ старое время господствовавшая во всѣхъ областяхъ литовско-русскаго государства. Въ имѣніяхъ господарскихъ и владѣльческихъ—шляхетскихъ и другихъ всѣ отрасли хозяйства и всѣ потребности самого владѣльца и его фольварковъ-фермъ удовлетворялись собственными рабочими и служебными силами—трудомъ крестьянъ, отправлявшихъ разныя спеціальныя, „особыя“ службы. По такимъ службамъ, лежавшимъ на крестьянскихъ земляхъ, крестьяне разбивались на отдѣльные разряды (слугъ, тяглыхъ, данниковъ и т. д.) и жили по такимъ же спеціальнымъ службамъ отдѣльными поселками—дѣлами, дворицами и др. Специализація крестьянскихъ службъ, естественно, должна была вызывать своего рода специализацію, обособленность и дробность крестьян-

¹⁾ Лѣсной, охотничій бытъ, со свойственной ему обстановкой жизни лѣснаго охотника, изстари практикуется у сѣверныхъ финскихъ племенъ, живущихъ доселѣ небольшими охотничьими семьями. Ихъ юрты (коты) разбросаны по лѣсамъ на значительномъ разстояніи одна отъ другой, такъ какъ для каждаго охотника необходимо большое пространство, гдѣ бы онъ могъ путемъ лововъ добывать необходимые средства существованія. Въ силу этихъ-то условій охотничьихъ и вообще лѣсныхъ промысловъ, каждая финская семья живетъ отдѣльно отъ другихъ ради удобства охоты и пр. (*Alquist, Kulturwörter etc.*, стр. 102, 220). Раньше указать несомнѣнно исконный лѣсной обычай промышленниковъ русскаго сѣвера дѣлить между собой лѣсныя пространства на отдѣльные участки—„путики, пути, слѣды и слѣдки“, чтобы не мѣшать другъ другу по своимъ лѣснымъ промысламъ. На такихъ слѣдахъ и путяхъ лѣсные промышленники, какъ было въ старину, такъ и донинѣ, живутъ обособленными избами, дробными хуторками.

²⁾ См. предыдущее примѣчаніе о станахъ, становищахъ и пр.

скихъ поселковъ. Группа слугъ даннаго имѣнія, обыкновенно изъ нѣсколькихъ семей и хозяйствъ, обособлялась въ особыхъ дымахъ—дворищахъ, нерѣдко и селахъ, жила отдѣльно отъ группъ людей тяглыхъ или данниковъ, обособлявшихся также по особымъ дворищамъ ¹⁾.

Но безъ вліянія на дробность сельскихъ поселеній оставалась также практиковавшаяся въ старой Литвѣ-Руси система данинъ (пожалованій) земельныхъ участковъ ради заселенія, службы и пр. ²⁾ Во всѣхъ областяхъ государства было не мало мелкой служилой шляхты владѣвшей по данинѣ не большими помѣстьями—клочками земли, съ осадой на нихъ поселковъ въ одинъ—два дыма. По описямъ XVI вѣка въ польской Подоли (особенно въ среднихъ и восточныхъ повѣтахъ) нерѣдко большая фамилія околичной шляхты владѣеть однимъ или двумя плугами, а часто и вовсе остается безъ крестьянъ, а между тѣмъ клочки земли именно даны для заселенія и постоянного пребыванія на нихъ въ видахъ безсмѣннаго отправленія службы,—владѣльцы, не находя другаго выхода, волей-неволей должны были держаться на своихъ мѣстахъ ³⁾.

Наконецъ, исключительное существованіе „хуторовъ“ въ окраинныхъ повѣтахъ южно-русскихъ областей литовскаго государства въ XV—XVII вѣкахъ объясняется, главнымъ образомъ, татарскимъ „разореніемъ“, не допускавшимъ прочнаго и устойчиваго образованія большихъ сельскихъ поселеній. Какъ мы знаемъ, обширныя пространства земель на южно-русскихъ окраинахъ состояли почти до XVIII вѣка изъ однихъ уходовъ, съ разбросанными на нихъ одиночными хуторами ⁴⁾.

Въ такихъ общихъ чертахъ представляется намъ, по документальнымъ даннымъ, внѣшній, такъ сказать, территориальный составъ

¹⁾ См. объ этомъ ниже—въ IV главѣ.

²⁾ См., напримѣръ, А. З. Р. I, стр. 22. *Антоновича*, Грамоты, стр. 85.

³⁾ См. проф. *Владимірскаго-Буданова*, Населеніе, стр. 67 и слѣд. О данинѣ земель съ обязанностію ихъ заселенія и пребыванія на нихъ см. Арх. Ю. З. Р., ч. VIII, т. I, № 8, 10, 11 и 14. См. ниже—въ IV главѣ о данинахъ.

⁴⁾ О татарскомъ „разореніи“ см. А. З. Р. I, стр. 125, 148, 151, 178, 179, 210, 212 и проч. Въ началѣ XVII вѣка, напримѣръ, въ Лудвомъ повѣтѣ отъ татарскаго разоренія 1593 г. оставалось 269 пустыхъ мѣстечекъ, селъ и деревень: „и до того часу пусты есть, а людей въ нихъ не машъ“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 83, стр. 289). О дробности, непрочности и эфемерномъ существованіи сельскихъ поселеній въ южно-русскихъ областяхъ въ XV—XVII вѣкахъ см. *Владимірскаго-Буданова* Населеніе, стр. 67 и слѣд.

и распредѣленіе дымовъ, дворницъ и другихъ поселковъ того же типа въ волостномъ строѣ отдѣльныхъ областей литовскаго государства. Господствующій, по преимуществу хуторный типъ такихъ поселковъ развился и поддерживался иногда до позднѣйшаго времени подъ прямымъ и косвеннымъ воздѣйствіемъ ряда разнообразныхъ условій колонизаціи и экономическаго быта отдѣльныхъ областей. Въ источникахъ въ особенности намѣчается по нашему вопросу воздѣйствіе условій почвенныхъ (лѣсисто-болотистые районы на сѣверѣ и „поле“ — открытая степь на югѣ), экономическихъ (подсѣчная, переложная система сельскаго хозяйства, специализація „службъ“ крестьянъ, также характеръ и источникъ мѣстнаго землевладѣнія, въ особенности служилой шляхты) и политическихъ (главнымъ образомъ, татарское „разореніе“ XV—XVII вѣковъ).

III.

Перейдемъ теперь къ вопросу о *составѣ населенія* дымовъ, дворницъ, службъ и другихъ поселковъ того-же типа, посмотримъ, изъ кого состояли крестьянскіе дворы, кто въ нихъ жилъ, какія бытовые связи лежали въ основѣ личнаго состава населенія и пр.

Многочисленные данныя по этимъ вопросамъ, находящіяся въ старыхъ инвентаряхъ и другихъ актахъ, раскрываютъ съ приблизительною точностью разнообразныя элементы въ составѣ населенія крестьянскихъ дворовъ. Тѣ же данныя даютъ документальную основу для проверки принципиальныхъ воззрѣній, высказываемыхъ изслѣдователями по вопросу объ общей природѣ дворницъ, службъ и пр., то въ смыслѣ „единицъ, данныхъ естественнымъ развитіемъ *семейно-родовой коопераціи и совладнѣнія*“¹⁾, то вообще въ значеніи, „*родаплемени*“, „*большой родовой или задружной семьи*“²⁾, „*семейно-родоваго союза*“, „*семейнаго двора*“, жильцы котораго связаны между собою *родствомъ* и пр.³⁾. Остановимся прежде всего на фактическихъ дан-

¹⁾ См. *Любавскаго* „Областное дѣленіе“ стр. 438, 461, 462.

²⁾ „Союза ближайшихъ родственниковъ (дядей, племянниковъ, двоюродныхъ братьевъ), живущихъ въ тѣсномъ семейномъ единеніи“, — союза, который лишь позже утрачиваетъ чистый родовой (кровный) характеръ и превращается въ „договорной“ союзъ, „посябрину“ (г-жи *А. Ефименко* „Дворничное землевладѣніе въ южной Руси“, — въ *Русской Мысли* 1892, апрѣль, стр. 157, 158, 166, 168).

³⁾ Такія формулы находимъ въ статьяхъ г-жи *Ефименко* (см. выше), также *Лучичкаго* „О сябрахъ и сябринномъ землевладѣніи“ (*Сѣверный Вѣстникъ* 1883 г., янв., стр. 89 и др.), *Ковалевскаго* „Объ общинномъ землевладѣніи“ и др.

ныхъ, относящихся къ вопросу о личномъ составѣ крестьянскихъ дворовъ.

Въ записяхъ данинъ, въ инвентаряхъ и другихъ актахъ, население дымовъ, дворищъ и пр. нерѣдко обозначается, въ отличіе отъ „дворной челяди“, общими терминами „человѣковъ“, „людей“, съ помеченнымъ ихъ перечисленіемъ ¹⁾. Иногда же данина обозначается и огульнымъ указаніемъ на число людей, безъ показанія ихъ именъ ²⁾.

Населеніе крестьянскихъ дворовъ, далѣе, обозначается именами: *селянъ, всянъ* (wsiane), людей *волостныхъ, мужей* (мужеве) и *мужиковъ*. нрѣдка также *земцевъ, смердовъ, кметей* (smetones), *laboriosi* и *coloni*. людей *простаго стану, посполитыхъ, черныхъ, наконецъ подданныхъ* (subditi) и *хлоповъ* (chlopi) ³⁾. Последнія два названія

¹⁾ Такимъ образомъ, въ записной книгѣ данинъ Казимира регистрируется данина иногда въ такой формѣ: „Ойнару-Новсугевичу чотыри *человѣки* у Немонитехъ: Радусъ, Риндукосъ, Хотени, Толочко. Мокзгейку и въ синомъ съ Немиромъ, пять *человѣковъ* у Навницвой волости: Кузма Лшковичъ а Свойда Кгудевичъ, а Жадейко Пелшковичъ да Дамейко, а Котюсъ“... „У Жомюти у Видукляхъ Двкгинту чотыри *человѣки* на ймя: Войша, Спутъчусъ, Пукша, Келъшисъ“. Затѣмъ еще зарегистрирована данина 12-ти лицамъ по 2—4 *человѣка*, съ помеченнымъ обозначеніемъ каждаго изъ нихъ. Иногда вмѣсто „человѣковъ“ даются „люди“: Твирбуту Визкедовичу, Лидяинну, Петрелевичъ люди: Мелетевичъ, Югелисъ, Янутисъ.—„Васку, конокорицы, тые люди“ (затѣмъ перечислено помечено 10 фамилій). „У Солшникахъ тые люди на ймя: Сирмонть а Рудисъ“ (еще 7 *человѣкъ*) и т. д.

²⁾ Тамъ же: „Мацкуда Петрашку, Стровилове братьи шесть *человѣковъ* Боривойнишки, у Медницкой волости... Сугалу пять *человѣковъ*. Можириму пять *человѣковъ*. Мостявилу пять *человѣка*, Сервиду пять *человѣка*... Виленское волости Онякшти пану Сидвою 30 *человѣковъ* конокорицевъ“ и пр. „Люди“, въ смыслѣ „сельчанъ“, жившихъ на крестьянскихъ, а не дворныхъ земляхъ (фольварочныхъ), вездѣ въ актахъ отличаются собственно отъ „дворной“ челяди. Въ 1478 г. Казимиръ далъ писарю Пашку въ Жуди дворець Промядевскій „съ *челадю*“ (жившей въ самомъ дворцѣ-фольваркѣ) и *людми*“,—последніе жили въ отдѣльныхъ поселкахъ на крестьянскихъ земляхъ (Копія Лит. Метр., IV, 363; ср. *ibid.* 342 и др.).

³⁾ Хлопы, въ значеніи невольной челяди (лворни), иногда противопоставляются мужикамъ-крестьянамъ (Литов. Стат. 1529, XI, 2). о *селянахъ* см. Копія Литовской Метрики, V, 59, 87 (конца XV вѣка). О *всаянахъ* (отъ „весь“—поселокъ) см. Арх. Ю. З. Р. ч. VIII, т. I, стр. 180; *Грушевскаю* Барское староство, 261; ср. въ Инт. гѣт. 495,—„всаяне“. О *людяхъ волостныхъ*—А. З. Р. I № 2 (п. 54). 4, 60, 67, 82, 167; II, 87. Копія Литовской Метрики V, 168; *Любавскаю* Областное дѣленіе 856. О *мужахъ*—А. Ю. З. I, № 182; Arch. Sangusz. I, № 24; Арх. Ю. З. Р. I, № 6; Коп. Лит. Метр. V, 104; *Любавскаю*, 357. О *мужикахъ*—Археогр. Собр. III, стр. 56 и 57; Коп. Лит. Метр. V, 292; VI, 157; *Любавскаю*, 357. О

становятся господствующими въ актахъ XVI и слѣдующихъ столѣтій.

Крестьянскіе дворы обозначаются, большею частію, по именамъ самихъ крестьянъ. Въ записяхъ данинъ Кизимира зарегистрированъ рядъ пожалованій крестьянскихъ дворовъ въ такихъ формулахъ: „пану Кгастовту (даны) Довъкгяйло Жодвидовиць а Петръ Тилковичъ да удова Бенятова, невѣста“. „Въ Лукомли: Станку Саковичу (даны) у Новоселкахъ Андрейко Сядневичъ, Гринко Исаковъ; у Торонтевичокъ: Ходоровиць, Созовно братъ, Малашко Наумовичъ“ и т. д. Въ записяхъ обозначается, огуломъ или поименно, иногда довольно значительное число людей, носящихъ *одно и то же имя*. Напримѣръ, „Гринкови Сурвиловичю (даны) Менъковтовичи, а всихъ ихъ семь человекъ“. „Ондрушку 14 человекъ у въ Острынѣ у въ островѣ данъники, на имя Поздешевичи“. „Нетеви 20 человекъ у Стравницѣхъ, на имя Жворбоничи“. „Левку а Скривонънову а Вешторту Совичевичу 30 человекъ у Солшниковъ, на имя Витолтовичи“. „У Лынкменѣхъ Нарбуту (даны) Стекаланцовъ семь человекъ, на имя: Вяжа Колтенянского, а Вестерта, а Бенюта, а Шеймойта, а Якубовича, а Тилиа, а Стропа Путеневича, не данъные“¹⁾. Въ инвента-

*земцяхъ—Любавскаю, 816 (актъ 1533 г.); Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 83 (актъ 1514 г.); Археографическій Сборникъ VII, № 4, стр. 16 (актъ 1456). Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 590. О кметяхъ—Археографическій Сборникъ III, № 6; А. З. Р. I, 103; 189 (п. 20); Памят. II, 119; Skarbiec, № 1898 (актъ 1424). Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 18, 22 и 38; Лит. Стат. 1529, I, 22; Литов. Метр., Записей № 80, стр. 256; Литов. Метр. Публичныхъ дѣлъ № 28, стр. 114. О laboriosi—Археографическій Сбор. III № 5. О солони—Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 18. О черныхъ людяхъ—А. З. Р. I, № 60, 204, 213. О смердахъ—Любавскаю, 858 (актъ конца XV вѣка); Skarbiec № 2242 (1513 г.); Копія Лит. Метр. VI, 54 (актъ 1495 г.). О мостолимахъ—А. Ю. З. I, № 22, I. О подданныхъ—Литов. Метр., Записей № 2, стр. 206 (актъ 1432 г.); Копія Литовской Метрики VI, 23 (актъ 1494 г.) и др. О людяхъ простою статью—А. Ю.-З. Р., I, № 203. О хлопахъ—Литов. Метр., Записей № 2, стр. 206 (актъ 1432 г.); Копія Литовской Метрики, VI, 54 (актъ 1495 г.); Арх. Ю. З. Р. ч. VIII, т. I, № 171 (актъ 1597 г.); Любавскаю, 858. О „невольной челяди“ см. мою статью: Паискій дворъ въ литовскомъ государствѣ (*Варшавскія Университетскія Извѣстія* 1896, V).*

¹⁾ „Пану Довъгяйдовичю (даны) Довъгяйдовы люди, 13 человекъ, Овъдеевичи, на имя: „Олекса, Яковъ“ и пр. „Пану Контовту (даны) у Кнетовской волости Лядовляне; 30 и чотыри человекъ, куничниковъ, на имя: Войдата“ и пр. (всѣ перечислены поименно). „А въ Брожехъ (даны) на имя Шейгянь 16 человекъ куничниковъ же (поименованы всѣ). То всихъ людей дано пану Контовту 50 человекъ куничниковъ“.

ряхъ такія же одноименныя названія приурочиваются къ дымамъ, дворищамъ, службамъ и даже къ цѣлымъ селамъ. По инвентарю имѣнія Лихтянъ (въ Жмуди) село Прачевичи слагается изъ 11 службъ.— всѣ эти службы состоятъ изъ людей Прачевичей (съ сыновьями, братьями и ихъ дѣтьми); въ полѣ Кседвиги числится три службы.— всѣ состоятъ изъ Викневичей; въ полѣ Янайты—4 службы. изъ коихъ двѣ, какъ основныя, состоятъ изъ людей Янайты ¹⁾. Точно также по другому инвентарю село Лотушки состоитъ изъ 5-ти дымовъ; въ каждомъ изъ нихъ живутъ Лотушки,—цѣлое село слагается изъ однофамильцевъ ²⁾. Полѣскіе дымы и дворища также состоятъ иногда изъ крестьянъ съ одинаковыми фамиліями; напримѣръ, въ дворищѣ Щуровичъ живутъ три брата, „сыны Щуровы“,—въ дворищѣ Пасынковичъ—три брата „сыны Пасынковы“ и пр. ³⁾. Иногда же дворища слагаются изъ нѣсколькихъ группъ дымовъ, каждая съ однимъ общимъ наименованіемъ жившихъ въ нихъ людей ⁴⁾. Эти-то однофамильцы называются въ инвентаряхъ *именниками* (именичи, поименники). Въ люстраціи Чернобыльскаго замка 1552 г. читаемъ: „Село Онкиіево—именици, а есачники на Уши пана Суриновье“,—въ другихъ селахъ именники замѣняются братьями и „племенемъ“ ⁵⁾. Въ имѣніи Деречинскомъ Словимскаго повѣта князей Полубенскихъ, по инвентарю 1609 г., жили земляне и шляхта (служилая) съ ихъ „име-

¹⁾ А. В. К. XIV, № 69.

²⁾ Ibid., № 42.

³⁾ Ревізія пущъ, стр. 69. По писцовой книгѣ Пинскаго староства такой же составъ имѣютъ многія дворища Зарѣченской части староства: дворище Приодичи—сидятъ люди Приодичи; дворище Коптевичи—сидятъ Коптевичи, дворище Шепеленичи—сидятъ Шепелевичи и т. д.,—сидятъ съ братьями, сынами, братаничи, дядковичи и пр.

⁴⁾ Какъ видно изъ инвентаря имѣнія Полонскаго, 1598 г., въ дворищахъ Полѣской волости крестьяне съ одинаковыми фамиліями иногда занимали нѣсколько дымовъ. Въ дворищѣ Кошловичъ числилось 7 дымовъ: два дыма занимали Матвей Махновичъ съ женатыми сыновьями и Самонъ Махновичъ съ сыномъ; два дыма Олешковичи (а) Левъ и Миць Олешковичи съ 2-мя сынами и б) Мартинъ Олешковичъ; два дыма—Фальчевичи (а) Луко съ двумя сыновьями и б) Миць съ зятемъ Игнатомъ; одинъ дымъ—Климъ Занкевичъ съ 4-мя сыновьями Дворъ Рожитичъ—изъ 10 дымовъ; изъ нихъ 8 дымовъ—Колуховичи (а) Семень и Демидъ, б) Матвій съ сыномъ и в) Дачко съ 3-мя сынами); 4 дыма—Назаровичи и пр. (Памятн. Киев. Ком. III, отд. 2, стр. 153 и слѣд.).

⁵⁾ Арх. Ю.-В. Р., ч. VII, т. I, стр. 588, 590.

ничи¹⁾. Въ волинскихъ дворницахъ, въ половинѣ XVI вѣка, крестьяне жили съ своими „*poimennikami*“ (родичами, племенемъ)²⁾.

Затѣмъ, въ записной книгѣ данинъ Казимира зарегистрированы въ нѣсколькихъ мѣстахъ *семьи* и *семьлицы*, съ перечисленіемъ лицъ, входившихъ въ ихъ составъ³⁾. Иногда же семьи и семьлицы обозначаются, какъ и люди, огуломъ, безъ поименныхъ указаній на ихъ личный составъ⁴⁾.

Въ инвентаряхъ и другихъ актахъ находимъ, затѣмъ, ближайшія указанія на составъ именныхъ и семей, жившихъ въ крестьянскихъ

¹⁾ Археогр. Сборн., I, стр. 239 и 244.

²⁾ *Jablonowski, Ziemia Wołyńska w połowie XVI w. (Zródła dziejowe, VI, стр. LXXXVII).*

³⁾ „У въ Оболахъ князю Андрею Володимировичу (даны) три *семь*: Соприичи, Орябцевичи, а Процевичи“. „Сонъдрушку Рамейковичу двѣ *семь*: Вошоньдичи, а Проконъевичи“. „Остафью двѣ *семь*, Голохвастовъ *семью*, на имя: Ходыку а Миколаю“. „Данилю три *семь* у Бедричихъ: Онанку Бородина, а Терешку Речницкого, а Демьянова сына Бабаева“. „Князю Володимеру Дмитревичу двѣ *семь*: Дягилева да Сверцькова, да село Залесовское“. „Вейкиновичу Супропу село его Глубокая а Лещовичовъ 5 *семей*“. „Пани Рачковой Сулятичи, а *семью* ново далъ потому, какъ великій князь Ватовъ далъ ей за пана Рачка, дая какъ панъ Рачко держалъ“. О данинѣ *семей* см. также Skarbies, № 2182 (актъ 1607).

⁴⁾ Такъ, въ записяхъ Казимира, непосредственно за приведеннымъ выше перечнемъ „людей“, данныхъ 13-ти разнымъ владѣльцамъ въ Жмуди, въ Видукляхъ, зарегистрирована данина различнымъ лицамъ 51 *семьлицы*, огульнымъ числомъ, безъ поименнаго перечисленія принадлежавшихъ къ нимъ людей: „Довъяту (даны) двѣ *семьлицы*. Юрю *семьлицы*. Войню *семьлицы*. Стакгивилу *семьлицы*“ и т. д. Изъ актовъ видно, что терминомъ „*семьянинъ*“ обозначается вообще домоходецъ, кто бы ни жилъ въ дворѣ (Литов. Метр. Записей № 8, 135). По листраціи Каменскаго замка, 1552 г., въ замковыхъ селахъ живутъ только „*семьи*“; не упоминаются ни думы, ни дворница (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 98 и слѣд.). Не лишнимъ будетъ указать на коренное значеніе славян. „*семья*“. *Семья* („со-имаю“, — кор. *съ, sei*, соединять, см. *Fick*, I, 186) прежде всего означала *жену*, супругу (со-пригаю), затѣмъ и происшедшихъ отъ супружества, *живущихъ вмѣстѣ*. Названіе жены — *семьей*, *семьлицей*, находимъ, напримѣръ, въ старыхъ актахъ: „Государю моему Петру Оеонасьевичу *семьшика* твоя, *Марьшица*, *челомъ бьетъ*“ (Доп. къ А. И. I, № 231). „*Семьянитися*“ означало также вообще соединяться, дѣлать стачки, ридитися въ артель и пр. Въ крестоприводныхъ записяхъ Московской эпохи, напримѣръ, иногда налагается обязанность „не *семьянитися* ни съ кѣмъ на государя“ (*Соловьева* Исторія, 5-е изд., I, 290. *Давровскаго* Коренное значеніе родств. именъ, 7). По Миклошичу (Lex. 971) *семь*—*persona*, *семья*—*societas, familia*. Иногда „*семья*“ означаетъ *mancipia*, также *servi, семьянинъ*—*servus*. У литовцевъ славянской *семь* соответствуетъ *heimina* (*Kurschat, Wörterb.*).

дворахъ. Въ дворахъ сидятъ по большей части люди „съ дѣтьми“, иногда лишь одни дѣти ¹⁾,—живутъ люди съ „синовьями“ ²⁾, иногда не только холостыми, но и женатыми ³⁾, съ „дочерьми“ тоже иногда замужними ⁴⁾. Въ дворахъ живутъ, затѣмъ, „братья“ съ синовьями и „сестрами“ ⁵⁾, также съ „синовцами“, „братанчиками“ (братенниками) и братанною (братана)=племянниками и племянницами, съ ихъ дѣтьми ⁶⁾. Люди, далѣе, живутъ въ одномъ дымѣ съ „дядками“ (или дядьками), „дядковичами“ или „братьями стрѣйными“ (двоюродными) ⁷⁾.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, живутъ отдѣльными дымами „Котловичныи дѣти“ особо отъ „Обушковыхъ дѣтей“ и пр. (См. Археографическій Сборникъ II, № 2).

²⁾ Три „сыны“ Щуровы составляютъ дворще Щуровичъ,—три „сыны“ Пасынковы—дворище Пасынковичъ (Ревизія пущъ, 69).

³⁾ Памят. III, 2, стр. 158 и слѣд. А. В. К. XIV, № 40.

⁴⁾ А. В. К. XIV, № 40, 79. Изъ инвентаря имѣнія Титоваянъ видно, что нѣкоторые дымы (напримѣръ, службы Марковичъ) состояли изъ трехъ поколѣній: Ликовъ Кониль съ двумя женатыми синовьями,—у каждаго изъ нихъ по два сына; въ службѣ Колачевой одинъ дымъ состоитъ изъ отца, сына (женатаго), внука и двухъ замужнихъ дочерей (А. В. К. XIV, № 40).

⁵⁾ А. Ю. З. Р., I, № 47; Ревизія пущъ, 269. Жеребей Голенчицкій, въ Каменецкомъ повѣтѣ Подляхія, состоялъ изъ 5 дымовъ, по числу жившихъ въ нихъ братьевъ (ibid. 168). На р. Батогѣ, въ Шаргородской волости Подолія, учреждается въ XVI вѣкѣ „осада“ изъ жившихъ вмѣстѣ 4-хъ братьевъ Малчанъ съ 14 синовьями (Арх. Ю. З. Р. ч. VIII, т. I, № 171). Есть имѣнія, въ которыхъ каждая служба состояла изъ однофамильцевъ, причемъ въ дымахъ жило по три и больше братьевъ съ синовьями „на томъ же (одномъ) хлѣбѣ“ (А. В. К. XIV, № 67; ср. также ibid., № 69; Ревизія пущъ, 182; Арх. Сборн. I, № 73, стр. 222). Въ селѣ Лунинецъ пять братьевъ Лосевичей живутъ отдѣльными дымами; два братья Борсичи—тоже отдѣльно 2-мя дымами. Напротивъ, одинъ дымъ живутъ два братья Лукьяновичи, или Мукулчи, также три братья Потаповичи или Омеляшовичи (А. В. К. XIII, № 98). Ср. также Арх. Ю. З. Р. ч. VI, т. I, № 81 (каждый дымъ—изъ нѣсколькихъ братьевъ съ синовьями).

⁶⁾ А. З. Р. II, № 99. Ревизія пущъ, 182, 312. Памят. III, стр. 158. А. В. К. XIV, № 42, 67. Времен., кн. XV, смѣсь. Литов. Метр., Записей № 4, стр. 155; № 5, стр. 72; № 9, стр. 92; Судныхъ дѣлъ № 6 (Попись обывателей по ратной службѣ, 1528 г.—„Ликовъ Некрашевичъ зъ братанною“).

⁷⁾ См. Ревизія пущъ, 182 и 312 (дядковичи отличаются отъ братанничей). Литов. Метр., Записей № 4, стр. 155 и слѣд.; № 9, стр. 92. О братьяхъ стрѣйныхъ см. Ревизія пущъ, стр. 141. Корень слова *дыти*—*dhá*=рождать; дѣти—рожденные (*Fisch.*, *Vergl. Wörterb.*, 3-хъ Aufl., II, 115; *Pott*, *Etimol. Forsch.* I, 280). По Лавровскому—(корен. значеніе, 20) корень „*dhai*“—питъ, пьются молокомъ; но такое слово-производство не принято филологами. Таково же коренное значеніе слова *смы*—отъ кор. *sm*=производить, рождать (*Fisch.*, I, 230;

Между жильцами крестьянскихъ дворовъ упоминаются также люди, связанные брачными узами и основаннымъ на нихъ свойствомъ. Въ инвентаряхъ и другихъ актахъ нерѣдко говорится о дымахъ и службахъ людей, жившихъ вмѣстѣ съ „зятьями“, „невѣстками“, „пасынками“, „шуринами“ и „своиками“¹⁾.

Вмѣсто поименнаго перечня дѣтей, братьевъ, братаничей, дяко-вичей и пр., въ инвентаряхъ нерѣдко обозначается составъ крестьянскихъ дворовъ общими терминами: „племя“, „племенники“ и „родичи“. Выяснимъ, прежде всего, специальное значеніе этихъ терминовъ въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ они употребляются въ самихъ инвентаряхъ и другихъ актахъ.

*Племя*²⁾ упоминается въ инвентаряхъ, также въ записяхъ данинъ и разныхъ частныхъ актахъ. Въ писцовой книгѣ Пинскаго и Клецкаго княжествъ не разъ опредѣляется въ селахъ составъ дворницъ и ихъ частей (жеребьевъ и дымовъ) по „плѣтуепамъ“. Такой составъ дается въ описи Клецкаго княжества, напримѣръ, селамъ Филиповичъ и Богачевичъ, которыя по описи расположены каждое отдѣльно по ихъ племенамъ („zoszobna sz puch плѣтуепамъ), жившимъ на особыхъ жеребьяхъ, близъ границы повѣта Ляховецкаго: одно „племя“ составлялъ Ѳедко Денисовичъ съ сыновьями Гринешъ и Понасемъ; второе племя состояло изъ двухъ братьевъ Ан-

Vaniček, Wörterb., 1047; *Deesk.*, Verwand.—*Namen*, 94, 206; *Литовскаго* кореннаго значеніе, 241. О *стрыхъ* (братъ отца, дядѣ), *братаничахъ* и *сыновцахъ* (дѣтяхъ брата), также о *братанцахъ* (брата, братанца, сыновца—дочь брата)—племянникахъ и племянницахъ см. *Литовскаго* корен. значеніе, 38. Сыновцы, братаничи и сестричичи—„братау чадо“ и „сестрину сынови“ Рус. Правды (акад. св., 1).

¹⁾ О *зятьяхъ* см. Памяти. III, стр. 158; А. В. К. XIV, № 20. О *пасынкѣ*—А. Ю. З. Р. I, № 47; Литов. Метр. Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 67. (Андрейко пасынокъ Тшико). О *шуринѣ*—А. В. К. XIV, № 77; Литов. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 67. О *невѣсткѣ* и *своикѣ*—Литов. Метр. Судныхъ дѣлъ № 6—попись обывателей по ратной службѣ, 1528: („Миколай Богдановичъ и зъ своикомъ... Янъ Кгалминовичъ зъ невѣсткомъ.... Шимко Войтковичъ зъ своикомъ“).

²⁾ *Племя* (лат. plebs, греч. πλῆθος)—отъ кор. *pat* (pī) умножаться, расти, fallen (лат. pleo, греч. πλεω). По коренному значенію, „племя“ имѣло первоначально количественный смыслъ, означало, подобно роду (см. ниже), „умножившееся“, „взросшее“ и только пояже получило значеніе кровнаго союза. Первичное значеніе племя удерживаетъ въ древнихъ памятникахъ славянской письменности и выражается доселѣ въ народныхъ поговоркахъ, напримѣръ: „оставишь на племя“,—на приплодъ (см. *Fisch*, Vergl. Wörterb. I, 251; *Vaniček*, Wört., 496, 498, 505, 506; *Литовскаго*, Коренное значеніе, 50).

древнѣй и третье племя—изъ 4-хъ братьевъ Костиюковнѣй. Точно также къ селу Балванскому тянули два „рѣушенуе“: Христовицзна и Лѣвоновичъ. жившіе на отдѣльныхъ „островахъ“ (между болотъ)¹⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ племя, состоявшее изъ отца съ сыновьями или изъ нѣсколькихъ братьевъ, въ существѣ дѣла ничѣмъ не отличается отъ „семьницы“ и „семьи“ записной книги Казимира. Въ такомъ же смыслѣ семья или просто дѣтей упоминается племя въ старыхъ купчихъ и мѣновныхъ записяхъ западно- и восточно-русскихъ²⁾. Такимъ образомъ, въ одной галицкой купчей, половины XIV вѣка, названіе племени дается двумъ братьямъ Скибичамъ и жившему съ ними „сыновцу“ (племяннику) Оленку: по смерти отца они продолжали жить на старомъ дворницѣ (повидимому, однимъ дымомъ), владѣя сообща своей семейной отчиной, и въ 1351 г. „по своей доброй воли“ продали ее пану Вятславу³⁾. Съ такимъ же значеніемъ упоминается племя въ позднѣйшихъ западно-русскихъ записяхъ купчихъ и мѣновныхъ⁴⁾, также въ записяхъ данинъ Казимира⁵⁾, въ записи о Ржевской дани (около 1479 г.)⁶⁾ и въ старыхъ судебныхъ вырочкахъ. Для насъ важенъ въ особенности вырокъ 1496 г. о принадлежности боярамъ Пенянскимъ отчинныхъ людей, отсужденныхъ имъ по господарскому суду: здѣсь „дѣти“ и „племя“ являются вполне тождественными понятіями. Люди Курклевской во-

¹⁾ Писцовая книга Пискаго и Блецкаго княжествъ, 416—417, 500.

²⁾ Въ новгородскихъ купчихъ обыкновенно говорится, что такой-то „съ дѣтми“ или братьями“ продаетъ землю такому-то тоже—съ дѣтми или братьями, при чемъ въ нѣкоторыхъ актахъ дѣти и братья, жившіе одной семьей на своей отчинѣ (семейномъ, а не родовомъ владѣніи,—последнее вовсе не было извѣстно въ старомъ Новгородѣ, какъ и въ другихъ русскихъ земляхъ), замѣняются общимъ выраженіемъ: „племя“. Для примѣра укажу на одну Новгородскую купчую XIV вѣка: „Се купи Окындей и Иванъ и Марке и Феodoro у Жирятчей—у Гомшуа и у Якова и у Бориса и у Выгната Разуевъ островъ... а стоялъ у печати Гомшуа отъ всего племени“ (А. Ю., № 71, I). Здѣсь подъ племенемъ разумѣются братья, сообща владѣвшіе отчиной, какъ своимъ семейнымъ имуществомъ.

³⁾ См. Временникъ, кн. XV, смѣсь. Ср. также А. З. Р., I, № 3.

⁴⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., I, № 29. Копія Лят. Метр., V, 96 (мѣновная запись 1496 г.,—земля мѣняется у такого-то и „племени ихъ“, то-есть дѣтей), 269 (въ 1601 г. Станковичи купили землю у господарскихъ людей Траба и „его племени“) и пр.

⁵⁾ „У Кгеранойнахъ у Старыхъ пану Кгастовту (дани) Падея въ братомъ и съ ихъ племенемъ (собственно дѣтми), у сихъ шесть дворовъ“.

⁶⁾ „А Зелко Еховичъ зъ своимъ племенемъ владыцѣ (Новгородскому) даетъ (съ своего жеребья—дыма) 4 пуды меду прѣсного“ (А. З. Р., I, № 71).

лости жаловались господарю, что упомянутые бояре забрали себѣ людей „вншихъ“—не тѣхъ, которые имъ присуждены. Бояре показали на судѣ: „штожь тые люди, которые они въ нихъ отнимають, *дѣти* тѣхъ людей ихъ, на имя Новмонтовы а Медешковы, которыхъ есмо имъ присудили“. Въ свою очередь, Курклевыцѣ повѣдали: „иже тые люди, которыхъ они подъ ними ищуть, не ихъ (Новмонтовыхъ и Медешковыхъ) *племени* есть“¹⁾.

Въ смыслѣ же дѣтей въ актахъ нерѣдко встрѣчаются *племенники*. Въ записяхъ Казимира, напримѣръ, зарегистрирована данина „Тимоееву, Михалкову племеннику, чоловѣка Куратова. А Мишку, записано у Перемыльскомъ повѣтѣ Липая и оба береги. Мойтикгайлу, Мейнортову племеннику, (дана) пустая земляца Сядово“ и пр. Здѣсь племенникъ имѣеть, какъ видно, такое же значеніе, какъ въ инвентаряхъ дѣти или сыновья, напримѣръ, жившіе отдѣльными дымами „Котловины дѣти“, „Обушковы дѣти“ и пр.²⁾.

Въ актахъ, наконецъ, встрѣчаются указанія и на болѣе широкое значеніе племенника и племени, именно въ смыслѣ родни—„кровныхъ“, „ближнихъ“³⁾. Но это собственно новыя понятія, взятыя изъ шляхетскаго быта и неизвѣстныя крестьянской „пошлинѣ“. Какъ мы знаемъ, литовско-русское боярство съ конца XIV вѣка усваееть „вольности“ шляхты польской, а вмѣстѣ съ ними и исключительно—сословныя понятія о шляхетскихъ „родахъ“, родовыхъ маестностяхъ и пр.—понятія, оставшіяся совершенно чуждыми „купному“ праву населенія панскихъ маестностей.

Техническое понятіе *рода*, на сколько намъ извѣстно, вовсе не

¹⁾ Копія Лит. Метр. V, стр. 117 (въ подлин. Метрихѣ—стр. 86).

²⁾ Археографическій Сборникъ, II, № 2. См. въ слѣдующемъ примѣчаніи „Янко Табаревъ сынъ“ и пр.

³⁾ Въ записной книгѣ Казимира зарегистрированы, между прочимъ, два акта: а) У Неменьчинской волости Товтыяду, Пеменицицу, (дана) земля, што оттягаль у племенниковъ, (родичей вообще). б) „Король призволялъ Япъку, Табареву сыну, у Ейкиншской волости, поняти удову, Монтивиловну жену, а въ нее суть два сына: ино ей онекатисе дѣтми а и ближнею которого Монтивилова *племеника* (родича перваго мужа) имаеть приняти, тыми дѣтми онекатисе и имѣиеть, штобы розно не шло, докуль дѣти маростуть“. Изъ одного вырока, конца XV вѣка, видно, что Сенко Пleshкипъ „приганилъ“ честь боярина Богдана Григоревича, назвавъ его коробейникомъ, купцомъ. Обиженный бояринъ „повѣдалъ передъ господаремъ *родъ свой, племя, кровими*, кимъ ся маеть вправити и шляхетство свое очистити. А повѣдалъ собѣ братьею: Семенова сына Микулина, а бояръ Сенька и его братью, Романовичовъ“ (Лит. Метр. Записей, № 6, стр. 555).

встрѣчается въ западно-русскихъ актахъ, касающихся быта крестьянъ. Какъ только что замѣчено, родъ, въ смыслѣ кровнаго союза родичей, имѣеть чisto шляхетскій генезисъ. Если терминъ „родъ“ и могъ практиковаться въ старое время въ быту крестьянъ, то лишь въ смыслѣ той же семьи—племени, или же въ значеніи общественнаго класса. Въ Малороссіи простолюдинъ, по исконной пошлннѣ, говорить доселѣ о семьѣ: „се мій рядъ“, и едва ли придаетъ какое-либо правовое значеніе роду, въ шляхетскомъ смыслѣ союза кровныхъ родичей, соединенныхъ близкими и дальними степенями родства. Въ смыслѣ общественнаго состоянія „родъ“ встрѣчается въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г. (XI, 2). Головшина (плата за убійство) за людей зависящихъ, по Статуту, назначается „подле роду ихъ: естли хто хлопъ (невольная челядь), то ему хлопье, а естли мужикъ (зависимый крестьянинъ), то мужичье“¹⁾. Впрочемъ, и въ актахъ, касающихся западно-русскихъ бояръ, еще долго удерживается древне-руское воззрѣніе на родъ, какъ на простую семью, также общественный классъ (боярскій родъ, шляхетскій „народъ“) или просто въ смыслѣ происхожденія („мы отъ рода русскаго“ договоровъ руссовъ съ греками X вѣка). Въ одномъ актѣ 1499 г. говорится, напримѣръ, въ смыслѣ семей о „родахъ“ бояръ Полоцкихъ-Остафьевичей и Зеновьевичей²⁾.

Въ западно-русскихъ инвентаряхъ родъ въ отношеніи къ крестьянамъ замѣняется *родичами*, имѣвшими такой же смыслъ и значеніе, какъ и племенники. Сыновья, братья, братанчи и другія лица, живущія однимъ дымомъ-дворищемъ и поименно обозначаемыя въ

¹⁾ Такое же значеніе происхожденія или общественнаго состоянія дается роду въ нѣкоторыхъ судебныхъ вырочкахъ XVI вѣка. Напримѣръ, таковъ вырокъ 1514 г. о признаніи Степа Наруговича съ его товарищами людьми отчизини (не похожими) пана Довкгиновича, такъ какъ они „родомъ своимъ не вывелись“, то-есть не доказали, что они люди вольные, владѣющіе собственной землей и вступившіе на службу къ Довкгиновичу по собственной волѣ (Лит. Метр. Записей, № 1, стр. 72). Или другой примѣръ изъ тѣхъ же актовъ: „мы люди прихожіи, волниа, родомъ въ Новагородка“ (Ibid., Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 59).

²⁾ Копія Лит. Метр. V, стр. 224. О древне-рускомъ понятіи рода см. *Сергеевича*: „Вѣче и князь“ (замѣтка о родовомъ бытѣ князей). По своему коренному значенію, родъ представляетъ полную аналогію съ племенемъ. Именно „родъ“ (кор. *rodh* = ростл) означаетъ прежде всего „выросшее“, „умножившееся“ и въ такомъ смыслѣ удерживается въ иран. „*rud*“ (дѣти). Позже родъ сталъ означать спеціально кровную группу, также народъ (*Лагроскаю* Коренное значеніе, 51; *Fick*, *Vergl. Wörterb.* I, 117).

инвентаряхъ, иногда отмѣчаются также общимъ именемъ „родичей“. Личный составъ дворищъ, тянувшихъ къ господарскому двору въ Невлѣ (Минскаго повѣта), опредѣляется, напримѣръ, такимъ образомъ: „дворище Махновичъ, а къ тому дворищу Манецъ Евлашкovichъ съ родичи своими. Петрико съ братьею Осташковичъ дворищо. Санецъ а родичи его Антонецъ а Лепецъ. Даное дворищо Евтухъ зъ родичи своими Суковичъ. Андрей зъ братьею Капуновичъ дворищо“ и пр. ¹⁾ Въ 1542 г. дано еврею пинскому Кершону дворище въ селѣ Крайновичахъ, при чемъ въ дымахъ подробно обозначены жившіе въ немъ люди—отецъ съ дѣтьми, братьями и пр.; въ нѣкоторыхъ же указываются лишь хозяева съ ихъ „родичи“ ²⁾).

Семьи, какъ видно изъ актовъ, жили въ своихъ дымахъ и другихъ поселкахъ нераздѣльно съ принадлежавшими къ нимъ братьей, „племенниками“ и „родичами“. Въ 1513 г. даны пану Ивану Зеновьевичу въ Лепунскомъ повѣтѣ люди тяглые: Сенко Довкшевичъ съ братьею и Монка Бакишловичъ съ братьею.—„тые люди зъ братьею своею недѣлены и двѣ службы намъ служатъ“ ³⁾. По другимъ актамъ люди поступаютъ въ данину также „съ братьею недѣленою и зъ сынами“; или подтверждается за владѣльцемъ пустовская земля Ганцевшина и Миковщина: „то земля одна, нишли дей на ней

¹⁾ Ревизія пущъ, 259.

²⁾ Ibid., 312—313. Родичи упоминаются также въ писцовой книгѣ Пинскаго староства (стр. 19). Дворище Кухтичи состоитъ изъ Степана и Гаврила съ „godzicy“ Шачковичи. Въ этомъ дворищѣ, какъ видно, числилось двѣ семьи Шачковичей, при чемъ поименованы лишь хозяева семей, а остальные члены послѣднихъ обозначены общимъ именемъ родичей.—Въ собственной Литвѣ семьи, изъ коихъ состояли сельскіе хуторки, называются *šeimina*, *namai* и *waikai* (*KurCHAT Wörterb.* I, 421, 685 и 694; *Nesselmann*, 56). *Waikas*, *wykelis* — собственно Кнабе, мальчикъ, паробокъ, хлопецъ, ватѣмъ, дитя въ отношеніи къ родителямъ. *Waikai*—дѣти, чады, семья. Въ составъ *waikai*, чады-семьи, входятъ не только дѣти и братья-хозяины, но и чужіе люди—*zebras* (о нихъ см. ниже), принятыя хозяйномъ семьи въ сотрудники или товарищи по общему хозяйству и, подобно дѣтямъ, называвшіеся его „чадью“, *waikai* (см. *Мацеевскаю* „Голосъ изъ Польши по случаю спора современныхъ русскихъ писателей о началѣ и развитіи сельской общины“, 74). У польскихъ лѣтописцевъ (Галла, Кадлубка см. *Антоновича*, *Монографію* I, 10—11) литовская семья—чады переводится латинскимъ *vicus*. Нельзя ли, въ виду такого обозначенія *waikai* словомъ *vicus*, ставить литовскій терминъ въ параллель съ доподлинно аналогическими съ *vicus* терминами въ другихъ арійскихъ языкахъ—съ греч. *τοῖχος*, слав. весь, венд. *veř* (*vič*), скр. *veičos*, *voičos* (*vič*)—домъ, семья (А. *Fick*. *Vergl. Wört.*, I, стр. 125)?

³⁾ *Любавскаю*, Областное дѣленіе, 448.

два брата сидѣли и одну службу служили, а тую землю имѣли недѣльную“¹⁾. Въ записяхъ Казимира также находимъ данину „недѣленныхъ“ семей²⁾. На обычай совместной жизни братьевъ и сыновей съ отцами, не только у крестьянъ, но и шляхты, указываетъ королевская грамота о сборѣ войска въ 1563 г.: „все братья и сынове зъ отцы недѣльные должны выправлять на войну одного старшого или годнѣйшаго къ службѣ“³⁾. При благоприятныхъ условіяхъ (въ особенности почвенныхъ и экономическихъ,—см. выше) семья, осѣвшая на одной роли, съ нарастаніемъ новыхъ поколѣній, не имѣвшихъ нужды выдѣляться въ особия мѣста, могла принимать съ теченіемъ времени видъ значительнаго поселка. Въ Мерецкомъ повѣтѣ бояре Пенянскіе имѣли дворъ на р. Олдрѣ, гдѣ первоначально были поселены въ одномъ мѣстѣ четыре крестьянина; въ 1496 г. тамъ же жила безъ раздѣла уже цѣлая колонія (изъ 21 лицъ) сыновей первыхъ основателей двора⁴⁾.

Съ другой стороны, въ актахъ не менѣе часто упоминаются *раздѣлы* крестьянскихъ семей, жившихъ общими дымами и владѣвшихъ сообща ролей, съ совместнымъ, семейнымъ хозяйствомъ. Выше указаны бытовыя условія, по преимуществу почвенныя и экономическія, въ силу которыхъ во многихъ мѣстахъ Литвы-Руси искони и до позднѣйшаго времени держались дробность и разбивчивость сельскихъ поселковъ. Такова, какъ сказано выше, лѣсисто-глинистая почва, съ островами (между болотъ и рѣчныхъ низинъ), пригодными лишь для небольшихъ запашекъ силами одной, много двухъ-трехъ рабочихъ семей. Съ разростаніемъ послѣднихъ новыя поколѣ-

¹⁾ Ibid. 448, 450.

²⁾ Напримѣръ, дань слуга путный Мякало на Ланѣ (въ Новгородскомъ повѣтѣ),—„зъ сынами своими не дѣлялся“. О данинѣ людей „съ сыновьями и братьею недѣльною“ см. Копію Лит. Метр. V, 316; XXV, 1 и пр.; Skarbiec, № 2254.

³⁾ А. З. Р., III, № 34. Въ описи Смоленскихъ обывателей, по ратной службѣ, конца XV вѣка, нерѣдко говорится о сложныхъ, нераздѣльныхъ службахъ. Напримѣръ, „Близнаковъ Василей, сынъ въ него одинъ, братъ его Иванко, а третій братъ Махайло, все три одно село держать, (то-есть, живутъ вмѣстѣ), одну службу служатъ,“ (Лит. Метр. Записей № 4, стр. 155). Приведенная въ текстѣ цитата изъ королевской грамоты 1563 г. представляетъ почти дословное воспроизведеніе положенія Литовскаго Статута 1529 г. (II, арт. 1): „А коли бы было колко братья неделное тогда с ихъ годнѣйшій зымена ихъ сумесного один межъ ними илет войну служить“ и пр.

⁴⁾ Копія Лит. Метр., V, 117.

ніа, по нуждѣ, отдѣляются отъ родной семьи, выселяясь на другіе свободные островки, сколько нибудь пригодные для культуры. Затѣмъ, и тамъ, гдѣ почва болѣе благоприятствовала обширной культурѣ разроставшихся семей, при системѣ переменныхъ лядинъ и перелоговъ, семьи не долго держались въ своемъ разросшемся составѣ. При истощеніи старой лядины и переходѣ на непочатую новину, могъ также имѣть мѣсто раздѣлъ семьи. Она переходила на новыя лядины и перелогі не всегда въ прежнемъ своемъ составѣ, но иногда волей-неволей должна была рассаживаться на новыхъ мѣстахъ по отдѣльнымъ хозяйствамъ, особенно если новыя мѣста представляли незначительные островки и роспаши, мало пригодные для земельной культуры и вообще хозяйства въ прежнихъ размѣрахъ. Наконецъ, съ численнымъ разростаніемъ семьи, сидѣвшей на лѣсномъ обрубѣ или лядинѣ, получался значительный запасъ рабочей силы, съ успѣхомъ теребившей изъ-подъ лѣса новыя роспаши и этимъ расширявшей земельную культуру основной семьи,—для послѣдней являлась возможность и безъ истощенія земли выдѣлять изъ себя новыя, обособленные отъ нея колоніи.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сами крестьяне дѣлились на отдѣльныя хозяйства, путемъ „подѣла“ жившихъ вмѣстѣ семей, съ выселеніемъ ихъ на новыя мѣста. При этомъ, какъ видно изъ актовъ, раздѣлявшіяся семьи не всегда утрачивали прежнее свое единство, въ особенности по отправленію обычныхъ службъ и разныхъ повинностей крестьянскихъ дворовъ и семей. Въ 1522 г. боярину Кгинейтову дана пустовская земля Довятовщина въ Ковенскомъ повѣтѣ: „а съ тое земли одна служба и дякло бывало, нижили дей чотыры браты, отчычы тое земли, подѣлили были на четверь тую землю и однакъ таки съ тое земли одну службу служыли“ ¹⁾. Изъ актовъ XVI вѣка видно, что, напримѣръ, въ одной службѣ иногда числится три-четыре отдѣльныя хозяйства однофамильцевъ: братья, жившіе первоначально однимъ дымомъ, раздѣлялись на отдѣльныя хозяйства по особымъ дымамъ, но по прежнему продолжали числиться въ одной службѣ ²⁾. Въ переписи смоленскихъ обывателей по ратной службѣ, конца XV вѣка, встрѣчаемъ рядъ службъ изъ братьевъ, сыновей, дяковичей и пр., состоявшихъ „въ подѣлѣ“ и отправлявшихъ, од-

¹⁾ Любавскаго, Областное дѣленіе, 450.

²⁾ См. напримѣръ, Археографическій Сборникъ, III, стр. 245.

нако, по прежнему службу сообща ¹⁾). Такимъ же „подѣломъ“ объясняются указанія актовъ на однофамильцевъ, сидѣвшихъ отдѣльными дымами-семьями. Въ 1482 г. господарскимъ людямъ Негневичанамъ и Басинцамъ дозволено продать свои земли въ Ляховичахъ, по Нѣману, пану Кгаштолтвичу: въ актѣ перечислено Негневичанъ—9 семей и хозяевъ съ особыми фамиліями (Шаховичъ, Сивидановичи, Шушемятичи, Микитъчичи, Онисимковичи, Вайдичи, Даниловичъ, Кузаневичъ, Гринець Бердникъ) и Басинцевъ—5 хозяевъ. Земли, какъ видно изъ акта, лежавшія въ одномъ обрубѣ, составляли общее владѣніе цѣлаго ряда семей (жившихъ, по видимому, отдѣльными хозяйствами), на какія раздробились двѣ первоначальныя семьи Негневичанъ и Басинцевъ ²⁾). Есть, далѣе, указанія въ актахъ на то, что „подѣлъ“ семей на отдѣльныя хозяйства сопровождался также раздѣломъ самихъ службъ, — каждая отдѣлившаяся часть старой семьи составляла послѣ раздѣла и особую службу ³⁾). Затѣмъ, бывали случаи, когда большая часть семей, жившихъ въ „подѣлѣ“, вымирала или инымъ путемъ (напримѣръ, вслѣдствіе ухода людей) принадлежавшія имъ земли дѣлались „пустовскими“; наступало объединеніе стараго земельного владѣнія,—наличная семья, „по близости“, сосредоточивала въ своемъ безраздѣльномъ владѣніи земли

¹⁾ „Иванъ Шакса, братъ его Яковъ, въ подѣлѣ, одно село, служба одна“. „Яковлевыхъ два сына: Даша а Боня, у подѣлѣ, а служба одна“. „Василь Ильинъ и два браты его, а дячковичовъ его, Сосоновыхъ сыновъ чотыры, у подѣлѣ, а служба одна“. „Мишко Олексеевъ, а половиньникъ его, а у него 7 сыновъ, а у подѣлѣ живутъ, а служба одна“ (Лит. Метр. Записей № 4, стр. 155).

²⁾ Лит. Метр. Записей № 4, стр. 111. Есть и другіе примѣры раздѣла крестьянскихъ дворовъ. Въ записяхъ Казимира, наиримѣръ, зарегистрирована такая данна: „Ато пану Петрашу дато: при наѣтѣ Петръ (очевидно, преждемъ владѣльцѣ) раздѣлился: Виловидъ, Петрашъ, Бейнадъ“ и пр.; перечислено всего 11 людей, какъ видно, первоначально жившихъ вмѣстѣ,—въ пору данины они жили „въ подѣлѣ“.

³⁾ Въ 1517 г. клирошанамъ Новгородскаго Борисо-Глѣбскаго собора даны 5 службъ людей тяглыхъ господарскихъ въ Цыринской волости; люди эти носятъ одну фамилію Быковичовъ и раздѣляются на 5 службъ: „Санць Шитичъ зъ братею, Ходоръ Ансевичъ зъ братанячи, а Наумець Шиловичъ зъ братею и ихъ дѣтми“ (А. З. Р., II, № 99). Въ 70—80 годахъ XV вѣка подтверждена за слугою старосты Жомонтскаго Станкомъ Смолняпникомъ данна старосты своихъ властныхъ людей Кролтовскихъ—„Седейка съ дѣтми“—4 службы; очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о „подѣлѣ“ семьи Седейка на отдѣльныя службы (Лит. Метр. Записей № 4, стр. 363).

и все имущество, бывшее до того въ подѣлѣ ¹⁾). Наконецъ, и помимо подѣла дворовъ самими крестьянами, они могли дѣлиться также по волѣ пановъ-землевладѣльцевъ, пользовавшихся трудомъ крестьянъ ради „пожитковъ“, путемъ расширенія лѣсныхъ роспашей и лядинъ, съ осадой на нихъ новыхъ службъ, выдѣлявшихся изъ состава разроставшихся крестьянскихъ дворовъ. Такимъ образомъ, въ 1516 г. королю Сигизмунду заявлялъ панъ Богушъ Боговитиновичъ о томъ, что люди, жившіе въ его имѣніи (пожалованномъ ему королемъ Александромъ), „служачи ему, лѣсу его зъ его дозволеньемъ не мало разробили... Хотячи собѣ съ того пожитковъ учинити и розширити подлѣ привилія короля Александра“, онъ (Боговитиновичъ) приказалъ: „гдѣ колве въ которой службѣ будетъ колько братаничовъ або братовъ, або сыновъ жонатыхъ, и онъ казалъ тымъ подѣлятися, на особыя службы казалъ понти“. Чтобы люди не могли „выламываться“ изъ его подданства, владѣлецъ просилъ короля вписать ихъ имена въ подтвердительный листъ, что и было сдѣлано ²⁾).

Изложенными данными о людяхъ, жившихъ въ крестьянскихъ дворахъ болѣе или менѣе сложными семьями, далеко еще не исчерпывается вопросъ о личномъ составѣ населенія этихъ дворовъ. Совмѣстно съ братьей, племенниками и родичами живетъ въ дворахъ также рядъ иныхъ лицъ, иногда повсе не связанныхъ между собой ни родствомъ, ни свойствомъ. Таковы: сябры, потужники, товарищи, поплечники, спилники, половинники, пріймаки, *comparticipi*, участники, дольники, вытники, сосѣди, сумѣстники или сумежники и пр. Мы и разсмотримъ по документальнымъ даннымъ значеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ въ составѣ крестьянскихъ дворовъ.

Сябры (себры) ³⁾ по актамъ упоминаются, главнымъ образомъ, въ сѣверной (лѣсной) половинѣ литовскаго государства—въ земляхъ литовскихъ, кривницкихъ, въ Подляхїи и Сѣверщинѣ. Въ другихъ областяхъ собственно сябры не встрѣчаются въ извѣстныхъ намъ мѣст-

¹⁾ Такъ, изъ одного акта видно, что на землѣ Волчковщина „Волчко мѣлъ чотыры сыны . . . ино дей тые сынове его, поживотѣ отца своего, раздѣлили были тую землю на четверо, а потомъ дей три брати тыхъ вмери... о тотъ дей четвертый братъ ихъ (оставшійся въ живыхъ) Кгойлъшъ одинъ таки тую землю держалъ“ (*Любаскаго*, Областное дѣленіе, 450).

²⁾ *Любаскаго*, Областное дѣленіе, 447.

³⁾ О себрахъ см. А. В. К., XIV, стр. 203, 610—612. Въ одномъ актѣ упоминается „сяборъ“ (*Археогр. Сбѣри.*, III, 171). Обыкновенно же акты говорятъ о сябрахъ (сябрь).

ныхъ актахъ; люди, бывшіе на положеніи сябровъ, извѣстны здѣсь подъ другими названіями—товарищей, потужниковъ, сосѣдей и пр.

Указанія на сябровъ и сябринное землевладѣніе въ собственной Литвѣ находимъ въ нѣкоторыхъ актахъ (вырокахъ) и мѣстныхъ инвентаряхъ. „Себрами“ въ Литвѣ иногда считались не только люди, принадлежавшіе къ одной сельской службѣ и сидѣвшіе вмѣстѣ на роли—общемъ ихъ владѣніи, но и жившіе въ разныхъ дворахъ и даже въ разныхъ селахъ и „поспону“ владѣвшіе бортнымъ хозяйствомъ, заведеннымъ, какъ видно, общей ихъ „страдой“ въ сосѣднихъ лѣсахъ и пущахъ ¹⁾. Въ описи имѣнія Валентиновскаго 1589 г. въ Ошмянскомъ повѣтѣ, упоминаются „себреныя“ улицы, лѣса и осинники села Ромашкова и др. ²⁾.

О сябрахъ въ земляхъ *Кривичскихъ* (Полоцкой, Витебской, Минской и др.) находимъ указанія въ разныхъ мѣстныхъ актахъ. Такимъ образомъ, о крестьянскихъ сябрахъ въ *Полоцкой землѣ* узнаемъ изъ подтвердительнаго привилея, 1499 г., вел. князя Александра панау Юрью Зеновьевичу на землю Щолвенскую, которую онъ купилъ у людей Полоцкаго повѣта, „въ Харпінныхъ дѣтей, на имя въ Зенова и въ братья его, у Василя, а въ Янова, обель вѣчно... также въ той его земли купленной Щолвенской сѣдять сябры тыхъ людей, што ему тыи земли продали, на имя Тречевичи: Кгренти зъ братомъ Матеемъ, а Докути, а Петръ, а Евнейко“. Великій князь подтвердилъ за паномъ Юрьемъ не только купленную землю, но и „сябры тыхъ людей Тречевичовъ“ ³⁾. Изъ одного суднаго дѣла. 1495 г., оказывается, что Гостмирцы Иванъ, Еска и Иванъ держали землю Грицевщину, на которой, при ихъ отцѣ, жилъ Гриць—

¹⁾ Люди господарскіе Перелайцы—Мокусъ и Ивашко, жаловались въ 1495 г. на господарскихъ данниковъ, Немонтчанъ, Митга и Дѣяла: „отнимають у нихъ бчолы отчинныя, звѣчныя“ и хотятъ, чтобы они давали съ пчолъ половину меду и „съ ними сябровали“. Господарь присудилъ: „коли который человекъ въ ихъ земли бортной роп иметь, и онъ маеть тыи бчолы съ ними на нолы держати и зъ ними сябровати поспону, або тотъ рой за ся имъ маеть отдати. А зъ своихъ влостныхъ бчолъ, albo купленыхъ и даныхъ, хто кому дастъ зъ своее доброе воля, не надобе тымъ съ ними сябровати“ (Лит. Метр. Записей, № 5, стр. 48); о бортяхъ сябранныхъ, заводившихся общей „страдой“ людей, даже разныхъ селъ, см. А. В. К., XIV, № 18.

²⁾ „Улицы себреныя села Ромашковъ... себреныя лѣсы, осинники себреныя Мьякола и Щепана Ромашковъ... а въ лѣсахъ себранныхъ, гдѣ на часть его приходятъ, тамъ, гдѣ колъвекъ есть и передъ тымъ бывало зъ ихъ сумѣсниками“ (А. В. К., XIV, № 37, стр. 351—352).

³⁾ *Любавскаго*, Областное дѣленіе, стр. 448.

его сябрь („на нашей отчизной земли жилъ“); доля этого сябра, какъ видно, послѣ его смерти безъ наслѣдниковъ, перешла къ его совладѣльцамъ — Гостмирцамъ ¹⁾. По Полоцкимъ уставамъ 1511, 1547 и 1593 годовъ сябры жили въ селахъ не только господарскихъ и панскихъ, но и въ мѣщанскихъ („мѣщанскіе сябры“) ²⁾. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ полоцкихъ привилеяхъ (особенно позднѣйшихъ) сябры мѣщанскіе замѣняются иногда селами мѣщанскими. Обстоятельство это, какъ кажется, указываетъ на то, что подъ сябрами въ Полоцкой землѣ разумѣлась не извѣстная только часть крестьянскаго двора, а вообще все населеніе дворовъ и сель.

На существованіе сябровъ въ *Витебской землѣ* указываетъ мѣстный привилей, 1503 г., въ которомъ говорится о сябрахъ городскихъ въ такомъ же точно смыслѣ, какъ и въ привилеяхъ Полоцкихъ ³⁾. Разъ сябры жили въ мѣстечкахъ и селахъ мѣщанскихъ, ничто не мѣшаетъ допустить ихъ существованіе и въ селахъ господарскихъ, панскихъ и шляхетскихъ.

¹⁾ Ibid, 449.

²⁾ Въ уставѣ 1511 г. говорится: „Также на боярскіе люди и на *мѣщанскіе сябры* дѣцкихъ намъ и намѣстникомъ нашимъ не давати; а будетъ ли кому кривда, ино перво у господаря его искати правомъ“. Если господарь „права не вчинитъ“, тогда дать дѣцкихъ нашихъ или намѣстника, вина (цени) платится великому князю. „А въ подводѣ намъ коней въ Полочанъ не брати, ни въ поселскихъ путниковъ, ни въ *сябровъ городскихъ*“ (А. З. Р., II, № 70). Въ уставѣ 1547 г. къ наложеннымъ положеніямъ прибавлено: „Такъ же зъ боярскихъ и *мѣщанскихъ сель* людемъ не надобѣ ни въ какую службу тягнуги къ нашимъ дворомъ“ (ibid., III, № 5). Въ послѣдней цитатѣ мѣщанскіе сябры замѣняются селами мѣщанскими. Какъ замѣчено нами въ другомъ мѣстѣ (Панскій дворъ въ литовскомъ государствѣ стр. 6; Словный типъ территориально-административнаго состава литовскаго государства, 13), мѣщане, до Люблинской униі, на одинаковомъ основаніи съ шляхтой, владѣли селами и пользовались поэтому панской юрисдикціей; лишь послѣ Люблинской униі мѣщанскія села подчинились суду мѣстной земской власти. Этими и объясняются измѣненія въ Полоцкомъ уставѣ 1593 г. Положеніе прежнихъ привилеевъ о недачѣ дѣцкихъ на боярскихъ людей и мѣщанскихъ сябровъ мѣложено въ послѣднемъ привилей такъ: „А въ люди намъ боярскіе не вступатисе, а воеводѣ нашему Полоцкому мѣщанъ одному не судити, судити ему зъ бояры и зъ мѣщанъ“, — сябры, жившіе въ мѣщанскихъ селахъ, очевидно, подчиняются воеводскому суду на одинаковомъ основаніи съ другими людьми, по суду тянувшими къ господарскимъ дворамъ. По подводной повинности и другимъ дворнымъ службамъ мѣщанскіе сябры оставлены на прежнемъ льготномъ положеніи (А. В. К., XIII, № 21).

³⁾ А. З. Р., I, № 204: „А сябровъ городскихъ въ пригонъ намъ не гнати, а ни въ подводѣ, а ни въ ловы“.

Что касается сябровъ въ *Минской землѣ*, то указаніе на нихъ находимъ въ инвентарѣ имѣнія Засулья, 1592 г. Въ селѣ Ячце на отдѣльныхъ волокахъ живутъ: „Iędrzei Zahawalicz z siabrem zwym Miklalem Koiaczom, dymow dwa... Ciereszko a Iwan Rzgolewiczu z siabrem Matfielem Stierhleiewiczem, dymow trzy“ и пр. ¹⁾.

Сябры извѣстны были также въ *Смоленской землѣ* еще въ началѣ XVII вѣка. О сябрахъ упоминаетъ запись (1622 г.) панен Ганны Гурковой, удостоверяющей о томъ, что въ ея маестности Крывцовъ имѣлъ ослѣдность въ качествѣ „человѣка вольнаго, похожаго“ Романъ Занковичъ „зъ сябромъ своимъ“ Корниломъ Семеновичомъ ²⁾.

Сохранились, затѣмъ, инвентари имѣній въ повѣтахъ бывшей *Черной Руси*, съ указаніями на существованіе въ нихъ себровъ или сябровъ. Таковы инвентари: имѣнія Русоты пана Лаврина Войны въ Городенскомъ повѣтѣ, 1581 г., имѣнія Здятла князей Острожскихъ въ томъ же повѣтѣ, 1580 г., и имѣнія Косова князя Григорія Сангушки Коширскаго и Николая Кишки, въ Слонимскомъ повѣтѣ, 1597 г. Изъ перваго инвентаря видно, что въ главномъ селѣ Тужевичи нѣкоторые крестьяне жили на своихъ участкахъ (волокахъ и полволокахъ) съ сынами или братьями, а другіе съ сябрами („Курьянъ зъ сябрами полъ волоки одну“) или потужниками (Стан. Куранчиць, также Стась Станчыковичъ) ³⁾. Въ инвентарѣ имѣнія Здятла (Зде-

¹⁾ А. В. К., XIV, № 52.

²⁾ Археограф. Сборн., III, № 64, стр. 171: „Я Ганна Реутовна Андреева Гурковая овнайму то симъ моимъ листомъ, якъ просилъ мене о ослѣдность чловѣкъ вольный похожий Романъ Занковичъ зъ сябрамъ своимъ Корниломъ Семеновичомъ: што я на провбу его вчинила, дала еси имъ *обудумъ* ослѣдность маестности моеѣ Крывцовъ половину села Холминовскаго. Съ котораго села (ло)выци мають они тую повинность чинити, яко иншые подданне мои; а если бы се имъ за мною на томъ селѣ не сподсбало жить, вольно имъ пойти прочъ зо всею маестностью своею клѣтною и гуменною, утстивши мене, паню свою, отдавши кунницу отходную дванадцать грошей“. Черезъ два года сябры отошли отъ Гурковой и по новому ряду сѣли „на деревни“ Мяекого въ маестностяхъ пана Максима Волка, о чемъ послѣдній далъ Занковичу также особую запись (см. *ibid.*). Изъ этой записи видно, что „подданне“ жили въ этомъ имѣніи вообще „на *derewniach*“. — Изъ статьи Красноперова: „Онтошина община“ (Отч. Зап., 1882, № 6, стр. 220 и слѣд.) видно, что въ Бѣлоруссіи до нашихъ дней сохранился обычай крестьянъ—жить по старинѣ сябринными семьями, число членовъ которыхъ иногда доходитъ до 35—40 душъ. Они могутъ жить въ нѣсколькихъ дымахъ (хатахъ), но имущество находится въ общемъ обладаніи; отдѣльные члены имѣютъ право личной собственности только на одежду и обувь.

³⁾ А. В. К., XIV, № 19, стр. 229.

тельскаго) находимъ слѣдующее мѣсто: „а на селе (Курпеша) у себровъ три улья съ пчолами, то-есть: подданного его кор. милости у Микеля Римдзевича ульи два, у подданного пана Петровичого улей одинъ, у селѣ Гоневьевскомъ татарскаго подданного у Шимка Торката ульевъ три съ пчолами, у которыхъ сябровъ тыи пчолы себренные здавна есть; приходи половица меду на дворъ его корол. милости, а половица другая на себра“¹⁾. Микель Римдзевичъ упоминается въ составѣ села Курпеша, гдѣ онъ съ Масомъ Юшковичемъ сидитъ на 12-й волокъ. Въ инвентарѣ не показаны ни подданные пана Петровичого, ни село Голевьевское съ татарскимъ подданнымъ Шимкомъ Торкатомъ. Очевидно, люди эти жили въ сосѣднихъ селахъ другихъ владѣльцевъ. Обстоятельство это не мѣшало имъ, однако, считаться сябрами бортнаго хозяйства, принадлежавшаго имъ въ лѣсахъ села Курпеша²⁾. Въ имѣніи Косова „себры“ жили на земляхъ мѣщанскихъ и волостныхъ, они упоминаются въ мѣстечкѣ Косовскомъ и внѣ его—на отдѣльныхъ мѣщанскихъ волокахъ (такой-то съ „себромъ“ или сябрами, безъ поименнаго обозначенія послѣднихъ); волостные сябры перечисляются по именамъ съ ихъ сыновьями³⁾.

Подобныя же указанія на сябровъ находимъ въ инвентаряхъ и другихъ актахъ *Подляхii*. Таковъ, на примѣръ, инвентарь староствъ Брянскаго и Саражскаго, 1558 г. Въ войтовствѣ Олексинскомъ „весь“ Олексинно состоитъ изъ 41 крестьянскихъ хозяйствъ, сидѣвшихъ каждое на одной волокъ; изъ нихъ до 30-ти хозяйствъ обозначаются „съ сябромъ“ или „сябрами“, отличающимися отъ „братьевъ“⁴⁾. Въ записи князя Ивана Семеновича Кобринскаго (26-го января 1487 г.) на дащину церкви, устроенной имъ въ дворѣ Добучинахъ, упоминаются десятины съ доходовъ мѣстнаго двора; въ составъ такой десятины отнесены „дванадцать грошей на Юмаши и на его сябра“⁵⁾.

Наконецъ, сябры существовали въ *Сверцинтѣ*. Старыя посябины въ Малороссiи открываются еще въ актахъ прошлаго вѣка⁶⁾.

¹⁾ А. В. К., XIV, № 18, стр. 203 и 225.

²⁾ Ibid., № 83, стр. 610—612: „Войтекъ Скробичъ, въ него сыновъ чотыри Семень, Мартинъ, Матей, Жданъ; сябрь его Мартинъ Митковичъ, въ него сыновъ два Юрій а Нльашъ, волоки полъ“ и пр.

³⁾ Сябры упоминаются также въ двухъ другихъ селахъ—Завойки и Дорожки (А. В. К., XIV, № 4, стр. 42, 52 и 53).

⁴⁾ Копія Лит. Метр., XXV, стр. 244 (въ подлин., стр. 140).

⁵⁾ См. проф. *Луцицкаго* „Сябры и сябринное землевладѣніе“ (*Сверцинтѣ* *Вѣстникъ*, 1889, № 1) и г-жи *А. Вфименко* „Дворицкое землевладѣніе“ (*Рус-*

Указаніе на сябровъ находимъ въ проэктѣ сборника мѣстныхъ законовъ (прошлаго вѣка)—„Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“. Слѣдую началамъ Литовскаго Статута (Стат. 1588, IX, 12), „права“ признають „сябринное“ владѣніе землями, основанное на совмѣстной заимкѣ ихъ „сябрами“¹⁾. Сябринныя угодыя (въ особенности лѣсныя) пановъ, мѣщанъ и крестьянъ (собственно козаковъ) существовали въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Малороссіи до генеральнаго размежеванія земель въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія²⁾.

ская Мысль, 1892, апрѣль и май). Замѣтимъ при этомъ, что г-жа Ефименко, касаясь вопроса о дворищномъ строѣ крестьянскаго землевладѣнія въ старой Сяверцінѣ, между прочимъ, говоритъ: встрѣчаются тѣ же самые дворищныя участники, „*ortium suorum possessores*“, сябры, которымъ принадлежитъ „во всѣхъ рѣчахъ“ нѣвѣстная часть (*Русская Мысль*, 1892, апрѣль, 177). Авторъ основывается на люстраціи староства Любечскаго, 1636 г., гдѣ подъ статьей: „*wsi Rzerki i Danice*“ перечисляется рядъ *possessores* (поименовано 18 лицъ, съ прибавкой „*i inzu*“), владѣвшихъ въ обоихъ селахъ каждый своимъ участкомъ или долей. Но дѣло въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ о землевладѣніи не крестьянскомъ, а *шляхетскомъ*. Села Рѣпки и Данице, принадлежавшія упомянутымъ „*possessoribus*“, принадлежали къ числу владѣній „*dzierzawców i ziemian*“—шляхетныхъ „пановъ-землевладѣльцевъ“, владѣвшихъ въ Любечскомъ староствѣ „вашнями“, „землями“, „селами“ и „весьями“ по королевскимъ пожалованіямъ. (См. *Zródła dziej.* V, стр. 196 и слѣд.; о всѣхъ Рѣпки и Данице—*ibid.*, стр. 208). Кромѣ упомянутыхъ двухъ весей, и другія земли и села были во владѣніи нѣсколькихъ шляхетныхъ пановъ-участниковъ съ ихъ братьями; сыновьями и сыновцами, напримѣръ, земли Сельчанская, Щуковчизна, весь Иршювице и пр.

¹⁾ „Если бы кто имѣлъ съ нимъ лѣсъ или степь совокупный, недѣленый, а одинъ-бы который *сябрь* или *участникъ* похотѣлъ тотъ лѣсъ на засѣвъ хлѣбный или для сѣнокоса прочистить и раздроблять, а степь прооривать, толковожъ такъ, чтобъ другаго или другихъ участниковъ своихъ грунтовъ разробомъ тѣмъ своимъ не пообидѣлъ, къ своему болше не принималъ, но столко, сколько на его части того лѣсу или степу принадлежать будетъ, а другимъ би участникамъ своимъ такъ много и въ толковой добротѣ лѣсу или степу оставилъ, какъ много на части ихъ противъ его займы принадлежать; еслижъ би кто больше надъ свою часть лучшаго грунта прочистилъ, и за то бы въ судъ билъ позванъ, таковой по приговору судовомъ долженъ будетъ сябрамъ своимъ на томъ-же грунтѣ или, когда похотятъ обидѣти, на другомъ уступить имъ такъ добраго, годнаго и пожиточнаго мѣста, чтобъ всѣмъ участникамъ равно было, а за лѣсъ сверхъ части его порубаній тѣмъ-же сябромъ своимъ изъ своей собственной части на шномъ мѣстѣ, гдѣ имъ причинѣе будетъ, столковожъ и такъ добраго лѣса отвезть; а не будетъ ли у него такого лѣса, то деньгами по доказательству заплатить имѣеть въ половину противъ одѣйки сего права“. (См. „Права“ и пр., изд. профессоромъ А. Ф. Кистяковскимъ, 1879, стр. 315—316).

²⁾ Въ „Огчетѣ о состояніи межеванія въ Черниговской губ. за 1868 годъ“ находимъ слѣдующія указанія на сябринныя угодыя: „Въ ряду спорныхъ дѣлъ

Кромѣ дворовъ крестьянскихъ, сябры по источникамъ встрѣчаются также въ составѣ дворовъ *мищанскихъ* и *шляхетскихъ*. Выше указаны сябры „городскіе“ или „мищанскіе“ (въ мѣстахъ и мѣстечкахъ), упоминающіеся въ Полоцкихъ уставахъ (1511 и другихъ годовъ) и въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ панскихъ имѣній ¹⁾. То же самое названіе сябровъ дается въ нѣкоторыхъ актахъ и поземельной шляхтѣ. Такъ, въ сеймовой ухвалѣ о ратной службѣ, 1563 г., читаемъ: „тежъ доложили есте о убогой шляхтѣ, которые людей своихъ не мають и дворными сохами своими пашуть, ижбы тые не повинни были давати серебщицну отъ сохъ дворныхъ, а никоторого плату отъ коней, кгдажъ вси дѣльные братья и себры колько ихъ будетъ, каждый на одномъ конѣ, на тую квалтовную потребу ѣхати повинни“ ²⁾. Здѣсь братьямъ „дѣльнымъ“ противопоставляются себры, то-есть, очевидно, не только люди сторонніе, но и тѣ же братья, не состоящіе въ поддѣлѣ, — понятіе, съ которымъ мы встрѣчаемся и въ Литовскомъ Статутѣ (см. ниже). Намеки на шляхетскихъ сябровъ находимъ и въ другихъ актахъ, говорящихъ о принадлежавшихъ боярамъ-шляхтѣ земляхъ „сябранныхъ“ ³⁾, о поляхъ, пуцахъ, ловахъ звѣринныхъ и озерахъ, которыя сосѣдніе землевладѣльцы-паны „въ себранности (или „сябрности“) мѣли подлѣ давнего обычая“ и вступали между совладѣльцами въ „дѣлѣ“ на „части“ ⁴⁾. Литовскій Ста-

(при межеваніи земель) явились съ открытіемъ межевыхъ учрежденій Черниговской губерніи, и исключительнаго рода спорныя дѣла по особеннымъ въ этой губерніи *сябраннымъ угодьямъ, состоящимъ съ общаго владѣнія многихъ соучастниковъ, доля участія коихъ въ пользованіи угодьями опредѣлена особенными документами безъ опредѣленія границъ*, что, однако, составляетъ существенное условіе при разнокачественности спорныхъ угодій. Въ Черниговскомъ и Городнянскомъ уѣздахъ эти сябранныя угодья составляютъ значительныя пространства при большомъ числѣ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ. Угодья эти были прежде исключительно *лѣсныя*, потомъ же постепенно были сдѣланы въ оныхъ вырубивъ лѣсомъ, самопроизвольныя расчистки и распашки (полюницы); почему въ угодьяхъ тѣхъ явились новые владѣльцы по праву завладѣнія, отчего условія разборовъ и еще умножились совершенно новыми обстоятельствами“ (см. проф. Д. Багалъя „Займанщина въ лѣво-бережной Украинѣ XVII и XVIII столѣтій“, — въ *Кіевской Старинѣ*, 1883, декабрь, стр. 576).

¹⁾ А. З. Р., II, № 70 и др. А. В. К., XIV, № 83.

²⁾ А. З. Р., III, № 33, статья 39.

³⁾ Копія Лит. Метр., VI, 133, — актъ 1499 г.

⁴⁾ Лит. Метр. Судныхъ дѣлъ, № 2, стр. 4, — вырокъ, 1507 г., по дѣлу пана Войтеха Нарбутовича. Его предки еще при Витовтѣ подѣлили между собой ихъ отчинную землю, — пуцу же, лова звѣринныя и озера „въ себранности мѣли“. По

туть (въ статьяхъ о шляхетскомъ землевладѣніи) знаетъ „людей сябренныхъ“, „сябровъ“ и „себровъ-вчастниковъ“ (*consortes* по латинскому тексту Статута 1529 г., изд. Дзялынскимъ), при томъ не только лицъ чужихъ, но и ближнихъ, имѣвшихъ свои части въ „именѣ неделномъ сябреномъ“, „лесѣ сумесномъ“ и пр. ¹⁾

Сябры, затѣмъ, извѣстны памятникамъ древняго восточно-русскаго права, въ особенности Псковской и Новгородской земель. Такимъ образомъ „шабры“ Новгородской судной грамоты (ст. 24) означаютъ вообще лицъ, имѣющихъ землю въ общемъ владѣніи. Псковская судная грамота знаетъ, во-первыхъ „сябровъ“, сообща (въ складчину) владѣвшихъ землей или бортями.—каждый сябрь имѣетъ „часть“ (долю) въ общемъ владѣніи (ст. 106) ²⁾,—во-вторыхъ, „сябренное серебро“, то-есть денежную прибыль, или доходъ, приходящійся по долямъ на каждого изъ сябровъ—соучастниковъ въ общемъ предпріятіи, напримѣръ, по торговлѣ и другимъ промысламъ (ст. 92). Замѣтимъ при этомъ, что въ 94-й и 95-й статьяхъ той же Псковской грамоты говорится о раздѣлѣ „ончаго живота“ и „сребра“ братьевъ: „вятаго“ (старшаго) и меньшаго, также „брата“ (племянника) и дяди, живущихъ „въ одномъ хлѣбѣ“, общимъ хозяйствомъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, по всѣмъ видимостямъ, о тѣхъ же сябрахъ, владѣвшихъ по родству своимъ „опчимъ“ животомъ на такихъ же основаніяхъ, на какихъ по западно-русскимъ актамъ ближніе „мѣли въ сябренности“ (безъ раздѣла) отчину свою—общую ихъ маѣтность (см. выше). Что дѣйствительно въ сѣверно-русскихъ земляхъ сябрами назывались не только чуждые по родству совладѣльцы, но и родичи, владѣвшіе

возникшему въ 1507 г. спору по имѣнію, государь присудилъ его Нарбутовичу и его „ближнимъ“—совладѣльцамъ съ тѣмъ, чтобы „пушу, ловы звѣриныя раздѣлили на трое по тому, какъ и тоѣ имѣнѣ ихъ въ дѣлѣ есть на три части, а озеро малое мѣти въ сябренности подлѣ давняго обычая“ Ср. также *ibid.*, № 1, стр. 131,—вырокъ 1516 г. по дѣлу господарскаго боярина Юревича и Мартыи Яцковой Миневича, владѣвшихъ „себренымъ“ полемъ: государь рѣшилъ по суду „дѣлѣ вчинити“ себреннаго поля между совладѣльцами. Въ инвентарѣ имѣнія Валентиновскаго, принадлежавшаго землянину Ярошу Ярославичу, 1589 г., говорится о „лѣсахъ себренныхъ, гдѣ на часть его приходитъ, гдѣ козвекъ есть и передъ тымъ бывалъ въ ихъ сумѣстниками“, то-есть, сосѣдними владѣльцами, имѣвшими право входа въ „себренныя“ лѣса (А. В. К., XIV, стр. 352).

¹⁾ Лит. Стат., 1529, VI, 32; VIII, 11. Стат., 1566, IV, 5, 44, 48; IX, 10. Стат., 1588, IV, 66, 70.

²⁾ См. *Бестужева-Рюмина*. Русская Исторія, I, 369. *Соловьева*. Исторія, IV, 332; V, 229.

безъ раздѣла отчинными „животами“, показываетъ одна Новгородская купчая XV вѣка. Изъ этого акта видно, что половина тоней (рыболовныхъ угодій) въ рѣкѣ Великой Сярти принадлежала Сасинымъ „дѣтямъ“ („братья“, „братеникамъ“, въ числѣ 10 лицъ). Въ купчей они названы, однако, „сябрами“, какъ видно, въ смыслѣ рыболовной артели, сообща производившей свой промыслъ на принадлежавшей ей тонѣ. Эти-то родичи-сябры сообща и продали половину своего рыболовнаго участка Ивану Чевакину, который по купчей, какъ видно, сдѣлался тоже сябромъ, получилъ лишь доленое право (на положеніи „половинника“ западно-русскихъ актовъ, — см. ниже) на рыбную ловлю, безъ выдѣла ему изъ состава общей тони рѣчнаго мѣста въ точно опредѣленныхъ границахъ¹⁾. Кромѣ общаго владѣнія пахатною землей, бортами и рыбными ловами, какъ видно изъ Двинскихъ купчихъ и отступныхъ XVI вѣка, соляные промыслы также велись „сябрами“, по „вытямъ“ и „частямъ“ (напримѣръ, четвертямъ и пр.), въ общихъ „варницахъ“ и „усоляхъ“, принадлежавшихъ отдѣльнымъ товариществамъ сябровъ, по большей части изъ лицъ съ разными фамиліями²⁾. Эти-то сябры доселѣ извѣстны въ крестьянскомъ быту сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ, вообще всѣхъ великорусскихъ губерній. Сяберъ, сябрь, сяборъ, сябрукъ, сябра, также шаберъ, шабра, шеберъ означаютъ то сосѣда, то „односума“, товарища, то артельщика, соучастника, иногда даже просто крестьянина, стараго смерда, „мірскаго“ человѣка, сидѣвшаго на общественной землѣ своей „сябровщины“, то-есть міра, общины одного поселенія³⁾.

¹⁾ А. Ю., № 71.

²⁾ См. *ibid.*, № 90, 95, 135. Проф. Линде въ своемъ словарѣ (*Słownik języka polskiego*, V, 249), подъ словомъ *siabr*, приводитъ, между прочимъ, изъ Нарушевича (*Hist.*, III, 85) сообщеніе о томъ, что русскіе по сосѣдству и мирнымъ связямъ съ половцами, называли ихъ „*kisani, siabrami, robratumsami*“.

³⁾ Въ Курской губерніи сябрь означаетъ вообще хозяина тягольнаго, у кого голось на сходкѣ. „Сябренщина“ земли—общаго мелкоомѣстнаго владѣнія, или же земля, купленная крестьянами сообща. Сябрь—знакомый, пріятель: „мы съ нимъ сябры, шабры, въ шабрахъ“; „вчера у шабренка былъ“ и пр. (См. *Далъ* Тохмовый словарь, IV, 398; ср. *ibid.* 288.—смердъ). О сябрь, въ смыслѣ сосѣда, участника, товарища, — см. въ *Извѣстіяхъ Академіи Наукъ*, I: „Матеріалы для словаря“, 109; также Академическій словарь, IV, 265. По словамъ г-жи А. Я. Ефименко, сл. „сябро“ доселѣ употребляется въ народномъ языкѣ Харьковской губерніи, въ значеніи участника, какъ въ общемъ владѣніи землей, такъ и во всякомъ торговомъ или промышленномъ предпріятіи (*Русская Мысль*, 1892, май, стр. 6). Сябрь, шаберъ и шеберъ распространены во всей Великороссіи (См. Опытъ великорусскаго словаря, стр. 201, 261, 264).

Въ общемъ же значеніи свободнаго простолюдина (plebejus, βημιόβης), не пользовавшагося правами лицъ высшихъ, привилегированныхъ классовъ (властелиновъ, хорватскихъ племичей, нашихъ бояръ), „себры“ встрѣчаются въ старыхъ сербскихъ памятникахъ. Въ Законникѣ царя Стефана Душана есть нѣсколько статей о себрахъ, напримѣръ, объ отиѣнѣ „сѣборовъ“ (вѣчь) себровъ, очевидно, раньше практиковавшихся въ Сербіи, объ обидахъ, наносимыхъ себру властелиномъ, и наоборотъ и пр. ¹⁾). Въ собраніи славянскихъ рукописей покойнаго профессора В. И. Григоровича хранилась (по крайней мѣрѣ, при жизни владѣльца) старо-сербская кормчая (чуть-ли еще не современная Законнику Душана), въ которой намъ удалось найти одну статью, точно объясняющую смыслъ и значеніе сербскихъ себровъ: „аще ли свободни соуть, себри суще“ ²⁾).

Аналогическое значеніе съ русскимъ сябромъ имѣетъ литовскій „sėbrgas“. По объясненію Мацѣвскаго, „sėbrgas“ — участникъ въ общемъ, „товарищескомъ“ владѣніи землей: себрь принимался владѣльцемъ земли въ сотоварищи или сотрудики, получалъ отъ него участокъ земли для обработки въ свою пользу и съ того времени назывался чадомъ или паробкомъ, wajkas, наравнѣ съ другими домохозяевами входилъ въ общій составъ семьи, wajkaĩ ³⁾). Литов. sėbrgas—сотрудики, товарищъ, пайщикъ или участникъ въ общемъ трудовомъ предпріятіи и промыслѣ торговомъ, охотничьемъ, рольничьемъ и пр. ⁴⁾). Литовскаго же происхожденія, какъ полагаютъ финнологи,—эстон. sõbr, лив. sēbbrog, лоп. sebre, soegwe (товарищъ, другъ, дольщикъ въ общемъ промыслѣ и пр.) ⁵⁾).

¹⁾ Законникъ, ст. 33, 35—37, 44.

²⁾ См. мое сочиненіе—„Хорватско-далматское законодательство“, стр. 72. Ср. также *Крстича* „Разматрања Душан. Закон“,—въ „Гласникъ Срб. Дружтва“, VI, 122. Даничѣ, Рјечникъ изъ книжевенихъ старина српскихъ, III, 99 (себрь-plebejus). *Miklosich*, Lexicon, 154 (себрь—βημιόβης, plebejus, по памятникамъ Матвѣя Властара). *Востокова* Словарь церковно-славянскаго языка, I, 169 (по Миклошичу). У *Дюканжа* (Du Cange, Glossarium latin., VII, 384) встрѣчается средневѣковое латинское „sebrg“—vetusta.

³⁾ См. *Мацѣвскино*: „Голосъ изъ Польши“ и пр., 74; первоначально помѣщено въ *Русской Бесѣдѣ*, 1859, кн. 18.

⁴⁾ Отсюда и производныя: „sebrauju-Handels- Arbeits- etc. Gemeinschaft treiben; sebrinas-half theilcilligt; sebrinis-gemeinsam, zugehörig; sebrinu-vergesellschaften (*Kurschat*, Wörterb. d. Litt. Sprachen, 1883, I, стр. 368; *Nesselmann*, Wörterb., 457).

⁵⁾ *Alquist*, Die Kulturwörter d. westfinn. Sprachen, 1875, стр. 218. Ср. *Майкова*: „Культура западныхъ финновъ“, по Альквисту, 76.

Что касается, наконецъ, происхожденія самого термина „сябрь“. то въ современныхъ культурно-лингвистическихъ трудахъ его относятъ къ „Wortschatz der Grundsprache“ арийцевъ, ставятъ въ генетическую связь съ древн.-герман. *sippe*, *sibja* и санскр. *sabhā* = *Versammlung*, *Schaar*, позже *Stamm*, *Familia* и пр. ¹⁾.

Ф. Леонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ памятникахъ старыхъ индусовъ и иранцевъ „*sabha*“ встрѣчается въ примитивномъ смыслѣ *Weideplatz*, *Gemeindeweide* (См. *A. Fick*, *Vergleich. Wörterbuch*, 4 Aufl., 1891, Thl. I, стр. 139, 326). По изслѣдованіямъ Циммера о древнемъ бытѣ ведійскихъ арийцевъ (индусовъ), *sabha*, означавшая первоначально вообще собраніе домовъ, позже получило значеніе также сходки сельской общины (*Zimmer*, *Altindisches Leben*, стр. 79 и слѣд.). Что касается славистовъ, то, напримѣръ, *Шафарикъ* (Славянскія древности) вообще отказывалъ слову сябрь въ славянскомъ происхожденіи. Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ славистовъ (Котляревскій) ошибочно приписываютъ этому слову эстонское происхожденіе, другіе—литовское. Альквистъ, въ своемъ изслѣдованіи о культурѣ западныхъ финновъ, полагаетъ, что слово сябрь перешло въ русскій языкъ изъ финскаго черезъ эстовъ и кореловъ (см. *Alquist*, *Die Kulturwörter*, 218, и *Майкова* *Культура западныхъ финновъ*, 76).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССVII.

1896.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	63
О. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (<i>продолженіе</i>)	173
С. М. Прутченко. Современныя направленія науки государственнаго права въ Германіи	204
Н. Н. Соловейчикъ. Восточная цивилизація въ XV вѣкѣ до нашей эры при свѣтѣ новѣйшихъ исследованийъ и открытій.	272
Д. М. Петрушевскій. Восстаніе Уота Тайлера	325

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. В. Довнаръ-Занольскій. <i>Д. П. Миллеръ</i> . Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Томъ 8. Харьковъ. 1896	402
Э. Л. Радловъ. <i>Озг. Я.</i> Персонализмъ и проективизмъ въ мификѣ Лотце. Юрьевъ. 1896.	409
— Книжныя новости.	414
— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздкѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (<i>окончаніе</i>).	79
— Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ).	113

СОВРЕМЕННАЯ ЛЯТОНІСЬ.

— Открытіе Императорскаго Московскаго инженернаго училища	81
— Императорское Московское Археологическое Общество въ 1895 году.	89

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. О. Анненскій. Рецъ.	1
А. І. Маленинъ. Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ.	33

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	657

О ВЪЯВЛЕНІЯХЪ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го октября).

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУ- ДАРСТВѢ ¹⁾.

IV.

Крестьянскіе дворы представляли собой отдѣльныя *хозяйства*, приспособленныя къ крестьянскому быту по началамъ совмѣстной, сябринной коопераціи и совладѣнія. Жить въ одномъ дымѣ или дворницѣ значило вести общее хозяйство, или, по выраженію старыхъ западно-русскихъ актовъ, „сидѣть посполу домами“—„на томъ (или одномъ) же хлѣбѣ“, „особнаго хлѣба уживать“, „жить совокупно въ хлѣбѣ“, быть „въ долѣ“ во всѣхъ „приналежитостяхъ“ двора и пр. ²⁾.

Составъ крестьянскихъ дворовъ, какъ отдѣльныхъ хозяйствъ, опредѣляется въ актахъ въ такихъ же точно формулахъ, какъ и составъ панскихъ дворцовъ-фольварковъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ инвентарѣ имѣній князей Масальскихъ, въ Луцкомъ повѣтѣ, 1570 г., составъ села Сольницы опредѣляется изъ одного дворнища „зо всимъ на все, зъ землю, з пашнею, з боры, з ласы, з озеры, з ловы звериными и пташими, яко ся тое дворнище в границах и обыкодах своих само в себе мает, на которомъ дворнища человекъ

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

²⁾ Ревизія пущъ, стр. 11, А. З. Р., III, № 19, стр. 95. А. В. К., XIV, № 67 и пр. Ср. *Русская Мысль*, 1892, май, стр. 8—9. Сибиринное хозяйство литовско-русскаго двора вполне напоминаетъ такое же хозяйство двора по Псковской судной грамотѣ (ст. 92, 94, 95 и 106): она знаетъ: „вѣтшихъ“ и меньшихъ братьевъ, братановъ (племянниковъ) и сябровъ, живущихъ „въ одномъ хлѣбѣ“ и владѣющихъ „ончимъ животомъ“.

на имя Шеакъ Суць¹⁾. Въ 1518 г. король Сигизмундъ подтвердилъ за бояриномъ Фурсовичомъ принадлежавшія ему въ Пинскомъ повітѣ дворища, „съ ихъ всеми землями, пашными и бортными, и съ сѣножатями, и зъ боры, и лѣсы, и гаи, и съ дубровами, и зъ ловы звѣринными и пташными, и съ озеры, и зъ рѣками, и зъ рѣчками, и съ ставы, и ставищи, и съ млыны и ихъ вымелкы, и зъ бобровыми гоны, какъ тыс дворысча и люди здавна и нынѣ сами въ собѣ и въ границахъ ся своихъ мають“²⁾. Иногда по актамъ въ составъ владѣній крестьянскаго двора входитъ и то, что владѣлецъ „въ дубравѣ и на болотѣ прикопаеть поля и протеребитъ сѣножать, тое суспокойне держати маеть“, — то-есть, маетностію двора считаются не только наличныя обработанныя поля и сѣножати, но и все, что дворъ успѣетъ въ будущемъ „притеребитъ“ въ свою пользу изъ-подъ не освоенныхъ, „дикихъ“ полей и лѣсныхъ зарослей, путемъ роспашей, займищъ и разробокъ новины и лядины³⁾. Подобно панскому двору-маетности, крестьянскій дворъ, такимъ образомъ, представлялъ цѣльное имѣніе съ опредѣленными территориальными „границами“ и „обыходами“. Въ такихъ границахъ двору принадлежитъ все, что „здавна“, „изстаринны“ жившіе въ немъ люди „держать“, — что здавна „прислухало“ къ двору и землямъ,—съ чего дворищане отправляютъ свои службы и повинности,—наконецъ все, что прибавитъ дворъ къ своимъ „пожиткамъ“, въ видѣ новыхъ роспашей и займищъ.

Изъ предметамъ сѣбриннаго хозяйства въ крестьянскихъ дворахъ принадлежитъ всякаго рода *движимость*. Таковы: „статокъ“, „речь“, „добытокъ“, „пожитокъ“ и всякая „приналежитость“ двора, въ осо-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 382.

²⁾ Ревизія пущъ, стр. 78. Въ другихъ актахъ дворища и службы обозначаются: „со всемъ зъ тымъ, какъ тые люди ку замку нашему служивали, и въ своихъ границахъ маются“ (А. Ю.-З. Р., I, № 47); „со всемъ по тому, какъ здавна тые люди *держали*“ (*Дитюновича* Грамоты, № 10); „со всемъ тымъ, явъ ся изстаринны тые дворища мѣли“ (Ревизія пущъ, 71); „какъ ся здавна тые дворища въ собѣ мѣли“; „какъ здавна тые люди, на тыхъ дворищахъ живучи, мѣли, со всемъ тымъ, што изстаринны къ тымъ дворищамъ *прислухало*“ (*ibid.* 72); „со всемъ съ тымъ, яко ся тые земля и люди здавна сами въ собѣ, въ обыходѣхъ и пожиткахъ своихъ мають“ (*ibid.* 85); „со всемъ тымъ, што къ тымъ землямъ стародавна прислухало и зъ нихъ прихоживало, и со всякими пожитки и доходы которыми колевекъ именовъ або прозвищемъ званы могутъ быти, и потомъ *домо* и *широко*, яко ся зъ вѣкувъ сами въ собѣ и въ своихъ границахъ и пожиткахъ мають“ (*ibid.* 82) и пр.

³⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 6—звѣть 1528.

бенности обычный сельскій инвентарь (плугъ, рабочій скоть и пр.). необходимый во всякомъ крестьянскомъ дворѣ¹⁾. Къ такимъ же „принадлежностямъ“ крестьянскаго двора акты относятъ „нерухомя речи“ — дома (избы), клѣти, оборы, усадьбы (садиба) и вообще всякое дворное „будованіе“²⁾.

Основные хозяйственныя операціи въ крестьянскихъ дворахъ, по самому существу дѣла, приурочиваются къ *земля*, бывшей въ непосредственномъ владѣніи и обработкѣ крестьянъ. Въ актахъ (въ особенности по данинѣ и суду) весьма часто говорится о людяхъ съ „ихъ землями“ пашными (пашными грунтами, полями и пр.), борными, оранными и неоранными и пр., въ противоположность землямъ дворнымъ, бывшимъ въ непосредственной эксплуатаціи панскаго двора-фольварка³⁾. Крестьянскія земли, въ отличіе отъ дворныхъ, иногда называются землями „волостными“⁴⁾ или „волостельскими“⁵⁾. Иногда также „грунты волостные“, въ противоположность землямъ шляхетскимъ, означаютъ земли, бывшія во владѣніи людей „стану простого, не рыцарскаго“⁶⁾. Изъ старыхъ грамотъ на земли и имѣнія видно, что земли, до данины не освоеныя крестьянскими „проробками“ и „займищами“, не входили въ составъ владѣній крестьянскихъ дворовъ. Право „сажать людей на сыромъ корню“ принадлежало самимъ панамъ-владѣльцамъ⁷⁾. Двойственность землевладѣнія — панскаго и крестьянскаго⁸⁾ — имѣла мѣсто въ имѣніяхъ господарскихъ и част-

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 62. А. З. Р., II, № 19 (и 24). А. В. К., XIII, стр. 361 и слѣд. Ревизія пущъ, 69. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 47; ч. VII, т. I, № 87. Литов. Метр., Записей, № 5, стр. 57; Судныхъ дѣлъ, № 2, стр. 96.

²⁾ См., напримѣръ, Литов. Метр., Записей, № 9, стр. 102.

³⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., I, № 167, 172, 218. Въ записяхъ данинъ Казимира перѣдко говорится о пожалованіи людей съ ихъ землями: „У Полоцку наше село Погость съ тремя чоловѣки и зъ ихъ землями, Ивану Булавину и Сеньку Кошчичу, до воли“ и пр. См. также Литов. Метр., Записей, № 3, стр. 76; № 5, стр. 40; № 9, стр. 102. Люди иногда даются „съ ихъ землями, какъ они здавна держали и намъ служили“ (Копія Литовской Метрики, V, 208).

⁴⁾ Skarbiec, № 2261. Литов. Метр., Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 62. Въ 1569 г. Слонимскій староста Радимилъ далъ отпускную господарскому наробку (челядину, рабу) Мацутѣ, съ тѣмъ, что онъ долженъ служить въ волости Слонимской и можетъ поселиться въ мѣстѣ или же „землю волостную вземши, господарю его милости служить“ (ibid., Судныхъ дѣлъ, № 3, стр. 46).

⁵⁾ Литов. Метр., Записей, № 5, стр. 82.

⁶⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 203.

⁷⁾ См. А. З. Р., I, № 53.

⁸⁾ См., напримѣръ, А. Ю.-З. Р., I, № 31, стр. 21.

ныхъ владѣльцевъ и существовала до времени полнаго развитія шляхетскихъ „польностей“, когда „вѣчное право“ пановъ-землевладѣльцевъ распространилось на личность и имущество ихъ „подданныхъ“ (см. объ этомъ ниже).

Кромѣ земель и полей пашныхъ, къ составу крестьянскихъ дворовъ по актамъ принадлежать земли „не оранныя“¹⁾, не пашныя, съ разными угодьями лѣсными, подными и степными,—бортиями, ловами, входами, проробками и пр.

Въ актахъ нерѣдко говорится о принадлежавшихъ къ составу крестьянскихъ дворовъ „земляхъ бортиныхъ“, „бортиномъ деревь“, „лезивахъ“ (лазняхъ)²⁾, также „бчолахъ звѣчныхъ и данныхъ“. Отъ бортей, заводившихся крестьянами на собственныхъ земляхъ, отлчаются борти „заходныя“, существовавшія на чужихъ земляхъ, въ общихъ лѣсныхъ входахъ, какъ и борти „сябренныя“ (или „суде-ревныя“, общія), могли быть на собственныхъ и чужихъ земляхъ³⁾. Въ послѣднемъ случаѣ сябринныя борти могли принадлежать не только односельчанамъ, но и крестьянамъ, жившимъ въ разныхъ селахъ и устроивавшимъ общее бортное хозяйство въ сосѣднихъ пущахъ и лѣсахъ⁴⁾.

Кромѣ пчеловодства, лѣсныя угодья представляли немаловажное подспорье въ крестьянскомъ быту и по другимъ сельско-хозяйственнымъ промысламъ. Въ актахъ упоминаются принадлежавшіе крестьянскимъ дворамъ *лѣса, борты, пущи, гаи, дубровы, чащи, хворосты и заросли*, бывшія въ сябринномъ пользованіи не только отдѣльныхъ дворовъ, но и нерѣдко цѣлыхъ селъ⁵⁾. Въ своихъ лѣсахъ крестьяне

¹⁾ О поляхъ оранныхъ и неораныхъ см., напримѣръ, Archiv. Sangusz., III, № 125.

²⁾ Лазни и лезивы доселѣ извѣстны въ лѣсныхъ мѣстностяхъ сѣверныхъ губерній, въ значеніи приспособленій (напримѣръ, бортиныхъ лѣстницъ, драбницъ) къ пользованью бортиями („лазять“, „полазять“ борть — выдрать соты и т. п.). „Лезиво“ же означаетъ также вообще бортное хозяйство въ данномъ мѣстѣ; отсюда же названіе бортинокъ „подлазниками“ (см. ниже). О лезивахъ въ смыслѣ бортей см. Литов. Метр. Записей, № 25, стр. 269.

³⁾ Въ одномъ актѣ говорится: бортиники „борть свою хоживали (или „завѣдали“) посполъ съ своими полечники“, жившимъ съ ними въ одномъ дворѣ (Копія Литовской Метрики, V, 226).

⁴⁾ См. Реплзія пуць, стр. 72. А. В. К., XIV, № 18. Археографическій Сборникъ, I, стр. 17. Литов. Метр., Записей, № 5, стр. 48 и 51; № 9, стр. 92 и пр.

⁵⁾ См. Реплзія пуць, стр. 72. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 382. Archiv. Sangusz., III, № 125. О сябренныхъ лѣсахъ см. А. В. К., XIV, № 37; Литов. Метр., Судныхъ дѣлъ, № 2, стр. 4.

добывали матеріалы для „будованья“ (построекъ дворныхъ), топлива¹⁾ и разныхъ лѣсныхъ подѣлокъ, составлявшихъ, какъ видно изъ актовъ, промыселъ цѣлаго ряда крестьянскихъ классовъ. Таковы дойлиды, сапники, судники, бондары, угольники, дегтяри и пр., отправлявшіе съ своихъ промысловъ „особныя“ службы въ пользу панскихъ дворовъ²⁾.

Крестьянскія лѣсныя заросли, луга и хворостники на сѣверѣ и „непашенныя“ земли въ южныхъ степяхъ служили мѣстами *стюкосовъ* и *пастбищъ* для самихъ крестьянъ и панскихъ дворовъ, содержавшихъ конскіе табуны и стада рогатого и мелкаго скота, не только въ владѣльческихъ фольваркахъ, но и на „службѣ“ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ-конюховъ (ройтинниковъ), конокормцевъ и кобыльниковъ (лейтевъ)³⁾.

Наконецъ, тѣже крестьянскія пущи, боры, дубровы, сосняки и пр. служили для крестьянскихъ дворовъ мѣстомъ *лововъ зѣпримыхъ* и *тшиныхъ*. Въ актахъ находимъ указанія на ловы крестьянскіе „звѣчные“, принадлежавшіе крестьянамъ „по старинѣ“, давней заимкѣ и „держанью“, — главной основой права крестьянскихъ дворовъ на земли, ловы и пр., какъ и другія статьи крестьянскаго хозяйства, которыя были нерѣдко „въ сябренности podle давного обычая“, составляли для крестьянъ предметъ владѣнія, защищаемаго ими на судѣ наравнѣ съ отчинными землями⁴⁾. Есть, впрочемъ, указанія на мѣстныя ограниченія крестьянскихъ лововъ, очевидно, возникшія подъ воздѣйствіемъ шляхетскихъ „вольностей“. Въ вырокѣ господарскомъ 1499 г., по спору о принадлежности лововъ имѣнія Любча въ Городенскомъ повѣтѣ, между паномъ Гостовтовичемъ и писаремъ Оедкою Хрептовичемъ, суммируется слѣдующее основное начало о правѣ лововъ: „видѣлося намъ и паномъ радѣ нашою, штожь по всему великому княжеству нигдѣ панскія мужики лововъ своихъ не мають, а наболѣй въ Литвѣ“⁵⁾. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ исключитель-

¹⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, № 6, актъ 1528 г. — между прочимъ о „волномъ въздѣ по дрова“.

²⁾ Объ этихъ классахъ крестьянъ и ихъ службахъ см. ниже.

³⁾ См. ниже о дворахъ и службѣ конюховъ, конокормцевъ и пр.

⁴⁾ См. Ревизія пущъ, 72. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 382. Archiv Sangusz., III, № 16, 17. Литов. Метр., Судныхъ дѣлъ, № 2, стр. 4 и пр. Копія Литовской Метрики, V, 282, — актъ 1501 г. объ искѣ крестьянъ на судѣ по принадлежавшимъ имъ ловамъ.

⁵⁾ Копія Литовской Метрики, VI, стр. 157. См. *Любавскаго*, Областное дѣленіе, стр. 7; мои Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 79—80.

номъ шляхетскомъ правѣ лововъ лишь въ собственной Литвѣ, а не въ русскихъ областяхъ литовскаго государства. Старая земская пошлина (особенно въ южно-русскихъ земляхъ), какъ видно изъ актовъ, держалась по вопросу о мужицкихъ ловахъ мѣстами еще и въ XVI вѣкѣ. Ловецкое право утрачивается „мужиками“, нужно полагать, параллельно съ общей экспроприаціей крестьянскаго землевладѣнія, въ пору полного развитія „вѣчнаго права“ пановъ-землевладѣльцевъ¹⁾.

Водныя угодья, въ свою очередь, имѣли значеніе немаловажнаго фактора въ старомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ ряду „обыходовъ“, „пожитковъ“ и „входовъ“ крестьянскихъ дворовъ упоминаются въ актахъ „воды“—озера, рѣки и рѣчки съ езами, бобровыми берегами, бережками и гонами, затѣмъ ставы и ставища съ млинами и ихъ вымелками и пр. Выше указано на старую крестьянскую пошлину, подъ воздѣйствіемъ которой на Руси вездѣ сельскіе поселки располагались „при водѣ и лѣсѣ“, по рѣчнымъ и озернымъ низинамъ, пригоднымъ для промысловъ рыболововъ, бобровниковъ, куничниковъ, мельниковъ и пр.²⁾ Подобно угодьямъ пашеннымъ и лѣснымъ, угодья рѣчныя и озерныя могли быть также въ „сябрности“, составлять объектъ общаго владѣнія и пользованія крестьянскихъ дворовъ³⁾. Какъ видно изъ указаннаго выше примѣра, панскіе люди-вытпники „посполу бобровые гоны гонивали“, даже съ своимъ же паномъ-владѣльцемъ⁴⁾.

Земли и другія угодья крестьянскихъ дворовъ обозначаются въ актахъ „своими“⁵⁾, „властными“ (*влостыми*)⁶⁾, также „маестностями“ и „имтійями“⁷⁾. Наибольше употребительнымъ названіемъ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства была *отчина* (отчина, очница,

¹⁾ См. объ этомъ ниже.

²⁾ См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 193 и 382. Ревизія пущъ, стр. 72, 85, 254. О рѣчныхъ и озерныхъ „впочпцахъ“ крестьянъ см. Лит. Метр., Записей № 9, стр. 15. О рыболовахъ, бобровникахъ и пр. см. ниже.

³⁾ См. напримѣръ, Литов. Метр., Судныхъ дѣлъ, № 2, стр. 4.

⁴⁾ См. выше—о „вытпникахъ“ въ Смоленской землѣ.

⁵⁾ Въ 1516 г. путные слуги Путятичи заявляли на судѣ: „служимъ господарю его милости, земли *свои* имемъ“ (Литовская Метрика, Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 113). По уставу о волокахъ 1557 г., въ русскихъ волостяхъ „мають дати (дани) съ думу такового, въ которомъ *земли свое* и особнога хлѣба уживають“ (А. З. Р., III, № 19, стр. 95).

⁶⁾ Archiw Sangusz., III, № 204. Литовская Метрика, Записей, № 5, стр. 47.

⁷⁾ Ревизія пущъ, 254. Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, № 47.

вотчина, вутчина, вотнина¹⁾ и *дѣдина* (дѣднина)²⁾; не разъ также упоминаются въ актахъ „отчинныя“ земли и дворы людей, жившихъ въ имѣніяхъ господарскихъ, панскихъ и шляхетскихъ³⁾. Крестьянское хозяйство называется иногда „*юсподарствомъ*“, — ореть ли крестьянинъ ролю своимъ плугомъ, или „спрягается“ съ другими (господарство сябринное)⁴⁾. Крестьяне-владѣльцы такихъ маетностей и отчищъ — обозначаются общимъ именемъ *отиччей* (вотчины, очичи, *ouczyszcy własnie tego dworzyszczu* и пр.) и *дѣдичей*⁵⁾, также *юсподарей*, *possessionati*⁶⁾. Крестьянская отчина — то же, что и шляхетская маетность, *hereditas paterna*. Такія наследственные земли и дворы получались отъ отцовъ и дѣдовъ; отчищъ — тотъ, кто „держитъ землю отца“, съ нея и „служитъ службою“, — кто „здавна держивалъ землю у отчину“ и пр.⁷⁾. „Отчинными“ владѣльцами счи-

¹⁾ Ревизія пущъ, 107; *Źródła dziej.*, VI, стр. XVII; Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, № 173; Археографическій Сборникъ, III, № 5; *Archiv. Sangusz.*, III № 16; Арх. Ю.-З. Р., I, № 31; Литовская Метрика, Записей, № 9, стр. 31; Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 93 и 116; Копія Литовской Метрики, IV, 389; V, 63; VI, 56.

²⁾ А. З. Р., I, № 173 (дѣднина); II, 78; Копія Литовской Метрики, VI, 547 (земля дѣднина).

³⁾ Литовская Метрика, Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 114; Копія Литовской Метрики, V, 195; VI, 43.

⁴⁾ См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 217: по люстраціи Барскаго староства, 1565 г., „повиненъ каждый человекъ, который се на све господарство постанови, або ролю ореть плугомъ своимъ, або спрягается съ другими, дать, то есть, съ господарства своего, ишеницы“ и пр.

⁵⁾ Памятники, I, отд. 2, стр. 2 и слѣд.; А. З. Р., II, № 78; А. В. К., XIV, № 39, 48, 49; Писцовыя книги Пинскаго и Клецкаго княжествъ, 180—181; Археографическій Сборникъ, I, 16, 239; III, 39; Литовская Метрика, Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 107, 116; Записей, № 8, стр. 93; Копія Литовской Метрики, V, 361; VI, 56; VII, 761 (актъ 1454). См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, Предисловіе, стр. 13—17; *Бестужева-Рюмина*, Исторія, II, 90; *Иловайскаго*, Исторія, III, 83.

⁶⁾ См. выше — о половинникахъ.

⁷⁾ Въ данину поступаютъ люди съ „ихъ землями, што здавна они держивали у отчину“ (Копія Литовской Метрики, V, 63); или даются люди съ отчиной, „землей ихъ отца“ (*ibid.*, IV, 389). Въ инвентарѣ Житомира, 1501 г., перечисляются 4 данника въ приселкѣ Моголовичи: Ючковы дѣти держатъ отчину свою, землю отца (Арх. Ю.-З. Р., VII, I, № 2). Люди господарскіе Сморглевичи показывали на судѣ, въ 1515 г.: „тыя земли (ихъ оттигивалъ у людей земининъ Михайло Косинскій) отчина наша, съ тое земли мы господарю его милости служимъ и подачки даемъ“ (Литовская Метрика, Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 93). Въ листахъ на данину земля обыкновенно считается „отчиной“ крестьянъ, которые съ нея и служатъ владѣльцу (Арх. Ю.-З. Р., I, № 31).

тались люди, если их дѣды и отцы сидѣли на той же отчинѣ,—по отцамъ и дѣдамъ люди владѣли отчинами, по нимъ же и должны служить ¹⁾). Простолюдины-отчичи извѣстны были еще старымъ литовцамъ временъ Миндовга: подобно *pobiles*. литовскіе крестьяне считались изстари наследственными владѣльцами своихъ змель ²⁾). Такое же признаіе наследственными отчинами земель и другихъ угодій, разработанныхъ и „засидѣлыхъ“ крестьянами, перѣдко высказывается категорически и позже, въ актахъ XV и даже XVI вѣка ³⁾). Кореннымъ и исконнымъ источникомъ крестьянскихъ „отчинныхъ“ правъ на земли и другія угодья нужно считать цитированныя не разъ въ настоящемъ очеркѣ крестьянскія „займки“ и „займища“. „роспаші“, „разробки“ и пр. ⁴⁾). Крестьяне, „засидѣвшіе займку“ съ своими „племенниками“ и сябрами-потужниками, положившіе въ нихъ извѣстную цѣнность своимъ сябриннымъ трудомъ, тѣмъ самымъ приобрѣтали на займки такія же прочныя, „отчинныя“ права „держанья“, какъ и привилегированный владѣлецъ-бояринъ на свою отчину, *hereditas paterna*. Для втораго-третьяго поколѣнія „племенниковъ“ первыхъ основателей займокъ и разробокъ послѣднія могли получить и дѣйствительно получали значеніе ихъ „извѣчныхъ“. „стародав-

¹⁾ Копія Лятовской Метрики, V, 58, 59, 87 и пр.

²⁾ См. *Дашкевича*, „Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства“, 24, 25, прим. 1.

³⁾ Въ 1488 г. вели поземельный споръ на судѣ панъ Юрій Зеномъевичъ и Олехно Судимонтовичъ, при чемъ предметомъ спора была, по ихъ собственному признанію, земля ихъ людей. Олехно „искалъ“ на судѣ: „то-есть, земля моихъ людей“; въ свою очередь, и панъ Юрій показывалъ: „а то отчизна моихъ людей, и мои то Ляевичи“ (отчичи спорной земли). По словамъ Юрія, когда его отецъ дѣлился съ братомъ, послѣднему „достались на дѣлу тые люди Ляевичи и земля ся имъ (Лялев.) противъ тое земли (доставшейся людямъ отца Юрія) достала тымъ же Лялевичомъ“. Свидѣтели также подтвердили, что спорная земля „пана Олехновыхъ людей Судимонтовича Лялевичъ“. Судъ присудилъ землю пану Юрію „и его людямъ“ (А. Ю.-З. Р., I, № 31). Въ 1579 г. король Стефанъ Баторій подтвердилъ рядъ старыхъ приговоровъ судебныхъ по дѣлу паненъ Святохны Ѳедковой съ крестьянами. О землѣ, бывшей предметомъ спора, крестьяне (Кожевичкіе, въ Пинскомъ повѣтѣ) говорили: „мы, милостивый пане, не на Святохну тые земли разробили, але на себе“. Признавъ права крестьянъ на ихъ разробку, князь Пинскій Ѳедоръ (разбиравшій дѣло) указалъ другія земли паненъ Святохнѣ (*ibid.*, I, № 182; ср. *Релизія пуць*, 277).

⁴⁾ См. Арх. Ю.-З. Р., I, № 182; *Релизія пуць*, 277; Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, № 7; *Arch. Sangusz.*, III, № 17, 23; *Археографическій Сборникъ*, III, 247, 251; VII. 6 и пр.

нихъ“, „властныхъ“ отчинъ и дѣдинъ. Послѣднія еще въ пору первой ихъ разробки и заимки, а тѣмъ болѣе позже, если и могли быть предметомъ экспроприаціи (данины и пр.), то лишь съ извѣстнымъ вознагражденіемъ за „наклады“ и „посилье“ („усиле“—трудъ¹⁾), какъ первыхъ заимщиковъ, такъ и ихъ дѣтей — племенниковъ, „засидѣвшихъ“ свою отчину и расширявшихъ ее новыми заимками и роспашами²⁾. Такимъ же путемъ становились отчинами и дѣдинами крестьянскія купленины и данины (см. ниже): земля, пріобрѣтенная отцомъ или дѣдомъ въ видѣ купли или данья, при наследственномъ переходѣ ея къ ихъ дѣтямъ и внукамъ, входила въ общій составъ отчиннаго и дѣдиннаго имѣнія крестьянскаго двора.

Рядомъ съ отчинами крестьянъ упоминаются въ актахъ ихъ *кулли*, *купленины*, купленные земли, борти и пр.³⁾ Крестьяне пріобрѣтали свои купленины не только у своихъ же односельчанъ, но и у бояръ, татаръ, мѣщанъ и др.⁴⁾ Въ одномъ актѣ 1538 г. сохранилось лю-

¹⁾ Въ актахъ нерѣдко находимъ указанія на такое вознагражденіе при экспроприаціи крестьянскихъ отчинъ. Напримѣръ, въ записяхъ Казимира зарегистрирована такая даннина: „А къ тому еще дали есмо нану Михайлу Кезкайловичу... путнаго чоловѣка, на йма Тереню, зъ двѣма слѣды, а тые два слѣды далъ Терени великій князь Витовтъ противъ его отчины“, взятой на великаго князя. О платѣ за „посилье“ см. выше—о пріймакахъ, въ III главѣ настоящаго очерка.

²⁾ См. *Грушевскаго*, Барское староство, стр. 208, 241 и 251. Заимки, роспаша и разробки, въ особенности не освоенныхъ лѣсныхъ зарослей и „дикихъ полей“, не подлежали никакимъ ограниченіямъ, дѣятельно поощрялись и государями, и панамъ — землевладѣльцами, какъ въ видахъ колонизаціонныхъ, такъ и ради „пожитковъ“, усиленія доходовъ съ земли и разныхъ угодій въ имѣніяхъ панскихъ и господарскихъ (см. *Любавскаго*, стр. 447). Въ актахъ съ конца XV вѣка встрѣчаемъ ограниченія лишь касательно новыхъ роспашей въ „освоенныхъ“ лѣсахъ и земляхъ, принадлежавшихъ къ составу имѣній господарскихъ или панскихъ. Такъ, въ одномъ листѣ 1499 г. высказывается, очевидно, уже давно практиковавшееся правило о томъ, что роспаша, сдѣланная въ господарскихъ земляхъ и лѣсахъ безъ разрѣшенія государя, отбираются у заимщиковъ и могутъ поступать въ даннину по волѣ государя, вмѣстѣ съ сидѣвшими на нихъ господарскими людьми; „властные“ же люди бояръ, сдѣлавшихъ самовольныя роспаша на господарскихъ земляхъ, сводятся съ заимковъ и осаживаются на земляхъ своихъ пановъ (Копія Литовской Метрики, V, 218).

³⁾ Литовская Метрика, Записей, № 5, стр. 48; № 9, стр. 37; Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 114; № 2, стр. 124.

⁴⁾ А. З. Р., II, № 81; Литовская Метрика, Записей, № 9, стр. 87, Копія Литовской Метрики, VI, 118 (актъ 1498), 131 (актъ 1499 г. о дозволеніи дяку Гршму „окупить пеназъми“ купленную крестьянами Храповичами землю).

бопытное указаніе на покупку земли крестьяниномъ у своего жепана, которому тотъ служилъ въ качествѣ „подданного“¹⁾. Запись эта во всякомъ случаѣ указываетъ на то, что еще въ статутное время владѣльческіе крестьяне далеко не утратили старыхъ своихъ правъ по землевладѣнію²⁾.

Право „держанья“ или, по нѣкоторымъ актамъ, „вѣчнаго раденья“³⁾, земель и разныхъ угодій могло усвоиться крестьянскими дворами также путемъ *даними* (данья и пр.). Таково пожалованіе земель господарями жившимъ въ ихъ маестностяхъ людямъ, обыкновенно подъ такимъ же условіемъ службы, какъ и даннина маестностей боярамъ-шляхтѣ⁴⁾. и притомъ не только „до воли“ или въ „доживотье“, но и „въ отчину“⁵⁾. Королева Бона, владѣвшая въ Подоліи Барскимъ имѣніемъ (позже староствомъ), пожаловала нѣкоторымъ кметямъ (2-мъ ватаманамъ и 11 кметямъ) селъ Ива-

¹⁾ Въ Архивѣ Сапгушекъ (III, № 107) приводится регеста купчей записи, данной паномъ Бартоломеемъ Нарбутовичемъ своему же подданному Гринцову на землю Ивановщину, проданную паномъ послѣднему за 1 копу грошей. Къ сожальнѣю, ладатели Архива приводятъ только суммарную регесту записи, не помѣстивъ ея цѣликомъ въ своемъ изданіи. Изъ регесты не видно, на какихъ условіяхъ и основаніяхъ была продана земля. Сколько мнѣ извѣстно, запись Архива—единственный актъ этого рода сдѣлки пана съ подданнымъ.

²⁾ Выше (см. о пріймакахъ) указано на „вкупщиковъ“—крестьянъ, покупавшихъ части отчинныхъ земель въ чужихъ дворахъ и становившихся въ нихъ соотчичами — сябрами, несшими съ своихъ долей службу наравнѣ съ другими совладѣльцами (*Русская Мысль*, 1892, май, стр. 9—10; *Любаскаго*, 446). Въ актахъ нерѣдко говорится о крестьянахъ, сидѣвшихъ не на отчинахъ, а на купленныхъ: „тотъ человекъ сидѣлъ на купли своей, а земля отчизное свое не мѣлъ за собою“; „нѣкоторые зъ нихъ (людей) земля отчизныхъ подъ собою не мають, нижи сѣдятъ на земляхъ купленныхъ, которые покупили и въ боярѣ и въ татарѣ новгородскихъ“. Такие люди съ ихъ землями, при даннѣй господарскихъ имѣній въ частное владѣніе, обыкновенно выдѣлялись изъ состава даними, должны были, по своей куплѣ, служить господарскому двору на прежнемъ основаніи,—даннина распространялась только на людей—отчичей (*Литовская Метрика, Записей*, № 9, стр. 37).

³⁾ См. А. В. К., XIII, стр. 3,—грамота Мстислав. князя Лугвенія Ольгердовича, 1395 г., дворному боярину Валужаничу на земли „въ вѣчное раденье“.

⁴⁾ О такомъ пожалованіи говорится, напримѣръ, уже въ актѣ 1337 г., упоминающемъ о боярахъ, дворянахъ и господарскихъ „людахъ“, владѣвшихъ землями подъ условіемъ службы (*Skarbies*, № 352).

⁵⁾ Выше приведено изъ записей данини Казимира указаніе на данину Витовтомъ двухъ слѣдовъ путному человеку Терени „противъ его отчизны“,—слѣды въ данномъ случаѣ, очевидно, поступили къ данину на положеніи такой же отчизны, какъ и земли, взятыя на господаря.

новець, Баликовецъ и др. владѣніе прудами и пасѣками на такомъ же „ленномъ“ правѣ (въ мужскомъ поколѣніи нисходящихъ,—см. ниже), какъ и шляхтѣ; въ 1557 г. данныя земли были подтверждены за крестьянами королемъ Сигизмундомъ Августомъ „*jure feudi, cum omni jure, dominio et proprietate*“¹⁾. Въ актахъ упоминаются также крестьянскія борти „властные albo купленные и данья, кто кому дастъ зъ своее доброе воля“²⁾. Крестьянскія земли — „придатки“ означаютъ по актамъ данины, получавшіяся людьми по частному дару, въ придатокъ къ ихъ „властнымъ“ или отчиннымъ землямъ. Такіе придатки могли приобрѣтаться крестьянами, не только отъ лицъ стороннихъ, но и отъ своихъ же пановъ-владѣльцевъ, изъ состава принадлежавшихъ имъ, дворныхъ земель³⁾.

Что касается вопроса о правѣ *распоряженія* и *отчужденія* крестьянами принадлежавшихъ имъ статковъ и „речей рухомыхъ“, также земель съ разными угодьями, то, по всему видно, крестьяне первоначально пользовались въ этомъ отношеніи такими же правами, какъ и старые бояре и другіе свободные люди. Движимость, какою располагалъ каждый крестьянскій дворъ, его „домовые статки“ и хозяйственный инвентарь составляли общее „держаніе“ двора до позднѣйшаго времени, безъ существенныхъ ограниченій въ правѣ распоряженія статками⁴⁾. Изъ старыхъ актовъ видно, что крестьяне, жившіе въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ, свободно продаютъ свои земли стороннимъ лицамъ—боярамъ, мѣщанамъ и пр., отдаютъ свои грунты въ приданое или выдѣляютъ ихъ зятямъ, мѣняются землями, отдаютъ ихъ въ „заставу“ или „закупъ“, въ обезпеченіе долговъ и пр.⁵⁾.

¹⁾ См. *Грушевскаго*, Барское староство, стр. 250.

²⁾ Литовская Метрика, Записей, № 5, стр. 48,—листъ 1495 г. На такую же частную дань, повидимому, намекаетъ господарскій листъ 1454 г. о данинѣ пану Худкевичу пустыхъ дворищъ, съ предоставленіемъ ему права, „самому пахати и люди сажати у въ отчимоє мѣста“ (Копія Литовской Метрики, VII, 761, въ подлин.—638). Какъ видно, здѣсь рѣчь идетъ о посаженіи людей въ качествѣ отчичей на владѣльческихъ земляхъ, предоставившихся имъ въ „отчинное“ (наслѣдственное) пользованіе, подъ условіемъ „службы“ съ такихъ отчинъ.

³⁾ Въ одномъ актѣ 1499 г. упоминаются собственныя земли крестьянъ боярскихъ и ихъ „придатки, што отецъ его (владѣльца) имъ придалъ“ (Копія Литовской Метрики, VI, 138).

⁴⁾ А. З. Р., I, № 183; II, 185, 203; Литовскій Статутъ, изд. 1811, III, 38, прим. 9; VIII, 1, 9, прим. 1.

⁵⁾ О *продажѣ* земель—см. *Skarbies*, № 352, 629; А. З. Р., I, № 173; *Временникъ*, XV, смѣсь (Галицкая купчая 1351 г.); Памятники, II, отд. 2, стр. 119;

За крестьянами въ польской Подолиі признавалось еще въ XVI вѣкѣ полное право распоряженія землями и отчужденія ихъ стороннимъ лицамъ, не испрашивая на то ни у кого разрѣшенія ¹⁾. Точно также изъ актовъ видно, что въ старой Галиціи, на первыхъ порахъ послѣ присоединенія ея къ Польшѣ, держалась по данному вопросу старая русская пошлина, — дворищане продавали свои земли безъ особаго разрѣшенія мѣстной власти ²⁾. Въ собственно литовскихъ областяхъ, если сельскіе путники и пригонные (тяглые) люди, жившіе въ господарскихъ маетностяхъ иногда продавали до XVI вѣка свои земли безъ разрѣшенія господара или мѣстныхъ властей, то это разсматривалось во всякомъ случаѣ, какъ злоупотребленіе крестьянъ или попущеніе мѣстныхъ властей, и потому не разъ издавались запрещенія самовольной продажи земель крестьянами ³⁾.

Дѣло въ томъ, что исконная русская пошлина устанавливала особыя условія возникновенія и укрѣпленія вещныхъ правъ: всякій актъ, изъ котораго возникали для отдѣльныхъ лицъ тѣ или другія вещныя права, требовалъ каждый разъ, для полной санкціи и крѣпости такихъ правъ, признанія и утвержденія ихъ общественной властью. Отсюда древнее послушество, *testimonium vicinorum* (представительство общины), присутствіе „послуховъ“ и „свѣтковъ“ при всякихъ гражданскихъ сдѣлкахъ, своимъ участіемъ въ нихъ, въ качествѣ органовъ, представителей (словъ, пословъ) общины, гарантировавшихъ дѣйствительность и укрѣплявшихъ юридическую силу сдѣлокъ и возникавшихъ изъ

Arch. Sang., III, 109, 116, 139; Литовская Метрика, Записей, № 4, стр. 111; Записей, № 9, стр. 31; Судныхъ дѣлъ, № 1, стр. 113; Копія Литовской Метрики, IV, 387; V, 72, 287, 361; VI, 82, 133 (о продажѣ земель боярскихъ людей). О приѣмѣ *зятъсь* въ долю—А. В. К., XIV, № 20; Памятники, III, отд. 2, стр. 158. О *заставѣ* и *мянѣ* земель—Археографическій Сборникъ, III, № 5; Копія Литовской Метрики, V, 77; VI, 71 и 547.

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. II, № 50, 104, 105. По словамъ Грушевскаго, въ случаѣ крестьянскихъ споровъ на судѣ по продажѣ и другимъ земельнымъ сдѣлкамъ, „вся такія дѣйствія признаются нормальными судомъ: онъ самъ разсматриваетъ крестьянина, какъ наследственнаго владѣльца“ (Барское староство, 261).

²⁾ См. напримѣръ, Галицкую купчую 1361 г. (*Временникъ*, XV, сивъс).

³⁾ Такимъ образомъ, въ 1500 г., по одному частному случаю покупки мѣщанами полоцкими крестьянскихъ земель, король Александръ, при утвержденіи акта купчаяго, установилъ на будущее время, чтобы „по та мѣста (то-есть, съ той поры, впредъ) во болшъ мѣ (мѣщанамъ) безъ нашего омы въ пригонныхъ людей земель не куповати“ (А. З. Р., I, № 185). Въ 1502 г. то же самое ограниченіе распространено и на людей Городенскаго повѣта (*ibid.*, № 198).

нихъ вещныхъ правъ и обязательствъ ¹⁾); отсюда же и позднѣйшее требованіе укрѣпленія поземельныхъ правъ общественной властью, въ формѣ жалованныхъ и другихъ грамотъ старыхъ князей и вѣтчъ.

Съ развитіемъ въ литовско-русскихъ земляхъ помѣстнаго землевладѣнія, обусловленнаго земскою службой стараго боярства ²⁾, общія условія возникновенія поземельныхъ правъ осложняются новыми требованіями, окончательно поставившими право распоряженія (продажи, даренія и пр.) земскими имѣніями бояръ-шляхты въ обязательную связь съ господарскимъ согласіемъ (*consensus*), что, какъ извѣстно, и выражено въ земскомъ привилеѣ 1413 г. ³⁾. Такія же требованія и на той же самой почвѣ общихъ и специально-служебныхъ началъ и условій возникновенія и укрѣпленія вещныхъ правъ и служебнаго, повинностнаго характера крестьянскаго землевладѣнія, постепенно возникаютъ и примѣняются къ крестьянскому землевладѣнію. Уже въ началѣ XIV вѣка являются господарскіе „дозволенные“ листы на купленію земель у крестьянъ ⁴⁾. О „волѣ“ намѣстника и „призволеніи“ господарей (великихъ и удѣльныхъ князей) говорится также въ листахъ и привилеяхъ послѣдующаго времени, какъ объ основныхъ актахъ укрѣпленія разныхъ сдѣлокъ по отчужденію крестьянскихъ земель ⁵⁾. Но господарское право въ старое время было „такъ же далеко отъ конкретныхъ юридическихъ отношеній, какъ и понятіе о Божьей землѣ“; оно едва ли могло устранять права крестьянина на его землю ⁶⁾. Господарское „призволеніе“, санкционировавшее сдѣлки крестьянъ по землевладѣнію, коренится не въ правѣ собственности господара на всю массу крестьянскаго землевладѣнія, но лишь въ служебномъ, тягловомъ его характерѣ,—въ томъ, что всѣ свои „службы“ крестьянинъ „вѣчно“ отпращиваетъ съ своихъ же отчинъ, данинъ и купленннхъ. Этотъ мотивъ

¹⁾ См. мое сочиненіе „Старый земскій обычай“, стр. 79, 81, 93, 98, 110, 112, 145.

²⁾ См. проф. *Владимірскаго-Буданова* „Помѣстья“ и пр.

³⁾ *Zbiór praw Litew.*, стр. 7. Vol. leg. I, 29. *Skarbiec*, № 1025. Ср. мои „Источники литовско-русскаго права“, 27—28.

⁴⁾ Такъ, въ 1387 году, великій князь Ольгердъ далъ дворянину Туникаю подтверждающую грамоту на землю, купленную имъ съ дозволенія мѣстнаго намѣстника у господарскихъ людей—Радуица Вкалина съ его дѣтми и отцомъ. См. *Skarbiec* № 352.

⁵⁾ См., напримѣръ, *Skarbiec*, № 629; А. З. Р. I, № 173; *Arch. Sang.* III, № 116, 139; *Литов. Метр.*, *Записей* № 4, стр. 111 и пр.

⁶⁾ См. проф. *Владимірскаго-Буданова* „О крестьянскомъ землевладѣніи“, стр. 38.

очень рельефно высказывается въ нѣкоторыхъ актахъ начала XVI вѣка: постороннимъ людямъ, не-крестьянамъ „не годятся земли господарское, тяглое, куповати въ людей,—отчичъ не маеть земли никому запродавати, *абы господарю служба не тинула*“; зашьже людемъ нашимъ нелезе земля продавати, али запродавати, безъ нашего призволенія“¹⁾. Корни такихъ воззрѣній и мотивовъ нужно искать какъ въ общей системѣ помѣстныхъ служебностей, такъ и, главнымъ образомъ, въ заимствованной изъ Польши системѣ средневѣковаго нѣмецкаго хозяйства (волочнаго), основаннаго на кадастрѣ земель дворянскихъ и крестьянскихъ, съ надѣломъ послѣднихъ крестьянамъ въ „вѣчно“ владѣніе и съ установленіемъ для нихъ обязанности „вѣчно“ же отправлять „службы“ въ пользу пановъ-землевладѣльцевъ, что, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ, привело къ полной экспроприаціи свободнаго крестьянскаго землевладѣнія²⁾. Въ силу установившагося такимъ путемъ служебнаго значенія крестьянскихъ земель въ имѣніяхъ господарскихъ, панскихъ и шляхетскихъ, согласіе владѣльцевъ такихъ имѣній считается уже въ памятникахъ конца XV вѣка обязательнымъ актомъ при всякихъ сдѣлкахъ владѣльческихъ крестьянъ по принадлежавшимъ имъ отчинамъ и куплямъ³⁾. На сколько прочно установилась въ XVI вѣкѣ связь крестьянскаго землевладѣнія съ „службой“ крестьянъ, показываетъ вырокъ 1515 года, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „если недужъ будетъ отчичъ службы господарское послужити“, то его земля отдается въ держанье другимъ людямъ „на особную службу, какъ передъ тымъ съ тое земли служба господарю его милости бывала“⁴⁾. Окончательное разрѣшеніе вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи принадлежитъ времени полнаго развитія шляхетскихъ „вольностей“ и упроченія воззрѣнія на землевладѣніе, какъ на исключительно-шляхетскую привилегію, виѣстѣ съ высленіемъ понятія о „вѣчномъ правѣ“ пановъ на сидѣвшихъ въ ихъ

¹⁾ Литов. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 707 (актъ 1515 г.). Копія Литовской Метрики V, 287 (актъ 1501 г.). Земли, проданныя, заложенныя и вообще отчужденныя крестьянами безъ господарскаго призволенія, отбираются отъ покупателей и заимодавцевъ, съ предоставленіемъ имъ права искать своихъ денегъ на тѣхъ, кто, при такихъ условіяхъ, продалъ или заложилъ свою землю. (Копія Литовской Метрики V, 77 (актъ 1495 г.), 361 (актъ 1505 г.).

²⁾ См. мою статью: „Сословный типъ территориально-административнаго состава литовско-русскаго государства“, стр. 11.

³⁾ Копія Литов. Метр. VI, 183 (актъ 1499 г.).

⁴⁾ Литов. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 107.

маетностей крестьянъ—отчичей. Указанные выше службно-тягловые мотивы воздѣйствія пановъ-землевладѣльцевъ на крестьянское землевладѣніе быстро и рѣшительно смѣняются основнымъ воззрѣніемъ о полномъ и безусловномъ помѣщичьемъ правѣ собственности на бывшія отчины и дѣдины владѣльческихъ подданныхъ. Такъ смотритъ на крестьянское землевладѣніе, какъ и вообще на отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ, уставъ о волокахъ 1557 года: „кметъ и все его имущество принадлежитъ намъ“¹⁾,—положеніе, имѣющее, по всѣмъ видимостямъ, значеніе раньше установившейся „пошлины“, а не вновь созданнаго закона. Воззрѣнія на зависимый характеръ крестьянскихъ отчинъ высказываются уже въ актахъ конца XV вѣка. Такъ, въ актѣ 1499 года о земляхъ, данныхъ дворянину Жеребятичу, говорится, что по поводу такой данины крестьяне, жившіе на пожалованныхъ земляхъ, жаловались господарю на пана Жеребятича, „выпрохавшаго“ у него ихъ „отчинныя“ земли; на это послѣдовалъ господарскій отказъ: „но хотя быхмо и ты самыи люди наши даннии ему дали, то-есть, въ нашей воли господарской“²⁾. По Литовскому Статуту (особенно послѣдней редакціи 1588 года) крестьянинъ, когда то полноправный отчичъ своихъ земель, разсматривается, какъ только простой съемщикъ, арендаторъ панской земли. Если подданный и можетъ еще распоряжаться своей землей, отчуждать ее постороннимъ лицамъ, отдавать въ „заставу“ или наемъ и пр., то лишь подъ непремѣннымъ условіемъ согласія на то со стороны его пана, единственнаго владѣльца-собственника и самихъ подданныхъ, и всѣхъ земель, лежавшихъ въ границахъ его „державы-маетности“, безъ былого различія между землями дворными и крестьянскими или волостными³⁾.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ подробное разсмотрѣніе вопроса о воздѣйствіи укрѣпленія крестьянъ Литвы-Руси на ихъ общее правовое и экономическое положеніе⁴⁾. Мы коснемся лишь основ-

¹⁾ Памятн. Ц, отд. 2, стр. 119.

²⁾ Копія Литов. Метр. V, 228.

³⁾ См. Литовскій Статутъ 1529, VIII, 21; Ст. 1566, IX, 9; Ст. 1588, V, 7, IX, 27.

⁴⁾ О правовомъ и экономическомъ положеніи крестьянъ въ литовско-русскомъ государствѣ см. слѣдующія монографіи: *А. Труворова*, Крестьяне въ юго-западной Россіи XVI вѣка (Архивъ Калачова 1859, № 8). *Д. Мордовцева*, Крестьяне въ юго-западной Россіи XVI вѣка (ibid. 1861, III). *Ю. Шрейера*, Краткій историческій взглядъ на судьбы крестьянскаго сословія въ Литвѣ (Памятная

наго вопроса объ общемъ характерѣ и источникахъ крѣпостной зависимости крестьянъ и затѣмъ рассмотримъ данныя касательно группировки различныхъ классовъ людей въ крестьянскихъ дворахъ по различію занятій и службъ жившихъ въ нихъ крестьянъ.

Люди зависимые, подъ общимъ именемъ „извѣчныхъ неотхожихъ“ упоминаются впервые въ актахъ 40-хъ годовъ XV вѣка ¹⁾). Можно съ несомнѣнностью полагать, что старожилы, люди „неотхожіе“ были въ то время обычнымъ элементомъ, изстари существовавшимъ въ составѣ крестьянскихъ дворовъ. Первые же начала зарожденія въ юридическомъ смыслѣ зависимаго положенія крестьянъ старожиловъ, по всему видно, совпадаютъ съ развитіемъ первыхъ же шляхетскихъ вольностей (съ земскихъ привилеевъ 1387 и 1413 года), предоставленныхъ литовскимъ боярамъ владѣніе маентностями на одинаковыхъ правахъ съ польской шляхтой („*pari jure sicut barones regni Poloniae*“), а также съ введеніемъ въ господарскихъ и шляхетскихъ имѣніяхъ нѣмецко-польскаго волочнаго хозяйства, съ надѣломъ земель въ „вѣчное“ владѣніе крестьянъ, обязанныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно же отправлять съ нихъ „особныя“ службы, смотря по роду ихъ за-

вѣзка Виленской губ. 1861, III). *Θ. Леонтовича*, Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI вѣка (*Києвскія Університетскія Извѣстія* 1863, № 10 п 11). *А. Семеновскаго*, Историческая записка о панцирныхъ боярахъ (1868). *В. Антоновича*, О крестьянахъ юго-западной Россіи въ XVIII вѣкѣ (предисловіе къ II т. VI ч. Арх. Ю.-З. Р. 1870). *И. Новицкаго*, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV — XVIII вѣкѣ (предисловіе къ I т. VI ч. Арх. Ю.-З. Р. 1876). *М. Любавскаго*, О крестьянахъ въ литовско-русскомъ государствѣ ко времени изданія 1-го Литовскаго Статута (въ сочиненіи Областное дѣленіе и пр., 1893). *К. Бестужева-Рюмина*, Русская исторія, II. *Д. Пловейскаго*, Исторія Россіи, III. По исторіи крестьянъ въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкѣ: *А. Лазаревскаго*, Малороссійскіе посполитые крестьяне, 1648—1783 (1866). *К. Козловскаго*, Судьба малороссійскаго крестьянства въ XVII — XVIII вѣкахъ (1871).—По исторіи крестьянъ въ Польшѣ: *Е. Ставicki*, Rozzukiwania o dziejów rolnictwa krajowego (1852). *Х. Врнегденей диктус Насенкамп*, De rusticorum regni Poloniae sec. XIV, XV, XVI condictione (1852). *Х. Т. Любомирski*, Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII w. (1862). *И. Гуремыкина*, Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ (1869). *В. А. Мациевски*, Historija włościan i stosunków ich politycznych i economicznych, które istniały w Polsce od czasów najdawniejszych aż do drugiej połowy XIX w. (1874).

¹⁾ Объ „извѣчныхъ неотхожихъ людяхъ“ говорится, сколько намъ извѣстно, впервые въ листѣ Казимира по спорному дѣлу между панями Круповичами и ихъ людьми, отцы которыхъ пожалованы были дѣду Круповича еще вел. княземъ Витовтомъ: по суду господарскому въ 1444 г. люди были „выданы“ Круповичамъ, „бо они ихъ извѣчные неотхожіе“ (А. Ю.-З. Р., I, 22, III).

нятій и промысловъ ¹⁾). Въ земскомъ привилеѣ 1457 г. упоминаются въ великокняжескихъ и владѣльческихъ имѣніяхъ „люди непохожіе“, по другому списку — „люди данные, извѣчные, селенитые“, съ запрещеніемъ принимать бѣглыхъ изъ имѣній частныхъ и великокняжескихъ ²⁾). Привилеѣ 1457 г. не вводитъ собственно ничего новаго; его нельзя считать первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостнаго права въ Литвѣ-Руси ³⁾). Люди невольные (собственно челядь) непохожіе существовали, какъ показываютъ акты, гораздо раньше привилеѣ 1457 г.; въ этомъ актѣ уставной функціи литовскаго господаря лишь точно фиксируется то, что слагалось въ жизни крестьянскихъ дворовъ медленнымъ процессомъ бытовой практики мѣстныхъ „пошлинь“ ⁴⁾).

Въ актахъ послѣдующаго времени зависимые крестьяне извѣстны подъ самыми разнообразными названіями. Таковы: люди непохожіе ⁵⁾, иногда отчичи непохожіе ⁶⁾, также люди отчинные непохожіе ⁷⁾, люди неотхожіе ⁸⁾ или неприхожіе ⁹⁾). Такое же значеніе зависимыхъ старожиловъ имѣютъ люди засѣдальме, osziadli, наконецъ домовники ¹⁰⁾). Главнымъ признакомъ зависимыхъ людей въ данномъ случаѣ является старожильство, осѣдлый, не бродячій характеръ кре-

¹⁾ См. мою статью: „Сословный типъ территориально-административнаго состава литовско-русскаго государства“, стр. 11—15. Достовернымъ извѣстіемъ о нѣмецкомъ правѣ въ литовскихъ селахъ (въ Подляхіи) находимъ въ актахъ 20-хъ годовъ XV вѣка (Литов. Метр., Записей № 25, стр. 265). О волокахъ при Витовтѣ, см. А. З. Р., I, № 189. См. также мою статью: „Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“, стр. 10.

²⁾ Zbiór praw lit., 28. А. З. Р., I, № 61. Skarbiec, № 1995. Rzyaszczewski, Codex, I, 188.

³⁾ Какъ полагаетъ г. Иловайскій (Ист. Россіи, III, 84).

⁴⁾ См. Любавская, Областн. дѣленіе, стр. 378.

⁵⁾ Въ сельцахъ двора Болванницкаго (въ Смоленскомъ повѣтѣ), даннаго въ 1498 г. князю Крошинскому, жили, между прочимъ, люди непохожіе, отличающіеся отъ людей *волимыхъ* (Копія Литовской Метрики, V, 162; ср. *ibid.*, V, 196; XXVI, 190. Zbiór praw Lit., 28. Литов. Стат. 1529, XI; Стат. 1566, XII, 19 и проч.).

⁶⁾ Arch. Sang., III, № CDL.

⁷⁾ Копія Литов. Метр., VI, 133.

⁸⁾ Литов. Метр., Судн. дѣлѣ, № 2, стр. 96.

⁹⁾ Копія Литов. Метр., XXVI, 186, 190.

¹⁰⁾ О людяхъ „засѣдальныхъ“ см. Памят. Кіевск. Комм., I, отд. 2, стр. 2—3 (актъ конца XV вѣка); Лит. Стат. 1588, XII, 13. О людяхъ „osziadlych“ — *Грушевскаго*, Варск. старосиво, стр. 252. О домовникахъ, противоположавшихся приходнямъ, — см. Археогр. сборн., I, № 19 (актъ 1536 г.).

стьянъ, долженствовавшихъ, по самому закону, составлять постоянный, неподвижный элементъ въ личномъ составѣ крестьянскихъ дворовъ. Старожилство въ этомъ смыслѣ является *результатомъ* зависимаго состоянія: крестьянинъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, не пользуется правомъ выхода, долженъ до смерти сидѣть на мѣстѣ, въ своемъ дворѣ, на своей роли. Несомнѣнно, крестьяне-старожилы искони могли вездѣ составлять и, въ силу консервативной природы сельскаго быта, дѣйствительно составляли коренную основу крестьянскаго населенія. „Многіе крестьяне обжились на своихъ отчинахъ, хорошо обработали ихъ и сами по себѣ не имѣли никакихъ побужденій оставлять землю, которая приобрѣла уже рентовую цѣнность и которая могла имѣть уже покупателей. Съ переходомъ на другой участокъ связанъ былъ для нихъ рискъ попасть въ худшія хозяйственныя условія“¹⁾). Признакомъ, квалифицировавшимъ новое правовое понятіе старожилства примѣнительно къ крестьянской зависимости, нужно считать признанную самимъ закономъ *обязательность* старожилства. По актамъ XV и слѣдующихъ вѣковъ начало это выражалось въ томъ, что всѣ отчичи и осѣдлые люди обязательно должны быть людьми непохожими, безъ возможности для нихъ оставлять свой участокъ, по личной волѣ каждаго, пользоваться исконнымъ правомъ всякаго вольнаго человѣка — правомъ „выхода“, свободной мѣны мѣста своей трудовой дѣятельности.

Нѣсколько иную квалификацію вносить въ понятіе зависимаго крестьянина рядъ другихъ (близкихъ, впрочемъ, съ старожилствомъ) названій, столь же старыхъ, какъ и названія людей непохожихъ и засѣдѣлыхъ. Таковы названія, обозначающія изстаринный („изъ вѣковъ“, въ силу давности), давностный, стародавній характеръ зависимости крестьянина. бывшаго „изъ вѣковъ“ непохожимъ и долженствовавшего оставаться старожиломъ „во вѣки вѣковъ“, отъ рожденія и до смерти своей: люди *извѣчные*²⁾ или *звѣчные*³⁾, отчичи звѣчные⁴⁾, люди отчинные звѣчные⁵⁾, наконецъ, какъ кажется, и

¹⁾ Любавскій, 382.

²⁾ О нихъ говорится уже въ приведенныхъ выше актахъ (вырокъ 1444 г. и земскомъ привилеѣ 1457 г.), впервые упоминающихъ о зависимыхъ людяхъ. См. также А. З. Р., I, № 82, 141 (и. 1), 144, 209; II, 30, 78 и пр. Кош. Лит. Метр., VI, 43 (актъ 1495 г.).

³⁾ Ар. Ю.-З. Р., I, № 62.

⁴⁾ Литовск. Метр., Судн. дѣл., № 1, стр. 74.

⁵⁾ Копія Литовск. Метр., VI, 70.

отъчники ²⁾). Въ статьѣ: „Сословный типъ территоріально-административнаго состава литовско-русскаго государства“ ¹⁾, высказана мной догадка о значеніи Смоленскаго „вѣчника“ въ смыслѣ члена вѣча, аналогическаго съ южно-русскимъ конникомъ. Но затѣмъ сопоставленіе „вѣчниковъ“ съ людьми „звѣчными“, какъ намъ кажется, даетъ возможность и инаго, болѣе подходящаго толкованія названія вѣчниковъ. Объясненіе значенія ихъ въ смыслѣ членовъ вѣча не даетъ ключа къ надлежащему уразумѣнію, почему въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ и въ одной и той же мѣстности рѣчь идетъ о вѣчникахъ, дворахъ и селахъ вѣчниковыхъ и одновременно о людяхъ и дворахъ безъ этой qualificаціи: вѣдь въ качествѣ членовъ вѣча являлись на „слѣдогонахъ“ и въ другихъ случаяхъ всѣ „мужи“, жившіе въ дворахъ и селахъ вѣчеваго округа: въ данномъ отношеніи всѣ сельчане были вѣчники, — не могло быть никакихъ различій между отдѣльными мужами и цѣлыми селами. Нужно полагать, что подъ вѣчниковыми дворами и селами разумѣлись въ Смоленской землѣ первой половины XV вѣка поселенія старожиловъ, состоявшія исключительно изъ „отъчичей“, людей „извѣчныхъ“ и не заключающія въ своемъ составѣ людей „похожихъ“, „незасѣдѣлыхъ“, не старожиловъ, людей „новыхъ“ (см. ниже). Въ актахъ нерѣдко „извѣчное“, стародавнее состояніе обозначается терминомъ „изъ вѣковъ“ ³⁾. Эти-то извѣчные люди и вѣчники, нужно думать, и разумѣются въ артикулахъ Статута 1588 г. о „людяхъ отъчизныхъ и иныхъ, *вечному праву* подлежащихъ“, — о „чоловекѣ, вечнымъ правомъ себе (владѣльцу) подлежащемъ, *давностию* не промолчаномъ“ ⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что

¹⁾ „Вечники“ упоминаются исключительно въ записной книгѣ данниъ Казимира: „Ходыцѣ волость Шуе и Дуваги (въ Смоленск. землѣ); Ходыцѣ-жь чотыри чоловѣки и зъ ихъ статки: вечниковъ Өролка Өразова, а Овонаска Десницу, да Наведка Красельника, да селцо ещо Лукино... Селявѣ три челядишы Добротича и дворъ Губинѣ вечниковъ... Мышцѣ, Ходычину брату, Ляхово село венниково (вечниково) да Ковшинчъ... Еску Искрино село вечниково, Бесицу дворъ Юрьковъ вечниковъ. Ивану Бавенеску, а дворъ вечниковъ Колибакинѣ, Кожарину дворъ вечниковъ... Глебку Сверщку Вустъ, вечникъ... Дереву село вечниково Левково, што Володио держалъ; будешъ ли, ино ему отдано“.

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, іюнь, и отдѣльно, стр. 25.

³⁾ Напримѣръ, въ записяхъ данниъ Казимира зарегистрировано: „Шани Оленѣ Крезгайловой сѣножати даны, Тоталскіе сѣножати, изъ *отъковъ* не были ни за кѣмъ“.

⁴⁾ Ст. 1588, XII, 14 и 16.

понятіе „вѣчнаго права“ не вновь создано самимъ Статутомъ ¹⁾, но устанавливалось постепенно въ самой жизни, съ тѣхъ поръ, какъ стало выясняться въ общественномъ сознаніи зависимое состояніе старожиловъ, людей извѣчныхъ. Если, какъ замѣчено выше, названіе людей непохожихъ указываетъ на результатъ старожильства—невозможность для старожила свободно оставлять свой дворъ, свой участокъ земли, то наименованіемъ старожиловъ, людьми извѣчными обозначается *прошедшее* старожильства, его основной источникъ, въ формѣ давности, жизни въ своемъ дворѣ „изъ вѣковъ“, изъ старины.

Подъ воздѣйствіемъ крестьянской зависимости постепенно видоизмѣняется понятіе *отчича*. Правда, еще въ актахъ начала XVI вѣка удерживается старое воззрѣніе на отчича, какъ на наследственнаго владѣльца отчины и дѣдины, доставшейся ему отъ отца и дѣда ²⁾. Затѣмъ, въ Статутѣ всѣхъ трехъ редакцій отчичу дается уже иное значеніе: подъ отчичемъ, какъ и подъ извѣчнымъ человѣкомъ, разумѣется крестьянинъ, находящійся въ наследственной зависимости отъ своего владѣльца,—квалификація наследственности обозначаетъ отношеніе отчича не къ его землѣ-отчинѣ, а къ самому помѣщику-полноправному владѣльцу и отчича, и его отчины. Такое воззрѣніе на отчичей лежитъ въ основѣ, напримѣръ, положенія Статута 1588 года о выселеніи челяди изъ панскихъ дворовъ въ села: „челядь невольная и тежъ дети потомки полонениковъ мають быти осаживаны на земляхъ и *розумени быти за отчичовъ*“ ³⁾. Здѣсь невольные челядины называются отчичами лишь въ смыслѣ наследственно-зависимыхъ людей, а нисколько не владѣльцевъ отчинъ, которыхъ они никогда не получали отъ своихъ отцовъ. Въ такомъ же именно смыслѣ крестьяне-отчичи или вотчичи ⁴⁾ называются иногда отчичами „при-

¹⁾ Впервые „вѣчное право“ упоминается въ одномъ актѣ 1392 г., именно въ листѣ князя Дмитрія Семеновича (Друцкаго) княгинѣ Софіи и ея потомкамъ на дворы и на данниковъ, записанныхъ ей „wiesznuum prawem darowizny“ (Лит. Метр., Записей № 2, стр. 125). О кн. Дмитріѣ Сем. см. мою статью—„Панскій дворъ въ лит. государствѣ“, стр. 8.

²⁾ Такое воззрѣніе высказывается, напримѣръ, въ вырокѣ 1516 г. Панъ Богвятиновичъ искалъ челоуки Останковича „за отчича“, какъ своего „властнаго, непохожаго“. На судѣ Останковичъ заявлялъ: „я не его очичъ; въ дѣда и отца моего мѣщанинъ есмь Берестейскій и мѣсто отчины своее въ мѣстѣ маю... ни жи правда есть, мѣшкалъ есмь въ томъ лиѣни его, въ Лобичевѣ, доброволе, а не очичъ есмь того *имя*“ (Литовск. Метр., Судн. дѣлъ, № 1, стр. 116).

³⁾ Литовск. Стат., 1588, XII, 21.

⁴⁾ О „вотчичѣ“ см., напримѣръ, Лит. Стат., 1529, VIII, 20.

роженными“, людьми непохожими—*„отчизными“*, *„отчинными“*, *„дѣдинными“* и *„материзными“*. Въ одномъ вырокѣ 1499 г. крестьяне названы даже *„прадѣдиной“* ихъ владѣльца ¹⁾). Подобныя названія крестьянъ встрѣчаются въ актахъ съ половины XV вѣка ²⁾ въ одномъ и томъ же значеніи зависимыхъ людей, доставшихся ихъ владѣльцамъ по наслѣдству отъ дѣдовъ, отцовъ и матерей послѣднихъ ³⁾. Въ Статутѣ 1588 г. люди, доставшіеся по наслѣдству, носятъ общее названіе *„стадковыхъ“* ⁴⁾. По различію же актовъ пріобрѣтенія (по господарской данинѣ или выслугѣ, также по различнымъ частнымъ сдѣлкамъ—куплѣ, продажѣ, дару и пр.), зависимые люди называются въ актахъ *выслуженными*, *данными*, *дарованными*, *купленными* и пр. ⁵⁾.

Личная зависимость и подчиненіе людей власти владѣльцевъ обозначается въ актахъ (съ половины XV вѣка) эпитетами: *„своихъ“*, *„властныхъ“* (власныхъ, власныхъ) людей, людей *„отчинныхъ властныхъ“*, *„своихъ подданныхъ“*, *„властныхъ отчичей“* и пр. ⁶⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ примѣняются къ зависимымъ крестьянамъ также эпитеты *„людей“* и *„мужиковъ невольныхъ“* ⁷⁾. Изъ одного вырока 1581 г. видно, что въ то время подданство людей отчизныхъ пони-

¹⁾ См. *Любаевскаго*, Обл. дѣл., стр. 388.

²⁾ Въ записной книгѣ Казимира зарегистрирована такая данина подъ 1450 г.: *„Ондрушковой Святохнѣ король (далъ) Козышки полтретядцать чоловѣковъ отчичимиъ, што Ондрушко привернулъ ихъ Керковичкамъ“*. Въ продажной записи (1477—1490 г.) боярина Якуба Милошевича говорится, что онъ *„продалъ Вежъгайду (Ивашковичу) обѣлъ вѣчно слѣдъ челоуѣка своего отчиннаго, на рѣцѣ на Или, нивы и сѣножати и часчи, бобровые гоны по рѣцѣ по Или“* (Лит. Метр., Записей № 5, стр. 74).

³⁾ Памят. I, отд. 2, стр. 2, 5. Arch. Sang., III, № CDL. Лит. Стат., 1529, I, 8, 75; Ст. 1566, XII, 6, 66; Ст. 1588, XII, 12 — 14 и пр. Копія Лит. Метр., VI, 133, 581 (акты 1499 и 1504 г.).

⁴⁾ Лит. Стат., 1588, XII, 14.

⁵⁾ О людяхъ данныхъ (пожалованныхъ) говорить уже земскій привилей 1467 г. См. А. З. Р., I, № 61. О людяхъ выслуженныхъ, купленныхъ и пр. см. А. З. Р., II, № 164. Стат. 1529, I, 8, 75; II, 1, 11; XI, 2, 9, 10; XII, 6. Стат. 1566, II, 1; III, 19; XII, 8, 9; XIV, 29. Ст. 1588, XII, 12, 14 и пр.

⁶⁾ Лит. Ст., 1588, XII, 14 и 16. Въ 1478 г. король Казимиръ подтвердилъ данину старосты Жомонтскаго слугѣ своему Станку Смольнянину — пашню, бывшую раньше за покойнымъ Визьгиномъ,—*„а къ тому придалъ ему своихъ людей власныхъ Кролтовскихъ чотыри службы — Седейка зъ дѣтьми“*. См. Копія Лит. Метр., IV, 863; ср. *ibid.*, V, 208, 213; VI, 133.

⁷⁾ Лит. Стат., 1529, XI, 9 и 10; Ст., 1566, XII, 9 и пр.

малось уже въ прямомъ значеніи „неволи“. Воеводѣ витебскому жаловался человекъ Яковъ Кузминъ на господариню свою, боярину Олехнову Поддубенскаго: „есми есть человекъ вольный и зашедши за мужа ей, небожчпка Олехна, и жилъ есми за нимъ доброволне, а теперъ она въ неволю мя вернуть и отъ себѣ мя отпустить не хочеть, не вѣдаю для чого“. Что значить „вернуть въ неволю“, категорически рѣшилъ судъ: „тотъ человекъ маеть за нею жити и ей служить, яко человекъ отчизный“ ¹⁾. Впрочемъ, и въ до-статутныхъ актахъ (въ началѣ XVI вѣка) людьми, состоящими въ неволѣ, иногда называются не только челядь, жившая въ панскихъ дворахъ, но и сельскіе отчичи ²⁾.

Отчичи-люди непохожіе, не пользовавшіеся правомъ выхода, встрѣчаются по актамъ въ составѣ чуть ли не всѣхъ классовъ, на какіе дѣлились люди, жившіе въ крестьянскихъ дворахъ и носившіе разные названія по своимъ особымъ профессіямъ и службамъ. Въ Литовской Метрицѣ, подъ 1468 и 1498 г., записаны два акта, въ которыхъ различаются слуги вообще и въ особенности слуги путные — „похожіе“ и „непохожіе“, — послѣдніе безъ права выхода ³⁾. Даники точно также могутъ быть людьми похожими и непохожими, извѣчными ⁴⁾. Подобнымъ образомъ, о конокормцахъ говорится въ ак-

¹⁾ Любавскій, 391—392.

²⁾ См. *ibid.*, 347. Въ статьѣ земскаго привилея 1457 г. о неприѣмѣ людей, вышедшихъ изъ имѣній господарскихъ и шляхетскихъ (см. выше), не упомянута дворная „челядь“; она, несомнѣнно, разумѣется въ этомъ актѣ подъ именемъ „людей невольныхъ“. Последнее названіе во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ распространять на зависимыхъ крестьянъ того времени; они получаютъ это названіе, по всему видно, не раньше начала XVI вѣка — поры полного развитія крѣпостной зависимости владѣльческихъ крестьянъ.

³⁾ Копія Лит. Метр., V, 158; XXVI, 190. Г. Любавскій много мнѣнія о слугахъ и высшихъ разрядахъ ремесленныхъ людей; по его отзыву, тѣ и другіе могли *de jure* покладать свои отчины, то-есть, пными словами, они, по самому своему знанію, считались, при всякомъ положеніи, вольными, похожими людьми, не обязанными „лѣтничной“ службой, что рѣшительно опровергается документальными данными, очевидно, оставшимися неизвѣстными для г. Любавскаго (Обл. дѣленіе, стр. 875).

⁴⁾ По одному акту 1498 г. если даникъ непохожіи уйдетъ, то, „мають его искать, какъ котораго воланнаго“ (А. З. Р., I, № 98). Въ другомъ актѣ 1516 г. даники названы людьми лѣтничными (А. Ю.-З. Р., I, № 62). Ср. также Лит. Метр., Записей № 5, стр. 57 („люди вольные“ прихожіе противоплагаются даникамъ непохожимъ, — право выхода признапо только за первыми, — актъ 1496). Копія Лит. Метр., VI, 147 (актъ 1499); XXVI, 190 (актъ 1468).

тахъ, какъ о „вѣчныхъ“ отчичахъ и людяхъ похожихъ; отчичей-конокормцевъ можно искать, въ случаѣ ихъ ухода, на общемъ основаніи со всякими тяглыми бѣглецами ¹⁾. Даже въ составѣ бояръ панцирныхъ и путныхъ (какъ это видно, напримѣръ, изъ швептара 1609 г. имѣнія Деречинскаго пана Воловича въ Слонимскомъ повѣтѣ) были люди „прихожіе“ и „циншевые отчичи“, ничѣмъ не отличавшіеся отъ другихъ отчичей, людей непохожихъ ²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что крѣпостная зависимость крестьянъ въ литовско-русскомъ государствѣ устанавливалась лишь постепенно, проявлялась первоначально въ такой же условной формѣ *glebae adscriptio*, какъ и въ старой Польшѣ. Какъ извѣстно, къ основнымъ началамъ средне-вѣковаго Hofrecht, рецепированнаго въ польскихъ селахъ въ теченіе XII—XIV вѣковъ, принадлежитъ надѣлъ земельныхъ участковъ въ „вѣчно“, наследственное владѣніе крестьянъ, съ возложеніемъ на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности „вѣчно“ же сидѣть на своихъ участкахъ и отправлять съ нихъ наследственное тягло въ пользу землевладѣльца, и съ признаніемъ за зависимыми крестьянами права выхода лишь подъ условіемъ посаженія вмѣсто себя такого же тяглеца ³⁾. По всѣмъ видимостямъ, въ такой же точно условной формѣ первоначально установилось и практиковалось *glebae adscriptio* зависимыхъ крестьянъ и въ Литвѣ-Руси. Не только въ шляхетскихъ, но и въ господарскихъ маенностяхъ, крестьяне-отчичи первоначально могли *de jure* оставлять свои отчины и дѣдины и становиться людьми „похожими“, разъ они передавали свои земли и службы другимъ тяглецамъ-вкупщикамъ, пріймакамъ и др. (см. выше), соглашавшимся нести обычную службу съ купленного или вообще принятаго ими въ непосредственную эксплуатацію участка земли. Но такая условная зависимость отчичей, по самой природѣ вещей, не могла долго держаться: къ половинѣ XV вѣка замѣчается общая тенденція и господарей (великихъ и удѣльныхъ князей), и пановъ—шляхты, къ установленію „вѣчнаго“ права на крестьянъ-отчичей, съ полной отчужденіемъ практиковавшагося до того времени условнаго права крестьянскихъ выходовъ. Что такая тенденція стала реа-

¹⁾ Копія Лит. Метр., V, 208 (актъ 1496). Ср. также, *ibid.*, V, 52 и пр.

²⁾ Археогр. Сборн., I, стр. 239 и слѣд.

³⁾ См. проф. *Владимірскаю-Будановою*, „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1868, т. 139, стр. 535, 540 — 542). Ср. мой очеркъ „Сословный типъ территориально-административнаго состава литовско-русскаго государства“, стр. 11 и слѣд.

лизоваться въ жизни къ половинѣ XV вѣка и пріобрѣтать значеніе юридически-признаннаго принципа, показываетъ практика господарскихъ данинъ: предметомъ такихъ данинъ, по записямъ Казимира (первой половины XV вѣка), являются рядомъ съ землями также „отчинные“ люди, жившіе въ господарскихъ волостяхъ ¹⁾). Данина людей едва ли бы могла имѣть какой-либо реальный смыслъ и значеніе, разъ пожалованные люди могли во всякое время выйти изъ „послушанья“ своихъ господарей-пановъ, пользуясь хотя бы и условнымъ правомъ выхода изъ „службы“ своимъ владѣльцамъ. Полная реализація „вѣчнаго“ права владѣльцевъ (господаря, князей, пановъ, бояръ, шляхты и мѣщанъ) принадлежитъ, какъ упомянуто выше, земскому привилею 1457 г. По этому акту, какъ литовскій господарь обязывается не принимать въ своихъ имѣніяхъ владѣльческихъ людей „непохожихъ, данныхъ, извѣчныхъ, селянскихъ, невольныхъ, которое бы коли плоти были, а любо достоинства“, такъ и частнымъ владѣльцамъ запрещается принимать въ своихъ имѣніяхъ великокняжескихъ подданныхъ. Формулируя такое запрещеніе, привилей не даетъ ни малѣйшаго намека на бывшее условное право выхода отчичей. Затѣмъ, по справедливому замѣчанію изслѣдователей, изложенное запрещеніе не слѣдуетъ разсматривать какъ „первый шагъ къ водворенію крѣпостнаго права“ въ Литвѣ-Руси: запрещеніе это „только утверждало и оформляло уже сложившіяся социальныя отношенія“ ²⁾).

Съ другой стороны, едва ли есть возможность согласиться съ недавно высказаннымъ сужденіемъ о томъ, что будто бы изложенное выше запрещеніе привилея 1457 г., узаконявшее „личный“ характеръ зависимости владѣльческихъ крестьянъ, „не имѣло и не могло имѣть равной силы“ по отношенію къ господарскимъ крестьянамъ ³⁾. Въ актахъ, не только XV, но и XVI вѣка, можно дѣйствительно найти указанія на то, что господарскіе отчичи сажаютъ вмѣсто себя другихъ тягловцовъ, продаютъ свои отчины и уходятъ въ другія мѣста и пр.; но все это крестьяне продѣлываютъ не „самопроизвольно“, не въ силу собственнаго права, а лишь всегда „съ призво-

¹⁾ См. выше—о господарскихъ людяхъ отчинныхъ, „привернутыхъ“ къ Керкошшамъ и въ 1460 г. данныхъ въ держаніе Ондрушковой Светохнѣ. Ниже будетъ подробнѣе сказано о господарской данинѣ, какъ объ одномъ изъ производныхъ источниковъ зависимости владѣльческихъ крестьянъ.

²⁾ Любавскій, Обл. дѣленіе, 378—379.

³⁾ Ibid., 389.

ленія“ господаря или его урядника, на такомъ же точно основаніи, какъ и владѣльческій крестьянинъ могъ путемъ такихъ же сдѣлокъ оставить свою отчину, но тоже не иначе, какъ лишь „съ призволенія“ своего владѣльца¹⁾). Призволеніе во всѣхъ такихъ случаяхъ было актомъ, по существу, равнозначительнымъ съ „призволеніемъ“ владѣльца на выходъ дворной челяди изъ неволи. Если, затѣмъ, господарскіе отчичи „незаконно“ уходили изъ своихъ отчичь и дворный урядъ оставлялъ ихъ „въ покоѣ“, осаживалъ на образовавшихся пустошинахъ другихъ поселенцевъ и т. п., то все это указываетъ лишь на случайныя (и не всегда согласовавшіяся съ интересами стоявшаго вдали, настоящаго владѣльца-господаря) отступленія самой администраціи отъ обычныхъ нормъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, — отступленія, которыя могли практиковаться и въ шляхетскихъ имѣніяхъ. Подобные акты и дѣйствія администраціи и самихъ владѣльцевъ едва ли могли умалять силу и значеніе, а тѣмъ болѣе вовсе отмѣнять основныя нормы, регулировавшія отношенія между владѣльцами и зависимыми крестьянами. Положеніе послѣднихъ въ господарскихъ волостяхъ, понятно, могло быть *de facto* гораздо льготнѣе, чѣмъ въ имѣніяхъ шляхетскихъ, хотя бы уже и потому, что урядникъ, заправлявшій господарскою волостью, лично не заинтересованный дѣлами въ своей волости, далеко не съ такой строгостью и ревностію осуществлялъ владѣльческое „вѣчное право“, какъ это было въ шляхетскихъ маетностяхъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ всѣми дѣлами заправляли сами владѣльцы. Тѣмъ не менѣе, тамъ и здѣсь „вѣчное право“ въ принципѣ всегда удерживало „равную“ силу и значеніе, какъ въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, такъ и въ волостяхъ господарскихъ. Тоже самое нужно сказать и о такихъ случаяхъ, когда въ „лихолѣтьѣ“ крестьянинъ „разорался“, не могъ ни служить съ своей отчины, ни даже существовать по безкормицѣ, — вынужденъ былъ уходить „кормиться по людямъ въ наймитахъ и закупахъ“²⁾). Разореніе и безкормица крестьянъ принадлежать къ ряду старыхъ народныхъ бѣдствій, когда, напримѣръ, родители въ такое же „лихолѣтьѣ“, въ голодные годы, для спасенія дѣтей отъ смерти, отдавали ихъ „въ одеренъ“ гостямъ и пр. Какъ отсюда нельзя заключать вообще о „правѣ“ родителей отдавать дѣтей въ рабство, такъ и не можетъ быть рѣчи о правѣ или не правѣ разорившагося

¹⁾ См. выше — о правахъ крестьянъ по распоряженію и отчужденію земель.

²⁾ *Любавскій*, 382.

въ „лихолѣтьѣ“ крестьянина уходитъ на прокормъ по людямъ. Въ актахъ нерѣдко говорится о томъ, что люди „кормятся“ по людямъ, а потомъ снова приходятъ на свои старыя отчины¹⁾; если же отчины, въ бытность отничей на сторонѣ ради кормовъ, поступали въ чью либо данину, то такая данина въ актахъ всегда оговаривается въ томъ смыслѣ, что если отничьи пустошники придутъ на свои отчины (иногда „усхотятъ“ прійти), то „нехай они служатъ ему“²⁾. Уходъ захудалыхъ крестьянъ на прокормъ, по всему видно, имѣлъ мѣсто не безъ „призволенія“ и вѣдома дворнаго уряда; почему за уходившими отничьями и признавалось право на занятіе старыхъ отчищъ, разъ безкормица прекратилась, улучшалось положеніе крестьянъ и они возвращались на старыя, насыженные мѣста. Если же крестьяне и самовольно оставляли свои отчины и уходили на сторону, то за господарскимъ урядомъ, какъ и за всякимъ владѣльцемъ, всегда оставалось право искать и возвращать ихъ назадъ, что иногда прямо оговаривается въ актахъ³⁾. Затѣмъ, въ актахъ (начала XVI вѣка) на данину пустошей, оставленныхъ отничьями въ „лихолѣтьѣ“, ради кормовъ по людямъ, нерѣдко встрѣчается такая оговорка: „а придутъ ли отничьи тое земли, а всхотятъ ли ему служити *по своей доброй воли*, и они нехай служатъ, а не всхотятъ ли ему служити, и

¹⁾ Въ записной книгѣ Казимира упоминается подъ 1460 г. данина пану Войтеху Монивидовичу пяти слѣдовъ (въ Новгородскомъ повѣтѣ) съ пятью же челоуками. Изъ нихъ два предъ даниною „отходили кормитисе, а нынѣ опять на тые мѣста пришли“.

²⁾ Такимъ образомъ, въ одномъ актѣ 1601 г., говорится о томъ, что господарскіе отничьи ушли изъ своихъ отчинъ „кормиться по людямъ“, — ихъ пустошники поступали въ данину, но съ тѣмъ условіемъ, что если отничьи „усхотятъ“ возвратиться на старыя свои отчины, то пусть служатъ съ нихъ владѣльцу на прежнемъ основаніи (Копія Литов. Метр., V, 296). По другому акту конца XV вѣка земля отничей-конокормцевъ, которые „съ земли разошлись прочь“, точно также поступила въ частную данину, но опять таки съ тѣмъ, что если отничьи придутъ назадъ, владѣльцы должны „посадить“ ихъ за собою: „они нехай имъ служить“ (ibid., V, 52).

³⁾ Въ 1496 г. городничему Виленскому Занку, по его челобитью, даны люди Мезанцы въ Неменчинской волости; ему же даны также „пустошники“ господарскихъ конокормцевъ, ушедшихъ изъ своихъ отчинъ. Пустошники даны съ той оговоркой, что если отничьи сами прійдутъ на свои отчины или гдѣ самъ владѣлецъ ихъ „змайдеетъ“ и воротитъ назадъ, то „нехай они служатъ ему вѣчно“, какъ служили господарю (Коп. Лит. Метр., V, 208). Владѣльцу предоставляются, въ данномъ случаѣ, тѣ же самыя права, какія до данины принадлежали дворному уряду касательно розыска и вывода ушедшихъ людей.

они мають *пойти, куда хотячи*¹⁾). Почему не понимать подобныя оговорки въ буквальный ихъ значеніи—*признанія* за отчичами „воли“, права выхода, — въ значеніи *увольненія* отъ зависимости, даннаго въ самомъ актѣ данины или еще раньше, при уходѣ людей на прокормъ въ „лихолѣтье“?

Нужно, наконецъ, имѣть въ виду и то обстоятельство, что „неравная сила“ укрѣпленія крестьянъ въ волостяхъ господарскихъ и шляхетскихъ имѣнійхъ несомнѣнно должна бы была идти въ прямой ущербъ вотчинымъ интересамъ поземельной шляхты, всегда ревниво оберегавшей всѣ свои сословныя интересы и „вольности“. Дѣйствительно, возможность для господарскихъ отчичей порейдти безъ особыхъ затрудненій на положеніе вольныхъ похожихъ людей, естественно являлась бы сильнымъ побужденіемъ для владѣльческихъ отчичей измышлять разные „хитрые обычаи“ (см. ниже) ради перехода въ господарскія волости на болѣе льготное положеніе жившихъ въ нихъ отчичей. Чтобы положить предѣлъ „хитрымъ обычаямъ“ своихъ отчичей, поземельная шляхта должна бы была прибѣгать къ такимъ же нивеллирующимъ мѣрамъ, какъ и мѣры, принятыя въ 1531 г. общей „згодой“ шляхты Витебской по вопросу объ установленіи одинаковой нормы повинностей людей похожихъ во всѣхъ шляхетскихъ маетностяхъ²⁾. Въ актахъ, однако, нѣтъ нигдѣ и приблизительнаго намека на мѣры, въ которыхъ бы выражалась тенденція шляхты такъ или иначе нивелировать положеніе отчичей въ имѣніяхъ господарскихъ и шляхетскихъ, очевидно, потому, что и не было надобности въ подобныхъ мѣрахъ, такъ какъ положеніе отчичей *de jure* было вездѣ и всегда одинаково, гдѣ бы они ни жили, въ господарскихъ ли волостяхъ, или же въ маетностяхъ шляхетскихъ.

Нельзя считать также безспорно доказаннымъ положеніе о томъ, что „прикрѣпленіе крестьянъ было не повсемѣстное“: существовали господарскія волости, гдѣ „отчичи не были непохожими людьми“. Полагають, что такъ было въ господарскихъ Поддѣпировскихъ волостяхъ, также въ Полоцкой и Витебской земляхъ: въ такихъ волостяхъ дань платилась общей суммой за выбылыхъ и голтиевъ,—правительство будто бы не слѣдило за отдѣльными „службами“, почему отчичи и могли „свободно покидать ихъ“, оставаться на старомъ по-

¹⁾ См. *Любавскаго*, 410—411.

²⁾ См. А. Ю.-З. Р., I, № 84. Такая же „ухвала“ о людяхъ похожихъ была принята на Вилонскомъ сѣздѣ землевладѣльцевъ Полоцкихъ и Витебскихъ, въ 1551 г. (Памятн., I, отд. 2, стр. 9).

ложени вольныхъ, приходящихъ людей¹⁾. Дѣло въ томъ, что платежъ дани „общей суммою“, всей волостію, представляетъ собой лишь одно изъ проявленій „круговой поруки“—основнаго начала, на которомъ искони построены *есть* функціи старыхъ общинъ-волостей. Начало это до позднѣйшаго времени признавалось въ литовскомъ правѣ по дѣламъ не только судебно-уголовнымъ²⁾, но и административнымъ, въ томъ числѣ, конечно, и финансовымъ. Разъ порука будетъ снята съ волости, послѣдняя тотчасъ перестанетъ быть волостію, превратится въ простую географическую единицу, безъ всякихъ внутреннихъ связей между ея частями. Мы считаемъ, поэтому, рѣшительно безспорнымъ положеніе объ *одинаковомъ* и *повсемѣстномъ* значеніи и силѣ начала круговой поруки волостей и ихъ составныхъ единицъ, какъ по дѣламъ уголовно-административнымъ, такъ и специально финансовымъ. Если, затѣмъ, въ актахъ изучаемаго времени финансовая порука упоминается лишь по дѣламъ извѣстныхъ земель и мало встрѣчается въ актахъ другихъ областей, то отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы въ послѣднихъ областяхъ вовсе не практиковалась на дѣлѣ порука и отвѣтственность общинъ по данямъ и „службамъ“. Самое положеніе о томъ, что въ упомянутыхъ выше волостяхъ старыхъ кривичскихъ земель отчичи не были „непохожими“ людьми, намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, голословнымъ или же обоснованнымъ на такихъ данныхъ, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вовсе не подтверждаютъ основаннаго на нихъ положенія. Есть акты, давно извѣстные въ печати, изъ которыхъ ясно видно, что, напримѣръ, въ господарскихъ Полоцкихъ волостяхъ „пригонные“ (тяглые) люди не могли никому изъ постороннихъ людей (мѣщанамъ и др.) уступать свои земли (продажей и пр.) „безъ наше (господарской) воли“; въ данномъ случаѣ несомнѣнно имѣются въ виду отчичи-люди „непохожіе“³⁾, не имѣвшіе права путемъ продажи своихъ отчинъ уходить на сторону, становиться людьми похожими⁴⁾. Въ Смоленскихъ волостяхъ, бывшихъ въ такомъ же точно положеніи,

¹⁾ Любаевскій, стр. 384—386.

²⁾ О круговой поруки сель и „околицъ“—дѣлныхъ волостей въ формѣ старой „дикой виры“, „слѣдогона“ и пр. см. А. З. Р., II, № 165. Zbiór pr. Litew. 41, 48 и пр. Arch. Sangusz., IV, № 139. Литов. Статут., 1529, XIII, 2, 18, 21, 35; Ст., 1566, XI, 31,—XIV, 1—3, 6; Ст., 1588, X, 26,—XIV, 1, 3, 4, 9. Ср. мою статью: „Русская Правда и Литовскій Статутъ“, 21, 22, 29 и пр.

³⁾ Вольные, похожіе люди, поряжавшіеся на однѣ службы и работы, не имѣли никакихъ „правъ“ на земли, а слѣдовательно не могли и продавать ихъ.

⁴⁾ См. А. З. Р., I, № 185,—господарскій листъ, 1500 г.

какъ и въ другихъ кривичскихъ земляхъ, нерѣдко упоминаются по актамъ люди „непохожіе“¹⁾). Въ записяхъ данинъ Казимира также встрѣчаются данины „на вѣчность“ („вѣчно“) господарскихъ людей въ Полоцкой и Витебской земляхъ на такомъ же основаніи, какъ и въ другихъ областяхъ: подъ „данными“ (выслуженными) людьми разумѣются здѣсь, какъ и въ другихъ актахъ, именно „непохожіе“ люди, обязанные „вѣчно“ служить своему новому владѣльцу, какъ раньше служили самому господарю²⁾). Единственный актъ, на которомъ обосновано положеніе объ отчичахъ,—будто бы *de jure* людяхъ похожихъ въ Поддѣпровскихъ волостяхъ, именно господарскій листъ 1533 г. о выводѣ на старыя мѣста отчичей, уходившихъ изъ упомянутыхъ волостей, на нашъ взглядъ, не даетъ рѣшительно никакихъ основаній настаивать на непогрѣшимости положенія о свободномъ состояніи отчичей до изданія упомянутаго листа. Вотъ что читается въ листѣ короля Сигизмунда: „Довѣдали есьмо, ижъ люди по волостемъ нашимъ таковыи *хитрыи обычаи* взяли“: когда приходитъ время платить господарскія дани, тогда люди „опустивши отчизны свои, а черезъ годъ вживавшы, и на тожь часъ отходятъ по иннымъ волостемъ нашимъ, князьскимъ и паньскимъ; а какъ тотъ часъ оминеть, они зася къ своимъ домоу прыходять, а иншыи, таки тамъ по нашимъ волостемъ мѣшкаючы, а отчизны держуть и земля пашуть, а борти лязять, а даней нашихъ нигдѣ не даютъ, а въ томъ намъ шкода о тяжкости подданнымъ нашимъ дѣють, ижъ они за тыхъ сами дань нашу платять“. Но вѣдь такіе же „хитрые“ обычаи, несомнѣнно, могли практиковаться крестьянами, можно сказать, на протяженіи всей территоріи государства: разъ усиливались непомѣрно крестьянскія „тяжкости“, подданные волостей господарскихъ и панскихъ оставляли свои отчины, околачивались въ сосѣднихъ мѣстахъ, уходили изъ-за тяжкостей къ „нѣмцамъ“³⁾, скрывались въ качествѣ „уходниковъ“ въ южно-русскихъ степныхъ окраинахъ и проч. Отъ „хитрыхъ“ обычаевъ, о какихъ рѣчь идетъ въ листѣ 1533 г., было весьма далеко до нормальнаго правоваго положенія крестьянъ, въ качествѣ похожихъ людей, *de jure* пользовавшихся правомъ выхода,

¹⁾ Напримѣръ, см. Копія Лит. Метр., V, 162.

²⁾ См. *Любавскаго*, стр. 385. Точно также въ одномъ вырокѣ 1494 г. упоминается о данинѣ пану Сапѣгѣ королемъ Казимиромъ тяглаго челоуѣка съ землемъ въ Витебскомъ повѣтѣ. Челоуѣкъ этотъ съ его землей присужденъ Сапѣгѣ на основаніи прежней данины (Копія Лит. Метр., VI, 17).

³⁾ Напримѣръ, въ одномъ актѣ 1500 г. говорится объ уходѣ господарскихъ людей Котичанъ (изъ Жмуди) къ нѣмцамъ (Копія Лит. Метр., V, 229).

свободно переходившихъ съ своихъ отчинъ въ другія, болѣе льготныя для нихъ мѣста. „Хитрые“ обычаи, по выраженію самаго листа 1533 г., крестьяне „взяли“ лишь въ данное время, подъ гнетомъ податныхъ „тяжкостей“: обычаи такіе, собственно говоря, создавались не „вольными похожими“ людьми, а подневольными, крѣпостными бѣглецами, и въ юридическомъ смыслѣ во всякомъ случаѣ имѣютъ мало общаго со старымъ крестьянскимъ выходомъ. Затѣмъ, и мѣры, установленныя господарскимъ листомъ 1533 г., съ цѣлью положить предѣлъ „хитрымъ“ обычаямъ крестьянъ (запрещеніе державцамъ принимать уходниковъ, предписаніе возвращать ихъ въ ихъ отчины, наказаніе урядниковъ за невыводъ крестьянъ и проч.), нельзя трактовать, какъ новые законы укрѣпленія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ „въ Поднѣпровскихъ волостяхъ отчичи должны были сдѣлаться людьми непохожими, какъ повсюду въ литовско-русскомъ государствѣ“¹⁾. Въ виду изложенныхъ соображеній мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что мѣры, принятыя въ 1533 г. специально противъ самовольныхъ уходовъ отчичей Поднѣпровскихъ волостей, въ существѣ дѣла, не вводятъ ничего новаго, но лишь воспроизводятъ старую „пошлину“, примѣняютъ ее во всей полнотѣ и строгости къ данному случаю, не больше. „Подданство“ отчичей Поднѣпровскихъ волостей до господарскаго листа 1533 г., какъ и послѣ него, несомнѣнно, носило такой же „личный“ характеръ, какъ и подданство отчичей въ другихъ областяхъ того времени.

Ничего новаго, что не основывалось бы на старой пошлинѣ не вводитъ и извѣстный уставъ „на волоки“, 1557 г., по вопросу о зависящемъ положеніи подданныхъ въ господарскихъ волостяхъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ указаннымъ выше, основнымъ воззрѣніемъ устава о „принадлежности“ господарю кметя и всего его имущества²⁾, стоитъ общая постановка вопроса о правѣ выхода господарскихъ крестьянъ. По уставу, подданные могутъ (понятно, лишь съ дозволенія мѣстнаго уряда) переходить только въ предѣлахъ господарскихъ имѣній, подъ условіемъ, однако, сдачи земли другому тяглу; подданныхъ же, переходящихъ на сторону къ частнымъ владѣльцамъ, предписывается возвращать назадъ по суду, безъ всякихъ условій и ограниченій³⁾.

Въ земскихъ имѣніяхъ князей пановъ, бояръ-шляхты и мѣщанъ

¹⁾ Любавскій, 385.

²⁾ Памятн., II, отд. 2, стр. 119.

³⁾ Ibid., стр. 150—151.

крестьяне-отчичи, въ значеніи людей извѣчныхъ, непохожихъ, обязаны были вѣчнымъ „послушаніемъ“¹⁾, и „службой“ своимъ папамъ, безъ права выхода. Непризнаніе такого права констатируется въ актахъ на данину людей, также въ актахъ разныхъ частныхъ сдѣлокъ, какъ и въ судебныхъ вырокахъ о людяхъ, „выламывавшихся“ или „отнимавшихся“ изъ „подданства“ и „неволи“. Въ листѣ княгини Слуцкой 1492 г. на данину Троицкому монастырю принадлежавшаго ей „даннаго“ человѣка (данника) заключается, между прочимъ, такая оговорка: „прочъ ему не отойти изъ монастыря; а коли прочъ пойдетъ тогда маешь (монастырь) его искати, какъ котораго коланного“²⁾. Подобная же оговорка встрѣчается въ мѣнковой записи Луцкаго старосты, 1490 г.: „а тыи люди отчичи мои... мають ему служити, какъ есть в той земли обычай, а проч имъ нелзе отъ него отойти“³⁾. Такія же формулы находимъ въ судебныхъ вырокахъ: попытки зависимыхъ людей „выламываться“ по суду отъ службы или вообще подданства своимъ „господарямъ“, разъ такое подданство точно доказывалось на судѣ, всегда оканчивались вырокомъ о „выводѣ“ и отдачѣ людей ихъ законнымъ владѣльцамъ⁴⁾.

Ф. Леонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ О такомъ „послушаніи“ нерѣдко говорится въ актахъ со второй половины XV вѣка (см., напримѣръ, Копія Лит. Метр., V, 89).

²⁾ А. З. Р., I, № 98.

³⁾ Памяти, I, отд. 2, стр. 2—3.

⁴⁾ Такъ, въ 1507 г., состоялся господарскій вырокъ по жалобѣ княгини Слуцкой Семеновой Михайловны о томъ, что ея „отчичные, увѣчные, непохожіе“ люди ушли самовольно въ Слуцкъ и тамъ живутъ. Еще король Александръ разбиралъ такую же жалобу князя Слуцкаго; но тогда господарь не выдалъ людей: „бо дей многіи мѣщане королевы съ Кіева и зъ Меньска и зъ иныхъ мѣсть въ Слуцку“. Вопросъ объ ушедшихъ людяхъ окончательно рѣшенъ королемъ Сигизмундомъ въ 1507 г. по жалобѣ княгини Слуцкой: послѣдовалъ общій приказъ господаря—перенесать и „вывести вонъ“ изъ Слуцка всѣхъ, кто самовольно ушелъ изъ своихъ мѣсть (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 20). Въ 1496 г. люди бояръ Таливойшовичей (Ейшишск. повѣта) вели искъ о „выламованьи зъ держанья“ своихъ „господарей“,—на судѣ представленъ былъ „добрый доводъ“, что истцы—люди отчичные, непохожіе бояръ; почему люди и были присуждены въ держанье ихъ владѣльцамъ (Копія Лит. Метр., V, 110). По другому выроку того же года, владѣлецъ, доказавшій свои права на ушедшихъ отъ него людей тяглыхъ, непохожихъ, отчичныхъ, „маеть ихъ гдѣ знаедъ побрати, какъ то люди свои, непохожіе, и маеть ихъ держать“ (ibid., V, 77). Въ томъ же году бояре Пеняискіе тягались на судѣ съ своими отчичными людьми, которые „отнимались“ тѣмъ, что они люди господарскіе полостные. Судъ, однако, призналъ „привычными“ владѣльцевъ и потому выдалъ имъ отчичныхъ людей съ дѣтьми (ibid., V, 117).

Russia - Ministry of Public Instruction

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССVIII.

1896.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	35
Ө. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (<i>продолженіе</i>)	153
И. Казанскій. Всемирный каталогъ и международный библиографическій союзъ	193
Д. М. Петрушевскій. Восстаніе Уста Тайлера (<i>продолженіе</i>)	214
В. А. Чушковъ. Современные нѣмецкіе университеты	301
А. М. Ловягинъ. Лейпцигскій диспутъ 1519 года	334

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІА.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Акты литовской метрики. Томъ второй. Выпускъ первый. 1413—1498 гг. Собраны <i>Ө. И. Леонтовичемъ</i> . Варшава. 1896	341
И. М. Майковъ. Государство и землевладѣніе. Часть I. <i>Тернера</i> . С.-Пб. 1896	352
Н. И. Вакстъ. <i>В. Прейеръ</i> . Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ съ указаніями для родителей о его наблюденіи. Переводъ съ нѣмецкаго <i>П. Каптерева</i> . С.-Пб. 1894	358
Н. Н. Ардашевъ. <i>И. И. Рычковъ</i> . Исторія Оренбургская (1730—1750). Изданіе Оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей <i>И. М. Гутъара</i> . Оренбургъ. 1896.	364
В. Р—въ. Астраханскій сборникъ издаваемый Петровскимъ обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Выпускъ I. Астрахань. 1896	370
— Книжныя новости.	373
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ).	71

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Десятый археологическій съѣздъ въ Ригѣ	39
— Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы Киевскаго учебнаго округа въ 1895 году.	77
В. О. Новодворскій. А. И. Павинокій (<i>некрологъ</i>)	126

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. Ю. Ериштедтъ. Забѣтки къ Анакреонтеа	97
Ө. Г. Мищенко. Извѣстія Геродота о внѣ-океескихъ земляхъ Россіи.	103
С. А. Жебелевъ. Хрисономы.	126
С. А. Жебелевъ. Критическая замѣтка къ Поливію XXI 31 и Ливію XXXVIII 10	127
Ө. Р. фонъ-Штернъ. О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи	139

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.
(Вышла 1-го декабря).

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУ- ДАРСТВѢ ¹⁾).

Укрѣпленіе крестьянъ въ литовско-русскомъ государствѣ было результатомъ воздѣйствія на бытъ крестьянъ факторовъ частію экономического, частію же политическаго характера. Зародышевые корни крестьянской зависимости нужно искать въ системѣ *натуральнаго хозяйства*, преобладавшаго въ имѣніяхъ литовскихъ государей и частныхъ владѣльцевъ: всѣ потребности, какъ самихъ владѣльцевъ, такъ и господарскаго фиска, покрывались по преимуществу системой натуральныхъ „службъ“, обязательно отправлявшихся съ земель владѣльческихъ и крестьянскихъ. По тѣсной связи крестьянина-отчича съ принадлежавшею ему землей, службы, лежавшія по принципу на землѣ, переносились на личность самихъ отчичей, и именно въ видахъ установленія прочныхъ гарантій нормальнаго отправленія *службъ*, а съ ними, конечно, и правильнаго хода всего хозяйства въ господарскихъ и владѣльческихъ имѣніяхъ ²⁾). Эти-то, такъ сказать, зародышевые зачатки хозяйственно-служебной зависимости крестьянъ послужили, затѣмъ, готовкою основой для ранней и широкой организации въ господарскихъ и шляхетскихъ имѣніяхъ *дворцоваго* или *фольварочнаго* хозяйства, которое, какъ замѣчено нами въ другомъ мѣстѣ ³⁾, съ конца XIV и начала XV вѣка (то-есть, въ пору первыхъ опытовъ уніи Литвы съ Польшей и начавшейся съ тѣхъ поръ поло-

¹⁾ *Продолженіе*. См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

²⁾ См. *Грушевскій*, Барск. староство, стр. 252, и *Любаuskій* Области. дѣленіе, 381—382.

³⁾ О господарскихъ и шляхетскихъ дворахъ, фольваркахъ и ихъ хозяйственномъ строѣ см. мою статью: „Панскій дворъ въ Литовско-русскомъ государствѣ“ (*Варшавск. Унив. Изв.*, 1895, V).

низацин русскихъ земель) начинается повсемѣстно въ Литвѣ-Руси по готовымъ нѣмецко-русскимъ образцамъ. Хозяйство это именно основывалось на системѣ извѣстной специализации „особныхъ“ службъ крестьянскихъ по всѣмъ отраслямъ хозяйственныхъ нуждъ и потребностей панскихъ дворовъ и ихъ владѣльцевъ, съ „вѣчнымъ“ приуроченіемъ къ такимъ службамъ отдѣльныхъ профессиональныхъ классовъ крестьянъ-отличей (тяглыхъ, данниковъ и такъ далѣе, см. ниже).

Самымъ могучимъ факторомъ, не только придавшимъ крестьянской зависимости строго-личный характеръ, но и поставившимъ эту зависимость на одинъ уровень съ государственнымъ „подданствомъ“ въ техническомъ смыслѣ этого слова, нужно считать, наконецъ, широкое развитіе *шляхетскихъ libertates et jura* и обоснованнаго на нихъ *сосредоточенія поземельной собственности* ¹⁾ въ немногихъ рукахъ господаря съ „державнымъ“ шляхетскимъ „народомъ“. Въ пору полного развитія шляхетскихъ „вольностей“ (ко времени Люблинской уніи — 1569 г.) панскіе дворы съ „прислухавшими“ къ нимъ волостями зависимыхъ „подданныхъ“ образуютъ изъ себя обособленные и самостоятельныя „державы“, на какія разбивалась съ того времени польско-литовская Речь Посполитая вплоть до паденія ея политической самобытности. Владѣльцы такихъ державъ-дворовъ являются въ отношеніи къ своимъ подданнымъ не только помѣщиками-крѣпостниками, но и настоящими „господарями“, со всею полнотой владѣтельныхъ правъ (*jura regalia*) старыхъ великихъ и удѣльныхъ князей по крестьянскимъ податямъ, повинностямъ, регаліямъ, судебно-административной власти и проч. „Подданство“ крестьянскихъ дворовъ, какъ оно окончательно установилось въ польско-литовской Речи Посполитой, стоитъ въ тѣсной связи съ общими условіями развитія политическаго строя государства, представляетъ собой, въ концѣ концовъ, одинъ изъ результатовъ *польско-нѣмецкаго воздѣйствія* на политико-правовой бытъ Литвы-Руси, окончательно сложившійся по двумъ, въ корнѣ противоположнымъ, политическимъ системамъ — „республика“ державной шляхты и „господарства“ пановъ-землевладѣльцевъ надъ „подданными“, тянувшими по своимъ крѣпостнымъ службамъ къ панскимъ дворамъ ²⁾.

¹⁾ См. мое сочиненіе „Крестьяне Юго-Западной Россіи“ (*Кіевск. Универ. Изв.*, 1868, № 10, стр. 21).

²⁾ См. мою статью „Сословный типъ“ и проч., стр. 40—44.

Таковы общія политическія и экономическія основы крѣпостнаго подданства крестьянскихъ дворовъ въ литовско-русскомъ государствѣ. Въ частности подданство отдѣльныхъ лицъ опредѣляется рядомъ специальныхъ актовъ, имѣющихъ характеръ основныхъ *источниковъ* крѣпостной зависимости подданныхъ. Укажемъ на главнѣйшіе изъ такихъ актовъ, поскольку, конечно, можно ихъ констатировать на основаніи документальныхъ данныхъ.

Наслѣдственность, какъ основной принципъ, опредѣляющій социально-правовое положеніе отдѣльныхъ лицъ, получаетъ признаніе въ литовско-русскомъ правѣ съ первыхъ же поръ (именно съ конца XIV вѣка) образованія сословныхъ различій между отдѣльными общественными классами. По „отцамъ и дѣдамъ“ опредѣлялась принадлежность отдѣльныхъ лицъ къ „стану“, позже „народу рыцарскому, шляхетскому“. Та же нормировка сословныхъ правъ „по отцамъ и дѣдамъ“ имѣла мѣсто и въ городскихъ магдебургіяхъ, по началамъ нѣмецко-польскаго городского права, рецепированнаго въ городахъ Подляхія, а затѣмъ и другихъ литовско-русскихъ областей. Тѣмъ же самымъ наслѣдственнымъ началомъ, то-есть, по отцамъ и дѣдамъ, или, что то же самое, по отчинамъ и отчиннымъ службамъ, опредѣляется, по актамъ XV вѣка и позже, зависимое положеніе отчичей, людей непохожихъ. Наслѣдственный принципъ весьма рѣзко выраженъ, напримѣръ, въ вырокѣ 1516 г. по дѣлу пана Боговитиновича съ человѣкомъ Осташевичемъ, котораго этотъ панъ искалъ „за отчича“ (какъ своего „властнаго“, непохожаго) „давностию“, такъ какъ этотъ человѣкъ прожилъ въ его имѣніи 35 лѣтъ. Осташевичъ на судѣ показалъ: „я не его отчичъ, зъ *дѣда и отца моего* мѣщанинъ есмь Берестейскій, и мѣстцо *отчины свое* въ мѣстѣ маю; и племя мое мѣщане и теперь въ мѣстѣ суть. Нежли, правда есть, мѣшкалъ есмь въ томъ имѣніи его, въ Лобачеви, доброволне, а не отчичъ есмь того имѣнія“. Свидѣтели подтвердили, что „онъ мѣщанинъ съ *предковъ* своихъ, и мѣсто дому отчины свое въ мѣстѣ маеть“. Судъ нашелъ отвѣтника правымъ и предоставилъ ему служить попрежнему, гдѣ захочетъ, съ запрещеніемъ пану Боговитиновичу „его самого, а ни дѣтей его за отчича поискивати“¹⁾). Затѣмъ, въ актахъ нахо-

¹⁾ Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 116. Подобный же случай записанъ въ вырокѣ господарскомъ 1507 г. Богданъ Корова искалъ человѣка Кошлювца Нева, какъ его „непохожаго“ человѣка. Оказалось, однако, что дѣдъ Нева былъ человѣкъ „пріѣзжіи“ изъ Кошлы; ему-то Витовтъ далъ землю, на которой на томъ же положеніи сидѣлъ и его внукъ, ушедшій затѣмъ въ Кошлы, на свою

димъ категорическія свидѣтельства о томъ, что зависимость отчичей опредѣлялась „по отцамъ и дѣдамъ“, сидѣвшимъ на своихъ отчинахъ и служившимъ съ нихъ владѣльцамъ ¹⁾). Иногда же „послушаніе“ людей прямо ставится въ зависимость отъ держанья отчины: въ чемъ имѣніи лежить крестьянская „отчина“, и кто на ней въ данное время сидитъ, тотъ и обязанъ служить съ данной отчины владѣльцу имѣнія ²⁾). То же начало наслѣдственности опредѣляло зависимое положеніе въ крестьянскомъ дворѣ дѣтей и вообще племени отчичей. Такъ, по дѣлу бояръ Пеняинскихъ съ „отнимавшимися“ отъ нихъ отчинными людьми, состоялся въ 1496 г. вырокъ о выдачѣ истцу людей „съ ихъ дѣтми“ ³⁾). По Литовскому Статуту, въ силу наслѣдственной зависимости, люди отчичныя, ни сами, ни ихъ жены и дѣти, не могутъ выходить изъ подданства по закупу, найму, бѣгству и пр. ⁴⁾).

Главнымъ актомъ укрѣпленія вольныхъ, похожихъ людей была *земская давность*. При засѣдѣннн давности на владѣльческой землѣ,

старую отчину за 8 лѣтъ до даннны упомянутой земли Богдану Коровѣ. Въ привилеѣ, данномъ послѣднемъ, хотя обозначена даннна земли съ людьми, но не указано, какіе именно люди. Господарь призналъ челоуѣка Неву *по его предку* похожимъ: „если будетъ тотъ Копыль, предокъ ихъ, чолоуѣкъ приеждчій, похожій, ино тотъ челоуѣкъ (Невъ-внукъ) правъ будетъ“ (Лит. Метр., Судн. дѣлъ, № 2, стр. 17).

¹⁾ На такомъ началѣ нерѣдко основываются выроки уже конца XV вѣка, обязывавшіе отчичей служить „по отцамъ и дѣдамъ“ съ полученныхъ по наслѣдству отчичь (напримѣръ, Копія Лит. Метр., V, 58). О такой же вѣчной службѣ по отцамъ и дѣдамъ говорятъ иногда и привилеи на даннны людей съ землями (ibid., V, 86, листъ 1496 г.). Въ одномъ актѣ 1498 г. высказано общее положеніе о томъ, что дѣти и внуки людей, поступившихъ въ службу по данннѣ, должны служить по отцамъ, не могутъ „отниматься“ отъ службы дѣтямъ и внукамъ перваго владѣльца (Копія Лит. Метр., V, 2).

²⁾ Въ 1533 г. Климьята, крестьянинъ боярина Полоцкаго Андрея Михайловича, былъ пограбленъ „у выводчолъ“, такъ какъ онъ былъ чолоуѣкъ господарскій. Крестьянинъ былъ оправданъ по суду тѣмъ, что у него нѣтъ подъ господаремъ отчины; еще его отецъ продалъ свою отчину другому челоуѣку, который и служить съ купленнны, „а тотъ Климьята ишное земли своео подъ господару с. м. не маеть“ (*Любавскій*, 376). Въ одномъ вырокѣ 1514 г. зависимость людей отчичныхъ, непохожихъ, опредѣляется тѣмъ, что люди сидятъ на владѣльческихъ отчичныхъ земляхъ, считаются „за отчичою зъ вѣковъ“, служили отцу владѣльцу и сему послѣднему и пр. (Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 72).

³⁾ Копія Лит. Метр., V, 117.

⁴⁾ Стат. 1529, VIII, 21; XI, 9. Стат. 1566, IX, 18; XII, 8, 9. Стат. 1588, IX, 27; XII, 14. Челоуѣкъ, родившійся отъ отчича, называется отчичемъ „прирожденнымъ“ (Стат. 1588, XII, 12—14).

вольный человекъ переходилъ въ разрядъ людей зависимыхъ, непохожихъ отчичей, становился человекомъ „засѣдлымъ“ (osiadłym), потерявшимъ вслѣдствіе давности право свободнаго выхода. Засѣдлыи давности не влекло для вольныхъ людей потерю свободы лишь въ такомъ случаѣ, если, при ихъ посаженіи на владѣльческой землѣ, специально выговаривалась для нихъ на будущее время свобода выхода безъ особыхъ ограниченій¹⁾. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, по всѣмъ видимостямъ, въ достатутное время едва ли строго принималась къ вольнымъ людямъ земская давность. По крайней мѣрѣ, изъ приведеннаго выше вырока, 1516 г., по дѣлу пана Боговитиновича съ вольнымъ человекомъ (мѣщаниномъ Берестейскимъ) Осташивичемъ, ясно видно, что продолжительное „добровольное“ зажитіе давности (въ данномъ случаѣ—въ теченіе 35 лѣтъ) вольнымъ человекомъ на владѣльческой землѣ, не послужило для суда законнымъ основаніемъ признать „правымъ“ пана Боговитиновича, искавшаго упомянутаго человека „давностію за отчича, какъ своего властнаго непохожаго“²⁾.

Изъ актовъ достатутоваго времени извѣстны до сихъ поръ немногіе памятники, въ которыхъ говорится о давности примѣнительно къ похожимъ людямъ. Если не ошибаемся, древнѣйшимъ изъ такихъ актовъ нужно считать вырокъ воеводы Трокаго, 1444 г., по дѣлу Круповичей съ ихъ „искупными“ (выкупившимися челядинами). Великій князь Витовтъ далъ дѣду Круповичей отцовъ тѣхъ искупней; живя у него въ дворѣ, челядины выкупились изъ неволи и были посажены владѣльцемъ за дворомъ, очевидно, на положеніи вольныхъ людей. Тамъ же, на землѣ Круповичей, „порожались“ и дѣти искупней, которые позже заявили по суду свое право на выходъ въ качествѣ вольныхъ людей. Судъ, однакожъ, выдалъ искупней Круповичамъ, мотивируя свой вырокъ тѣмъ, что „они ихъ извѣчные неотхожіе, а такъ *давнюю дѣла* такожъ есмо не рушали; и то дѣяло за великого князя Витовта“³⁾. Точно также въ записи князей Корецкихъ (на Волыни), 1527 г., говорится о давностномъ зажитіи (въ теченіе 40 лѣтъ) похожихъ людей на владѣльческой землѣ, какъ актѣ, который, какъ видно, по установившейся въ то время земской пошлинѣ, влечетъ за собой переходъ вольныхъ людей въ разрядъ

¹⁾ См. мое соч. „Крестьяне Юго-Западной Россіи“ (*Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1868, № 10, стр. 21).

²⁾ Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 116.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., I, № 22, III.

„отчичей“, людей „отчизныхъ“, „проч непохожихъ“¹⁾). Въ первомъ и второмъ Статутахъ давностное зажитѣе на владѣльческой землѣ еще не упоминается въ значеніи акта укрѣпленія похожихъ людей; но судебные акты того времени показываютъ, что въ судебной практикѣ уже вполнѣ установилось воззрѣніе на давность, какъ на крѣпостной актъ для вольныхъ людей, особенно если они „добровольно“ прожили продолжительное время на одномъ мѣстѣ и затѣмъ, при переходѣ съ земель, на какихъ они сидѣли, по данинѣ или наслѣдству къ другимъ владѣльцамъ, „были въ молчаньи“, „не вымывляли“ или „не выводили“, что они—люди вольные, переходящіе²⁾). Эта-то пошлина, выработанная судебною практикою и вошедшая во всеобщее употребленіе, повидимому, и записана въ третьемъ Литовскомъ Статутѣ въ томъ смыслѣ, что похожіе люди, прожившіе долгое время на владѣльческой землѣ, должны считаться людьми отчизными, отчичами³⁾).

Въ томъ же Статутѣ записана и другая пошлина, точно фиксирующая давностный срокъ—обычную въ то время по вещнымъ искамъ, земскую давность (10-ти-лѣтнюю⁴⁾). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что земская давность, по Статуту, еще не имѣетъ значенія настоящаго акта укрѣпленія похожаго человѣка: зажитѣе имъ давности давало владѣльцу лишь одно право удерживать у себя похожаго человѣка до уплаты имъ выкупа (10 грошей) и возврата подмоги, взятой у владѣльца,—уплативъ то и другое, похожій человѣкъ могъ свободно перейти въ другое мѣсто. Значеніе крѣпостнаго акта въ техническомъ смыслѣ этого слова земская давность (10-лѣтняя) приобретаетъ лишь на основаніи сеймовой конституціи 1685 г. Съ этихъ поръ долговременное зажитѣе на владѣльческой землѣ Статута 1588 г. замѣняется обычною земскою давностью: похожій человѣкъ, „добровольно“ прожившій ее на владѣльческой землѣ, считается че-

¹⁾ По записи 1527 г. князь Глѣбъ Корецкій „вытягъ (перезвалъ) того Бориса с Вукоимы (изъ повѣтъ Дубинскомъ), за похожаго человѣка за выходомъ, ино вжо тому есть лѣтъ сорок и тутъ живучи умер тот Борис у Перекалах, и мы (внуки князя Глѣба) дѣти его (Бориса) дали есмо сестры нашой за отчичовъ“ и пр. (Arch. Sangusz., III, № 317).

²⁾ У Любавскаго приведены два подобные выроча, извлеченные изъ Литовской Метрики (см. Областное дѣленіе, стр. 391—392).

³⁾ Стат. 1588, XII, 9.

⁴⁾ Ibid., XII, 13.

ловѣкомъ „властнымъ“, укрѣпленнымъ давностію, безъ права „выкупа“, установленнаго Статутомъ 1588 г. ¹⁾).

Старая земская пошлина знаетъ помимо давности и другіе акты укрѣпленія вольныхъ людей. Таковы въ особенности *порядная* или *служилыя записи*, дававшіяся похожими людьми на „добровольную“ службу владѣльцамъ „вѣчно“, на общемъ положеніи „отчичей“. Въ извѣстной намъ записи этого рода, 1571 г., рядъ добровольной службы мотивируется „не малымъ наданьемъ—грошми, збожьемъ и иными речми“, взятыми у владѣльца въ подмогу, или, правильнѣе, въ видѣ платы за продажу себя въ неволю. Порядившіеся на службу поселенцы касаются правъ владѣльца на тотъ случай, когда они „отойдутъ отъ пана прочь: мають насъ взять вездѣ, яко своихъ власныхъ отчичовъ“ ²⁾).

Кромѣ добровольнаго ряда на вѣчное подданство путемъ дачи служилой записи, похожій человѣкъ могъ сдѣлаться отчичемъ на основаніи *покупки крестьянской „отчины“*, съ которой шла обязательная служба въ пользу землевладѣльца, будетъ ли то господарь, или панъ, бояринъ и пр. Подобный случай записанъ въ актахъ (вырокъ 1533 г.) Полоцкой земли. Господарскій человѣкъ Климата продалъ (конечно, съ вѣдома уряда) свою отчину въ Червятской волости „старцу“ Тетери, который съ той поры „службу господарю е. м. служилъ“ на общемъ положеніи зависимаго „отчича“ ³⁾).

Въ Литовскомъ Статутѣ упоминается особый актъ, въ силу котораго похожій человѣкъ и противъ его воли можетъ сдѣлаться зависимымъ „отчичомъ“. Именно, похожій человѣкъ, сѣвшій „на волю“ (по другимъ актамъ—„жалобу“, то-есть, льготу отъ податей и повинностей на опредѣленный срокъ,—см. ниже), выдается владѣльцу „не мней але яко вотчичъ“, разъ такой „вольникъ“ бѣжить, не отработавъ льготы или не уплативъ за то деньгами ⁴⁾).

Для людей, жившихъ въ земскихъ имѣньяхъ паповъ и шляхты, одною изъ главныхъ основъ зависимости ихъ отъ владѣльцевъ служила *даннина* (данье, наданье, жалованье, дата, даровизна, выслуга,

¹⁾ См. Лит. Стат., изд. 1811 г., III, 88, примѣч. 17. Ср. мое соч. „Крестьяне Юго-Зап. Россіи“ (*Кіевск. Унив. Изв.*, 1863, № 10, стр. 19).

²⁾ См. Археогр. Сборн., I, стр. 149—150.

³⁾ См. *Любавскій*, 876.

⁴⁾ Лит. Стат. 1529, VIII, 20; Ст. 1566, IX, 19; Ст. 1588, IX, 29.

выслуженье и пр.)¹⁾ господарскихъ дворовъ, дворцовъ и имѣній съ тянувшими къ нимъ людьми и землями, также отдѣльныхъ селъ и волостокъ, дворищъ, службъ, людей съ „ихъ“ землями, иногда и просто—„людей“. По отношенію къ самимъ людямъ данина не измѣняла зависимаго ихъ положенія при данинѣ только мѣнялись ихъ владѣльцы,—положеніе людей оставалось такимъ же, какъ и было до данины. Данина собственно для владѣльцевъ имѣла капитальное значеніе *первоисточника*, путемъ котораго съ теченіемъ времени въ рукахъ владѣльческихъ классовъ, собственно шляхты, сосредоточилась вся масса земскихъ имѣній, съ „прислухавшими“ ея „господарству“ крѣпостными подданными.

Назначеніе данинъ изъ состава господарскихъ имѣній и людей всецѣло принадлежало къ владѣтельнымъ функціямъ литовскихъ господарей²⁾. Если затѣмъ въ актахъ говорится иногда о данинѣ господарскихъ людей и земель „панамъ“ (великокняжескою радю), намѣстниками и воеводами, то не иначе, какъ съ „воли“ господарской³⁾. Иногда сами господари предоставляютъ данину людей и земель на „огледанье“ мѣстныхъ намѣстниковъ⁴⁾. По общему правилу, данина намѣстника, безъ „воли“ господаря, считается недѣйствительною,—люди, поступившіе въ данину, отбираются господаремъ и отдаются

¹⁾ О „выслуженьи“ говорится еще въ актахъ XIV в., напримѣръ, въ грамотѣ Подольскаго князя Константина Коріатовича, 1398 г. (*Варшавск. Унив. Изв.*, 1893, III, стр. 21). О данинѣ и выслугѣ см. А. З. Р., I, № 164; III, № 11; А. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 17 и слѣд. Иногда пожалованье людей и земель называется „датою“ (А. Ю.-З. Р., I, № 40). „У Смоленску Павлу Палтеву слуга Василь Боруковичъ—аж не будетъ никакова жалованя, ни людей, а ни волости“ и пр. (Записная книга Казимира). О дарованіи см. Литов. Метр., Зап. № 2, стр. 125 (актъ 1392).

²⁾ Въ приведенномъ ранше господарскомъ вырокѣ 1499 г. по поводу жалобы господарскихъ людей на пана Жеребятяча, выпросившаго въ данину изъ отчинныя земли, читается: „иже хотя бымо и *тми самми люди наши данини ему дами*, то есть въ *нашомъ воли господарской*“ (Коп. Лит. Метр., V, 228). О такой же „нашомъ господарской воли“ говорится въ актѣ 1495 г. (*ibid.*, V, 77). См. также Arch. Sang., IV, № 237 (актъ 1541 г.), 251 (актъ 1542 г.),—о правѣ данинъ, какъ исключительной прерогативѣ однихъ господарей литовскихъ.

³⁾ О данинѣ „пановъ“ говорится въ записной книгѣ Казимира, гдѣ зарегистрированъ цѣлый рядъ такихъ данинъ, около 1443 г., въ Смоленской землѣ. О данинѣ послодъ см. Лит. Метр., Записей № 2, стр. 206 (послоды Троицкаго похъ 1432 г.).
⁴⁾ О данинѣ намѣстниковъ господарскихъ—Копія Лит. Метр., V, 138; VI, 88 и пр.

⁵⁾ См., напримѣръ, Копія Лит. Метр., V, 94 и 110 (акты 1496 г.).

нимъ другому владѣльцу ¹⁾. На такихъ же основаціяхъ раздавали данины и удѣльные князья въ своихъ владѣніяхъ, сами лично или чрезъ своихъ намѣстниковъ ²⁾. Въ 1499 г. литовскому господарю жаловался князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій на господарскаго дворянина Сенка Володковича, получившаго имѣніе-данину отъ княгини Мстиславской и хотѣвшаго служить людьми выслуженнаго имѣнія не князьямъ Мстиславскимъ (въ силу данины), а великому князю, на томъ основаніи (какъ показывалъ на судѣ Володковичъ), что княгиня „не вольна была имѣней Мстиславскихъ роздавати безъ воли отца нашего, короля е. м., и безъ наше“. Великій князь Александръ, однако, не согласился съ этимъ доводомъ и своимъ вырочкомъ обязалъ Володковича служить съ имѣнія не себѣ, а князьямъ Мстиславскимъ ³⁾. Очевидно, удѣльные князья-„господари“ могли въ своихъ владѣніяхъ съ такимъ же правомъ раздавать земли и людей въ данину, какъ и литовскіе господа—въ имѣніяхъ великокняжескихъ.

Предметомъ господарскихъ данинъ, какъ замѣчено, служатъ не только цѣлыя имѣнія—дворы, села, службы и пр., но и отдѣльные *подданные*, жившіе на одномъ хозяйствѣ съ своими дѣтьми, братьями, братаничами и пр. ⁴⁾. Данина людей иногда опредѣляется въ такомъ составѣ, какъ „держали“ первые ихъ владѣльцы: люди и земли, которыя „приданы“ или „прилучены“ къ имѣнію позже при послѣднемъ владѣльцѣ, не поступаютъ въ данину, остаются за господаремъ ⁵⁾. Затѣмъ разъ въ листѣ на данину не „выписаны“ точно имена людей, жившихъ въ пожалованномъ имѣніи, такіе люди могли послѣ оставить своего владѣльца на общемъ положеніи вольныхъ, похожихъ людей ⁶⁾. Въ записяхъ Казимира упоминается иногда

¹⁾ Напримѣръ, въ записяхъ Казимира рядъ данинъ въ Любутской волости передается „на пана Миколаева (намѣстника) огледанье“.

²⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 32, 40, 70, 226. А. З. Р., I, № 85 и др. А. В. К., I, № 1, 2. Arch. Sang., I, стр. 68, 82 и др. Кош. Лит. Метр., V, 229; VI, 91, 102, 132 и пр. См. мои „Очерки ист. лит.-русс. права“, стр. 46, 66 и пр. О давнѣйшійхъ намѣстниковъ удѣльныхъ князей см. Кош. Лит. Метр., V, 138 (актъ 1497 г.).

³⁾ См. Лит. Метр., записей № 5, стр. 95.

⁴⁾ Наприм., Кошя Лит. Метр., VI, 209 (актъ 1503 г.).

⁵⁾ Ibid., IV, 387.

⁶⁾ Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 2, стр. 17 (вырокъ 1507 г.). Вообще, если не раньше, то съ XVI вѣка, установилось общее правило о точной *личбѣ* или *поименномъ помислѣ* въ особыхъ реестрахъ людей, поступившихъ въ данину, какъ и объ „*отграниченіи*“ данныхъ земель. Въ 1512 г., при назначеніи королемъ Сл-

данина людей въ такой формѣ: „у Жеймѣхъ пану Завиши (даны) десять чоловѣковъ, *безъ имени*; очевидно, въ такихъ случаяхъ точное опредѣленіе именнаго состава данныхъ людей предоставлялось на мѣстѣ „огледанью“ намѣстника, отводившаго данину въ „держанье“ владѣльца. Иногда и число людей опредѣляется не всегда точно: „У городиѣ, на Щари, дворецъ Миколасъ (дапъ Некрашу), а чоловѣкъ пять ли, шесть ли“. Въ данину поступаютъ по большей части люди „съ ихъ землями“¹⁾. Бывало, впрочемъ, и такъ, что крестьянская земля отдавалась одному лицу, а люди другому²⁾; или же въ данину поступала одна крестьянская земля „*безъ людей*“³⁾. Послѣдніе переводились въ другія мѣста или же просто выгонялись, всѣ или частію, если это были не отчичи, а похожіе люди, не имѣвшіе никакихъ правъ на землю⁴⁾. При данинѣ крестьянскихъ дво-

гизмундомъ 50-ти службъ людей въ Городненскомъ повѣтѣ въ данину князю Федору Масальскому, мѣстный староста, по приказу господаря, послалъ своего намѣстника въ данное имѣніе, гдѣ онъ съ сотникомъ и сорочниками *отвелъ землю* по межамъ и *пописалъ людей съ реестромъ*; послѣ выѣзжалъ на мѣсто самъ староста для провѣрки отвода и реестра (Лит. Метр., Зап., № 9, стр. 92). О „пописѣ“ и „личбѣ“ людей, также объ „отграниченіи“ ихъ земель говорится и въ другихъ актахъ данинъ начала XVI вѣка (Копія Лит. Метр., V, 298; VI, 210; XXV, 193, 195 и пр.). Послѣднимъ актомъ данины были: „*интродукція, сирѣчь связаніе*“ — провъ по владѣнію данными, людьми и *крикалъ* намѣстника, объявляемый чрезъ вводчаго поступавшимъ въ данину людямъ, „*къбы ему (владѣльцу) по всемъ послушны были*“ (См. Археогр. Сборн., I, стр. 281; Копія Лит. Метр. V, 6 и пр.). Составъ данныхъ и выслуженныхъ людей, по большей части, обозначается въ самихъ листахъ на данину, иногда также съ подробнымъ описаніемъ „*раницъ людей*“, то-есть, собственно принадлежавшихъ имъ земель (напримѣръ, Коп. Лит. Метр., VI, 549).

¹⁾ См. Arch. Sang., III, № 99. Копія Лит. Метр., V, 229, 287; VI, 56 и пр.

²⁾ Въ записной книгѣ Казимира около 1447 г. замѣчена такая данина: „Блятовичамъ—Твирмунътову землю, а самого Твирмунъта пану Кезкайлу“. О такой-же данинѣ говорится въ позднѣйшемъ листѣ 1498 г. (Копія Лит. Метр., V, 165).

³⁾ Въ той же записи Казимира читаемъ: „Минялку Дромутевичу, Здетелуу, отчина его у Здетелѣ, земля *безъ людей*“.

⁴⁾ „Пани Кезкай ловой (даны) земля конюхова и брата его у Керновской волости; а тому конюху (первому брату) у Ясвонской волости (дано) конюское мѣсто, а тому конюху (второму брату) инѣде обыскати“ (Записи Казимира). О такомъ же переводѣ крестьянъ въ другія мѣста при данинѣ ихъ отчичъ другимъ лицамъ, не разъ говорится въ листахъ на данины конца XV в. и позже (см. наприм., Коп. Лит. Метр., IV, 389; V, 59 и пр.). Данина земель съ *изгнаніемъ* жившихъ на нихъ людей зарегистрирована въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ Ка-

ровъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ отчичами жили и вольные, похожіе люди, послѣднимъ обыкновенно предоставляется на волю—оставаться на мѣстѣ и служить новому владѣльцу, или же „сойти съ земли“; въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ обязашъ „отпустить ихъ добровольно со всѣми ихъ статки“¹⁾. Изъ актовъ начала XVI вѣка видно, что въ это время сталъ входить въ практику мѣстный обычай вольныхъ людей, жившихъ въ господарскихъ замковыхъ имѣніяхъ, получать, очевидно, при своемъ поселеніи, особыя грамоты „нижъ не имѣли ихъ отъ замку отдавати“. При данинѣ селъ, въ которыхъ жили люди съ „грамотами“, на послѣднихъ не распространялась данина: они могли служить владѣльцу по доброй волѣ, но могли также „пойти прочь, гдѣ хотячи, оставивши свои земли“, которыя владѣлецъ могъ осаживать людьми прихожими²⁾. Наконецъ, предметомъ данины могли слу-

зимировыхъ записяхъ, около 1443—1447 г. Таковы данины: „Висимонти чотыри чоловѣки, а пятого выгнати въ Росейныхъ. Можейку два чоловѣка у Видуляхъ подъ двѣма чоловѣки, подъ Дирьѣсесемъ изъ братомъ, земля, а самыхъ выгнати... Пану Насутѣ селница подъ бобровники, а бобровники согнати“ и пр.

¹⁾ О пожалованіи имѣній съ вольными, похожими людьми говорятъ уже акты первой половины XV в. Такъ, въ одномъ листѣ 1440 г. на данину имѣнія предоставляется жившимъ въ немъ прихожимъ людямъ: если хотять, пусть служатъ, а не хотять, пусть сойдутъ съ земли (Копія Лит. Метр., XXXIII, 241). Въ записяхъ Казимира, подъ 1442 г., отмѣчена данина пану Довитинговичу трехъ чоловѣкъ въ Пенинской волости—не путныхъ и не даниныхъ: „мно будетъ ли згожо, *всхотять ли за нимъ быти*, и ты бы ему дали тые три чоловѣки до нашей воли“. Въ 1496 г. князю Глинскому данъ даниникъ и селце Смолина, въ которомъ сидѣлъ „людъ вольный прихожий,—нижли тыи люди вольными, всхотять, ему служить, а не всхотять ему служить, и оиъ маєтъ ихъ отпустить добровольно со всеми ихъ статки“ (А. З. Р., I, № 133. Ср. также *ibid.*, I, № 141, 178, 222; II, № 69 и пр. Arch. Sang., I, № 109. Лит. Метр., Записей № 5, стр. 57; Судн. дѣлъ № 1, стр. 59. Копія Лит. Метр. VI, 545,—актъ 1506 и пр.). Боярину Григоревичу было дано село Брасовское въ Брянскомъ повѣтѣ, съ жившими въ немъ господарскими (вольными) слугами Пиновичами. Послѣднихъ владѣлецъ не отпуская отъ себя, забралъ ихъ статки и жито. По жалобѣ слугъ, господарь, вырокомъ 1496 г., представилъ имъ „пойти добровольно, куды всхотять прочь“ со всѣми ихъ статками и житомъ, и предписалъ боярину все взятое у слугъ возратить имъ (Копія Литовск. Метр., VI, 79).

²⁾ Подобныя грамоты имѣли, напримѣръ, слуги путные, жившіе въ имѣніи Свиныхъ (въ Владимірскомъ повѣтѣ), поступившемъ въ 1512 г. по господарской данинѣ въ „вѣчное“ владѣніе писаря Васильевича. См. Лит. Метр., Записей № 25, стр. 260. Извлечение изъ этой грамоты помѣщено у *Балмискаю*: „Starozytn. Polskie“ (1-е изд.), II, стр. 1420.

жить „блудяціе“ или „ходячіе“ люди, ушедшіе съ своей земли, бывшіе въ бѣгахъ. Подобные случаи данины упоминаются не разъ въ записяхъ Казимира. Напримѣръ, Кгинивилу данъ человекъ Рукти блудящій, а земля пустая Кновдикова (на ней, повидимому, сидѣлъ раньше Рукти). Олехну Судимонтовичу данъ человекъ Лопата съ двумя сыновьями, „ходячій“. Некрашу въ Городкѣ даны „четыре человека (поименованы), а пятый, што за Нѣманъ ушолъ“, и пр. Очевидно, во всѣхъ такихъ случаяхъ владѣльцамъ предоставлялось право искать людей „блудящихъ“ и сажать ихъ на своихъ земляхъ.

Въ жалованныхъ грамотахъ по большей части точно опредѣляется служебно-тягловый составъ крестьянскихъ дворовъ и сель, подлежащихъ данинѣ. Такимъ образомъ, рядомъ съ даниной просто „людей“ или „отчичей“, кромѣ „добровольныхъ похожихъ“¹⁾, даются специально люди тяглые и слуги, кромѣ конюховъ и „местичей“, нереванныхъ, напримѣръ, изъ Твери²⁾; иногда же даются села опредѣленныхъ службъ, напримѣръ, села служебныя, панцырныя или ковокормцевы—не тяглыя, не данныя и пр.³⁾.

Данина вызывалась иногда цѣлями чисто *колонизаціонными*. Такова данина пущъ и селищъ лѣсныхъ, въ особенности пустошей, ради „збудованія“ на нихъ дворовъ, „вдѣланія“ пашни и „осаженія людей на новомъ корени“, съ правомъ *перезыва ихъ* изъ иныхъ мѣстъ, съ разными льготами и пр.⁴⁾. Такія „осады“ могли составлять по преимуществу изъ вольныхъ, прихожихъ людей, лишь съ теченіемъ времени превращавшихся въ крѣпостныхъ подданныхъ въ силу давности, дачи записей на вѣчное подданство и пр. Въ такихъ же колонизаціонныхъ видахъ давались въ польской Подольи служилой шляхтѣ села, въ особенности пустоши, ради заселенія ихъ

¹⁾ А. З. Р., I, № 133, 178. Коп. Лит. Метр., VI, 91.

²⁾ Таковъ, по записямъ Казимира, составъ данины, предоставленной въ 1448 г., князю Воротынскому въ дворѣ Неменчинскомъ. См. также Коп. Лит. Метр. VI, 17.

³⁾ Коп. Лит. Метр., IV, 382; V, 52, 150; VI, 147 и пр.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 19. Коп. Лит. Метр., VI, 552; VII, 761 (актъ 1454 г.) и пр. Такія данины давались въ особенности въ южно-русскихъ окраинахъ, подвергавшихся татарскому разоренію. Такъ, въ 1494 г. боярину Ершевичу даны въ Черкасскомъ повѣтѣ опустѣвшіе поселки (гдѣ старые жильцы были побиты татарами, а другіе ушли въ Черкасы), ради заселенія ихъ новыми поселенцами путемъ призыва ихъ изъ другихъ мѣстъ (Лит. Метр., Записей № 5, стр. 13).

и личнаго пребыванія владѣльцевъ въ краѣ, иногда подъ страхомъ утраты имѣнія при неисполненіи этого условія¹⁾.

Данина крестьянскихъ дворовъ и сель обыкновенно назначалась по челобитью просителей, ради „поживенья“, „хлѣбокормленья“, „дохода“ и пр.²⁾. До времени полнаго развитія „вѣчнаго подданства“

¹⁾ Въ 1431 г. король Владиславъ Ягелло далъ Франчу грамоту на село Качичинцы, въ Летичевскомъ повѣтѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ „in terra Podoliae residentiam faciat personaliter“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 14; ср. также *ibid.*, № 8). По другой грамотѣ, 1448 г., шляхтичъ Данило, получившій въ данину пустошь-селище Хорошовцы, по заселеніи ея, самъ и его наслѣдники „in praefatu vastitate residentiam debent facere personalitem... Casu vero quo praef. Danilo et sui successores legitimi in praef. vastitate residentiam non fecerunt personalem, extunc ipso facto ipsa vastitas seu bona ad nos et nostros successores devolvetur pleno jure, et de ipsis disponere potuimus, prout nostrae placet majestati“ и пр. (*ibid.*, № 10, ср. также № 11).

²⁾ О „поживене“ см. А. З. Р., I, № 163, 202, 205; II, 40; Коп. Лит. Метр., V, 96 (актъ 1496), 370 (актъ 1506). О „хлѣбокормлене“—А. З. Р., I, № 163, 202. Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 104 (актъ 1515). Коп. Лит. Метр., V, 307 (актъ 1502), 336 (актъ 1503). О „доходецъ“—Записная книга Казимира (до 1447 г.): „Глебку Кричевскому семь чловѣковъ у Кричевѣ—прикладенское серебро выбрать, къ великому князю принести Глебку, а ему его доходецъ. А Сенку, Глебову брату, три чловѣки-куници у Кричевѣ Сенку выбрать и принести семь великому князю, а ему его доходецъ“. По догадкѣ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова (Помѣстья, — Русія, 88) данина „у хлѣбокормленіе“ означала специально пожалованіе имѣній князьямъ за лично отираваемую ими ратную службу. Нельзя также согласиться и съ опредѣленіемъ г. Любавскаго: „имѣнія, пожаловшіяся „на поживенье“ или „у хлѣбокормленіе“, по его сужденію, подходятъ къ типу пожалованій „до живота“, означаютъ данины „до очищенія отчины“ лицамъ, лишившимся ихъ вслѣдствіе непріятельскаго захвата; это—имѣнія, данныя „до воли“ господарской и пр. (Областное дѣленіе, 592, 595). По вѣдъ г. Любавскій самъ же говоритъ, что выраженіе „на хлѣбокормленіе“ не имѣло спеціальнаго значенія и относилось къ пожалованіямъ и „до воли господарской“, и „до живота“, а не только „до очищенія отчиной“ (стр. 594), и такимъ образомъ самъ же опровергаетъ свое первоначальное опредѣленіе даннаго термина. Мы укажемъ на акты конца XV вѣка, гдѣ найдемъ данину „у хлѣбокормленіе“ въ прямомъ смыслѣ пожалованія „въ отчину“ данному лицу съ его „потомствомъ“ (см. мои „Очерки исторіи литовско-русскаго права“, 128, прим. 2). „Хлѣбокормленіе“, какъ и „поживенье“, „кормленіе“, означало, по старой правовой терминологіи, вообще право *пользованія* и *распоряженія* и потому могло въ равной мѣрѣ относиться къ данинамъ и „до воли“, и „до живота“, и „въ отчину“. Хлѣбокормленіе—одинъ изъ моментовъ общаго понятія *права собственности*; оно можетъ квалифицировать моментъ „пользованія“ одинаково въ отношеніи по вѣмъ видамъ *владѣнія по времени*—безсрочнаго, потомственнаго (отчипа), пожизненнаго (доживотье), временнаго—на неопредѣленные сроки, „до воли господарской“, или

людей зависящихъ и „господарства“ владѣльцевъ, предметомъ данины служили не столько крестьянская земля и люди, сколько лишь *служба* послѣднихъ. Какъ видно изъ актовъ, люди обыкновенно даются „съ службою“ или же „съ данью“, „платомъ“, „житомъ“ и т. д., при чемъ въ актахъ иногда точно таксируются дани и другіе доходы, слѣдовавшіе владѣльцамъ съ данныхъ людей ¹⁾). Въ грамотахъ данина обыкновенно мотивируется тѣмъ, что проситель „не держитъ отчины своею“, имѣеть „имѣнейцо малое, а ихъ братья шесть и не мають намъ съ чого послужити“, — не имѣють „чимъ ся поживити и съ чого намъ послужити“, — „держитъ малую отчину, не маеть съ чого служити“, „не маеть ся гдѣ съ женою и дѣтьми подѣтца“ и т. п. Люди иногда даются „ажъ не будетъ никакова жалованья, ни людей, а ни волости“, гдѣ бы шла въ пользу владѣльца „служба“ или „доходецъ“ съ людей ²⁾).

„Поживенья“, какъ и вообще объемъ *права*, пріобрѣтавшихся по данинамъ владѣльцами въ отношеніи къ крестьянскимъ дворамъ и отдѣльнымъ подданнымъ, опредѣлялись характеромъ и составомъ самихъ данинъ. Въ этомъ отношеніи различаются по источникамъ данина „на вѣчность“, или „въ вѣчную отчину“ („*jure haereditario titulo*, специально „*jure feudi*“ — „по ленному праву“) отъ данины въ простое „держанье“, „помѣстье“, также „въ доживотье“ или „до господарское воли“. Подробный анализъ всѣхъ этихъ институтовъ литовско-русскаго вещнаго права не входитъ въ задачу настоящаго очерка ³⁾. Для нашей цѣли достаточно будетъ намѣтить указанные

на извѣстные годы и пр. Данина имѣнія „въ хлѣбокормленіе“, „на поживенья“ или „на доходецъ“ означала собственно лишь *передачу имѣнія съ пользованіемъ данному лицу, ради извлеченія изъ него доходовъ и кормовъ*: по этимъ еще вовсе не намѣчается самая форма владѣнія. Предметомъ „хлѣбокормленія“ и „поживенья“ можетъ служить вотчина, какъ и доживотье и другія формы обладанія имуществомъ, и при томъ не только на правѣ полной собственности, но и простаго владѣнія, обусловленнаго службой и т. д.

¹⁾ См., напр., Коп. Лит. Метр., V, 237; VI, 189 и пр. Въ записяхъ Казимира зарегистрированы слѣдующія данины: „Княгинявлу Висолтовичу Медяницкому у въ Оболухъ три слѣды — съ особною службою. Ѳедку Шапцѣ три чоловіки Дивинци зъ данью. У Любощанѣхъ Андрею Немировичу село Молодилевичи изъ данью. Бацѣ за Дифляромъ Бриново село зъ житомъ“ и т. п. Ср. также Arch. Sang., I, № 134; Коп. Лит. Метр., V, 213.

²⁾ А. З. Р., I, № 202. Лит. Метр., Записей № 2, стр. 92 (актъ 1512); № 5, стр. 124 (актъ 1505). Коп. Лит. Метр., VI, 43 (актъ 1495) и пр.

³⁾ О выслугахъ разнаго рода см. статью проф. М. Ф. Владимірскаго-Буда-

институты лишь въ общихъ чертахъ, на сколько это необходимо для выясненія спеціальнаго вопроса о положеніи крестьянскихъ дворовъ и отдѣльныхъ подданныхъ, зависимость которыхъ основывалась на пожалованіи ихъ частнымъ владѣльцамъ.

Наибольшей суммою правомочій пользуется, какъ видно изъ актовъ, владѣлецъ крестьянскихъ дворовъ, полученныхъ имъ по господарской данинѣ „на вѣчность“¹⁾. Мы и остановимся прежде всего на этой формѣ приобрѣтенія владѣльцами „вѣчнаго права“ на зависимыхъ людей.

Данина „на вѣчность“²⁾ предоставляетъ владѣльцу право „держати и володѣти“ крестьянскими дворами и людьми „вѣчно“, „вѣчно и непорушно“, или „вѣчисто и непорушно“, „вѣчно и навѣки непорушно“³⁾, „на вѣки вѣчны“⁴⁾, „вѣчными часы, неодмѣнно“⁵⁾, иногда также „въ прокъ“⁶⁾, „in perpetuum“⁷⁾, „правомъ вѣчнымъ“⁸⁾, наконецъ „iure haereditario titulo“⁹⁾. Съ даниной „на вѣчность“ равнозначительна также данина людей и дворовъ „въ *отчину*“ (иногда

нова „Помѣстья литовско-русскаго государства“ (Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. III) и *Любавскаго* „Областное дѣленіе“ etc., стр. 587—601.

¹⁾ См. Arch. Sangusz., I, № 117, 118, 131; III, № 371; IV, 43. Копія Литовской Метрики, III, 219; V, 199, 203, 204, 216. Литовск. Метр., Записей № 2, стр. 13 (на *wiecznosć*,—актъ 1433 г.) и проч.

²⁾ Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ (Помѣстья, 6) полагаетъ, что пожалованіе „на вѣчность“ означало данину „до живота“ („вѣчно до своего живота“—вѣкъ, жизнь). Любавскій вѣрнѣе смотритъ на дѣло (599—600). Ниже приводятся документальныя данныя о томъ, что при данинѣ владѣльцу съ дѣтьми или до живота „имѣтъ еще *отчюности*“: она признается лишь тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о данинѣ навѣстному лицу съ *потомствомъ*.

³⁾ О всѣхъ этихъ формулахъ см. А. Ю.-З. Р., I, № 21. Arch. Sang., I, № 121. Литовск. Метр., Записей № 25, стр. 6 (актъ 1407 г.), 260 и 269 (вѣчисто,—актъ 1425). Копія Литовской Метрики, III, 219; V, 116, 122; VI, 150, 152, 193; XXXVI, 121 (актъ 1453).

⁴⁾ А. З. Р., I, № 176. А. В. К., XIII, № 1 (актъ 1395). Архивъ Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 2 (на *wiki wѣчny*). Литовск. Метр., Перонсей № 9, стр. 321 (на *wijeki wуeczni*,—актъ 1408); *bid.*, № 17, стр. 152 (на *wiekij wiecznie*,—актъ 1410).

⁵⁾ Литовск. Метр., Записей № 2, стр. 7, и 10 (актъ 1439 и 1493).

⁶⁾ Arch. Sang., I, № 24 (актъ 1416).

⁷⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 138.

⁸⁾ Литовск. Метр., Записей № 2, стр. 125 (актъ 1392). Ср. Литовскій Статутъ 1588, XII, 14 и 16,—о людяхъ „подлежныхъ вечному праву“ владѣльцевъ.

⁹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 74.

въ *вѣчную* отчину), или „въ *вотчину*“, „*дѣдину* и *вотнину*“¹⁾. Пожалованіе на вѣчность, или въ вотчину, означаетъ вообще выслугу нѣмѣній и людей на правахъ *потомственного владѣнія*. Такое владѣніе не сразу пріобрѣтало свойства „отчины“. Для перваго владѣльца данины она была *отслуа*; лишь по переходѣ ея къ дѣтямъ владѣльца она становилась ихъ отчиной²⁾.

Въ актахъ, затѣмъ, находимъ ближайшія указанія на составъ владѣльцевъ, выслужившихъ людей по данинѣ „въ отчину“, „на вѣчномъ правѣ“. Люди, подлежавшіе такому праву, означали подданныхъ, принадлежавшихъ владѣльцу данины и его „наследкамъ“, „потомкамъ“ („напотомъ будущимъ потомкамъ“), также „прирожденнымъ *наследкамъ*“³⁾. Составъ наследниковъ, которымъ принадлежали зависимые люди по данинѣ на „вѣчномъ правѣ“, опредѣляется различно въ источникахъ. Къ наследникамъ, во-первыхъ, принадлежать:

а) *жена*, *дѣти* или *внучата* и ихъ „счедки“ (счадки), или „щадки“, также „*nasczatkі*“, „*namѣstki*“ или „*потомъ будущіи*“, — „*suos legitimos posteros*“, и б) „*ближніе*“ (близкіе) или „*namiaskі*“ (въ отличіе отъ *nasczatkow*), — „*suos posteros*“⁴⁾.

Затѣмъ, во-вторыхъ, есть цѣлый рядъ листовъ и привилеевъ на данину сель и людей владѣльцу и его наследникамъ, — *женъ*, *дѣтямъ* и *счадкамъ* (щадкамъ, счаткамъ, иногда „напотомъ будущимъ счадкамъ“), по латинскимъ актамъ — „*liberis ac omnibus legitimis successoribus*“, безъ всякаго упоминанія о ближнихъ⁵⁾.

¹⁾ Объ отчинѣ—Arch. Sang., III, № 8 (актъ 1446). Литовск. Метр., Записей № 4, стр. 113 (актъ 1482). Копія Литовской Метрики, V, 166; VI, 83 и 85 и пр. О „вѣчной отчинѣ“—А. З. Р., I, № 45 (актъ 1445). О „вотчинѣ“—*ibid.*, № 53 (1450); записи Казимира: Пану Довкнрду Тегерину а Мошково (села) у вотчину. Данилу, Атабѣву брату, впокормцевъ пять чоловѣкъ (поименованы) у вотчину. Пану Петрашу Семежичи у вотчину“ и пр. О „дѣдннѣ и вотнннѣ“—см. грамоту Подольскихъ князей Коріатовичей, 1388 г., слугѣ Немирѣ на имѣніе съ селами (*Варшавскія Университетскія Извѣстія* 1893, III, стр. 21).

²⁾ Любавскій, 598.

³⁾ О наследкахъ—А. Ю.-З. Р., I, № 33; Литовск. Метр. Записей № 9 стр. 15 и пр. О потомкахъ—А. В. К., XIII, № 1; Литовск. Метр., Записей № 2, стр. 7, 10 и 137. О послѣдкахъ — *Варшавскія Университетскія Извѣстія*, 1893, III, стр. 21 (грамота подольскихъ князей Коріатовичей, 1388).

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, №№ 21, 24, 25, 28. Arch. Sang., I, № 131 („ближніе, хто будетъ его ближній къ тому“); III, №№ 7 и 8. Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 2 (намѣстники и ближніе), 9 (*suos posteros et suos legit. post.*). Лит. Метр., Записей № 25, стр. 6 и 269; Переписей № 17, стр. 160 (*nasczatkі i namiaskі*).

⁵⁾ А. З. Р., I, № 176. А. В. К., XIII, № 1. Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I,

Въ самихъ актахъ данинъ не находимъ никакихъ точныхъ указаний, въ чемъ именно выражалось различіе между владѣльцами-наслѣдниками указанныхъ двухъ порядковъ.

Вопросъ этотъ категорически разрѣшается актами старой судебной практики. Изъ вырочевъ начала XVI вѣка видно, что подъ „счаджками“ специально разумѣются родственники *нисходящіе* обѣихъ линий (мужской и женской, — по „мечу“ и кудели“, прялкѣ), а подъ „ближними“—родственники *боковые* ¹⁾. Такимъ образомъ, оказывается, въ концѣ концовъ, что вѣчное право, какому подчинялись выслуженные люди, могло принадлежать или всему „роду“ перваго владѣльца данины — нисходящимъ и боковымъ его родственникамъ

№ 188 (liber. et legit. successor.) Литовск. Метр., Переписей № 9, стр. 321. Коля Литовской Метрики, III, 219; V, 15, 184, 228, 280, 291 и пр.

¹⁾ Намъ известны три выроча 1508—1510, 1511 и 1529 г., которые касаются нашего вопроса. Первый вырокъ состоялся по имѣнію Озерницы, которое кор. Казимиръ далъ нану Богдану Милошевичу, его женѣ и дѣтямъ, — „отъчисти жадное въ томъ лѣтѣ нѣтъ, а ни *ближнихъ* не выписано“. При жизни же владѣльца, бывшаго бездѣтнымъ, король Александръ далъ новый привилей о томъ, что по смерти Богдана имѣніе должно перейти „на вѣчность по близости“, его племянницѣ (сестричѣ), бывшей замужемъ за паномъ Зеновьевичемъ. Когда затѣмъ умеръ уже при кор. Сигизмундѣ Милошевичѣ, племянница его заявила притязаніе на его имѣніе. Въ господарскомъ вырокѣ по этому дѣлу и указано, во-первыхъ, на то, что въ листѣ Казимира не указаны ни „дѣтчество“, ни „ближніе“, а во-вторыхъ, что кор. Александръ „въ тотъ часъ не мѣлъ мощи того имена имъ (племянницѣ Богдана и ея мужу) подтвержати“, такъ какъ владѣлецъ былъ еще живъ и имѣніе въ то время еще не „спало“ на господара. Вырокомъ (1508 — 1510 г.) имѣніе было признано выморочнымъ; оно „толко есть въ воли господарской“ (Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 2, стр. 51). Второі вырокъ, 1511, касается людей, даниныхъ кор. Александромъ Венцславку Буткевичу, его женѣ, дѣтямъ и нанотомъ будущимъ его „шчаджкамъ“. Владѣлецъ, бывшій бездѣтнымъ, записалъ въ тестаментѣ передъ смертію свою данину *брату* своему Каспору, безъ господарской „воли“. Последній и заявилъ притязаніе на имѣніе, оставшееся послѣ брата. Судъ, однако, отказалъ въ виду того, что въ листѣ на данину не указаны „ближніе“, то-есть, боковые родствошности, и что тестаментъ уморшаго владѣльца не дѣйствителенъ, такъ какъ онъ составленъ безъ воли господара. Имѣніе „спало“ на господара (ibid., № 2, стр. 123). Такое же разъясненіе нашего вопроса находимъ въ вырокѣ 1529 г. по имѣнію, данному „на вѣчность“ боярину Зубковичу, его женѣ (вторымъ бракомъ), ихъ дѣтямъ и *счаджкамъ*, тоже безъ упоминанія о *ближнихъ*. Послѣ смерти боярина остался лишь одинъ его наслѣдвикъ—сынъ отъ перваго брака. Онъ-то и искалъ имѣніе отца. Король съ радой рѣшилъ, что онъ, по рожденію отъ перваго брака отца, „къ тому (имѣнію) ничего не имеетъ“, и потому призналъ имѣніе господарскимъ „спадкомъ“ (Arch. Sang., III, № 371).

(„счадкама“ и „ближнимъ“), или же только однимъ *нисходящимъ*. По прекращеніи цѣлаго рода владѣльцевъ или же только нисходящей ихъ линіи, крестьяне, въ качествѣ „спадка“, входятъ снова въ составъ господарскихъ людей и затѣмъ могутъ опять по новой данинѣ поступить въ подданство частныхъ владѣльцевъ.

Особую форму выслугъ, входившихъ также въ понятіе данины „на вѣчность“ и по „вѣчному праву“, составляетъ данина по „*ленному праву*“ („*in feudo*“, „*jure feudi*“, или „*jure feudali perpetuo et in avum*“).

Подъ выслугой этого имени разумѣется пожалованіе имѣній, крестьянскихъ дворовъ, земель и людей данному владѣльцу съ дѣтьми и счадками „*мужская рожая*“ („мужскаго стану“ или „племени“) — „*eorum legitimaе posteritati sexus masculini*“, съ правомъ владѣть, пользоваться и распоряжаться имѣніемъ и людьми „*usque ad decesum eorum legitimaе prolis masculinaе*“. По прекращеніи мужскихъ линій (по мечу), пожалованное имѣніе становится выморочнымъ и отходитъ къ господарю, какъ его „спадокъ“, выморочность ¹⁾. Есть документальныя извѣстія о томъ, что данина „*in feudo*“ практиковалась въ собственной Литвѣ еще при Миндовгѣ, въ концѣ XIII вѣка ²⁾.

Сущность „*вѣчнаго права*“, прибрѣтавшагося владѣльцами на выслуженныхъ путемъ данины людей, опредѣляется въ привилеяхъ въ однообразной формулѣ: имѣніе и люди даются „со всеми правами“, большею же частію — „со всемъ правомъ и панствомъ“ (правомъ, панствомъ и властностію, или *пожиткомъ*), „*cum toto jure et dominio*“ ³⁾. Господарь предоставляет „на вѣчность“ имѣніе и людей, „ничего на насъ и нашихъ наслѣдковъ не выимучи“ („не оставляючи“, также „не выимѣниваючи“, „не заставляючи“ и пр.), — „нашей права и звержности (*zwierzchnosci*) въ нихъ собѣ и потомкомъ своимъ не заставляючи“, — „*nihil nobis neque successoribus nostris ibidem juris*“.

¹⁾ См. А. Ю.-З. Р., I, №№ 42, 57, 117, 166, 192 (данина 1589 г. „правомъ левнымъ“). Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, №№ 10, 96. (*jure feudi*). Изъ актовъ половины XVI вѣка видно, что на такомъ же *ленномъ правѣ* въ Подоліи и крестьяне получали насѣки и пруды (см. Арх., VIII, I, № 97).

²⁾ *Skarbiec*, № 181. Ср. Iaroszewicz, *Obraz Litwy*, I, стр. 122; II, 64.

³⁾ А. З. Р., I, №№ 133, 178. А. Ю.-З. Р., I, №№ 38, 97. Лит. Метр., Записей № 9, стр. 15; Переписей № 9, стр. 99 и 321. Коп. Лит. Метр., V, 15, 238; VI, 147 и 526; XXXVI, 17; XXXVII, 87 и пр.

telicquendo“, и пр. ¹⁾). „Вѣчное право“, приобретавшееся владѣльцами путемъ данины людей „на вѣчность“, представляетъ собой, въ существѣ дѣла, тоже самое „*jus ducale*“, „*jura regalia*“, *dominium*, — „звержность“, „панство“, какое усвоилось съ конца XIV вѣка огуломъ всей поземельной шляхтѣ, на основаніи земскихъ привилеевъ. Въ отношеніи къ выслуженнымъ имѣніямъ и подданнымъ (не исключая и данныхъ *jure feudi*) вѣчное право пановъ — „господарей“ выражалось въ полномъ правѣ владѣнія, пользованія и распоряженія ²⁾). Оттужденіе „вѣчныхъ“ выслугъ, по общимъ началамъ земскихъ привилеевъ, имѣетъ мѣсто съ „призволенья“ (*consensu et voluntate*) господаря ³⁾). Относительно людей, жившихъ въ выслуженныхъ отчинахъ, въ специальныхъ привилеяхъ на данины воспроизводятся лишь общія положенія земскихъ привилеевъ объ освобожденіи владѣльческихъ подданныхъ отъ всякихъ господарскихъ податей и повинностей, суда и „наряда“ областныхъ правителей, съ предоставленіемъ самому владѣльцу пользоваться повинностями, а также „судить и рядить“ своихъ подданныхъ ⁴⁾).

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, №№ 21, 33, 37. Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 138 (послѣ 1410). Лит. Метр., Зап. № 2, стр. 10 („права и звержности, — гр. 1493). Коп. Лит. Метр., V, 216 и 303; VI, 203; XXXVI, 121 и пр. (см. предыдущее примѣчаніе).

²⁾ Владѣльцамъ выслуженныхъ имѣній предоставляется право „держать, вживать и поживать“ имѣніемъ (Лит. Метр., Перенисей № 17, стр. 160), — „што можетъ себя примыслити и розширити, на новомъ корени посадити, полѣпшивати, примыжити“, вообще „къ своему вжиточному и дѣшному обернути, какъ самъ налѣпѣй разумѣючи“, — „*potestatem habendi, tenendi, possidendi, ad vniu potiore utilitatem convertendi*“ и пр. (А. З. Р., I, № 53 и др.; А. Ю.-З. Р., I, № 21. Лит. Метр., Записей № 25, стр. 6 и 269; Перенисей № 9, стр. 99 и пр.).

³⁾ „Водемъ кому отдати, продати, замѣнити (промѣняти), по душѣ дати“, — „*commutandi, alienandi*“ и пр. (А. З. Р., II, № 30. А. Ю.-З. Р., I, №№ 21, 24, 25, 28, 33. Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, № 8. Лит. Метр., Перенисей № 9, стр. 99; Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 123). Тѣже права — по леннымъ выслугамъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, №№ 10 и 96). Объ оттужденіи выслугъ по земскимъ привилеямъ см. Zbior pr. Lit., 7 и др.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 70 (владѣльческій судъ, кромѣ душегубства и разбоя). Копія Литовск. Метр., 31, 193 (ак. 1500) и пр. Самое раннее свидѣтельство о владѣльческомъ судѣ дается, если не ошибаемся, грамотой подольскихъ князей Кориатовичей, 1388 г., слугѣ Немирѣ на имѣніе. Владѣльцу предоставляется самостоятельно судить своихъ людей; по дѣламъ съ людьми другихъ владѣльцевъ учреждается смѣстный судъ пановъ. Если владѣлецъ не можетъ „доправить“ судъ, онъ довлѣдываетъ дѣло господарю или воеводѣ (*Варшавскія Университетскія Извѣстія*, 1893, III, стр. 21).

Отъ имѣній и людей, выслуженныхъ по даннѣмъ „въ отчину“ или „на вѣчность“, то-есть, на правѣ потомственного владѣнія, отличаются въ источникахъ имѣнія, данныя „не у отчину“, или, что тоже— „не на вѣчность“, не въ потомственное владѣніе. Въ записяхъ Казимира зарегистрирована, напримѣръ, такая даннина: „князю Юрю Семеновичу (данн) Небле и Дружилевичи не у отчину“. Значеніе такихъ даннинъ объясняется актами старой судебной практики. Въ вырокѣ (1508—1510 г.) объ имѣніи Озерницахъ, по поводу листа, даннаго Казимиромъ на это имѣніе пану Милошевичу съ дѣтьми, говорится: „вѣчности жадное въ томъ листѣ нѣтъ“,—по другому же выроку (1511 г.) „вѣчность“ есть лишь тамъ, гдѣ имѣніе пожаловано не только данному лицу съ дѣтьми, но и его „счадкамъ“, вообще ближнимъ, потомкамъ ¹⁾.

Этимъ-то данинамъ „не у отчину“ соотвѣтствуютъ данины—„держанья“, которыя послѣ, по новымъ пожалованіямъ, могли превращаться въ данины „у отчину“ ²⁾. Держанье было, по всему видно, техническимъ названіемъ всякихъ *временныхъ* даннинъ, не имѣвшихъ потомственного характера, дававшихся лишь въ видѣ срочнаго или пожизненнаго владѣнія.

Другимъ техническимъ названіемъ пожалованій того же типа, какъ намъ кажется, нужно считать данину земли или имѣнія „помѣстьемъ“ ³⁾. Г. Любавскій полагаетъ, что подъ именемъ помѣстья, по литовско-русскимъ актамъ, разумѣется спеціальнѣйшій видъ временныхъ даннинъ—„до воли господарской“, на *неопредѣленномъ* срокѣ ⁴⁾, въ отличіе отъ „доживотья“ или данины, напримѣръ, „на три года“. Намъ кажется предлагаемое опредѣленіе помѣстья столь же не точнымъ, какъ и сужденіе о значеніи „хлѣбокормленія“. Единственнымъ основаніемъ для опредѣленія значенія помѣстья въ указанномъ смыслѣ

¹⁾ Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 2, стр. 51 и 123.

²⁾ А. З. Р., I, №№ 53, 57. Arch. Sang., III, №№ 2 и 3. Держанье имѣло, впрочемъ, и общее значеніе „владѣнія“ (обладанія) не только имѣній пожизненныхъ или срочныхъ, но и самихъ отчинъ („держать“ отчину = „владѣть“ ею и пр.).

³⁾ Такая даннина была, напримѣръ, пожалована въ 1507 г. боярамъ Петрашевичамъ въ Овруч. повѣтъ (см. *Любавская*, стр. 588). Помѣстье упоминается еще подъ 1588 г.: „панъ (Охромей) тыхъ людей (прихожихъ) за собою осадилъ и имъ помѣстье далъ“ (ibid.). Изъ XV вѣка имѣемъ свѣдѣнія о двухъ боярскихъ помѣстьяхъ, зарегистрированныхъ въ записяхъ Казимира. Даннина о помѣстьяхъ собрана изъ Литовской Метрики г. Любавскимъ (стр. 587—590).

⁴⁾ *Любавскій*, 587.

служить то обстоятельство, что въ актахъ нигдѣ не опредѣляется точно срочный характеръ помѣстій, какъ, на примѣръ, „доживотій“. Но, неговоря уже о томъ, что наличныхъ актовъ, говорящихъ о помѣстьяхъ, слишкомъ мало, слѣдуетъ имѣть въ виду, что данныя записей Казимира имѣютъ характеръ краткихъ регестъ актовъ: изъ того, что въ такихъ регестахъ не опредѣляется срочный характеръ помѣстій, нельзя еще заключать, что послѣднія и въ дѣйствительности не могли быть срочными пожалованіями. Точно также нельзя требовать точности и отъ вырока 1533 г., только мимоходомъ говорящаго о помѣстьи крестьянъ на Охромеевой землѣ. Остается лишь одна грамота 1507 г. о даннѣи земли „помѣстьемъ“ боярамъ Петрашкевичамъ, безъ указанія на пожизненный или вообще срочный ея характеръ. Но дѣло въ томъ, что и о „держаньи“ акты говорятъ въ такомъ же неопредѣленномъ смыслѣ; но отсюда едва ли слѣдуетъ, что на дѣлѣ не было держаній пожизненныхъ или дававшихся на точно опредѣленные сроки. Мы думаемъ, что нѣтъ никакихъ основаній измышлять какое-то особое значеніе помѣстья въ литовско-русскомъ государствѣ, разъ мы точно знаемъ исконную специфическую природу восточно-русскаго „помѣстья“, по всѣмъ видимостямъ, ничѣмъ не отличавшагося отъ родственнаго съ нимъ помѣстья литовско-русскаго. Словомъ, намъ кажется, что ничто не мѣшаетъ настаивать на мысли о тождественности помѣстья съ „держаньемъ“;—наравнѣ съ послѣднимъ оно противопоставляется „отчинѣ“, выслуженной „на вѣчность“. Впрочемъ, по актамъ можно подмѣтить также нѣкоторыя, хотя и не совсѣмъ ясныя, черты, отличающія помѣстье отъ держанья. Въ записяхъ Казимира говорится о „боярскомъ“ помѣстьи, данномъ Мунчи,—значить, были помѣстья и не боярскія, которыя подобно землямъ различались между собой по службамъ ¹⁾). Этотъ-то служебный характеръ, какъ кажется, и составляетъ специфическую природу помѣстья, въ отличіе отъ держанья, которое могло и не имѣть строгаго характера досрочнаго, не потомственнаго владѣнія, обусловливавашагося служебнымъ его характеромъ и назначеніемъ. Въ концѣ концовъ, мы считаемъ возможнымъ предполагать, что помѣстье въ Литвѣ-Руси, какъ и въ другихъ русскіихъ земляхъ стараго времени, имѣло одно общее значеніе владѣнія господской землей и людьми, дававшимися отдѣльнымъ лицамъ въ по-

¹⁾ О раздѣлѣ даннѣи съ обязанностью отправлять съ нихъ службу, по преимуществу ратную, и безъ этой обязанности—см. *Любавскою*, 601 и 607.

жизненное или досрочное владѣніе за службу, ради службы, а главное—подъ условіемъ той же службы.

„Держанья“, какъ пожалованія временныя, не потомственные, различаются между собой, главнымъ образомъ, по продолжительности *сроковъ пользования*. Такимъ образомъ, въ актахъ различаются слѣдующія формы временныхъ держаній имѣній и зависящихъ людей:

а) Держанье „до дву животовъ“ — данина съ передачей дѣтямъ или напримѣръ, племянникамъ (сестренцамъ, братенникамъ)¹⁾; иногда держанье дается двумъ постороннимъ лицамъ, съ тѣмъ, чтобы второй совладѣлецъ „ховаль и кормилъ перваго (обыкновенно стараго холостяка, безъ семьи), а по смерти „его душею печаловаль“²⁾.

б) Держанье „до живота“ лица, которому назначена данина³⁾; иногда часть пожалованнаго имѣнія дается въ „отчину“, а другая— „до живота“⁴⁾.

в) Держанье на опредѣленное число *лѣтъ*: въ актахъ упоминается данина „на три годы“⁵⁾; могла быть данина, конечно, и на болѣе продолжительное время.

г) Держанье на *неопредѣленный срокъ*—до „нашое (зосподарское) воли“ („до наше воли и нашего осмотрѣнія“, „до наше воли и долѣйшаго довѣданья“, — „до нашего осмотрѣнья“ или „усмотрѣнья“, также „до воли и ласки наше“ и пр.)⁶⁾.

Въ нѣкоторыхъ листахъ находимъ такую формулу: „кому будетъ

¹⁾ А. В. Р., II, № 118. А. Ю.-В. Р., I, № 49. Arch. Sang., III, №№ 15 и 248 и пр. По записямъ Казимира, дана земля „до животовъ“ — писаря Микиты, а послѣ него его трехъ „сестренцовъ“.

²⁾ Подобная комбинація содержится въ листѣ 1495 г. о даннѣ имѣнія въ Минскомъ повѣтѣ дворянину князю Льву сперва „до воли“, а затѣмъ „до двухъ животовъ“—князя Льва и путивльскаго намѣстника, князя Богдана Федоровича, если этотъ „згодится хонать и кормить“ князя Льва до его смерти (Коп. Лит. Метр., V, 70).

³⁾ А. В. Р., I, № 57. Arch. Sang., III, №№ 136, 141. А. Ю.-В. Р., I, №№ 116, 175.

⁴⁾ А. Ю.-В. Р., I, № 49.

⁵⁾ „Ивашю, Сопронову брату (данъ) Бойгородокъ на три годы“ (Записи Казимира). Въ 1502 г. пану Павловичу данъ господарскій дворъ Красный съ людьми „на хлѣбокормленіе на три годы, а потомъ палъ до наше воли“ (Коп. Лит. Метр., V, 307).

⁶⁾ Arch. Sang., III, №№ 9, 99; IV, 17, 237, 251. А. В. К., XIII, стр. 358, 360 и пр. Коп. Лит. Метр., V, 61, 157. См. данныя изъ Лит. Метрики у Любавскаю, 591, 596.

до воли дано, то его милость у своей жо воли оставилъ¹⁾. Иногда данина дается „до воли“, потомъ, по новому пожалованію—„до живота“, наконецъ, „на вѣчность“, въ вотчину; или сперва до воли, а потомъ только до живота, — сперва до воли, а послѣ прямо на вѣчность—съ счадками, иногда же и всему роду, то-есть, съ счадками и ближними²⁾.

Характерная черта, отличающая разсмотрѣнныя нами формы временной и потомственной данины отъ родовыхъ отчинъ (по отцамъ и дѣдамъ, а не выслугѣ) и купленийъ, выражается въ различныхъ *отношеніяхъ* господаря къ тѣмъ и другимъ. Имѣнія и люди „отчизные“, доставлявшіеся владѣльцамъ „по отцамъ и дѣдамъ“, никогда не считались господарскими. Отчизные люди—„нзвѣчные“ подданные своихъ „господарей“—пановъ, владѣвшихъ ими по неприкосновенному, „прирожденному“ праву „близкости“. Сигизмундъ I, въ одномъ актѣ 1527 г., заявляетъ: „намъ нельзя никого отъ именея (отчизны и купли) близкостей отдаляти“; если такія имѣнія брались „до рукъ“ господаря и давались имъ стороннимъ лицамъ, то лишь на время, „поки близкии ся вышцуть“³⁾. Тѣ же самыя начала, несомнѣнно, удерживали силу и въ статутное время⁴⁾. Иначе рѣшается вопросъ объ имѣніяхъ и людяхъ, составлявшихъ предметъ „выслугъ“ и „права выслужною“⁵⁾. Если къ выслугамъ (на вѣчность, въ „отчину“) и примѣняется право „близкости“, то право это тѣмъ не менѣе опредѣляется специальными положеніями, а не общими, „пошлинными“ (позже статутными) началами „близкости“ въ земскихъ родовыхъ имѣніяхъ. Переходъ выслугъ—данинъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ регулируется каждый разъ въ самихъ актахъ пожалованія имѣній и людей—„до живота, „до дву животовъ“ и пр.; по смерти лицъ, „до живота“, которыхъ была пожалована данина, имѣніе и люди берутся господаремъ „до его воли“, „спадаютъ въ его руки“⁶⁾. Какъ бы ни было

¹⁾ Arch. Sang., III, № 200. О данинѣ „до очищенія отчинъ“, взятой Московской, см. *Любавскаю*, 592.

²⁾ Arch. Sang., III, № 9. Коп. Лит. Метр., V, 120; VI, 95. Ср. *Любавскаю*, 591.

³⁾ Arch. Sangusz., III, № 327.

⁴⁾ См. мое сочиненіе, „Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права“, стр. 46.

⁵⁾ Право это въ смыслѣ исконной пошлины упоминается, напримѣръ, въ Литовскомъ Статутѣ, 1588, III, 17.

⁶⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., № 57, 93, 116, 131. А. Ю. З. Р., I, № 49. Arch. Sang., III, № 15, 248; IV, 251. Копія Лит. Метр., V, 166; VI, 85 и пр.

обширно „право выслужное“, предоставлявшееся владѣльцамъ данинъ, оно никогда не устраняло полностью „господарскаго“ права на ту же данину: право это тотчасъ же восстанавливалось, разъ данина становилась выморочностию — „спадкомъ“, „спадковымъ имѣніемъ“, „пустошью“ и т. п. Мало того: право „выслуги“ не устраняло господарскаго права на данину и при жизни ея владѣльцевъ. По изстаринному воззрѣнію данина всегда находится „въ воли“ господаря. Воззрѣніе такое высказывается, напримѣръ, въ одномъ листѣ 1484 г. Казимира: „што будетъ въ имѣньяхъ нашею данины, въ томъ ся намъ воля“¹⁾. Точно также Сигизмундъ I, какъ замѣчено выше, не признававшій за собой права „отдалять близкостей“ въ отчинахъ и купленинахъ, говорить о выслугахъ: „то будетъ въ нашей воли“²⁾. И дѣйствительно, въ актахъ находимъ не мало указаній на отобраніе „до воли“ и „рукъ господарскихъ, не только „держаній“ временныхъ, но и данныхъ „въ вѣчную отчину“, по большей части, впрочемъ, „за отиѣну“—отводъ такого же имѣнія въ другомъ мѣстѣ или же за денежное вознагражденіе³⁾. Иногда „отиѣна“ оговаривается въ самомъ актѣ данины⁴⁾. Имѣнія и люди отбираются иногда и по „винѣ“ самихъ владѣльцевъ, особенно въ случаѣ отказа отъ „службы“, обусловливавшей „держанье“ имѣній⁵⁾. Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что разъ давался привилей на данину—выслугу и затѣмъ позже послѣдняя оказывалась во владѣніи другаго лица, то такой переходъ выслуги не всегда могъ быть результатомъ отобранія ея „до воли“ господаревой. Владѣлецъ могъ не реализовать своей данины, могъ не „объявлять“ привилей на нее, быть въ „молчаньи“ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени,—давность въ такихъ случаяхъ вполне погашала не реализованное право на выслугу⁶⁾.

Кромѣ господарской данины—выслуги, къ производнымъ источникамъ „вѣчнаго права“ владѣльцевъ относится *покупка* крестьян-

¹⁾ А. З. Р., I № 86.

²⁾ Arch. Sangusz., III, № 327.

³⁾ Объ отобраніи имѣній „за отиѣну“ см. А. З. Р., I, № 45. Arch. Sangusz., IV, 42. Кош. Лит. Метр., VI, 182 и пр. За денежную сумму—А. З. Р., I, № 22.

⁴⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., I, № 218.

⁵⁾ Ibid., I, № 222.

⁶⁾ О погашеніи данины давностию говорятъ господарскій вырокъ 1511 г.: „кто, таковый привилей (на данину) маючи, а колько десять лѣтъ въ молчаньи былъ... самъ того не объявилъ ся и замолчалъ, самъ собѣ кринду вчинилъ“, то-есть, навсегда утратилъ право на данное ему имѣніе (Лит. Метр. Судныхъ дѣлъ, № 2, стр. 76).

скихъ дворовъ и отдѣльныхъ подданныхъ, бывшихъ на общемъ положеніи вѣчныхъ и отчинныхъ людей, отчичей. Первоначально въ актахъ упоминается продажа владѣльцами людей „властныхъ“ съ „ихъ“ землями и данями ¹⁾). Затѣмъ, уже въ актахъ конца XV вѣка упоминаются не разъ случаи продажи безъ земли „людей“ и „мужиковъ отчинныхъ и дѣдичныхъ“ съ ихъ дѣтьми: люди продавались одному владѣльцу, а ихъ земли другому. Иногда же покупаются сначала одни люди, а потомъ ихъ бывший владѣлецъ послѣ, по другому продажному акту, уступалъ и земли новому владѣльцу крестьянъ ²⁾). Такія же данныя, указывающія вообще на личный характеръ укрѣпленія крестьянъ, находимъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ перваго Литовскаго Статута (1529 г.), изъ коихъ видно, что въ его время уже *de jure* практиковалась продажа зависимыхъ крестьянъ безъ земли ³⁾) Точно также на личный характеръ крестьянской зависимости указываетъ Статутъ 1588 г., позволяющій продавать бѣглыхъ отчинныхъ людей безъ земли ⁴⁾).

„Вѣчное право“ на зависимыхъ людей, какъ и вообще на всякій предметъ личной собственности, могло быть объектомъ отчужденія и на основаніи другихъ сдѣлокъ между владѣльцами. Такимъ путемъ нерѣдко возникали *частныя данины—выслуги*, дававшіяся панамъ-землевладѣльцами своимъ слугамъ—шляхтѣ и другимъ лицамъ, иногда на такихъ же основаніяхъ, на какихъ приобрѣтались самими панами господарскія выслуги ⁵⁾).

Давностное владѣніе, въ свою очередь, могло быть въ известныхъ случаяхъ производнымъ источникомъ возникновенія вѣчнаго

¹⁾ Arch Sang., I, № 102 (1491), 105 и пр. Копія Литовской Метрики, VI, 188 (актъ 1499 г.).

²⁾ Копія Литовской Метрики, V, стр. 76 (актъ 1496 г.), 292 (актъ 1501 г.); VI, 531 (актъ 1504 г.).

³⁾ Литовскій Статутъ 1529 г., I, 8, 15; V, 4, 8; XIII, 20 и 21.

⁴⁾ Литовскій Статутъ 1588, XII, 14.

⁵⁾ Такимъ образомъ около 1448 г. панъ Войцѣхъ Монивдовичъ далъ своему слугѣ-шляхтичу Яцку Гримацкому и его дѣтямъ свой дворъ Юкновскій съ подданными, предоставивъ ему „на вѣки вѣчно держать и владѣть (людьми), какъ хочеть“, и обязавъ Гримацкаго служить себѣ за выслугу. Послѣ смерти Монивдовича панъ Яцко „добровольно со всеми теми добрами нехай служить, кому хочеть“ (Лит. Метр., Записей, № 2, стр. 219). Въ Метрихѣ записанъ также другой подобный актъ второй половины XV вѣка: владѣлецъ даетъ своему слугѣ, за его вѣрную службу, имѣніе съ людьми, съ полными правомъ отчужденія и безъ всякихъ условій о службѣ съ данины (Копія Лит. Метр., IV, 363).

права владѣльцевъ. Такъ, *заложное* право на людей и имѣнія, отдававшіяся ихъ владѣльцами въ распоряженіе кредитора до уплаты долга, подъ вліяніемъ давности, могло превращаться въ вѣчное право¹⁾. Тоже самое давностное начало примѣнено старымъ Литовскимъ Статутомъ также къ *бѣлымъ людямъ*, засидѣвшимъ въ бѣгахъ земскую (10-ти лѣтнюю) давность: они не выдаются старымъ владѣльцамъ²⁾.

Такъ постепенно, подъ воздѣйствіемъ разнообразныхъ бытовыхъ факторовъ и условій, возникло и затѣмъ прочно установилось крѣпостное подданство непохожихъ людей-отчичей, жившихъ въ имѣніяхъ господарскихъ, панскихъ и шляхетскихъ. Нѣтъ, затѣмъ, сомнѣнія въ томъ, что зависимые отчичи далеко не составляли единственнаго элемента, изъ котораго въ XVI вѣкѣ окончательно образовался составъ крѣпостнаго населенія крестьянскихъ дворовъ. Старый Литовскій Статутъ говоритъ о *сельской челяди*³⁾, нужно полагать, изстари жившей по селамъ⁴⁾. Обязательное выселеніе въ села дворной челяди, начатое въ господарскихъ дворахъ и волостяхъ по уставу о волокахъ 1557 г.⁵⁾, закончилось, по Литовскому Статуту 1588 г., общей, государственно-экономической мѣрой, въ одинаковой мѣрѣ касавшейся челяди въ имѣніяхъ, не только господарскихъ, но и панскихъ и шляхетскихъ. По Статуту, дворня, жившая при владѣльцахъ, въ панскихъ дворахъ, ограничивается только вольными слугами да „невольниками“ (илѣнными); остальная дворная челядь—„невольные“ люди обязательно переселяются въ села, на дворныя и волостныя земли, вообще вводятся въ общее положеніе сельскихъ, зависимыхъ людей,—„мають быти осаживаны на земляхъ и розумены быти за отчичовъ“⁶⁾. Съ этихъ поръ бывшая дворная челядь вообще сливается съ зависимымъ крестьянствомъ, образуетъ съ нимъ одинъ классъ

¹⁾ При великомъ князѣ Александрѣ, отчичныя села п. Волинныхъ (въ Смоленской землѣ), заложеныя боярину Сытому, по господарскому выroku, остались за послѣднимъ „для того, што се то *здавало*, и много овъ вжо на то село наложилъ“ (*Любаевскій*, 390).

²⁾ См. Литовскій Статутъ 1529 г. VII, 28. *Archiv Sangusz.*, III, № 140 (авгъ 1533 г.). Земская давность по Статуту не распространялась лишь на бѣглую „челядь дворную отчичающую або полоненую“ (Статутъ 1588 г., XII, 12).

³⁾ Литовскій Статутъ 1529 г., V, 3; XI, 6.

⁴⁾ См. *Любаевскій*, #14.

⁵⁾ А. В. Р., III, № 19, п. 1 и 2.

⁶⁾ Литовскій Статутъ 1588 г., XII, 21.

„подданныхъ“, подчиненныхъ „вѣчному праву“ и „господарству“ своихъ владѣльцевъ ¹⁾).

Крѣпостная зависимость не обнимала всего состава населенія крестьянскихъ дворовъ и селъ. До позднѣйшаго времени упоминаются въ актахъ „вольные люди“, жившіе въ крестьянскихъ дворахъ на одинаковомъ основаніи, какъ въ господарскихъ, такъ и шляхетскихъ имѣніяхъ. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ, несомнѣнно искомымъ, и, въ старину, до укрѣпленія, основномъ элементѣ въ личномъ составѣ крестьянскихъ дворовъ.

Въ актахъ находимъ самыя разнообразныя наименованія сельчанъ, по своей *личной свободѣ* отличавшихся отъ людей „невольныхъ“, то-есть, какъ отъ дворной челяди, такъ и отъ зависимыхъ крестьянъ-отичей. Общеупотребительнымъ названіемъ свободныхъ сельчанъ было „люди вольные“, или „добровольные“, сидѣвшіе „на воли“, въ добровольномъ „осаженіи“ и „подданствѣ“ ²⁾. Въ одномъ „похожемъ“ листѣ 1624 г. вольнымъ человѣкомъ называется тотъ, кто „się pa wnowie (по праву выхода) siedlic y budować y raszniać rozbiagać“ ³⁾. Какъ непостоянный, подвижной элементъ въ составѣ крестьянскихъ дворовъ, вольные люди называются людьми „прихожими“ (иногда „вольными“ или „добровольными прихожими“), „приходнями“ (въ отличіе отъ „домовниковъ“), людьми „похожими“, „захожими“, „пріѣждчими“, то-есть, людьми, которые, въ силу права выхода, могли свободно „приходить“ и „уходить“, перемѣнять мѣста своихъ промысловъ и осѣлости ⁴⁾. Такое же значеніе имѣютъ люди „незасѣдлиме“. *nie osiadli*“ ⁵⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ ⁶⁾ подъ людьми „незасѣдлыми“ разумѣются люди, не засидѣвшіе давности, пользовавшіеся

¹⁾ См. мою статью: „Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“ (*Варшавскія Университетскія Извѣстія*, 1895 г., V, стр. 54—55).

²⁾ А. З. Р., I, № 133, 178, 189. Литовскій Статутъ 1529 г., VII, 20; Статутъ 1566 г., IX, 19; Статутъ 1588, VII, 8; IX, 29. Копія Литовской Метрики, V, 58, 162 и пр.

³⁾ Арх. Сборн., III, стр. 172.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 82, 133, 144, 172, 178, 189 (и 21), 222; II, 69, 203. А. Ю. З. Р., I, № 94. Археогр. Сборн., I, № 19 (приходни); III, стр. 171, 172 (*zachożu*). Памят. I, отд. 2, стр. 18 и 19. *Zbiąg pr. Lit.*, стр. 71 (и 19). Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 116; № 2, стр. 17 (пріѣждчіе). Копія Литовской Метрики, V, 122; XXVI, 190. Литовскій Статутъ 1529 г., VIII, 20. Статутъ 1566 г., IX, 19. Статутъ 1588 г., VII, 8; IX, 29; XII, 13.

⁵⁾ Памятн. I, отд. 2, стр. 2 и 3. *Грушевскій*, Барское староство, 252.

⁶⁾ Разд., XII, арт. 18.

правомъ выхода, если только они не принадлежали къ людямъ, сидѣвшимъ „на полѣ“, льготѣ (см. ниже). Въ актахъ иногда говорится о людяхъ „похожихъ незасидѣлыхъ“, или о людяхъ „новыхъ“, въ смыслѣ приходней, недавно осѣвшихъ въ дворѣ и отличавшихся (по ухвалѣ Витебскихъ землевладѣльцевъ 1531 г.) отъ приходней „старожитныхъ“¹⁾. По формамъ „долеваго“ пользованія землями и отправленія крестьянскихъ „службъ“, похожіе люди называются иногда „должниками“ и „половинниками“²⁾. Наконецъ, въ памятникахъ съ конца XVI вѣка—времени полного развитія крѣпостнаго права и шляхетскихъ „вольностей“ въ Литвѣ-Руси, прихожіе люди, подобно зависимымъ отчичамъ, называются „подданными“ (иногда „вольными прихожими подданными“)³⁾. Въ значеніи подданныхъ прихожіе люди подчинялись не „вѣчному праву“ своего пана, а лишь его „господарству“, одинаково простиравшемуся на всѣхъ, кто бы ни жилъ въ „державѣ“ землевладѣльца—„господаря“ надъ всѣмъ свободнымъ и несвободнымъ населеніемъ своего имѣнія—маетности.

Что касается, затѣмъ, вопроса о томъ, изъ кого набирались *похожіе люди*, то, по вѣрному замѣчанію исследователей, основные принципы укрѣпленія несвободныхъ людей могли служить, при извѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, также „принципамъ освобожденія“⁴⁾.

Такимъ образомъ, начало *наследственности* „по отцамъ и дѣдамъ“ — основной источникъ зависимости „прирожденныхъ отчичей“ признавалось въ то же время главной основой „воли“ людей переходящихъ, принадлежавшихъ „по отцамъ и дѣдамъ“ къ вольнымъ людямъ, не отчичамъ. Выше указанъ одинъ случай (1516 г.) изъ старой судебной практики, когда „воля“ приходня признана была судомъ „по отцамъ и дѣдамъ“, не смотря на то, что этотъ прихожій человекъ прожилъ за владѣльцемъ болѣе 30-ти лѣтъ и потому владѣлецъ искалъ его „давностью“⁵⁾. Такіе же случаи встрѣчаются въ судеб-

¹⁾ А. Ю. З. Р., I, № 94. Памятн., I, отд. 2, стр. 2—3. См. ниже о льготахъ при первомъ поселеніи крестьянъ.

²⁾ А. Ю. З. Р., I, № 94 (должники по ухвалѣ Витебскихъ пановъ, 1531 г.). *Zródła dziej.*, t. VI, стр. LXXXVIII. Литовск. Метр., Записей № 4, стр. 155. См. выше—о личномъ составѣ крестьянскихъ дворовъ.

³⁾ См., напримѣръ, Арх. Сборн., I, № 59 (актъ 1588 г.), стр. 260 (актъ 1617 г.); III, стр. 172 (актъ 1637 г.).

⁴⁾ *Любавскій*, 410.

⁵⁾ См. выше—вырокъ 1516 г. по дѣлу п. Боговятниовича, искавшего „за отчича“ имѣнника Остаевича, прожившаго у него 35 лѣтъ на положеніи прихожаго человека. Последній доказалъ, что „по отцамъ и дѣдамъ“ онъ человекъ

ной практикѣ и послѣ изданія Литовскаго Статута 1529 г.¹⁾ И позже наследственное начало не вовсе утрачиваетъ свою силу. Литовскій Статутъ 1588 г. и окончательно сеймовая конституція 1685 г. какъ замѣчено раньше, не отиѣнили его, а лишь ограничили его дѣйствіе истеченіемъ земской давности: люди, по отцамъ и дѣдамъ вольные, теряютъ свою „волю“, если безвыходно, въ молчаньи²⁾ заживаютъ давностный срокъ въ „добровольной службѣ“ на владѣльческой землѣ.

Въ свою очередь, тоже самое *давностное начало* могло служить для зависимаго отчича источникомъ свободы, если онъ, будучи „блудящимъ“ человекомъ, бродившимъ въ разныхъ мѣстахъ, въ теченіе земской давности не былъ „выведенъ“ старымъ владѣльцемъ и въ то же время сумѣлъ избѣжать новаго закрѣпощенія давностнымъ зажитиемъ на землѣ другаго владѣльца³⁾).

Извѣстный контингентъ вольныхъ людей въ крестьянскихъ дворахъ могъ набираться изъ „приходней“ со стороны — *мѣщанъ, вольныхъ слугъ*, также людей „перезванныхъ“ или пришедшихъ по собственному почину „изъ заграничья“ („москвичи“, „тверичи“, „литва“, вообще зарубежники и захребетники восточно-русскихъ грамотъ). Въ приходіе люди по селамъ поступали, наконецъ, вольноотпущенные челядины и сельскіе отчичи, получавшіе отъ своихъ владѣльцевъ „волю“ оставаться въ крестьянскихъ дворахъ на „добровольной службѣ“, или же „уходить прочь, куда кто хочетъ“⁴⁾).

вольный, а не отчичъ, почему судъ не призналъ „правымъ“ искъ п. Боговитиновича (Литовск. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 116).

¹⁾ У *Любавскаго* приведены два подобные случая по актамъ, извлеченнымъ изъ Литовской Метрики. Въ 1533 г. тивунъ Черевятскій принкивалъ въ волостную потягъ людей Пимона и Кузьму. Они доказывали на судѣ, что „отцы наши, три брата, люди были приходни“; свидѣтели тоже показали, что „отецъ ихъ былъ человекъ приходной и сѣлъ былъ въ братью своею на той землѣ и царской“, а послѣ „съ тое земли зышолъ прочь“ (*Любавскій*, 409). Въ томъ же году человекъ боярина Полоцкой Зеновьевичевой Опонасъ Семеновичъ жаловался, что онъ неправильно пограбленъ „за выводное“: онъ человекъ приходной, отчичаа его въ другомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ его отецъ, и пр. Несмотря на то, что человекъ этотъ продолжительное время прожилъ за владѣльцами, судъ его оправдалъ: „воленъ онъ, кому хотя, служить“ (*ibid.*, 409).

²⁾ См. выше—объ источникахъ крѣпостной зависимости. Ср. *Любавскій*, 410.

³⁾ О мѣщанахъ—Литовск. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 59, 67, 116. О слугахъ—*Любавскаго*, 411. О заграничникахъ—*Любавскаго*, 588. Кош. Литовск. Метр. V, 122. (Москвичи, Тверичи); VI, 33 (Литва). О вольноотпущенцахъ и „искупныхъ“ (выкупившихся) изъ челядинства—А. Ю. З. Р., I, № 20, III; Лит.

Права и обязанности, вмѣстѣ съ „волей“ людей прихожихъ, сдѣвшихся по ряду на „добровольную службу“ въ дворахъ имѣній господарскихъ и владѣльческихъ, гарантировались ¹⁾, по исконной пошлинѣ, „добровольными“, также *вольными похожими листами, записями, грамотами и квитами*, составлявшимися при первомъ же осаженьи людей на „воли“. Въ записяхъ устанавливается рядъ: а) о „посаженьи“ или „осѣлости“ въ качествѣ похожаго человѣка съ дачей „селидбы“ на дворной землѣ съ пашней, сѣножатью, „кладью“ дворной и другой подмогой на обзаведеніе хозяйствомъ; б) о дворномъ будованьи—постройкѣ на мѣстѣ, отведенномъ для селидбы,—избы, клети, гумна, хлѣва, лазни и пр.; в) объ обязанности поселенца „полнить“ службы и „куницы“ (повинности), съ извѣстными льготами, смотря по мѣсту и характеру осады (напримѣръ, на пустоши безъ всякой роспашни или съ роспашью, домами или безъ нихъ и проч.); г.) о порядкѣ выхода, съ „поклономъ“,—не тайно, съ возвратомъ подмоги и всякой клади („досыть за все учинивши“), съ платой за выходъ („роклопи“, „одходнего“, „куницы поклонной“, „выходной“ или „отходной“, „сходелного“ и пр. ²⁾). Раньше упомянуто о грамотахъ, дававшихся приходнямъ въ господарскихъ замковыхъ имѣніяхъ,

Метр. Судн. дѣлъ № 3, стр. 46. Объ вотчичахъ-отпущеникахъ см. выше о людяхъ, приобрѣтавшихся по даннѣ. Въ отпусной, выданной въ 1519 г. Слонимскимъ старостомъ Радвиломъ господарскому „паробку“ Мадутѣ, говорится, что онъ долженъ служить въ волости Слонимской, можетъ поселиться въ мѣстѣ или же, „землю волостную взявши, господарю е. м. служить“ (Литовск. Метр., судн. дѣлъ № 3, стр. 46). Въ данномъ случаѣ, очевидно, рѣчь идетъ объ ограниченномъ правѣ выхода отпущенника. Онъ могъ лишь перейти въ мѣсто-центръ староства или въ волость, но не могъ переходить за рубежъ староства. Значитъ, все дѣло состояло въ одномъ переходѣ челядина въ составъ мѣщанъ или сельскихъ отчичей господарскихъ же волостей. По уставу о воловахъ 1557 г. отчичамъ тоже дозволяется ограниченный переходъ въ рубежахъ господарскихъ имѣній. (Памятн. II, отд. 2, стр. 119).

¹⁾ Напримѣръ, въ „квитѣ“, данномъ въ 1624 г. п. Николаемъ Гурко его похожему „подданному“ Роману Занкевичу, говорится, что квитъ дается ради того, „żeby mu dawszu wiary wszędzie wolno przegruszszono“, то-есть ради гарантіи свободы выхода. (Археогр. Сборникъ III, стр. 171).

²⁾ Сохранились такія записи съ конца XV вѣка. См. Археогр. Сборникъ, I, стр. 45 (1515), 260 (1617); III, 161—163; 170—173, Коп. Литовск. Метр. V, 158 (1498 г.). О листахъ похожихъ людей см. Лит. Стат. 1588, VII, 8; XII, 13. О „куницахъ“ прихожихъ людей и вообще о ихъ правовомъ положеніи см. А. З. Р., I, № 189; II, 203. Zbiór pr. Lit., стр. 71, 89. А. Ю. З. Р., I, № 94. Памятн. I, отд. 2, стр. 18 и слѣд.

ради гарантіи ихъ свободы, въ особенности на случай назначенія имѣнія въ данину частнымъ владѣльцамъ. Основная формула такихъ грамотъ—„и жъ не имѣли ихъ отъ замку отдавати“, освобождала людей „съ грамотами“ отъ включенія ихъ въ составъ данины, съ правомъ свободнаго перехода въ другое мѣсто ¹⁾. Кромѣ такихъ грамотъ, свобода вольныхъ, прихожихъ людей, какъ указано выше, строго гарантируется въ самихъ привилеяхъ на данину имѣній или земель, на которыхъ жили прихожіе люди, особенно въ такихъ случаяхъ, когда земля дается съ спеціальной цѣлью „осаженія“ ея людьми вольными (иногда „добрыми“), съ признаніемъ за ними полной свободы выхода ²⁾.

Похожіе люди осаживались на земляхъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Въ ухвалѣ Витебскихъ землевладѣльцевъ о похожихъ людяхъ, 1531 г., различаются: а) осада „на пустоши“, на „сыромъ корню“, безъ всякой роспаши лѣса и безъ жилья; б) осада тоже „на пустоши, безъ хоромъ и роспаши“, но уже съ лѣсной разчисткой, и в) осада „въ готовомъ дому и къ роспаши“, то есть съ разработкой роли и устройствомъ необходимыхъ приспособленій по крестьянскому хозяйству. Въ первыхъ двухъ случаяхъ сравнительно съ послѣднимъ требуется отъ поселенца больше предварительнаго труда для того, чтобы „пустошь“ сдѣлать пригодной для жилья и земельной культуры: ему дается, поэтому, извѣстная льгота („воля“, „жолоба“) по страдѣ и службамъ, съ болѣе или менѣе значительной подмогой („кладой“—сельскимъ инвентаремъ и пр.) для обузаведенія необходимымъ хозяйствомъ ³⁾.

Изъ актовъ, далѣе, видно, что прихожіе люди сидятъ на владѣльческой землѣ самостоятельными дымами—дворами или же присаживаются къ дворамъ крестьянъ—отчичей, ведутъ на панскихъ и крестьянскихъ земляхъ одно и тоже доленое, сябринное хозяйство.

При осадѣ на владѣльческой землѣ похожіи челоувѣкъ имѣеть дѣло непосредственно съ самимъ паномъ—землевладѣльцемъ, живетъ на „панской“ землѣ, отдававшейся по ряду въ его распоряженіе, — живетъ на ней самостоятельнымъ дворомъ, дымомъ, службой, жеребьемъ и пр. Объ отдѣльныхъ дворахъ похожихъ людей говоритъ ухвала Витебскихъ землевладѣльцевъ, 1531 г., какъ и другіе памятники.

¹⁾ См. Литовск. Метр., Записей № 25, стр. 260.

²⁾ См. напримѣръ, Арх. Ю. З. Р., ч. VIII, т. I. № 168 и пр.

³⁾ А. Ю. З. Р., I, № 94.

Изъ инвентаря имѣнія епископа Полоцкаго, 1588 г., видно, что дѣмы, „прислухавшіе“ къ отдѣльнымъ фольваркамъ имѣнія, иногда состоятъ исключительно изъ людей прихожихъ ¹⁾). Въ 1497 г. Смоленскому владыкѣ было дозволено осадить въ отведенномъ для него „обрубѣ“ 120 дворовъ прихожими людьми, по переизыму изъ „заграничья“—москвичами и тверичами, „а не людьми нашими, а больше того тамъ дворовъ и людей не мѣти“ ²⁾). По инвентарю 1609 г., имѣніе Деречинское п. Воловича состояло изъ дворовъ, почти на половину принадлежавшихъ отчичамъ и отдѣльно людямъ похожимъ ³⁾). Какъ видно изъ вырочковъ 1514 г., въ Каменецкой волости человѣкъ прохожій, мѣщанинъ Волковыйскій, Станко Березовскій сядѣлъ на жеребѣ Юхновскомъ, а прихожій изъ Новгорода, мѣщанинъ Василько Баковичъ занималъ другой жеребей—Коленковский ⁴⁾). Прихожіе люди, какъ и отчичи, живутъ въ своихъ дворахъ—дымахъ съ сыновьями, братьями, пасынками, шурьями и пр. ⁵⁾); мало того: прихожіе люди переходятъ отъ пана къ пану, не только съ сыновьями и „племенемъ“, но и съ „сябрами“ и „потужниками“,—совмѣстно рядятся съ землевладѣльцемъ объ осаженьи и затѣмъ вмѣстѣ же живутъ и владѣютъ землей ⁶⁾). Или же, по осаженьи на панской землѣ, приходни отъ себя вступаютъ съ другими такими же вольными людьми въ долевою рядъ совмѣстной жизни и обработки снятой у владѣльца земли,—имѣютъ, словомъ, своихъ дольниковъ—потужниковъ ⁷⁾).

При осадѣ на землѣ крестьянина-отчича прихожій человѣкъ имѣетъ дѣло собственно не съ паномъ, а съ своимъ-же братомъ, крестьяниномъ-отчичемъ, садится на готовое хозяйство, заведенное до его прихода одиночною страдою отчича или нѣсколько отчичей, сябровъ-совладѣльцевъ. Въ актахъ сплошь и рядомъ встрѣчаемъ крестьянскіе

¹⁾ Къ фольварку на Струньи „прислухаетъ подданныхъ прихожихъ“—8 дымовъ, къ фольвар. Тетчевскому—въ одномъ селѣ 19 дымовъ, въ другомъ—10 дымовъ людей прихожихъ и пр. (Археогр. Сборникъ, I, № 59).

²⁾ Копія Литовск. Метр., V, 122.

³⁾ Археогр. Сборникъ, I, стр. 239 и слѣд.

⁴⁾ Литовск. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 59 и 67.

⁵⁾ Археогр. Сборникъ, I, стр. 45 и пр.

⁶⁾ Ibid. III, стр. 171. На Коленковскомъ жеребѣ посажены Каменецкимъ держанцемъ прихожіе люди: мѣщанинъ Баковичъ съ сыномъ и тремя потужниками (Литовск. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 59).

⁷⁾ Въ ухвалѣ Витебскихъ землевладѣльцевъ, 1531 г., говорится, что прихожій человѣкъ-дольникъ, сѣвшій на владѣльской землѣ, можетъ отъ себя сдѣлать землю въ доля другимъ участникамъ (А. Ю. З. Р., I, № 94).

дворы, въ которыхъ сидятъ отчичи - господаи съ однимъ или нѣсколькими приходнями, вольными людьми, садившимися на крестьянскую землю ради совмѣстной страды, въ качествѣ дольниковъ, половинниковъ, пріймаковъ-потужниковъ или вообще сябровъ, ведущихъ свое хозяйство общими, трудовыми силами ¹⁾). Отчичь вноситъ въ общее хозяйство принадлежащую ему роспашь, будованье и необходимый для хозяйства инвентарь; дольникъ, съ своей стороны, кое-что прибавить отъ себя къ инвентарю и крестьянской маетности. Главное—*общая страда* на принадлежащей крестьянскому двору роспаша, ловахъ, бортяхъ, затонахъ и т. д.

Тамъ и здѣсь, на панской и крестьянской землѣ, похожій чело-вѣкъ, сидѣвшій „на долѣ“ ²⁾, ведетъ страду, хозяйничаетъ въ качествѣ собственно не совладѣльца - сябра, а *товарища по страдѣ*, потужника-дольника. Дольникъ только *пользуется* землей, принадлежащей пану или его отчичу, настоящимъ хозяевамъ,—получаетъ за свой сябринный трудъ известную *долю* во всемъ, что добудетъ дворъ отъ своей роспаша, лововъ, затоновъ и пр. На такомъ началѣ сябринной коопераціи основывались различныя системы *долевого хозяйства*, съ участіемъ въ немъ отчичей и вольныхъ, похожихъ людей. На Волини и, повидимому, въ другихъ южно-русскихъ земляхъ, изстари практиковалась система долевого хозяйства „изъ половины“. Вольные, похожіе люди, садившіеся на земляхъ мѣстныхъ крестьянъ-господарей, назывались обыкновенно „половинниками“; они по исканной пошлнѣ дѣлили съ отчичами на половину все, что получалось въ доходъ и добытокъ двора путемъ общаго хозяйства ³⁾. Въ земляхъ кривичскихъ и литовскихъ преобладали иныя системы, главнымъ образомъ, „изъ трети“ или „четвертой доли“. Такимъ образомъ, изъ актовъ Смоленской земли конца XV вѣка видно, что здѣсь прохожіе люди сидѣли на владѣльческихъ земляхъ „изъ трети“, то есть пла-

¹⁾ Выше, въ 8-й главѣ о *домникахъ*, приведено указаніе одного акта 1497 г. на сальдо Золотовичи, составлявшее собственно одинъ дворъ — службу изъ пяти дымовъ крестьянъ-отчичей и пяти дымовъ ихъ дольниковъ людей прихожихъ; тѣ и другіе сидятъ на общемъ хозяйствѣ (Литовск. Метр., Зап. № 5, стр. 63). О пріймакахъ, потужникахъ и дольникахъ отчичей-господарей на Волини и другихъ мѣстахъ см. Zródła dziej. VI, стр. LXXXVIII. Литовск. Метр., Зап. № 4, стр. 155. А. В. К., XIV, № 20, 40 и др. Ср. *Любавскій*, 443, 445, 446.

²⁾ Выраженіе это нерѣдко попадаетъ въ актахъ (см. напримѣръ *Любавскій*, 409).

³⁾ Zródła dziej. VI, стр. LXXXVIII и слѣд. См. выше—въ 3-й главѣ о *половинникахъ*.

тили панамъ или вообще отчичамъ земель третью часть отъ всякаго прибытка, получаемого съ пахати, бортнаго хозяйства и пр. ¹⁾). Еще болѣе льготнымъ представляется положеніе прихожихъ людей—дольниковъ по ухвалямъ Витебскихъ и Полоцкихъ землевладѣльцевъ. 1531 и 1551 г. Приходень по старинѣ живеть во всемъ на четвертой доли, т. е. даетъ владѣльцу эту долю съ сжатаго хлѣба, съ дерева, вырубленнаго для хоромъ на продажу и т. п.; на той же долѣ сдается земля самими дольниками чужимъ людямъ ²⁾).

Изъ изложенныхъ данныхъ видно, что положеніе прихожихъ людей-дольниковъ въ кривичскихъ земляхъ, вообще говоря, было вдвое льготнѣе, сравнительно съ положеніемъ половинниковъ южно-русскихъ. Обстоятельство это объясняется различными мѣстными условіями крестьянскаго хозяйства въ сѣверныхъ и южныхъ областяхъ литовскаго государства. Песчано-глинистая земля старыхъ кривичей и литовцевъ, покрытая мало проходимыми, неудобными для культуры болотами, топями и сплошными лѣсами, могла давать лишь скудные достатки для сѣвернаго пахаря, пробавлявшагося, поэтому, не столько рольничествомъ, сколько ловами, бортничествомъ и другими лѣсными промыслами. Но и эти промыслы могли давать убогому крестьянскому дыму лишь сравнительно скудные средства, едва хватавшія на „насущенный хлѣбъ“ крестьянина. „Половинная“ система хозяйства, при такихъ условіяхъ, вела бы лишь къ хронической „безкормицѣ“ и разоренію сельскаго люда, къ безмѣрному усилію количества, какъ „блудящихъ“ людей, „уходниковъ“ въ другія болѣе льготныя мѣста. такъ и „пустошей“, остававшихся для владѣльцевъ мертвымъ капиталомъ (одумерлыми речами), разъ на нихъ не сидятъ рольники или неисправно тянутся съ нихъ „службы“ и „поплатки“ владѣльческіе. Въ иныхъ условіяхъ находился половинникъ волинскій, подольскій, черниговскій и пр. Южно-русскія окраины, по замѣчанію старыхъ бытописателей, считались чуть не земнымъ раемъ, благодатной страной, „изобилующей медомъ, млекою и скотомъ“, — „terra potabilem,

¹⁾ Въ привилеѣ 1496 г. пану Ивашку Сопѣжичу на село Смолиновцы въ Смоленской землѣ, между прочимъ, говорится, что одну изъ „данныхъ“ земель „теперь мѣ третьи держитъ чоловѣкъ, на имя Онофреецъ, съ которею же земли тому Мартину (владѣльцу села) идетъ (очевидно, въ общей сложности) кадь меду и 20 грошей“. (Копія Литовск. Метр. VI, 83). Изъ другихъ мѣстныхъ актовъ также видно, что приходни платити „изъ третя“ (ibid. V, 188 и пр.).

²⁾ См. А. Ю. З. Р., I, № 94. и Памяти. I, отд. 2, стр. 18 и слѣд.

melle, lacte et pecore refertam“¹⁾). По весьма понятнымъ причинамъ, сюда могла стекаться изъ сѣверныхъ земель масса „уходниковъ“²⁾, до значительной степени сбывавшихъ цѣну на вольный трудъ приходящихъ людей. Во всякомъ случаѣ исконное существованіе системы „половиннаго“ хозяйства южно-русскихъ приходящихъ людей указываетъ на то, что система эта, тѣсно связанная съ благоприятными мѣстными условіями, не могла ложиться тяжелымъ гнетомъ на крестьянъ. Посыльный ихъ трудъ могъ не только давать достаточныя средства для ихъ собственнаго „насущнаго хлѣба“, но и доставлялъ возможность безъ большихъ затрудненій отдавать „половину“ достатковъ своимъ потужникамъ-господарямъ.

Какъ замѣчено раньше, дворы-маетности господаря, пановъ и бояръ—шляхты, по своему общему хозяйственному и административному строю, представляли собой обособленные „державы“, каждая съ своимъ особымъ „нарядомъ“ и хозяйствомъ, направленнымъ на организацію всей суммы хозяйственныхъ средствъ державы собственными рабочими и служебными силами. Система такого *натуральнаго хозяйства* выражалась въ томъ, что каждая маетность-держава имѣла въ своемъ распоряженіи необходимый для нея личный составъ „подданныхъ“—дворной челяди и сельчанъ, отправлявшихъ по имѣнію разныя спеціальныя „службы“,—имѣла своихъ „слугъ“ и служебныхъ „людей“, отправлявшихъ лежавшую на имѣніи функцію ратную, путевую, сторожевую и пр. (пригодную не только въ военное время), но и въ мирное—„для сторожи“ замковой и путевой, также въ пору „повѣтовыхъ рушеній“ противъ строптиваго пана, засѣвшего въ своемъ замкѣ съ вооруженною силой и пр.³⁾); имѣла, далѣе, своихъ „тяглыхъ“ и „пригонныхъ“ людей, своихъ „данниковъ“, „ловчихъ“, разныхъ „ремесленныхъ“ людей и т. д. Страдой, службой и поплатами челяди и сельскаго люда удовлетворялись всѣ нужды владѣльцевъ, велись разнообразныя операціи по каждой отдѣльной отрасли хозяйственнаго и административнаго управленія имѣніемъ; каждая отрасль хозяйства располагала своими рабочими силами, своими особыми службами. Отсюда *спеціализація* по службамъ—и земель, на которыхъ сидѣли крестьяне, и самихъ крестьянъ, и ихъ дымовъ-дворницъ. По-

¹⁾ Długosz, Hist. Pol. X, стр. 150 (rok 1306). Ср. мои „Очерки исторіи литовско-русскаго права“, 388.

²⁾ См. проф. *Владимірскаго-Буданова* „Населеніе“, стр. 44, 48 и др.

³⁾ См. мои „Очерки исторіи лит.-рус. права“, 36.

добно тому, какъ самыя службы разбивались на отдѣльныя категоріи—на службы панцирные, путныя, сторожевыя, тяглыя, данничья, поленищія, ясачныя, ловецкія и т. д., такъ и земли и сидѣвшіе на нихъ „люди“, а также дворнща, жеребья и другіе мелкіе поселки, обособлялись въ особыя служебныя категоріи земель, людей и поселковъ, носившихъ спеціальныя названія собственно „служебныхъ“, затѣмъ тяглыхъ, данныхъ, куничныхъ, сокольничьихъ, псарецкихъ, лейтскихъ, конокормскихъ и пр. Даже села нерѣдко по актамъ носятъ спеціальныя названія сель, напримѣръ „конюскихъ“ и т. п.¹⁾ И такая спеціализація не ограничивалась лишь одними названіями: каждое дворнще-служба обособлялась территориально; едва-ли были думы и дворнща смѣшаннаго состава, напримѣръ, изъ слугъ и людей тяглыхъ или данныхъ,—каждая спеціальная служебная группа людей въ данномъ имѣніи-дворѣ непремѣнно обособлялась въ свой особый хуторъ-поселокъ, величина котораго и мѣсто „осады“ опредѣлялись характеромъ и значеніемъ каждой службы въ отдѣльности. Гдѣ мѣстныя условія выдвигали на первый планъ службу тяглую („роботную“) на сплошной „рольничьей“ землѣ панскаго двора, тамъ большинство людей разсаживалось мелкими группами по ихъ ролямъ, по близости къ дворной „пашнѣ“, а дальше располагались поселки оброчниковъ и пр. Службы рыболовныя, ловецкія и имъ подобныя осаживались по озерамъ и рѣчкамъ, у „затоновъ“ и „луку“ рѣчныхъ, въ лѣсныхъ хуторкахъ ловцовъ, у „лазень“ бортныхъ и т. п. Этою же спеціализаціей и распредѣленіемъ по особымъ „мѣстамъ“ службъ и отправлявшихъ ихъ людей объясняется *исконная* дробность и обособленность сельскихъ поселеній въ Литвѣ-Руси: „чрезвычайная“ дробность поселеній не образовалась „вслѣдствіе волочной системы“²⁾, но именно „вытекла изъ мѣстныхъ данныхъ историческаго развитія, не была дѣломъ какихъ либо правительственныхъ заимствованій со стороны“³⁾. Затѣмъ, классы зависящихъ отчичей-подданныхъ и подданныхъ вольныхъ, прихожихъ людей, могли, конечно обособляться между собой по особымъ мѣстамъ и службамъ; но это не лежало въ основѣ „натуральнаго“ хозяйства. Службы могли отправляться людьми прихожими и отчичами, какъ отдѣльно, такъ и сообща, совмѣстною,

¹⁾ См., напримѣръ, Копія Литов. Метр., V, 99 и пр.

²⁾ Какъ полагаютъ, напримѣръ г. Иловайскій—Истор. Россіи, III, 85.

³⁾ Это совершенно вѣрное сужденіе принадлежитъ г. Любавскому—Областн. дѣленіе, 465.

сябринною „работою“, „страдой“, полатками и пр. Отсюда и служебные думы-дворища могли состоять изъ однихъ ли похожихъ людей (дворы и села „новые“, заводившіяся впервые, „на сыромъ корню“ и пр.), или же изъ однихъ отчичей. Въ то же время поселки могли имѣть и вполне смѣшанный характеръ: въ одномъ поселкѣ, даже мелкомъ „дымѣ“, совместно съ отчичемъ могъ жить и похожій чело-вѣкъ одной и той же службы. Затѣмъ, специализація службъ и рас-предѣленіе по нимъ „людей“ устанавливались по селамъ и отдѣльнымъ дымамъ-дворищамъ въ общихъ чертахъ на такихъ же точно основа-ніяхъ, какъ и въ составѣ „челяди“, жившей въ панскихъ и пашен-ныхъ дворахъ, дворцахъ и фольваркахъ господарскихъ и шляхет-скихъ ¹⁾. Наконецъ, въ личномъ составѣ крестьянскихъ дворовъ из-стари существовало различіе между „вольниками“ или людьми „но-выми“, жившими на „волѣ“ или „жалобѣ“—льготѣ отъ крестьянскихъ службъ, полностью или лишь частію, и, такъ сказать, рядовыми, „старожитными“ тяглецами, сидѣвшими въ дворахъ на тѣхъ или иныхъ „особныхъ службахъ на общемъ, тягловомъ положеніи.

Остановимся прежде всего на „вольникахъ“. Названіе это ²⁾ обо-значаетъ такой же разрядъ людей, какъ и люди „свободные“, „сло-бодичи“ или „слободчики“ ³⁾, также „жалобники“ ⁴⁾, „лицичники“ ⁵⁾, то-есть люди, сидѣвшие „на волѣ“ ⁶⁾, жалобѣ ⁷⁾ или *лицичахъ* ⁸⁾. Вольники—люди, пользовавшіеся льготой, на извѣстный срокъ, пол-ностью или частію, отъ исправленія службъ, повинностей, отъ уплаты даней и разныхъ „полатковъ“ въ пользу владѣльца.

¹⁾ См. мою статью—„Павскій дворъ“ (*Варшавскія Университетскія Извѣ-стія*, 1895, 5, стр. 49—50).

²⁾ См., напримѣръ, Памяти., III, отд. 2, стр. 39.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 118, 168, 167, 218. Памяти., III, отд. 2, стр. 84. Arch. Sang., III, № 73, 15. А. Ю.-З. Р., I, № 56. Лит. Метр. Судн. дѣл № 2, стр. 16. Кош. Литовск. Метр., VI, 83, 180, 184, 189 и пр.

⁴⁾ Литовск. Метр., записей № 4, стр. 155: по попису обывателей смолен-ской земли, конца XV в., въ службѣ Зелезковыхъ—Ивашко съ братомъ и 4 бра-таняча, „а пятый братанячъ—жалобникъ“. Въ службѣ Ивнцской: „Павлюкъ, его товарищъ Куземка и жалобникъ Гамецъ“.

⁵⁾ Такъ назывались въ Подольи, по актамъ половины XVI в., вольники, да-вавшіе „лицичу“ при первомъ осаженьи въ сегѣ (см. *Грушевскаго*, Вар. старо-ство, 255).

⁶⁾ Литовск. метр., Записей № 8, стр. 92 Судныхъ дѣл № 8, стр. 21.

⁷⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 94.

⁸⁾ *Грушевскій*, 255.

Люди „*новые*“, поселенцы, еще „не высѣдѣвшіе“ воли¹⁾, противопоставляются людямъ „*старожитимъ*“, „*всѣдѣвшимъ*“ волю, или „*посажанамъ*“ (отличавшимся и отъ свободичей), прямо посаженнымъ на страду, безъ льготы²⁾. Въ актахъ нерѣдко говорится о данивѣ пуши или пустоши и вообще земель, съ правомъ „перезывать“ людей во вновь заводившееся „на сыромъ корню“ село, „сажать ихъ на волю“ или „жалобу“³⁾. Иногда подъ „волей“ разумѣется поселеніе, вновь заведенное путемъ осаженья въ немъ на льготу перезванныхъ изъ разныхъ мѣстъ „вольниковъ“⁴⁾. На жалобу или волю поступаютъ слуги сельскіе—щитные и другіе, также люди тяглые, осочники и вообще крестьяне разныхъ другихъ „службъ“, при посаженіи ихъ на „пустоши“, главнымъ образомъ, при основаніи всякаго новаго поселка⁵⁾. По ухвалѣ витебскихъ пановъ, 1531 г., о похожихъ людяхъ, различается, во 1-хъ осада людей „на пустоши, на сыромъ корню“ (безъ лѣсной расчистки), во 2-хъ осада, на „пустоши, безъ хоромъ и роснаши“ (съ одной расчисткой лѣса), и въ 3-хъ, осада „въ готовомъ дому и къ роспаши“; „волей“ пользуются только поселенцы первыхъ двухъ категорій⁶⁾. Льгота могла даваться и при осадѣ въ старомъ селѣ; но она во всякомъ случаѣ была меньше, чѣмъ при осадѣ на пустоши⁷⁾.

Воля, данная цѣлому поселку при первомъ его заведеніи, рас-

¹⁾ Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. № 2. Лит. Метр. Зап. № 3, стр. 91, 92. Памят. I, отд. 2, стр. 2—3. *Грушевскій*, 256.

²⁾ А. Ю. З. Р., I, № 94. Лит. Метр. Записей № 3, стр. 92; Судн. глѣзъ № 3, стр. 21. Коп. Лит. Метр., VI, 33. *Любавскій*, 452.

³⁾ Въ записяхъ Казимира подъ 1449 г., говорится о данивѣ Бовею въ Брянской землѣ села Черногово, съ правомъ „звать людей и сажать на волю“ и прочее.

⁴⁾ Въ одномъ актѣ 1497 г. воля упоминается въ значеніи поселенія: межа данной земли направляется „до двора, гдѣ *воля* седитъ наше великое княгиня Олга“ (Коп. Лит. Метр., V, 122). По другому акту 1469 г., владѣлецъ земли „маетъ посадити людей на волю“, то есть вообще на льготу (Лит. Метр., Судн. глѣзъ № 3, стр. 21). По казимировымъ записямъ, „Кавелка служилъ боярамъ, нягъ (взягъ землю) за отчину, а жалобы (льготы) на два года“. По попысу смоленскихъ обывателей, конца XV в., въ числѣ слугъ Пацынской волости четыре слуги числятся „на жалобѣ“ и пр. (Лит. Метр. Зап. № 4, стр. 155).

⁵⁾ Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. I, № 2. Лит. Метр., Зап. № 3, стр. 92; № 4, стр. 155. Ср. *Владимірскій-Будановъ*, Населеніе, 27.

⁶⁾ А. Ю. З. Р., I, № 94.

⁷⁾ *Грушевскій*, 256.

пространяется на весь его личный составъ ¹⁾. „Вольники“ могутъ сидѣть также вмѣстѣ съ отчичами, даже въ одной службѣ—поселкѣ, если прилежавшая къ нему пустошь—лѣсная заросль расчищалась и на ней садился новый поселенецъ ²⁾. Сроки воли, понятно, были различные, смотря по мѣсту осады поселенца. По ухвалѣ витебскихъ пановъ, при осадѣ поселенцевъ „на сырѣмъ корню“ дается воля на пять лѣтъ, а при осадѣ на расчищенномъ мѣстѣ, но безъ жильзя и роспашы,—на два года; кто садится на готовомъ хозяйствѣ, съ домоу и роспашью, тотъ не считается вольнымъ ³⁾.

Въ другихъ актахъ упоминаются сроки воли въ два, три года, разъ даже до 16-ти лѣтъ ⁴⁾. Большая или меньшая продолжительность сроковъ воли могла зависѣть, кромѣ указанныхъ условий, также отъ того, кто садится на волю—вольный-ли человекъ, или же человекъ непохожій, напримѣръ, переводившійся на пустошь самимъ владѣльцемъ. Ничто не мѣшало предоставлять послѣдному большіе льготные сроки, которые могли гарантировать для владѣльца постоянное сидѣнье отчича на одномъ мѣстѣ, могли надежнѣе и прочнѣе удерживать его отъ попытокъ обратиться въ „блудящаго“ человекъ. И наоборотъ: продолжительная воля, особенно въ пору дѣйствія земской давности, служила бы для приходня прямымъ актомъ прикрѣпленія. Вольникъ, не высидѣвшій воли, или ничего не платитъ и не несетъ никакой службы, или если платитъ и служитъ, то во всякомъ случаѣ болѣе льготнымъ образомъ, чѣмъ заурядные тяглицы. Затѣмъ, разъ воля прекращалась, для вольника наступалъ моментъ исправленія всѣхъ службъ, на какія онъ порядился при осадѣ на волю ⁵⁾,—онъ вступалъ во всѣ обычныя функціи людей „старожитныхъ“. Какъ видно изъ ухвалы витебскихъ пановъ 1531 г., осада

¹⁾ По инв. Житомирскаго замка, конца XV в., село Котельна дѣлкомъ состоитъ изъ 24 „новыхъ“ людей: „линые люди высѣдѣли волю, а иные не высѣдѣли“; въ с. Рудники—9 чел., „а все новые люди, тяглые, еще воли не высѣдѣли“ (Лит. Метр., Зап. № 3, стр. 92).

²⁾ См., напримѣръ, Лит. Метр., Зап. № 4, стр. 156. Въ селѣ Романовѣ, тянушемъ къ Житомирскому замку, по инвентарю конца XV в. числилось 27 данниковъ, „а иные—люди новые даютъ, коли медь родитъ“, то есть въ другое время ничего не платятъ (Лит. Метр., Зап. № 3, стр. 92).

³⁾ А. Ю. З. Р., I, № 94.

⁴⁾ Послѣдній срокъ упоминается въ одномъ актѣ 1469 г. (Лит. Метр., Судн. дѣл. № 3, стр. 21)

⁵⁾ Лит. Метр., Зап. № 3, стр. 21. 91 и 92. Грушевскій, 255—256.

съ льготой влекла за собой значительное ограниченіе права выхода. Поселенецъ, вышедшій изъ „жалобы“, долженъ былъ давать своему „господарю“ известную долю (по ухвалѣ четвертую) своихъ добытковъ по хозяйству (хлѣба съ поля и пр.) въ теченіе столькихъ же лѣтъ, сколько онъ жилъ на жалобѣ, или же долженъ служить въ теченіе того же срока „пригономъ“ (издѣльными, тяглыми работами) по два дня въ недѣлю. Лишь послѣ полной отработки льготы и вообще послѣ разчета съ владѣльцемъ, похожій человекъ могъ воспользоваться своимъ правомъ выхода; въ противномъ случаѣ, какъ замѣчено раньше, самовольный уходъ вольника грозитъ ему полнымъ лишеніемъ свободы ¹⁾.

Ф. Лесеневичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ А. Ю. З. Р., I, № 94. Литовскій статутъ 1529 г. VIII, 20; Статутъ 1566 г., IX, 19; 1588, IX, 29.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХ.

1897.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	51
А. Н. Веселовскій. Эпическія повторыя, какъ хронологическій моментъ	271
И. А. Водуанъ-де-Куртена. Кашубскій языкъ, кашубскій народъ и „кашубскій вопросъ“	307
А. А. Чебышевъ. Очерки изъ исторіи европейской драмы	369
О. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русокомъ государствѣ (продолженіе)	408
А. А. Шахматовъ. Хронологія древнѣйшихъ русскыхъ лѣтописныхъ сводовъ	463

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. Я. Марръ. The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures by F. C. Conybeare Folk-Lore. London. 1896	483
И. В. Истревовъ. Julius Lippert. Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. B. I. Prag, Wien, Leipzig. 1896	491
— Книжныя новости	514
М. Столяровъ. Народныя школы Прибалтійскаго края	39
— Наша учебная литература (разборъ 8 книгъ)	79

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

А. Т. Письмо изъ Рима	33
Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. А. Н. Майковъ (некрологъ)	46

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

С. Вульфъ. „Имена любимцевъ“ не аттическихъ вазакъ	1
Д. И. Кудрявскій. Славянская конотрукція отрицательнаго глагола съ родительнымъ падежомъ и родственныя явленія другихъ индоевропейскихъ языковъ	22
Schmidt. Georgius. Exegetica	29

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

А. Н. Любимовъ. Исторія физики	1

О ВЪЯВЛЕНІИ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го апрѣля).

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУ- ДАРСТВѢ ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ людямъ „старожитнымъ“, не сидѣвшимъ на „воляхъ“ и отправлявшимъ обычныя крестьянскія „службы“. Вопросъ о повинностяхъ крестьянъ въ литовско-русскомъ государствѣ въ существенныхъ чертахъ достаточно выясненъ въ литературѣ ²⁾. Нѣтъ надобности, поэтому, входить во всѣ подробности этого вопроса; детальное изложеніе будетъ сдѣлано лишь по такимъ частностямъ вопроса, которыя вовсе не затронуты или, на нашъ взглядъ, не совсѣмъ вѣрно представлены въ существующихъ изслѣдованіяхъ. Крестьянскія повинности мы рассмотримъ вмѣстѣ съ разнообразными *разрядами* крестьянъ, группировавшихся, какъ замѣчено раньше, въ отдѣльные классы по различію крестьянскихъ службъ и промысловъ.

Какъ видно изъ актовъ, волостное населеніе, тянувшее къ дворянъ-маетностямъ господарскимъ, панскимъ и шляхетскимъ, по своимъ повинностямъ и занятіямъ, разбивалось на двѣ отдѣльныя группы:

а) *людей служилыхъ* („служебныхъ“), бояръ и слугъ, отправлявшихъ ратную, путную и сторожевую службу, также личныя „послуги“ при панахъ-владѣльцахъ и по хозяйственной администраціи имѣній, и

б) *людей тямыхъ* или *черныхъ*, съ нихъ спеціальными, крестьянскими службами—по работамъ въ панскомъ дворѣ и обработкѣ дворной или фольварочной пашни, по эксплуатаціи разныхъ угодій, въ особенности

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

²⁾ См. мое старое изслѣдованіе о „крестьянахъ юго-западной Россіи“ (1883), также упомянутыя выше изслѣдованія Новицкаго и Антоновича. Въ трудѣ г. Любавскаго объ „Областномъ дѣленіи“ собранъ изъ Литовской Метрики архивный матеріалъ по тому же вопросу.

лѣсныхъ, луговыхъ и рѣчныхъ (водныхъ), также по данямъ и разнымъ „поплаткамъ“ натурою и деньгами ¹⁾).

Г. Любавскій не призываетъ подобной группировки литовско-русскихъ крестьянъ на томъ основаніи, что будто бы въ данномъ случаѣ „придается слову *тяглый* не свойственный ему по времени и мѣсту общій смыслъ“. По сужденію г. Любавскаго, не слѣдуетъ *обобщать* значеніе слова *тяглый* и распространять его на различные разряды крестьянъ: „лучше *держаться въ предѣлахъ словоупотребленія источниковъ*, чтобы не вносить путаницы въ изображеніе различныхъ разрядовъ литовско-русскаго крестьянства“ ²⁾. Дѣйствительно, держась словоупотребленія термина „тяглый“ по источникамъ (главнымъ образомъ, Литовской Метрикѣ), бывшимъ, какъ видно, въ распоряженіи г. Любавскаго, онъ могъ не знать общаго смысла словъ „тяглый“ и „тяглая служба“ и потому могъ объяснять ихъ лишь въ особомъ, спеціальному значеніи издѣльныхъ работъ, „панщины“, въ господскомъ дворѣ и на дворной паншѣ (см. объ этомъ ниже). Все дѣло въ томъ, что общее значеніе слова „тяглый“ не есть дѣло произвольнаго „обобщенія“ (какъ думаетъ г. Любавскій), а обосновано на точномъ „словоупотребленіи“ самихъ источниковъ, по всему видно, оставшихся не извѣстными для нашего изслѣдователя. Во всякомъ случаѣ, при изученіи вопроса о различныхъ классахъ и повинностяхъ крестьянства литовско-русскаго, приходится держаться въ предѣлахъ *двойственной* словоупотребленія въ источникахъ терминовъ „тяглый“ и „тяглая служба“. Ради разъясненія вопроса, приведу нѣсколько данныхъ касательно значенія слова „тяглый“, по источникамъ частію архивнымъ, частію обнародованнымъ давно въ печати.

„Слуги“ и „тягле“ или „черные“ люди, какъ основные классы въ волостномъ населеніи Литвы-Руси, представляютъ собою не больше, какъ лишь прямое наслѣдіе отъ древне-русскаго быта. Оба класса изстари были извѣстны во всѣхъ русскихъ земляхъ, въ томъ числѣ и въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ литовскаго государства. Древнерусскіе люди служилые и тягле воспроизводятся въ Литвѣ-Руси во

¹⁾ На такую группировку волостныхъ людей въ Литвѣ-Руси указываетъ проф. С. А. Бершадекій, въ статьѣ: „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ (*Кіевская Старина*, 1888, № 10, стр. 96). Г. Грушевскій также различаетъ особые классы слугъ и тяглыхъ („Барское староство“, стр. 252 и слѣд.). См. также *Новицкаго* „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи“, стр. 18,—авторъ сопоставляетъ „тяглыхъ“ и „волостныхъ“, какъ понятія тождественныя.

²⁾ Областное дѣленіе, стр. 336—337.

множествѣ актовъ (въ особенности въ привилеяхъ на данину земель и людей) XIV—XVI вѣковъ, подъ общими именами „людей служеб-ныхъ“, или же просто „слугъ“ (*servitores*), и „людей тяглыхъ“¹⁾. Потомки „боярской дружины“ Русской Правды²⁾, удерживавшіеся въ московскомъ государствѣ еще въ XVII вѣкѣ въ лицѣ „боярскихъ слугъ“, „боярскихъ дворовъ“ или „служилыхъ боярскихъ людей“³⁾, въ литовскомъ государствѣ извѣстны подъ изстариннымъ титуломъ „боярь“ (иногда съ эпитетомъ „боярскихъ“) и „боярскихъ слугъ“ (см. ниже). Такой же изстаринный, общерусскій гевезисъ имѣютъ „тяглые“ или „черные“ люди, равно извѣстные во всѣхъ русскихъ земляхъ. По памятникамъ древняго восточно-русскаго права „эпитетъ черный значитъ тоже, что и тяглый; эти слова употребляются въ памятникахъ одно вмѣсто другаго. Подъ тяглыми наши памятники разумѣютъ людей, на которыхъ лежатъ общія государевы дани, пошлины и всякія повинности. Къ чернымъ людямъ относится не одно только сельское населеніе; посадскіе тоже черные, тяглые люди“⁴⁾.

Такое же словоупотребленіе терминовъ „тяглый“ и „черный“ находимъ и въ старыхъ литовско-русскихъ актахъ. Такимъ образомъ, въ земскихъ привилеяхъ Полоцкомъ (1456) и Смоленскомъ (1505 г.) подъ именемъ „*черныхъ* людей“ разумѣется вообще крестьянское, тяглое населеніе господарскихъ и панскихъ маестностей-дворовъ, въ отличіе отъ классовъ владѣльческихъ — боярь, пановъ и князей⁵⁾. Въ записяхъ Казимира находимъ регесту слѣдующей данины: „Сенько Ильвовичъ просилъ данничое *черное*, а ему бы служили“.

Въ общемъ же значеніи „крестьянскаго“ (или волостнаго), служебнаго, подлежавашаго „тяглу“, не разъ встрѣчается въ западно-русскихъ актахъ терминъ „тяглый“. Въ такомъ именно смыслѣ названа тяглою въ одномъ вырокѣ 1515 г. земля обысочниковъ (осочни-

¹⁾ Въ привилеяхъ литовскихъ великихъ и удѣльныхъ князей на данину частнымъ лицамъ населенныхъ имѣній составъ послѣднихъ обыкновенно обозначается двумя главными классами: людей служебныхъ и тяглыхъ (Лит. Метр., Публ. дѣлъ № 28, стр. 80; Судн. дѣлъ № 1, стр. 113,—№ 2, стр. 50. Копія Лит. Метр., V, стр. 8, 193, 211 и пр.). Иногда „слуги“ противопоставляются просто „людямъ“ (Копія Лит. Метр., V, 182). О „*servitores*“ см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, № 1. Лит. Метр., Публ. дѣлъ № 28, стр. 114. Копія Лит. Метр., V, 68.

²⁾ Карамзинск. св. Правды, 104.

³⁾ См. проф. В. И. Сергиевича, Юрид. древности, I, стр. 801, 803, 806.

⁴⁾ Ibid., 211—212.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 60, 213.

ковъ)—особаго класса ловцовъ (см. о нихъ ниже), „тягнувшихъ“ съ своихъ земель господарскую службу ¹⁾. Села, не тянушія къ городу никакими повинностями, называются въ актахъ „не тяглыми“ ²⁾. Конюхи сельскіе, старожитные, несшіе обычную службу конюскую, въ отличіе отъ „вольниковъ“, называются также „тяглыми“ ³⁾. Въ такомъ же общемъ смыслѣ терминъ „тяглый“ употребляется въ южно-русскихъ инвентаряхъ половины XVI вѣка, напримѣръ, замковъ Кременецкаго и Каменецкаго или же староствъ Хмельницкаго и Барскаго. Подъ именемъ людей тяглыхъ (*roszieszni, rosiegl, roszieszniki*) разумѣются данники и люди, исполнявшіе фольварочныя работы; тѣ и другіе противопоставляются служкамъ, людямъ свободнымъ и убогимъ ⁴⁾. Въ такомъ же смыслѣ въ инвентаряхъ староствъ Ратненскаго и Любомльскаго говорится о людяхъ „потяглыхъ“,—подъ ними разумѣются не одни рабочіе, служившіе на фольваркахъ, но и данники. Послѣдніе иногда и называются „данниками потяглыми“ ⁵⁾. Здѣсь люди тяглые также противопоставляются боярамъ, слугамъ и убогимъ ⁶⁾.

¹⁾ Обысочники Каменецкіе Гринецъ и Игнатъ Малюшевичи жаловались на державцу Каменецкаго, вл. Семена Александровича Чорторыйскаго, владѣннаго ихъ „дядковщиной“—землей. Какъ оказалось на судѣ, земля эта была „запродана“ владѣльцемъ людямъ пана Ильинича Чорнавчицкимъ, а у нихъ выкупили князь. По рѣшенію маршалковскаго суда, земля должна быть отдана владѣльцу: „державци тому не годится земли господарское, тьмаое, куповати въ людей“; князю предоставлено искать свои деньги на „очичѣ“ земли, — „очичѣ не маєт земли никому запродавати, абы господарю е. м. служба не гинула“ (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 107).

²⁾ „Митьку Володковичу, Видблянину, (дано) село Лучино, ажъ будетъ не данъное, а къ городу не тьмаое, а будетъ ли подобно“ (Записн. книга Казимира).

³⁾ См. *Любавскаго*, 328. Авторъ полагаетъ, что конюхи назывались тяглыми вслѣдствіе того, что „конюская служба бывала иногда только дополненіемъ къ тяглою“, въ тѣсномъ смыслѣ издѣльныхъ работъ въ панскомъ дворѣ и на дворной пашнѣ. Къ сожалѣнію, самый текстъ акта 1511 г., въ которомъ упоминаются тяглые конюхи, не приводится авторомъ, и потому трудно проверить точность предлагаемаго имъ объясненія. Въ виду указаннаго нами общаго значенія термина „тяглый“ предлагаемое нами въ текстѣ объясненіе кажется намъ проще объясненія Любавскаго, предполагающаго сводку двухъ различныхъ службъ, что едва ли могло существовать на дѣлѣ. О противоположенія свободныхъ тяглымъ см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 222.

⁴⁾ См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 80 и сл., 140 и сл., 170 и сл., 215 и сл. О данникахъ см. *ibid.*, стр. 201 и пр. Ср. *Грушевскаго*, „Барское староство“, стр. 252.

⁵⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 296.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 270 и сл., 321 и сл.

Въ актахъ упоминаются также „подачки тяглыя“ и наконецъ „службы тяглыя“, въ общемъ же смыслѣ крестьянскихъ платежей и повинностей, обязательно отправлявшихся тяглымъ населеніемъ, изъ какихъ бы специальныхъ службъ и классовъ оно ни состояло¹⁾. Какъ замѣчено раньше, въ ряду дворищъ, службъ и другихъ мелкихъ сельскихъ поселковъ упоминаются „потуги“ и „тяги“. Крестьяне, жившіе въ такихъ поселкахъ, могли отправлять самыя разнообразныя повинности, подводившіяся во всей ихъ совокупности подъ общій титулъ „потуги“ (потяга), „тяги“, „тяги“ или „потягли“, „тяглою службы“²⁾. Въ инвентаряхъ XVI вѣка подъ именемъ „тяглою службы“ разумѣются иногда не только издѣльныя работы, „панщина“, „пригонъ“ и проч., но и одни платежи денежные или натурою—напримѣръ, дань медовая, дякло, чишъ и т. п. Въ инвентарѣ (1580 г.) имѣнія Здытла, Городенскаго повѣта, принадлежавшаго князьямъ Острожскимъ, читаемъ: „у селыцы Карачевичахъ остали подданныи два — обадва на одной

¹⁾ Въ 1511 г. король Сигизмундъ пожаловалъ бѣльскому землянину Петриковскому господарское имѣніе съ освобожденіемъ жившихъ въ немъ людей отъ „подачекъ тяглыхъ“ и „службъ тяглыхъ“, кромѣ лишь немногихъ повинностей — „порубовъ подворныхъ“ и пр. (Лит. Метр., Записей № 9, стр. 94). Жившіе въ этомъ имѣніи люди, какъ видно, отправляли различныя „службы“: кромѣ собственно тяглыхъ, отправлявшихъ издѣльныя дворныя работы, тутъ жили данники, дяклошники и пр. Всѣ ихъ платежи и службы квалифицируются въ примѣлѣ 1511 г. общимъ названіемъ „тяглою службы посполъ съ волостью подле давности“, такъ какъ ихъ отцы зданна не тянули съ волостью ни въ чемъ (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 70).

²⁾ Значеніе и составъ „тяги“ объясняется, напримѣръ, вырокомъ 1499 г., обязавшимъ людей бояръ Котовичей отправлять всѣ волостныя повинности, — „всякую тягль тянуть“: городъ рубить, ордыщину давать, дубащину платить, пословъ и гонцовъ стаціями и подводами поднимать, недѣлю стеречи подводами у Свислочи на городищи, на р. Березинѣ и на броду, мосты мостить, сѣно косить, житнину до замку возить и „всякую тягль тянуть съ волостію“ (Лит. Метр., Записей № 5, стр. 88). По инвентарю Житомирскаго замка, въ селѣ Бордиковѣ числится 4 слуги и 3 сочника: „новыи люди, еще воли не высѣдѣли; а коли волю высѣдѣть, они (слуги) мають *служити*, а есачники мають *тялыи мѣнути*, какъ и ныне люди“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2, стр. 3). Въ другихъ актахъ такое же значеніе имѣютъ „потяги“, „потуги“ и „тяглыя службы“ (см., напримѣръ, Копія Лит. Метр., XXXVII, стр. 183). „Тягло“ или „тягль“ знаютъ также инвентари конца XVI вѣка. По инвентарю имѣнія Здытла, въ селѣ Покгари Матюкъ Ляутевичъ держитъ „поль тягла, а поль нуста“; въ другихъ селахъ тягло замѣняется „волокой“ (А. В. К., XIV, стр. 213). Крестьяне держатъ земля „на тягли“ и пр. (ibid., стр. 625). Иногда „потягль“ состоитъ изъ одной дани грошевой или медовой (Арх. Сборн., III, № 100).

волоце седять, съ которое службу тягую служатъ“,—платяты цыншъ и дякло ¹⁾). Въ актахъ есть не мало другихъ указаній на такое же общее значеніе тяглой службы.

Изъ актовъ, затѣмъ, видно, что „тяглыи службы“ отправляли, какъ и въ восточной Руси, не только сельскіе жители, но и мѣщане; посему иногда и послѣдніе, подобно людямъ волостнымъ, называются въ актахъ „тяглыми“ ²⁾).

Обозначеніе общимъ названіемъ „тяглыхъ“, какъ самихъ крестьянъ, такъ и ихъ земель, дворовъ, службъ и взносовъ натуральныхъ и денежныхъ, находимъ въ актахъ вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ вообще о „службахъ“ крестьянъ рядомъ съ службами другихъ не тяглыхъ классовъ,— не только привилегированныхъ землевладѣльцевъ—князей и пановъ, но и служилой шляхты—бояръ и слугъ или вообще людей „служебныхъ“. Для примѣра укажу на вырокъ 1515 г. по жалобѣ жившихъ въ Ейшишской волости бояръ Пронковичей и другихъ: въ этомъ вырокѣ „земская“ (собственно ратная) служба бояръ „конемъ въ зброи“ (повинность ходить на войну „конно и зброино“) противопоставляется „тяглой“ службѣ другихъ разрядовъ волостныхъ людей. Въ данномъ случаѣ подъ тяглой службой разумѣется вся совокупность волостныхъ платежей и повинностей—дякла, подводы, работы на господарскомъ дворѣ: съ топоромъ, сохой и косой, дани и другія волостныя повин-

¹⁾ См. А. В. К., XIV, стр. 212.

²⁾ Какъ видно изъ вырока великаго князя Александра, 1494 г., въ составѣ витебскихъ мѣщанъ одни люди отправляли службу тягую—давали подводы и пр.—другіе же подлежали одной путной службѣ „конемъ“ отдѣльно отъ тяглыхъ людей. Въ данномъ случаѣ возникло дѣло на судѣ по жалобѣ мѣщанина Данила Логвиновича, котораго мѣщане самовольно „привернули къ тяглой службѣ“, тогда какъ онъ по дѣду и отцу обязанъ одною путною службой. По господарскому приказу, витебскій намѣстникъ „досмотрѣлъ“ на мѣстѣ дѣло,—„довѣдалъ и оыталъ старыхъ мѣщанъ, дѣйствительно ли дѣдъ и отецъ привлеченнаго къ тяглой службѣ не отправляли ее, а несли одну путную службу. На основаніи утвердительнаго показанія мѣщанъ, господарь присудилъ: Логвиновичу отправлять одну путную службу по-давнему, какъ дѣдъ и отецъ служили (Копія Лит. Метр., VI, стр. 26). Въ 1520 г. волостные люди Эдитовскіе жаловались на мѣстныхъ мѣщанъ (Эдитова), не помогавшихъ имъ въ платежѣ разныхъ замковыхъ взносовъ (главнымъ образомъ, мезлови и дякла—даней живностью, хлѣбомъ и пр.),—„пріискивала ихъ (мѣщанъ) въ *тягую службу* и въ полаты“. Судъ „не казаль намъ посполъ съ ними службы тяглое служити и подачюкъ давати, нижели велѣлъ намъ конемъ служити“ (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 3, стр. 78). О названіи мѣщанъ *тяглыми* см. проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Населеніе, стр. 107. Ср. Опись Мозырскаго замка, 1552,—Арх. Ю.-З. Р., VII, т. I, стр. 95, 627 и пр.

ности и „поплатки“¹⁾). Сопоставленіе тяглою и земскою службою находимъ также въ господарскомъ листѣ 1514 г., данномъ кievскому слугѣ Лаврину Станкевичу на освобожденіе его отца и братьевъ отъ „тяглою службы“, съ предоставленіемъ имъ „службу земскую заступать“, наравнѣ съ другими „поданными нашими — шляхтой“²⁾). По описанію войтовства пана Пенскаго, слуги-шляхта служатъ своему пану „конемъ збройне“ и не подлежатъ податкамъ и службамъ „тяглыми“ другихъ подданныхъ—отчичей³⁾). Тяглая служба крестьянъ и мѣщанъ противопоставляется затѣмъ службѣ „путной“—особому виду специальныхъ повинностей людей „служебныхъ“ (путниковъ—см. ниже), жившихъ въ составѣ мѣщанъ и волостныхъ, крестьянскихъ дворовъ⁴⁾). Такое же общее значеніе придается слову „тяглымъ“ въ актахъ, упоминающихъ объ имѣніяхъ съ людьми тяглыми и служебными или путными. Въ 1503 г. дочь князя Кобринскаго Анна Костевичъ даетъ по завѣщанію мужу своему тысячу копъ грошей, обеспеченныхъ имѣніями Грушевое и Черевачичи „съ людьми служебными и тяглыми“⁵⁾). Изъ другаго акта 1508 г. видно, что къ стану Беадедовскому тянули два поселка—Сельце и Дубровка „съ слугами путными (служать панцыремъ), служебными и людьми тяглыми“⁶⁾). Въ обоихъ случаяхъ люди тяглые, противопоставляющіеся людямъ служебнымъ, означаютъ вообще весь составъ не служилого, тяглаго населенія, безъ различія между отдѣльными имъ или пригонными людьми и данниками, оброчниками и пр.

Сдѣлаемъ сначала общій обзоръ коренныхъ разрядовъ литовско-русскаго крестьянства, въ особенности рассмотримъ мѣстныя и временныя условія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ слуги и тяглые люди въ отдѣльныхъ дворахъ-маетностяхъ господарскихъ, панскихъ и шля-

¹⁾ Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 95.

²⁾ См. *Любавскаго*, Областное дѣленіе, 343. Въ приведенной выше цитатѣ изъ инвентаря Житомирскаго замка говорится, что живущіе въ селѣ Бордиковѣ новыя люди—слуги и есачники, „коли волю высѣдятъ“, должны первые „служить“, а вторые — „тяглы тягвуть“; очевидно, въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о ратной службѣ „конемъ въ зброю“, во второмъ же о службѣ „тяглою“, какою вездѣ отправляли селяне (Арх. Ю.-В. Р., ч. VI, т. I, № 2).

³⁾ Археогр. Сборн., I, стр. 34—35.

⁴⁾ См. *Любавскаго*, 344. См. также упомянутый выше листъ 1494 г. витебскому мѣщанину Логвиновичу (Копія Лит. Метр., VI, 26).

⁵⁾ Лит. Метр., Публичныхъ дѣлъ № 28, стр. 80.

⁶⁾ *Ibid.*, Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 50.

хетскихъ распадались на болѣе или менѣе сложный рядъ специальныхъ классовъ, каждый съ своею „особною“ службой.

Въ основѣ сложной системы разнообразныхъ крестьянскихъ службъ несомнѣнно лежитъ исконная *пошлина*, различно практиковавшаяся въ литовско-русскихъ областяхъ, сообразно съ мѣстными условіями ихъ хозяйственнаго быта. Нельзя также отрицать *внѣшнихъ вліяній* на организацію тягловыхъ отношеній литовско-русскихъ крестьянъ, главнымъ образомъ, со стороны западныхъ сосѣдей, въ особенности со времени первыхъ опытовъ польско-литовской уніи и колонизаціи края, вмѣстѣ съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей и распространениемъ въ Литвѣ-Руси польско-нѣмецкой системы волочной сельскаго хозяйства. На почвѣ мѣстныхъ пошлинъ искони сложившихся въ народномъ быту, при болѣе или менѣе сильномъ воздѣйствіи польско-нѣмецкихъ вліяній, и формулируются основныя начала тягловыхъ отношеній крестьянъ, какъ въ государскихъ уставахъ XVI вѣка по хозяйственному управленію великокняжескими экономіями ¹⁾, такъ и въ инвентаряхъ, съ конца XV вѣка составлявшихся по отдѣльнымъ имѣніямъ государскимъ и шляхетскимъ.

Сдѣлаемъ прежде всего небольшую замѣтку о *польско-нѣмецкихъ вліяніяхъ* на тягловыя отношенія литовско-русскихъ крестьянъ. Какъ извѣстно, вліянія эти сказались на организаціи крестьянскихъ повинностей, главнымъ образомъ, въ русскихъ земляхъ (Галичинѣ, западной Подоліи и пр.), рано присоединенныхъ къ Подышѣ или подвергшихся сильной колонизаціи съ введеніемъ въ нихъ сельскаго нѣмецкаго права. Такъ было въ особенности въ западной Подляхѣ, прилегавшей къ Польшѣ, а въ другихъ областяхъ—въ „мѣщанскихъ“ селахъ, приписанныхъ къ городскимъ магдебургіямъ, государскимъ и владѣльческимъ ²⁾. Указанія на организацію крестьянскихъ повинностей въ Подляхѣ по началамъ польско-нѣмецкаго права нерѣдко находимъ въ мѣстныхъ актахъ. Для примѣра укажу на описаніе государскихъ имѣній—Гонязскаго, Райгородскаго и др. ³⁾, гдѣ, между прочимъ, упоминается о томъ, что съ тяглыхъ людей „цынши и службы идутъ прускимъ обычаемъ“, то-есть, по праву Хелмскому

¹⁾ См. А. З. Р., II, № 149, 159 и 160; III, № 19. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 11 и слѣд. Сюда же относятся „ухвалы“ о похожихъ людяхъ, составленныя на общихъ сеймахъ шляхты Полоцкой и Витебской 1531 и 1555 г. (А. Ю.-З. Р., I, № 94; Памяти. I, отд. 2, стр. 18).

²⁾ См. мой очеркъ—„Сословный типъ“ и пр., стр. 12 и слѣд.

³⁾ См. Археограф. Сборн. I, стр. 31.

(*ius Culmense* города Хлинопольской Пруссіи), дѣйствовавшему въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ Подлякіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, кромѣ общей нивелировки, или правильнѣе—сосредоточенія въ рукахъ помѣщиковъ старыхъ крестьянскихъ службъ, господарскихъ и частно-владѣльческихъ, высшія вліянія едва ли могли въ самой организаціи служебностей что либо существенно измѣнить, ввести новые порядки въ установившейся изстари основной системѣ крестьянскихъ службъ. У западныхъ сосѣдей, напримѣръ, несомнѣнно взята система „чиншевыхъ“ службъ, какъ и порядокъ обложенія крестьянъ повинностями на основаніи земельного кадастра по польско-нѣмецкой системѣ волочнаго хозяйства; могли быть также заимствованы нѣкоторыя спеціальныя службы, не имѣвшія, однако, никакого существенно важнаго значенія въ системѣ сельскаго хозяйства (такова, напримѣръ, служба платнерская, „збройна“ или оружейная).

Но ни чиншевыя полатки, ни волочное хозяйство, ни спеціальныя службы по польско-нѣмецкимъ образцамъ, по мѣстнымъ условіямъ, не могли имѣть общераспространенной практики не только въ шляхетскихъ, но и въ господарскихъ имѣніяхъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ (напримѣръ, въ Пяискомъ Полѣсьи, Жмуди и проч.) волочный кадастръ никогда не примѣнялся на всей территоріи областей, именно въ силу особыхъ мѣстныхъ условій, при какихъ жили нерѣдко обширныя волости (напримѣръ, вся Зарѣченская половина Пяискаго староства), гдѣ болотистая и песчаная почва не допускала сплошнаго распредѣленія земель между крестьянами по равномѣрнымъ волокамъ. По замѣчанію изслѣдователей, если собственно Литва не могла долго противостоять польско-нѣмецкимъ вліяніямъ, то „Русь настойчивѣе сохраняла свой исконный способъ хозяйства и его послѣдствія, и чѣмъ далѣе на востокъ, къ Украинѣ, тѣмъ упорнѣе; наконецъ древняя община до конца отстояла свое существованіе въ казацкихъ степяхъ“¹⁾.

Дѣло въ томъ, что и въ старой Польшѣ, какъ позже и въ отдѣльныхъ областяхъ Литвы-Руси, введеніе нѣмецкаго сельскаго права могло вліять кореннымъ образомъ лишь на технику сельско-хозяйственной культуры, также на поземельныя и сословно-правовыя отношенія сельскихъ общинъ, но едва ли могло въ корнѣ измѣнить исконныя мѣстныя системы разныхъ служебностей тяглыхъ людей. Служебности эти слагались постепенно. путемъ многовѣковой практики

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1868, ч. 138, стр. 544.

мѣстныхъ пошлинъ, сообразно съ разнохарактерными условіями культуры въ отдѣльныхъ областяхъ государства. Старыя общины и цѣлыя земли, какъ и само государство, не могли оставлять на положеніи *tabula rasa* такую жизненную функцію въ своемъ быту, какъ система общественныхъ служебностей: безъ прочной организаціи послѣднихъ по мѣстнымъ условіямъ, не могли бы существовать ни сами общины, ни государство. По типамъ такой же организаціи и на той же неизмѣнной почвѣ мѣстныхъ условій и пошлинъ устанавливалась постепенно и система вотчинныхъ служебностей сельскаго населенія въ мѣстностяхъ частно-владѣльческихъ. Эта-то старая пошлина, въ дѣлѣ организаціи крестьянскихъ службъ, могла прочно держаться своихъ исконныхъ, коренныхъ устоевъ и въ пору развитія въ Литвѣ-Руси польско-нѣмецкихъ вліяній. Послѣднія могли, въ большей или меньшей степени, отразиться на мелкихъ техническихъ функціяхъ тѣхъ или иныхъ служебностей; общая же ихъ организація несомнѣнно продолжала по-старому держаться мѣстныхъ пошлинъ и потому въ пору внѣшнихъ вліяній едва ли могла потерпѣть какія либо существенныя измѣненія.

Польско-нѣмецкія вліянія сказываются не столько на детальной сторонѣ дѣла, сколько на общей его постановкѣ, именно по весьма существенному вопросу о томъ, *для кого и для чего* „служать“ тяглые люди, жившіе въ владѣльческихъ имѣніяхъ. Старая тягловая практика Литвы-Руси ставила въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ *jus discale* господаря. Подъ прямымъ воздѣйствіемъ польско-нѣмецкимъ это-то право переходитъ полностью къ землевладѣльцамъ, въ „моцы“ которыхъ, такимъ образомъ, сосредоточивается вся сумма крестьянскихъ повинностей, безъ стараго различія между службами господарскими и владѣльческими.

До начала XV вѣка когда стало явственно обнаруживаться воздѣйствіе польско-нѣмецкихъ вліяній на бытъ литовско-русскихъ сословій; крестьяне, жившіе въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, отправляли тягло двоякаго рода: *господарское*, основанное на *jus discale* литовскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, — и тягло *помѣщичье*, вытекавшее изъ вотчинныхъ правъ землевладѣльца на службу крестьянъ съ ихъ земель и разныхъ угодій ¹⁾. Такая двойственность крестьян-

¹⁾ О крестьянскихъ повинностяхъ въ пользу господаря и помѣщика см. мое изслѣдованіе „Крестьяне юго-западной Россіи по Литовскому праву въ XV и XVI вѣкахъ“ (*Киевскія Университетскія Извѣстія*, 1863, № 11).

скаго тягла держалась въ Литвѣ-Руси до уравненія вотчинныхъ и другихъ правъ литовско-русскихъ землевладѣльцевъ съ правами польской поземельной шляхты. Земскій привилей Владислава-Ягеллы 1387 года освобождаетъ литовскихъ бояръ, принявшихъ католичество, отъ господарскаго тягла (*laboges*), кромѣ исправленія замковъ и ратной службы (*expeditiones, pogonia*)¹⁾; другимъ привилеемъ того же года имѣнія католическаго духовенства въ Литвѣ освобождаются отъ всякихъ господарскихъ платежей и повинностей (*angaria et re-gangaria*): подводы, сторожи, путей, станцій, выправъ (военныхъ), податка, сербщизны и проч., какъ и отъ подчиненія суду и наряду господарскихъ врядниковъ²⁾. Такое же *jus ducale* на данн и повинности крестьянъ предоставляется въ 1432 г. землевладѣльцамъ Луцкой земли³⁾. Съ земскаго привилея великаго князя Сигизмунда Кейстутовича (1434 г. мая 6-го)⁴⁾ население шляхетскихъ имѣній въ Литвѣ освобождается отъ всѣхъ господарскихъ податей и повинностей (кромѣ постройки замковъ и ратныхъ „путей“, — военной службы); съ этихъ норъ *jus ducale* литовскихъ господарей на подати и повинности владѣльческихъ подданныхъ въ Литвѣ переходитъ къ ихъ панамъ-землевладѣльцамъ⁵⁾. То же самое *jus ducale* по земскимъ при-

¹⁾ Zbiór pr. Lit., стр. 1.

²⁾ *Skarbiec*, № 540; Zbiór pr. Lit., 48.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. I, № 1; ср. *Skarbiec*, № 1429 и 1646.

⁴⁾ „Caeterum omnes et singuli cmetrones et subditi dictorum praelatorum, ducum, baronum et nobilium terrarum nostrarum Lithuaniae ab omni datione et solutione mensurarum, quae diakla nuncupantur, quos ab antecessoribus nostris dare consueverunt et astricti fuerint simul omnia soluti, liberi et ab eisdem exempti; nihilominus tamen in praedictis ducibus baronibus, nobilibus, et subditis eorundem castrorum aedificationes et reformationes et vias expeditionales in ipsorum propriis expensis, ad quas ab antiquo tenebantur, sine quibus etiam terrae nostrae bene stare non possunt, pro nobis et nostris successoribus reservamus, aliis laboribus curiarum nostrarum a saepe dictorum ducum et boiarorum hominibus omnino exclusis“ (Кон. Лит. Метр., № XLII, стр. 18; другой списокъ—Лит. Метр. Записей № 25, стр. 10; третій — рукою. Имп. Публичн. Библиотеки, Лит. Ф. II № 149, л. 2). Тѣ же положенія воспроизводятся во всѣхъ послѣдующихъ земскихъ привилеяхъ (см. мой очеркъ „Источники русско-литовскаго права“, 31).

⁵⁾ Въ привилей Сигизмунда 1434 г. воспроизводится собственно положеніе Кошицкаго Статута 1374 г. о предоставленія польской шляхтѣ господарскаго *jus ducale* на подати и повинности владѣльческихъ крестьянъ. По этому Статуту послѣдніе освобождены „ab omnibus et singulis collectis donationibus sive tributis, tam generalibus, quam specialibus, quocunque nomine conseantur, et ab omnibus servitiis, laboribus, vexactionibus, angariis, praeangariis, in rebus et per-

вилеямъ 1457 г. и послѣдующихъ годовъ признается за всею поземельною шляхтой литовскою, жмудскою и русскою, безъ прежнихъ вѣроисповѣдныхъ различій: владѣльческіе подданные освобождаются отъ всякихъ господарскихъ повинностей и платежей, кромѣ повинностей, стоявшихъ въ связи съ земскою обороной — городской и мостовой повинности и проч. ¹⁾.

Нужно впрочемъ замѣтить, что до начала XVI вѣка владѣльческіе крестьяне мѣстами вносили еще по старому порядку въ господарскій „скарбъ“ подымщину, воловщину и нѣкоторые другіе податки и отправляли господарскія службы. Обстоятельство это изслѣдователи объясняютъ тѣмъ, что „западная Русь слишкомъ мало еще была тогда подготовлена къ усвоенію польскихъ порядковъ, — привилегіи Ягелла не вошли въ жизнь и мало-по-малу пришли въ забвеніе“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже случай указать на то, что земскіе привилегіи ни Ягеллы, ни послѣдующихъ господарей литовскихъ, *никогда* не забывались литовско-русскою шляхтой: она ревниво оберегала всѣ свои *libertates et jura*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и добытое ею *jus ducale* на повинности подвластныхъ ей „подданныхъ“ ³⁾.

Намъ думается, что вопросъ объ упомянутыхъ выше господарскихъ подымщинахъ и службахъ разрѣшается гораздо проще и правдоподобнѣе, разъ сопоставимъ ихъ съ поплатами и повинностями, отправлявшимися въ старое время владѣльческими крестьянами въ пользу мѣстныхъ господарей — удѣльныхъ князей. Дѣло въ томъ, что путемъ земскихъ привилегій литовско-русская шляхта могла получать по крестьянскимъ повинностямъ лишь такія *jura regalia*, какія принадлежали лично великимъ князьямъ литовскимъ: послѣдніе не могли уступать правъ удѣльныхъ князей, вовсе не принадлежавшихъ великимъ князьямъ. Земскіе привилегіи, поэтому, вовсе не касаются вопроса о передачѣ шляхтѣ регальныхъ правъ мѣстныхъ удѣльныхъ князей; до и послѣ изданія земскихъ привилегій удѣльные князья пользовались по старой земской пошлинѣ поплатами и повинностями тяглаго на-

sonis commitendis, pure et simpliciter solutos et absolute esse volumus, ac exemptos“ (Vol. leg. I, стр. 56. Ср. также *Bandikie, Jus Polonicum*, стр. 156. *Горемыкинъ*, Очеркъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ, стр. 59 и слѣд.).

¹⁾ Zbiór pr. Lit., стр. 28; А. З. Р., I, № 61.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, предисловіе (статья Новицкаго о крестьянахъ), стр. 26.

³⁾ См. мои „Источники русско-литовскаго права“, стр. 33—35.

селенія въ своихъ владѣніяхъ, безъ различія между крестьянами, жившими на княжескихъ и частно-владѣльческихъ земляхъ ¹⁾). Регальныя права мѣстныхъ князей держались вплоть до паденія удѣльной независимости ихъ владѣній, напримѣръ, бывшихъ князей Волинскихъ и Подольскихъ (собственно въ Браславщинѣ—литовской части Подолія) до 1451 года, Кіевскихъ до 1470 г. и проч. ²⁾). Съ закрытіемъ княжескихъ столовъ весь *dominium* мѣстныхъ князей, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ имъ *jus disale* на повинности тяглаго населенія, переходитъ къ великимъ князьямъ—господарямъ литовскимъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, въ качествѣ преемниковъ бывшихъ удѣльныхъ князей, и въ пору земскихъ привилеевъ продолжали въ нѣкоторыхъ областяхъ пользоваться повинностями мѣстнаго тяглаго населенія.

Таково, какъ намъ кажется, происхожденіе разныхъ господарскихъ платежей—серебщинъ, подымщинъ, воловщинъ, сторожовщинъ и пр., до начала XVI вѣка бравшихся въ нѣкоторыхъ областяхъ съ владѣльческихъ крестьянъ. Это были, нужно полагать, исключительно мѣстные сборы, поступавшіе въ господарскій „скарбъ“ въ видѣ наслѣдія отъ стараго удѣльнаго строя литовско-русскихъ областей; по своему мѣстному происхожденію, сборы эти не подлежали общимъ началамъ, формулированнымъ въ земскихъ привилеехъ касательно повинностей владѣльческихъ крестьянъ. Отмѣна господарскихъ сборовъ и службъ, лежавшихъ мѣстами на владѣльческихъ крестьянахъ съ удѣльной эпохи, вмѣстѣ съ передачей ихъ въ распоряженіе пановъ-землевладѣльцевъ, была дѣломъ областныхъ (шляхетскихъ) привилеевъ конца XV и начала XVI вѣковъ ³⁾). Въ статутное время весь

¹⁾ Регальными правами на повинности всего тяглаго населенія пользовались въ XV вѣкѣ удѣльные князья, сговорившіе по главѣ не только цѣлыя земли (напримѣръ, князья Волинскіе, Кіевскіе и пр.) но и небольшихъ удѣловъ, каковы князья Кобринскіе, Пинскіе, Мстиславскіе и пр. (См. Ревизія пущъ, стр. 255, 282, 285; А. З. Р., II, № 155, 162 и пр., Ср. мои „Очерки Ист. лит.-русс. права“, стр. 116, 118, 127, 129 и пр.).

²⁾ См. мои „Очерки ист. лит.-русс. права“, стр. 186, 241—242, 392. Въ нѣкоторыхъ областяхъ регальными правами пользовались мѣстные князья еще въ началѣ XVI вѣка, напримѣръ, князья Гольшанскіе и Мстиславскіе (см. *ibid.*, 46, 116—118). Королева Бона владѣла на удѣльномъ положеніи княжествами Кобринскимъ, Пинскимъ и пр. до 1556 года. (См. *ibid.*, 82); князья Острожскіе не теряли старыхъ регальныхъ правъ до полнаго прекращенія рода этихъ князей (*ibid.*, 294).

³⁾ Таковы мѣстные привилеи: 1) *Жмудскій* 1492 г.—отъ стараго времени осталась куничная дань, ратная служба, ремонтъ старыхъ („Витовтовыхъ“) дворовъ (А.

составъ тяглаго населенія шляхетскихъ дворовъ-маетностей былъ уже совершенно свободенъ отъ всякаго государственнаго тягла; вся совокупность крестьянскихъ службъ и платежей перешла въ полное и безконтрольное распоряженіе самихъ землевладѣльцевъ.

Замѣтимъ наконецъ, что шляхетская экспроприація правъ государственнаго „скарба“ (фиска) на подати и повинности крестьянъ вскорѣ, какъ мы знаемъ, повлекла за собой экспроприацію и другихъ функций государственной власти. Въ этомъ направленіи дѣлають рѣшительные шаги земскіе привилеи 1457 и 1492 г.: первый усваиваетъ шляхтѣ полный вотчинный судъ и нарядъ,—второй санкционируетъ полноправное участіе литовско-русскихъ магнатовъ (пановъ рады) во всѣхъ функцияхъ господарской власти ¹⁾. На основаніи земскаго привилея 1492 г., подати и другіе доходы государства собираются, хранятся „казною“ (въ господарскомъ скарбѣ) и расходуются не иначе, какъ съ согласія и подъ контролемъ пановъ-рады, — самъ господарь вообще не распоряжается никакими государственными доходами и расходами. Съ Люблинской уніи всякаго рода „królewsczyzny“, то-есть, не только подати и разные налоги, бывшіе въ распоряженіи господарскаго „скарба“, но и всѣ дворы-маетности, приписанныя къ господарскимъ столовымъ имѣніямъ, къ замкамъ и староствамъ-державствамъ, входятъ въ общую массу шляхетскихъ маетностей; ими безконтрольно, на своихъ сеймахъ повѣтовыхъ и вальныхъ, распоряжается державная шляхта и никто больше ²⁾. Наконецъ, съ организаціей въ XVI вѣкѣ шляхетскихъ сеймовъ къ поземельной шляхтѣ переходитъ *jus disale* и въ сферѣ законодательной ³⁾. Съ этихъ же поръ всякій землевладѣлецъ, обладавшій на обще-шляхетскомъ, земскомъ правѣ хотя бы самую незначительную маетностью-дворомъ, ста-

3. Р., I, № 108); изъ позднѣйшаго Жмудскаго привилея 1574 г. видно, что въ это время куничная дань, замѣненная чиншемъ, бралась только съ господарскихъ, а не владѣльческихъ крестьянъ (А. З. Р., III, № 59); 2) *Полоцкій* — 1511 г. (*ibid.*, II, № 70); 3) *Витбскій*—1503 г. (*ibid.*, I, № 204); 4) *Смоленскій*—1505 г. (*ibid.*, I, № 213); 5) *Кіевскій* — 1507 г. (*ibid.*, II, № 30), — подымщина существовала до изданія привилея 1529 г. (*ibid.*, II, № 164); 6) *Волинскій*—1501 г. (А. Ю. З. Р., I, № 36), — воловщина держалась до изданія привилея 1509 (*ibid.*, II, № 51) и 7) *Браславскій*—1507 г. (А. З. Р., II, стр. 28). — Объ областныхъ привилеяхъ литовско-русскаго государства см. мой „Источники русско-литовскаго права“, стр. 35—69.

¹⁾ Zbiór pr. Lit., стр. 28 и 58, А. З. Р.; I, № 61.

²⁾ См. „Собраніе сочиненій“ проф. В. Незабитовскаго, стр. 314—315.

³⁾ См. мой очеркъ „Сословный типъ“ и пр., стр. 20—21, 27.

новится de jure полновластнымъ „господаремъ“ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, бывшее подданство тяглыхъ сельчанъ литовскому господарю, выражавшееся въ лежавшемъ на нихъ господарскомъ тяглѣ и въ подчиненіи ихъ общему земскому суду и наряду, смѣняется безраздѣльнымъ подданствомъ крестьянъ ихъ непосредственному и единственному „господарю“—помѣщику, сосредоточившему въ своихъ рукахъ всю полноту функций и правомочій не одной помѣщицкѣй, но и государственной власти въ техническомъ смыслѣ этого слова.

Составъ крестьянскихъ разрядовъ, понятно, не вездѣ могъ быть одинаковъ. Въ дѣлѣ крестьянскихъ повинностей и обоснованной на нихъ группировкѣ крестьянъ въ отдѣльные разряды все зависѣло отъ большихъ или меньшихъ размѣровъ и почвенныхъ условій земельныхъ участковъ и характера разныхъ угодій, бывшихъ въ эксплуатаціи самаго двора и тянувшихъ къ нему подданныхъ, также отъ численнаго состава послѣднихъ, какъ и отъ стоявшей съ этимъ въ связи, болѣе или менѣе сложной системы хозяйственныхъ операций въ имѣніяхъ. Система службъ и классовъ крестьянскихъ опредѣлялась отчасти также характеромъ панскаго землевладѣнія и наконецъ территоріальнымъ положеніемъ имѣній—во внутреннихъ или окраинныхъ областяхъ государства.

Наличность въ панскихъ дворахъ-мастностяхъ возможно полнаго состава специальныхъ разрядовъ крестьянъ могла имѣть мѣсто лишь въ большихъ экономіяхъ, съ значительнымъ личнымъ составомъ служилого и тяглаго населенія, съ обширною дворною запашкой и разнообразными угодьями лѣсными и рѣчными. Въ такихъ условіяхъ могли находиться лишь главныя экономіи литовскаго господаря, бывшихъ удѣльныхъ князей и крупныхъ пановъ-землевладѣльцевъ. Въ инвентаряхъ такихъ экономій и въ другихъ актахъ встрѣчаются указанія на всѣ спеціальныя классы, на какіе обыкновенно дробилось крестьянство въ литовскомъ государствѣ ¹⁾.

¹⁾ Перечень большихъ экономій, въ которыхъ сосредоточивалось главное господарское хозяйство, излагается въ инструкціи ревизорамъ, 1569 г. Господарскія имѣнія показаны въ собственной Литвѣ, Жмудѣ, Подляхіи, Черной Руси, затѣмъ въ земляхъ Витебской, Минской и Могилевской (См. Археогр. Сборн., III, Предисл., стр. IX). Большинство сохранившихся до нашего времени инвентарей господарскихъ имѣній помѣщено въ „Актахъ Виленской Археографической Комиссіи (особенно много въ XIV т.), въ „Археогр. Сборн.“ (напримѣръ, I, стр. 31), *Zródła dziejow*, V и VI, также въ отдѣльныхъ изданіяхъ инвентарей нѣкоторыхъ

Въ инвентаряхъ имѣній средней величины обыкновенно намѣчаются лишь главные классы людей служебныхъ и тяглыхъ. Въ такихъ имѣніяхъ, кромѣ бояръ или слугъ и различныхъ ремесленныхъ людей, главный контингентъ крестьянъ складывается изъ людей тяглыхъ въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, крестьянъ, отправлявшихъ отдѣльныя работы на панскомъ дворѣ и дворной пашнѣ. Подобный составъ сельчанъ находимъ въ цѣломъ рядѣ шляхетскихъ имѣній, на примѣръ, Титовянахъ въ Жмуди и Виленскомъ повѣтѣ ¹⁾, Тѣлесницѣ въ Подляхія ²⁾, въ нѣкоторыхъ частныхъ имѣніяхъ Слонимскаго повѣта ³⁾ и пр., также въ господарскихъ экономіяхъ, приписанныхъ, на примѣръ, къ замкамъ Луцкому ⁴⁾, Чернобыльскому и Овручскому ⁵⁾. Главною,

старость — Кобринскаго, Пинскаго и др. (см. перечень инвентарей въ моихъ „Очеркахъ исторіи литовско-русскаго права“, стр. 15). Инвентари крупныхъ имѣній литовскихъ пановъ и бывшихъ удѣльныхъ князей—Острожскихъ (имѣніа Здатла въ Городенскомъ повѣтѣ), Сангушекъ, Саудкихъ и др.—См. А. В. К., XIV, стр. 77, 199, 208, 227, 351 и др.; Арх. Сборн., I, стр. 32, 146, 205, 221, 239; Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, 244; Памятники Кіевской комиссіи, т. III и др.

¹⁾ А. В. К., XIV, стр. 6. Имѣніе Титовяне, принадлежавшее пану Габбовичу, по инвентарю 1555 г. состояло изъ 3-хъ частей. Главное имѣніе Титовяне находилось въ Жмуди и состояло изъ 60-ти службъ (112 дымовъ) людей тяглыхъ, обработывавшихъ дворную пашню, 4-хъ службъ (7 дымовъ) бояръ путныхъ и 3-хъ бояръ шляхтичей, имѣвшихъ своихъ тяглыхъ людей. Второе имѣніе Ятвезкъ, въ Лидскомъ повѣтѣ, состояло изъ 16 службъ (22 дыма) людей тяглыхъ и 9 службъ (11 дымовъ) бояръ путныхъ. Третье имѣніе Сольшники великіе и малые, въ Виленскомъ повѣтѣ, состояло изъ 26 службъ (40 дымовъ) тяглыхъ людей, одного путного боярина и двухъ бояръ—шляхты (тоже съ своими тяглыми людьми). Въ этомъ имѣніи находились на особомъ положеніи два села—Гнѣздиловичи и Войборовичи, состоявшія исключительно изъ однихъ данниковъ. По второму инвентарю, 1581 г. (№ 22), крестьяне имѣнія Титовяне тоже относятся къ разряду крестьянъ отдѣльныхъ.

²⁾ Ibid., стр. 187. Имѣніе это состояло изъ панскаго двора—фольварка и одного села изъ 22 семей отдѣльныхъ крестьянъ, жившихъ на отдѣльныхъ волокахъ; упоминаются, кромѣ того, одинъ огородинъ и одинъ мельникъ.

³⁾ Археографическій Сборникъ, III, № 110.

⁴⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 177 и слѣд. По инвентарю 1552 г. къ Луцкому замку тянуло два пашенныхъ двора—фольварка съ 7-ю селами людей тяглыхъ и огородинковъ; тѣ и другіе „пашутъ“ дворную землю; упоминается въ селахъ одинъ „служебный“. Цѣлый рядъ волостей и отдѣльныхъ селъ Луцкаго замка былъ въ разное время розданъ въ „держанье“ мѣстной шляхтѣ, подъ условіемъ „службы“; въ такихъ селахъ жили тоже только люди тяглые.

⁵⁾ Ibid., ч. VII, т. I, стр. 587. По инвентарю 1552 г. къ замку Чернобыльскому (на Принети, недалеко отъ Дибиря, въ Кіевской землѣ, къ востоку отъ Овруча) тянутъ села господарскіе, землянскіе и монастырскіе (Печерскаго мона-

а иногда и единственную, сельско-хозяйственную статью, по мѣстнымъ условіямъ, является въ указанныхъ имѣніяхъ обработка дворной пашни; почему и всѣ повинности сельскаго населенія приурочиваются, главнымъ образомъ, къ отдѣльнымъ работамъ на панскомъ дворѣ и дворной пашнѣ.

Есть, затѣмъ, цѣлые ряды инвентарей и другихъ актовъ, изъ которыхъ видно, что въ Литвѣ-Руси, особенно въ сѣверной половинѣ государства, было не мало имѣній, иногда съ довольно значительнымъ составомъ волостей и отдѣльныхъ сель, вовсе не знавшихъ отдѣльныхъ работъ. Таковы волости и села, состоявшія, напримѣръ, изъ однихъ данниковъ или однихъ дякольниковъ, также изъ людей „урочныхъ“, или „осадныхъ“, бывшихъ на оброкѣ или чиншѣ. Такимъ образомъ, господарскія волости Поднѣпровскія и Задвинскія, какъ видно изъ актовъ, чуть ли не въ полномъ своемъ составѣ состояли изъ однихъ данниковъ ¹⁾. Такой же составъ имѣли волости, тянувшія къ Мозырскому замку: по инвентарю 1552 г. Мозырскія волости состояли изъ 42 сель господарскихъ и 28 сель мѣстныхъ князей, пановъ, боярѣ и монастырей (кіевскихъ), — села слагаются, кромѣ боярѣ и слугъ, исключительно изъ данниковъ ²⁾. Въ Полоцкой землѣ такой же составъ имѣла вся волость Борисовская ³⁾, въ Волковскомъ повѣтѣ—волость Бобровская ⁴⁾ и пр. Точно также въ Жмуди нерѣдко встрѣчались панскія имѣнія, — напримѣръ, имѣніе пановъ Стабровскихъ ⁵⁾, также имѣнія Кретинга ⁶⁾, Поневѣль ⁷⁾ и др., населенныя одними данниками. Есть, затѣмъ, инвентари частныхъ имѣній, населенныхъ слугами и дякольниками (людьми дякольными); таковы, напримѣръ, имѣнія: Любовицкое ⁸⁾, Свѣтчиковское (въ Под-

стыря въ Кіевѣ) съ жившими въ нихъ землянами, боярами, слугами и есачниками (людьми тяглыми, см. ниже). Ibid., стр. 288; ч. VII, т. II, стр. 413. По инвентарю 1616 г. къ Овручскому замку тянула только одна „весь“ изъ 17-ти „росидгъш“ людей; въ люстраціи Овручскаго старства 1629 г. перечисляются 13 сель боярскихъ и 7 сель тяглыхъ (издѣльныхъ); упоминаются, кромѣ того, загородники, слободники, рудники (жельзняки) и пушкари.

¹⁾ А. З. Р., II, № 75. Ср. *Любавская* „Областное дѣленіе“, стр. 342.

²⁾ См. Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 611.

³⁾ А. Ю. З. Р., I, № 73.

⁴⁾ А. В. К., XIV, стр. 173.

⁵⁾ Ibid., стр. 460.

⁶⁾ Ibid., 101 и 600.

⁷⁾ Ibid., 78.

⁸⁾ Ibid., XIII, стр. 378.

ляхін) ¹⁾, Русоты (въ Городенскомъ повѣтѣ) ²⁾. По инвентарю 1560 г., вся Дубровенская волость (изъ 20-ти селъ) въ Смоленской землѣ слагалась изъ слугъ и крестьянъ, состоявшихъ на грошевой дани ³⁾ или чиншѣ; на чиншѣ же числились огуломъ иногда и частныя имѣнія, напримѣръ, имѣніе Могилнское въ Минскомъ повѣтѣ ⁴⁾ или имѣніе Костенева въ Слонимскомъ повѣтѣ ⁵⁾.

Иногда въ имѣніяхъ часть селъ состоитъ изъ крестьянъ, состоявшихъ на издѣльной работѣ, а другая—изъ однихъ данниковъ или людей осадныхъ, состоявшихъ на чиншѣ. Такъ, въ имѣніи Сольшпикахъ пана Глѣбовича, въ Вилонскомъ повѣтѣ, населеніе двухъ селъ: Гнѣздиловичи и Войборовичи, владѣло бортными угодіями въ пущахъ и лѣсахъ своихъ селъ и потому въ полномъ своемъ составѣ было на особомъ положеніи „данниковъ“, а не издѣльныхъ крестьянъ, какъ въ другихъ селахъ того же имѣнія ⁶⁾. Такимъ же образомъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, тянувшихъ къ Житомирскому замку, села иногда состоятъ изъ однихъ слугъ и данниковъ ⁷⁾. Въ Гомельскомъ староствѣ точно также были села издѣльные и рядомъ съ ними села, состоявшія изъ людей осадныхъ ⁸⁾. Подобный же составъ имѣютъ по инвентарю 1580 г. села въ имѣніи Здятля въ Городенскомъ повѣтѣ, принадлежавшемъ князьямъ Острожскимъ ⁹⁾, также въ частномъ имѣніи Дубяне въ Жмуди ¹⁰⁾. Въ источникахъ есть также указанія на села, отправлявшія въ цѣломъ своемъ составѣ извѣстныя „особныя“ службы и потому называвшіяся, напримѣръ, лейтскими, конюшескими и пр. ¹¹⁾. Въ волостяхъ порубежныхъ земель (Смоленской, Сѣверской, Кіевской и пр.) существовали цѣлыя села „служебныя“, безъ всякаго тяглаго населенія. Такъ, по инвентарю 1492 г., въ Катанской волости (Смоленской земли) упоминается особое „панцырное“ село Давыдково съ тянувшими къ нему шестью сельцами, состоявшими ис-

¹⁾ Ibid., XIV, стр. 95.

²⁾ Ibid., № 3.

³⁾ Археографическій Сборникъ, III, № 109.

⁴⁾ А. К. Р., X, IV, стр. 412.

⁵⁾ Ibid., стр. 192.

⁶⁾ См. А. В. К., XIV, стр. 10—11.

⁷⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, стр. 148.

⁸⁾ А. В. К., XVII, стр. 343.

⁹⁾ Ibid., XIV, стр. 210.

¹⁰⁾ Ibid., стр. 502.

¹¹⁾ См. Любачская „Областное дѣленіе“, 326.

ключительно изъ панцирныхъ слугъ ¹⁾). Люстрація Кіевской земли, 1471 г., перечисляетъ цѣлый родъ замковыхъ сель, состоявшихъ изъ однихъ слугъ ²⁾). Въ описи Кіевского замка, 1552 г., упоминаются села „польныя“, отправлявшія службу сторожевую (ради „доведенія вѣстей“ о татарскихъ набѣгахъ,—(см. ниже) ³⁾). Въ Черкасскомъ староствѣ, по люстраціи 1616 г., существовали пограничныя села (Струково), состоявшія на одной боярской службѣ ⁴⁾). Подобнымъ же образомъ въ одномъ изъ восточныхъ порубежій—староствѣ Гомельскомъ, по инвентарю 1640 г., цѣлыя села состоятъ иногда изъ осадныхъ бояръ ⁵⁾).

Указанныя тягловыя особенности въ положеніи крестьянъ, жившихъ въ имѣніяхъ господарскихъ и шляхетскихъ, объясняются разнотипными мѣстными условіями сельско-хозяйственной культуры въ различныхъ областяхъ литовско-русскаго государства. Гдѣ весь составъ угодій, находящихся въ распоряженіи панскихъ дворовъ и крестьянъ, слагается изъ одной пашни, тамъ и всѣ службы крестьянъ, понятно, будутъ носить издѣльный, „пашенный“ характеръ; въ такихъ имѣніяхъ весь составъ тяглаго населенія будетъ слагаться изъ людей „работныхъ“, или „пригонныхъ“, отправляющихъ свою службу на пашномъ дворѣ-фольваркѣ и на дворной пашнѣ съ плугомъ, серпомъ, косой, топоромъ. Иной характеръ и составъ получаютъ крестьянскія службы въ имѣніяхъ съ мало или вовсе не развитою фольварочною запашкой, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ (какъ было, напримеръ, въ Литовскомъ Погѣсьи, Жмуди и пр.) рольничество можетъ вестись лишь по мелкимъ, разбросаннымъ „островамъ“, среди сплошныхъ лѣсовъ или рѣчныхъ низинъ, болотъ, песчаниковъ и т. п. Въ такихъ имѣніяхъ рольничество, понятно, не можетъ имѣть характера главной сельско-хозяйственной статьи. Въмѣсто него устанавливается эксплуатація другихъ мѣстныхъ угодій—лѣсныхъ или рѣчныхъ, съ широкимъ развитіемъ бортничества, лововъ звѣриныхъ и рыбныхъ и тому подобныхъ крестьянскихъ промысловъ; здѣсь на первый планъ выступаютъ службы бортниковъ, куничниковъ, бобровниковъ и другихъ данниковъ. Наконецъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ

¹⁾ Археографическій Сборникъ, III, № 2.

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, стр. 1.

³⁾ Ibid., т. I, стр. 121.

⁴⁾ Ibid., стр. 284.

⁵⁾ А. В. К., XIII, стр. 343.

затраты на рольничество и на эксплуатацію другихъ угодій лѣсныхъ и водныхъ не вознаграждаются достаточнымъ „прибыткомъ“, и потому ни рольничество, ни лѣсные промыслы не могутъ, сами по себѣ, служить ресурсами, обеспечивающими содержаніе дворнаго хозяйства и самихъ владѣльцевъ, тамъ издѣльное и даничье (натурою) хозяйство замѣняется хозяйствомъ оброчнымъ; весь составъ крестьянъ или же только частію переводится на „осаду“, или денежный „чиншъ“.

На особомъ положеніи стоялъ вопросъ объ организаціи службъ и разрядовъ крестьянскихъ въ окраинныхъ областяхъ, гдѣ въ видахъ земской охраны всегда требовалась наличность ратной службы и отправлявшихъ ее людей „служебныхъ“. Здѣсь существовали, какъ замѣчено выше, цѣлыя села съ исключительно „служебнымъ“, не тяглымъ населеніемъ. Преобладаніе служилыхъ классовъ въ особенности характеризуетъ составъ городского и сельскаго населенія въ южно-русскихъ земляхъ—литовскихъ порубежьяхъ, выносившихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ всю тяготу татарскаго „разоренія“ и „пополоха“. При окраинномъ положеніи этихъ земель, не только въ XV и XVI вѣкахъ, но и частію въ XVII вѣкѣ, пока не прекратились татарскіе набѣги на южную Русь, фольварочное хозяйство въ господарскихъ и шляхетскихъ мѣстностяхъ далеко не могло достигать такого развитія, какъ во внутреннихъ областяхъ государства. Панскіе дворы на югѣ, въ большинствѣ имѣли значеніе не столько „пашенныхъ“ дворовъ, или сельскихъ фольварковъ, сколько дворовъ городскихъ, „осадныхъ“, служившихъ убѣжищемъ для населенія на случай „пополоха“ татарскаго ¹⁾. Оттого здѣсь составъ повинностей и самихъ разрядовъ крестьянъ вообще не отличался такою сложностью, какъ въ центральныхъ мѣстностяхъ государства. Постоянные набѣги (по выраженію мѣстныхъ актовъ „пополохъ“ и „разореніе“) татарскихъ хищниковъ нужно считать основною причиною, задерживавшею почти до XVIII вѣка въ южно-русскихъ окраинахъ, при всемъ ихъ плодородіи и богатствѣ культурныхъ условій ²⁾, прочное развитіе колонизаціи и ши-

¹⁾ См. мой очеркъ „Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“, стр. 13.

²⁾ По словамъ *Длугоша* (*Hist. Polon. lib. X, p. 150, —rok 1396*), Подолия, на примѣръ, въ глазахъ польскихъ пановъ XV вѣка была чуть не земнымъ раемъ, благодатною страной, „изобилующею медомъ, млекою и скотомъ“ (*terrum nobilem, melle, lacte et pecore refertam*). *Стрыйковский* (*Gwagnin, „Sarmacya Europeyska“*) въ яркяхъ краскахъ рисуетъ плодородіе западной Подолии и Брацлавщины. „Страна эта чрезвычайно плодородна и изобильна всякими произрастеніями; па-

рокой сельско-хозяйственной культуры. Въ люстраціяхъ кievскихъ староствъ второй половины XVI и первой XVII вѣковъ почти вовсе не упоминаются сельскіе фольварки при мѣстныхъ замкахъ. По описанію Кіевскаго замка 1552 г. лишь одна волость Могилевская имѣетъ два монастырскихъ дворца, но безъ тяглыхъ людей, — дворняги работы исполняютъ огородники, жившіе подъ дворцами. Въ селахъ замковыхъ—всего 15-ть тяглыхъ людей; остальные—слуги и данники ¹⁾. Точно также люстрація кievскихъ староствъ 1616 г. знаетъ небольшой фольваркъ лишь подъ однимъ Кіевомъ; въ большинствѣ староствъ—Вълоцерковскомъ, Любечскомъ и особенно въ волости Лойогорской и староствахъ Остерскомъ, Каневскомъ и Переяславскомъ имѣтъ ни дворнягъ фольварковъ, ни тяглыхъ людей. Въ послѣднихъ двухъ староствахъ даже вовсе нѣтъ сель: въ степныхъ уходахъ разбросаны лишь мѣстами едва замѣтные ловецкіе станы и пасѣки-хутора мѣстныхъ „уходниковъ“, не знавшихъ никакихъ панскихъ платковъ и службъ ²⁾. Еще безотрадиѣ представляется сельская жизнь на южныхъ окраинахъ литовскаго государства съ половины XVI вѣка. Изъ описи Житомирскаго замка, 1552 г., видно, что до самой описи сельское населеніе „для пополоху татарскаго“ жило лѣтомъ и зимой въ мѣстѣ и обрабатывало свои роли-пустыни лишь „полазомъ“ (набздомъ); при такомъ положеніи дѣлъ, понятно, не могло быть и рѣчи о какой бы то ни было организаціи постоянныхъ службъ тяглыхъ крестьянъ ³⁾. Тѣмъ менѣе могли быть сколько нибудь прочныя сельскіе поселки, съ постоянной запашкою полей панскихъ и крестьянскихъ, въ волостяхъ окраинныхъ замковъ Каневскаго и Черкаскаго: по описи 1552 г. мѣстные крестьяне, не погибшіе въ постоянные татарскіе „пополохи“, „зимуютъ и литуютъ въ месте при замку“,—всѣ „службы“ ихъ ограничиваются замковою и „полевою“ сторожей отъ набѣговъ татарскихъ хищниковъ. Волости состоятъ изъ

харь кое-какъ зарывають въ землю зерно и всегда получаетъ урожай сторицею; степь и луга покрыты роскошною травою, столь высокою, что изъ нея едва видны рога пасущихся быковъ; почва такъ тяжела, что приходится впрягать въ паугъ по 12-ти воловъ, и все-таки они едва могутъ его тащить; гдѣса изобильны пасѣками, всюду видны ульи, и выдолблены пни съ пчелами; на степяхъ ходятъ многочисленныя стада скота и табуны лошадей, стая дикихъ птицъ и множество различныхъ звѣрей“ (Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, Предисловіе, стр. 32).

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 117.

²⁾ Ibid., стр. 284 и слѣд.

³⁾ Ibid., стр. 148.

сплошныхъ селищъ-пустошей; лишь въ далекихъ степныхъ ловахъ и пасѣкахъ временно сидятъ вольные „уходники“, да мѣстами городскіе жители (бояре и мѣщане) „пашутъ на полѣ, гдѣ кто хочетъ“, — наѣздомъ, по большей части трудомъ тѣхъ же уходниковъ и вообще всякихъ вольниковъ-наймитовъ ¹⁾.

Указанное нами различіе между коренными разрядами людей служебныхъ и тяглыхъ, съ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, существовало не въ однихъ крупныхъ и среднихъ дворахъ-маетностяхъ, но иногда и въ самыхъ мелкихъ имѣніяхъ рядовой шляхты. Такимъ образомъ, панское имѣніе Войшна-ришское, въ Ошменскомъ повѣтѣ, заключало въ себѣ всего лишь пять крестьянскихъ службъ; двѣ изъ нихъ состояли изъ бояръ панцырныхъ, а остальные отправляли по имѣнію тяглыя повинности ²⁾. Большею же частію въ небольшихъ имѣніяхъ боярская (путная или листовная) служба сливается съ тяглою, — отправляется людьми „работными“ или „осадными“ (на оброкъ или чиншѣ), также данниками или куничниками, иногда и огородниками ³⁾. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и въ селахъ большихъ имѣній листовная служба нерѣдко отправляется тяглыми людьми, особенно въ селахъ, лежавшихъ вдали отъ панскихъ дворовъ ⁴⁾.

Распределеніе отдѣльныхъ лицъ по служебнымъ и тяглымъ разрядамъ крестьянъ опредѣлялось — въ господарскихъ имѣніяхъ усмотрѣніемъ управлявшаго ими вряда, въ имѣніяхъ шляхетскихъ — ихъ владѣльцами. Въ этомъ отношеніи стояли на особомъ положеніи владѣльческія имѣнія — данины, жаловавшіяся въ „доживотье“ или „до господарской воли“, въ особенности если жившіе въ такихъ имѣніяхъ люди предоставлялись въ частное „держаніе“ со старыми полатками и службами, какъ они служили господарю до пожалованія ⁵⁾. Условіе это, понятно, должно было ограничивать личное усмотрѣніе владѣль-

¹⁾ Ibid., стр. 89 и 98.

²⁾ Археогр. Сборн., III, № 37.

³⁾ См., напримѣръ, инвентари имѣній: Лососны въ Слонимскомъ повѣтѣ (А. В. К. XIV, стр. 537), Русоты (ibid., 230), Смолянне въ Могилевскомъ повѣтѣ (ibid., 468 и 472), Засуля въ Минскомъ повѣтѣ (для нѣкоторыхъ осадныхъ людей — „до Вильни одна дорога въ годъ“, — ibid., 446) и др.

⁴⁾ Такъ было, напримѣръ, въ селѣ Ходевичи Гродненскаго имѣнія Здѣтля князей Острожскихъ (А. В. К. XIV, стр. 223).

⁵⁾ См. выше о данинѣ людей въ вотчину, доживотье и временное владѣніе, съ разными ограниченіями въ правѣ пользованія „службами“ крестьянъ.

цевъ въ дѣлѣ распредѣленія данныхъ имъ людей по службамъ и вообще въ дѣлѣ обложенія ихъ повинностями. Крестьянская служба, составлявшая въ такихъ случаяхъ главный предметъ данины, могла эксплуатироваться владѣльцемъ не по его личному усмотрѣнію, какъ это имѣло мѣсто въ наследственномъ имѣніи, принадлежавшемъ ему на общемъ вотчинномъ правѣ, но лишь въ границахъ самой данины, предоставлявшей пользоваться службой данныхъ людей такъ, какъ они служили господарю до пожалованія ихъ въ частное владѣніе. Зависимость крестьянскихъ службъ отъ характера и состава панскаго землеуладѣнія стала сглаживаться лишь съ половины XVI вѣка (собственно съ Люблинской уніи), когда съ одной стороны исчезло, какъ замѣчено раньше, бывшее различіе между шляхетскою отчиной и выслугой или даниной, и вся совокупность земскихъ имѣній сосредоточилась въ рукахъ шляхетскаго „народа“, а съ другой — вполне выяснилось возрѣніе на владѣльцевъ земскихъ имѣній, какъ на полновластныхъ „господарей“, безконтрольно распоряжавшихся личностью и трудомъ жившихъ въ нихъ „подданныхъ“.

Крестьянскіе разряды по общему правилу носили *спеціальныи* характеръ. Каждый классъ отправлялъ лишь свою опредѣленную службу. Въ этомъ отношеніи выдѣлялся въ особенности классъ служилой шляхты въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ: до позднѣйшаго времени единственною ея спеціальностью была ратная служба. Лишь въ актахъ XVIII вѣка упоминается шляхта „чиншевая“, платившая за землю чиншъ въ замѣнъ ратной службы или же въ видѣ дополнительнаго платежа ¹⁾. Затѣмъ, есть цѣлый рядъ инвентарей XVI вѣка, изъ которыхъ видно, что въ нѣкоторыхъ дворахъ-маестностяхъ, не только господарскихъ, но и шляхетскихъ, такимъ же строго спеціальнымъ характеромъ отличались и другіе классы: бояре и слуги, люди тяглые (роботные), данины, осадные, ремесленники разныхъ профессій и пр. ²⁾.

¹⁾ См. А. В. К., XIV, стр. 363, 372, 473, 627 и пр. О чиншевой шляхтѣ говорится, напримѣръ, въ инвентарѣ панскаго села Волосово въ Житомирскомъ повѣтѣ, 1760 г. (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 108).

²⁾ ¹⁾ *О боярнѣхъ и слугахъ* см. Памятн. Кіевск. Ком., III, отд. 2, стр. 101—104, 123; Археогр. Сборн., III, № 37; А. З. Р., I, № 219; А. В. К., XIV, стр. 226, 375, 385, 456, 469, 505.—*О тмляхъ людяхъ* см. Арх. Сборн., III, № 30, 37; А. В. К., XIV, стр. 229, 503, 505.—*О данникахъ, дякольниковъ* и пр. см. Skarbies, № 2241; А. В. К., XIV, стр. 224, 502, 600.—*Объ осадныхъ людяхъ* см. А. В. К., XIV 229, 689.—*О ремесленникахъ* Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 10; А. В. К., XIV, 210, 332, 466, 498, 563, 639.

Есть затѣмъ не мало инвентарей, таксирующихъ для отдѣльныхъ классовъ крестьянъ, сверхъ специальныхъ службъ, также нѣкоторыя *дополнительная* повинности. Такимъ образомъ, специальная служба данниковъ, состоявшая въ платежѣ даней грошевыхъ (серебницзы, подымцины, пососцины), медовыхъ, куничныхъ и пр., отправляется иногда въ видѣ дополнительныхъ платежей и людьми другихъ разрядовъ, напримѣръ, боярами-отчичами и слугами, крестьянами издѣльными (роботными) и нѣкоторыми классами ремесленныхъ людей ¹⁾. Точно также дани хлѣбныя и сѣнныя, извѣстныя подъ именемъ „дякла“ и составлявшія специальную службу особаго класса дякольниковъ, въ инвентаряхъ таксируются иногда въ значеніи дополнительной службы бояръ, людей тяглыхъ, конюховъ, дойлидовъ и другихъ разрядовъ ²⁾. Наконецъ, и издѣльныя работы не вездѣ составляли специальную службу людей „роботныхъ“, или „пригонныхъ“; къ обычнымъ тяглымъ службамъ привлекаются иногда и данники, слуги панцырные и пр. ³⁾.

Кромѣ службъ специальныхъ и дополнительныхъ, отправлявшихся отдѣльными классами крестьянъ, въ имѣніяхъ панскихъ и господарскихъ практиковались, по исконной пошлнѣ, извѣстной еще при Витовтѣ ⁴⁾, *общія*, такъ сказать, *гуртовья службы*, обязательныя для всего сельскаго населенія, безъ различія между классами тяглыми и не-тяглыми. Сюда относились такъ называемыя толоки и квалты. Это были собственно тѣ же издѣльныя работы, которыя составляли специальную службу особаго класса людей собственно „тяглыхъ“ или „роботныхъ“. Отъ этихъ службъ толоки и квалты отличались, какъ характеромъ самыхъ работъ, такъ и временемъ и способами ихъ производства.

Толока (иногда и пригонъ) ⁵⁾, въ отличіе отъ издѣльныхъ работъ

¹⁾ См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I. № 2. Археогр. Сборн., I, стр. 239; III, № 2. А. В. К., XIV, стр. 12, 17, 208, 229, 258, 404, 406, 412, 450, 566, 591.

²⁾ См. Арх. Сборн., I, стр. 239. А. В. К., XIV, стр. 12, 17, 466. Ср. *Любавскаю „Областное дѣленіе“*, стр. 318, 327, 332.

³⁾ Такъ, по нѣкоторымъ инвентарямъ панцырные слуги наравнѣ съ людьми тяглыми, сѣютъ рожь и косятъ сѣно (см. Археогр. Сборн., III, № 2), или, напримѣръ, данники возятъ дрова на панскій дворъ и привлекаются иногда къ другимъ тяглымъ работамъ (А. В. К., XIV, стр. 11, 469).

⁴⁾ См. *Любавскаю „Областное дѣленіе“*, стр. 322.

⁵⁾ „Пригонъ“ означаетъ собственно „тяглыми“ или издѣльными работами специальнаго класса тяглыхъ, „роботныхъ“ людей, иногда же пригономъ называются и гуртовья работы сельчанъ. Такимъ образомъ, въ инвентарѣ (1592 г.) имѣнія Могильной въ Минскомъ повѣтѣ, пановъ Радивилъ, куничники люди не-тяглые,

тяглыхъ людей, производившихся въ опредѣленные „тяглы“ дни въ панскомъ дворѣ и на фольварочной пашнѣ, означала гуртовья работы сельчанъ въ затыглые дни, внѣ общаго порядка отправленія тяглыхъ службъ. Подобныя гуртовья работы сельскаго люда были въ старое время обычною пошлиной во всѣхъ русскихъ земляхъ. Въ хозяйственномъ обиходѣ сельчанъ восточно-русскихъ земель искони практиковались гуртовья работы и службы, не только населенія отдѣльных селъ, но и нерѣдко цѣлыхъ волостей, жившихъ на владѣльческихъ и княжескихъ земляхъ. Подобныя гуртовья службы, производившіяся „помочью“, „потугою“ или подмогою всего села или даже всей волости, унаслѣдованы отъ земской эпохи также сельско-хозяйственною практикой московскаго государства. Таковы гуртовья работы владѣльческихъ крестьянъ по уборкѣ пашни и сѣножатей, также по рубкѣ строеваго лѣса, по постройкѣ и ремонту строеній въ господскихъ дворахъ и пр. ¹⁾ По исконной пошлинѣ, въ формѣ гуртовыхъ работъ полнились нерѣдко и общественныя, земскія повинности, напримѣръ ремонтъ остроговъ или „рубка“ городскихъ укрѣпленій и мостовая „подѣлка“ ²⁾. Затѣмъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помочи и толока принадлежатъ къ изстариннымъ общеславянскимъ институтамъ. „Толока“ (*thlaca rokaba, convocatio*—сгонъ или созывъ сельчанъ на помочи, *agatio, agatura* и пр.) упоминается, напримѣръ, въ актахъ дробнаго польскаго права еще въ началѣ XIV вѣка, какъ старина, практиковавшаяся во всѣхъ польскихъ земляхъ съ незапамятныхъ временъ ³⁾.

Такой же общеславянскій генезисъ, несомнѣнно, имѣетъ и то-

сидѣвшіе „на кунякахъ“, кромѣ грошеваго плата, „на пригонѣ повинна ходить, съ чимъ укажутъ“; здѣсь разумѣются не обычныя надѣльныя работы собственно тяглыхъ людей („служать“ по 6 дней въ недѣлю), а именно то, что въ другихъ писематрияхъ извѣстно подъ именемъ толоки—гуртовыхъ работъ людей не-тяглыхъ (см. А. В. К., XIV, стр. 443).

¹⁾ См., напримѣръ, А. Н., IV, 245; V, 171; А. Ю., 334.

²⁾ А. А. Э., III, 268 А., И., V, 52. А. Ю., 188 и пр. гуртовья работы, особенно въ лѣтнее рабочее время, извѣстны доселѣ вездѣ въ велико-русс. губерніяхъ (см. Толковый словарь Даля, sub voce „толока“, „помочи“ и пр.).

³⁾ См., напримѣръ, *Ryszczewski et Myszkowski, Codex diplom. Poloniae*, III, 205; актъ 1339 г. упоминаетъ объ обработкѣ полей, приписанныхъ къ королевскимъ замкамъ: „habuit et movit Abbati... pro decima post aratrum seu agaturas agrorum ipsorum (кметей), ubicunque araret propro aratro veteratris, convocacione kmetonum, que dicitur povaba vel etiam thlaca“.—Ср. также *ibid.*, II, стр. 740 (годъ 1368); *Raczynsky, Cod. dipl. Mag. Polon.*, 79.

лока, какъ замѣчено выше, извѣстная литовско-русскимъ актамъ со временъ Витовта. По исконной тошлинѣ пригонъ крестьянъ на толоку практиковался главнымъ образомъ въ имѣніяхъ съ значительною полевою запашкой, когда работы по уборкѣ полей не могутъ быть окончены своевременно въ тяглые дни обычною „страдой“ или „працею“ людей „роботныхъ“, тяглыхъ ¹⁾. Уставъ господарскихъ дворовъ Виленскихъ и Трокскихъ, 1529 г. относитъ къ составу толоки гуртовья, усиленные работы, исключительно на дворныхъ пашенныхъ земляхъ: оранку на парь (паренину) и жито, затѣмъ лѣтнія работы по уборкѣ хлѣба съ полей ²⁾. Въ такомъ же смыслѣ гуртовыхъ, усиленныхъ лѣтнихъ работъ, въ затыглые дни, главнымъ образомъ по уборкѣ пахати (иногда и одной жатвы) и молотбѣ хлѣба въ гумнахъ толока упоминается также въ инвентаряхъ княжескихъ и панскихъ имѣній ³⁾. Подобно тяглымъ работамъ, толока ведется обыкновенно по опредѣленной обычаямъ или инвентарнымъ уставомъ нормѣ пригонныхъ дней, въ теченіе которыхъ крестьяне должны отправлять гуртовья работы ⁴⁾. Толока по общему правилу считается обязательною для всѣхъ наличныхъ подданныхъ тяглыхъ и не-тяглыхъ. Уставы господарскихъ дворовъ, какъ и инвентари панскихъ и княжескихъ имѣній, требуютъ общаго участія въ толокѣ всего населенія сельъ, иногда и всей волости, тянувшей къ данному дворцу-фольварку, безъ различія между служебными (за исключеніемъ развѣ бояръ-шляхты) и тяглыми классами подданныхъ ⁵⁾.

¹⁾ Памятн. Кіевск. ком., II, отд. 2, стр. 190.

²⁾ Арх. З. Р., II, № 159, п. 14.

³⁾ См., напримѣръ, инвентарь Городенскаго имѣнія Здята князей Острожскихъ (А. В. К., XIV, стр. 208, 259). Ср. также *ibid.*, 440, 446. Археогр. Сборн. III, № 111.

⁴⁾ По уставу господарскихъ дворовъ Виленскихъ и Трокскихъ, 1529 г., каждый крестьянинъ во время толоки на пахати долженъ отработать 12 лѣтнихъ дней полностью, именно: орать 3 дня на паренину и 3 дня на жито, жать 3 дня рожь и 3 дня ярину (А. З. Р., II, № 159, п. 14); въ панскихъ имѣніяхъ, напримѣръ, въ Гродненскомъ имѣніи Здята князей Острожскихъ, практиковалась норма рабочихъ дней на толокѣ вдвое меньше, сравнительно съ господарскими имѣніями, — именно съ каждой волоки по 6-ти дней въ лѣто (А. В. К., XIV, 208). Упоминается также толока въ 3 и восемь дней (*ibid.*, XIII, 378; XIV, № 22).

⁵⁾ См. А. З. Р., II, № 159, п. 14. Памятн., I, отд. 2, стр. 8—19; II, 2, стр. 43, 190. А. В. К., XIV, 208. Арх. Сборн., III, № 111. Въ частности въ толокѣ участвуютъ путные бояре и слуги (по уставу господарск. дворовъ, 1529 г.), собственно тяглые (А. В. К., XIV, 208, 440, 446, 466), данники (*ibid.*, 10 и 208), бортники (*Любавская* Обл. дѣл., 323), кунчики (А. В. К., XIV, 448), бобровники (*Любавскій*,

Та же самая толока, то-есть усиленная, гуртовая обработка пахати и сборъ съ полей хлѣба, называется въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ также *квалтомъ* ¹⁾. Вообще же гвалтъ отличается отъ толоки и по характеру работъ, и по времени ихъ исполненія. Гвалтъ назначается всегда для гуртовыхъ работъ „непашенныхъ“; работы эти производятся не по опредѣленной нормѣ пригонныхъ дней, какъ на толокѣ, но пока работы не будутъ покончены ²⁾, при чемъ работы гвалтомъ ведутся всегда на панской „стравѣ“ (иногда и нивѣ) ³⁾. а не самихъ крестьянъ, какъ это обыкновенно полагалось на толокахъ. Въ потребныхъ случаяхъ „сгону“ на гвалтъ, какъ и на толоку, подлежатъ бояре, люди тяглые и оброчные, данники и вообще все тяглое и не—тяглое населеніе села или цѣлой волости, тянувшей къ двору панскому, гдѣ въ данное время назначаются гуртовые работы ⁴⁾. Къ усиленнымъ работамъ, производящимся въ формѣ сгоновъ подданныхъ на гвалты, относятся: уборка луговъ (сѣножатей) ⁵⁾, ремонтъ ставовъ съ гатями (греблями) ⁶⁾, ловы звѣринные въ пуцахъ (оступы, облавы) и ловы рѣчные и озерные съ панскими неводами ⁷⁾ и пр. Сюда же относится усиленная поставка подводъ съ „повозомъ“, на путевые станы, съ большою или малою „сторожей“—чергой (оче-

324), оброчные люди (А. В. К., XIV, 440, 442, 446 и пр.), рыболовы (*Любовицкій*, 334), осочняки и вообще ловцы (уставъ о волокахъ, 1557 г.), ковали и другіе ремесленные люди (А. З. Р., II, № 159, п. 14).

¹⁾ Напримѣръ въ инвентарѣ панскаго имѣнія Любовицкаго дякольніки, кромѣ яноса дякла, ходитъ еще на „гвалты“ весною до ораніи и борошванія по 4 дни и лѣтомъ до жнива по 4 дни (А. В. К. XIII, стр. 378). Точно также въ имѣніи Смольняне подданные должны ходить 3 дни на „гвалтъ“—особенно „do młoseńia do gumna“ (ib. XIV, 466). Въ имѣніи Титоване Вилькомирскаго повета всѣ подданные ходятъ на три „гвалты“ (то-есть, по 3 дня) въ лѣтнюю пору на своемъ хлѣбѣ, „съ чѣмъ прикажутъ“ (ibid. XIV, 252). Здѣсь подъ именемъ гвалта разумѣются гуртовые работы на дворной пашнѣ, то-есть, собственно толока. И на оборотъ—название „tłoki“ дается работамъ непашеннымъ, каковы: путевая сторожа (съ подводами) и сгонъ людей „do niewodu“, на рыбную ловлю (ibid.).

²⁾ А. В. К. XIII, стр. 378.

³⁾ А. В. К. XIV, 208, 252 и пр.

⁴⁾ См. А. В. К. XIV, стр. 10, 440, 442, 446, 466, 537 и пр. А. З. Р. II, № 159, п. 14.

⁵⁾ А. З. Р. II, № 159, п. 14. Археогр. сборн. III, № 111. А. В. К. XIII, стр. 378; XIV, 10, 440, 466, 468, 471 и пр.

⁶⁾ Арх. Сборн. III, № 111. А. В. К. XIV, стр. 466, 468.

⁷⁾ Арх. Сборн. II, № 26, стр. 39. А. В. К. XIV, стр. 208, 252, 442, 466-468, 537.

редью) по недѣлямъ ¹⁾, напримѣръ въ проѣздъ пановъ или при провозѣ ратныхъ снарядовъ и пр. Путемъ такихъ же гвалтовъ производился усиленный ремонтъ панскихъ замковъ, дворныхъ остроговъ, вежъ и пр., особенно въ имѣніяхъ окраинныхъ, южно-русскихъ областей. въ пору татарскихъ „пополоховъ“, чуть только имѣлось „дovedанье вѣстей“ о движеніи татаръ къ русскимъ рубежамъ ²⁾. Наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ и ратная служба, особенно на югѣ, полнилась иногда также въ формѣ гвалтовъ,—сгона въ „поле“, не только людей служебныхъ, но и вообще всѣхъ подданныхъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ ³⁾.

Послѣ изложенныхъ замѣчаній о крестьянскихъ разрядахъ, исполнявшихъ спеціальныя и общія службы, рассмотримъ въ существенныхъ чертахъ данныя касательно „особныхъ“ классовъ, изъ какихъ состояло крестьянство въ литовско-русскомъ государствѣ.

I. *Люди служебные.* Какъ раньше замѣчено, въ памятникахъ древне-русскаго права искони упоминаются боярскія дружины и дворы,—отроки и служилые люди большихъ бояръ княжихъ и земскихъ, тысяцкихъ и пр. Ихъ знаетъ Русская Правда, лѣтописи и другіе источники; перечневныя записи служилыхъ людей, принадлежавшихъ къ боярскимъ дворамъ, регистрируются въ разрядныхъ книгахъ XV—XVII вѣка (напримѣръ еще въ 1674 г.) ⁴⁾. „Въ то отдаленное время, когда государственная власть только возникала и полиціи еще не было, каждый долженъ былъ самъ заботиться о своей безопасности. Отчасти съ цѣлью безопасности, а отчасти и въ видахъ войны, богатые люди (бояре) держали дружины“ ⁵⁾. По тѣмъ же самымъ причинамъ, и въ

¹⁾ См. напримѣръ А. В. К. XIV, стр. 252. См. ниже о путной службѣ.

²⁾ См. объ этомъ ниже о службѣ „полевой“ и вообще сторожевой.

³⁾ Въ такой формѣ исполнялась ратная служба, напримѣръ въ Вышницкомъ староствѣ, какъ видно изъ описанія мѣстнаго замка 1552 г. По словамъ люстратора, когда люди непріятельскіе приходятъ въ волость, противъ нихъ долженъ выходить съ старостой или его урядникомъ изъ волости всякій, кто имѣетъ коня; при уходѣ непріятеля волощане также должны идти „въ погоню“ за нимъ: „лежатъ безпотребне у поля неповинна“ (это—особая служба людей „польных“ или „поленецъ“—см. ниже о сторожевой службѣ). Всѣ волощане должны для военной службы держать коней; кто ихъ не держитъ, „животину маючи“, того староста „грабитъ за огуричину“ (см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I стр. 602). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь записана мѣстная „пошлина“, искони практиковавшаяся въ украинскихъ имѣніяхъ, не только господарскихъ, но и панскихъ.

⁴⁾ Проф. В. И. Сергеевичъ, „Рус. юридич. древности“, I, стр. 302—303.

⁵⁾ Ibid., стр. 301.

Литвѣ-Руси какъ князья великіе и удѣльные, такъ и паны-шляхта, земляне и бояре, владѣвшіе не только крупными, но и мелкими земскими имѣніями, до позднѣйшаго времени всегда и вездѣ имѣли въ своихъ дворахъ-маетностяхъ людей „служебныхъ“ или „*slużaiuch*“, различавшихся отъ людей „тяглыхъ“ или „простыхъ“¹⁾.

Къ служилымъ людямъ, какъ въ восточно-русскихъ земляхъ, такъ и въ Литвѣ-Руси, искони относились *бояре* и *слуги*. По восточно-русскимъ актамъ, тѣ и другіе означали собственно *воинновъ*, жившихъ по волостямъ и поряжавшихся защищать въ нужныхъ случаяхъ своего господина съ оружіемъ въ рукахъ. Слуги—тѣ же бояре, только поменьше; права тѣхъ и другихъ одинаковы,—различія были чисто экономическія и потому „термины бояринъ и слуга вольный не представляютъ ничего строго опредѣленнаго и могутъ употребляться одинъ вмѣсто другаго“²⁾. Тоже самое словоупотребленіе терминовъ „бояринъ“ и „слуга“ находимъ и въ литовско-русскихъ актахъ. Иногда въ актахъ бояре и слуги стоятъ рядомъ, какъ два отдѣльные класса³⁾; иногда же оба названія употребляются безразлично, обозначаютъ одинъ и тотъ же разрядъ людей служебныхъ. Подъ именемъ „слугъ“ (*sluski, sluzkowie, servitores*)⁴⁾ разумѣются какъ господарскіе и панскіе бояре-шляхта, получавшіе въ данину населенныя имѣнія и владѣвшіе своими подданными⁵⁾, такъ и низшіе служилые люди, входившіе наравнѣ съ тяглыми людьми въ составъ „подданныхъ“ и „солдчанъ“ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ⁶⁾.

¹⁾ О людяхъ служебныхъ см., напримѣръ, *Archiv Sangusz.* III, № 114 и люди „*slużaiuch*“ упоминаются въ люстраціи Остерскаго староства, 1628 г. (*Арх. Ю.-З. Р.*, ч. VII, т. I, стр. 349). Акты, констатирующіе различіе между служебными и тяглыми людьми, указаны раньше. О людяхъ служебныхъ, выдѣлявшихся отъ людей „простыхъ“, см. *Любавскій*, *Област. дѣленіе*, стр. 846.

²⁾ См. проф. *Сергеевичъ* „*Рус. Юридич. древности*“, I, стр. 806, 810, 827.

³⁾ Напримѣръ, въ одномъ вырокѣ 1517 г. бояре и слуги путные обозначаютъ различныя классы (*Лит. Метр. Судн. дѣлъ*, № 2, л. 243).

⁴⁾ *Sluski, sluzkowie* и *servitores*, въ общемъ значеніи служебныхъ людей господарскихъ и панскихъ, нерѣдко упоминаются въ актахъ (см., напримѣръ, *Арх. Ю.-З. Р.* ч. VII, т. II, стр. 134, 142, 175, 218, 222, 276 и пр.; *ibid.*, ч. VIII, т. I, № 1 (*servitores*). *Лит. Метр. Публич. дѣлъ* № 28, стр. 114 (*servitores*).

⁵⁾ Такъ, въ 1386 г. Витовтъ пожаловалъ своему слугѣ (*servitori nostro*) Василю Корачевскому имѣніе Симяковъ (*Арх. Ю.-З. Р.* ч. VIII, т. I, № 1); точно также въ 1407 г. Ягелло далъ имѣніе слугѣ своему Ходу (*ibid.* № 2).

⁶⁾ Въ 1428 г. Витовтъ особымъ привилеемъ предоставилъ Луцкому епископу въ данину имѣніе въ Луцкомъ повѣтѣ съ „*metones, tributarios, servitores et quovis incolae*“ (*Лит. Метр., Публич. дѣлъ* № 28, стр. 114). Въ запискахъ даниль

Составъ служебныхъ людей въ имѣніяхъ господарскихъ и владѣльческихъ былъ самый разнообразный. Къ нимъ причислялись: шляхта, земяне, бояре и слуги вольные, пехожіе, бояре и слуги непохожіе, отчичи, зависимые подданные ¹⁾).

Высшій классъ служилыхъ людей составляетъ *шляхта*. По актамъ служилая шляхта живетъ не только въ экономіяхъ господарскихъ, но и во всѣхъ земскихъ имѣніяхъ литовско-русскихъ пановъ, служить господарю, мѣстнымъ князьямъ и панамъ-магнатамъ, повѣтовой (не служилой) шляхтѣ-земянамъ и боярамъ, вообще всякимъ землевладѣльцамъ, владѣвшимъ земскими имѣніями на общемъ шляхетскомъ правѣ; бояре были также въ имѣніяхъ духовныхъ учреждений и лицъ-владыкъ, монастырей и пр. ²⁾. Въ этотъ классъ служилыхъ людей входила рядовая шляхта, не владѣвшая самостоятельными земскими имѣніями и сидѣвшая на земляхъ господарскихъ или панскихъ подъ условіемъ отправленія съ нихъ „земской“ (шляхетской или боярской) службы. Рядовая шляхта-бояре и слуги господарскіе, жившіе на такомъ основаніи въ господарскихъ имѣніяхъ, могли переходить въ панское подданство и службу, какъ по собственной волѣ, такъ и по данинѣ въ частное владѣніе имѣній, гдѣ служила рядовая шляхта. Бояре-слуги мѣстныхъ князей также могли поступать въ непосредственную службу къ панамъ-землевладѣльцамъ путемъ наследственного перехода къ нимъ княжескихъ имѣній ³⁾. Эта-то служилая шляхта, жившая въ составѣ волостей господарскихъ и панскихъ имѣ-

Казимира зарегистрирована данина двора Нѣмчиновскаго, въ Смоленскомъ повѣтѣ, съ слугами, людьми тяглыми и пр. Въ инвентаряхъ XVI и XVII вѣка обозначаются по селамъ то бояре, то слуги, безъ особыхъ различій между ними. См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. I, № 2; Археогр. Сборн. I, стр. 239 и сл. Въ первомъ актѣ всѣ служилые люди называются слугами, во второмъ боярами; къ послѣднимъ причисляются: служилая шляхта, бояре-отчичи и бояре прихожіе, вольные (не шляхта).

¹⁾ Такой составъ служилыхъ людей, напримѣръ, обозначается въ инвентарѣ имѣнія Деречинскаго, въ Слонимскомъ повѣтѣ, пана Воловича, 1609 г. (Археогр. Сборн. I, стр. 239). Въ имѣніи Крайскаго Лдвиги Номловской было 12 бояръ панцирныхъ, изъ нихъ 5 шляхтичей, одинъ вольный, остальные—отчичи (А. В. К. XIV, стр. 375).

²⁾ См. Археогр. Сборн. I, стр. 34 (въ панскомъ имѣніи), 147 (князей Слуцкихъ), 223 (Полоцкаго владыки), 239 (князей Полубенскихъ). А. В. К. XIV, стр. 23 (панск. им.), 226 (ин. Острожскихъ), 403 (панск. им.). Лит. Метр. Судн. Ыз № 3, стр. 61 (слуги—шляхта въ земскомъ имѣніи боярина Андрея Чижевича) и пр. Ср. *Любавскій*, „Област. дѣленіе“, стр. 614, 621.

³⁾ *Любавскій*, „Област. дѣленіе“, стр. 622.

ній, называется въ актахъ то собственно *шляхтой* ¹⁾, то *панами* ²⁾, *землями* ³⁾, *боярами-шляхтой*, *пани-боярами* или просто *боярами* (съ своими подданными) ⁴⁾, то наконецъ *слугами* конными, путными, замковыми и пр. ⁵⁾. На южныхъ окраинахъ государства, гдѣ была дорога всякая боевая сила, любой пришлецъ, человекъ „безъ роду-племени“, вступавшій въ ряды простыхъ слугъ-ратниковъ, могъ съ теченіемъ времени принимать „обличье“ шляхтича, примыкать къ рядовому, служилому землянству. Лиустраторъ, производившій въ 1545 г. опись Браславскаго замка, между прочимъ, замѣчаетъ различіе, какое на мѣстѣ существовало между замковыми землянами „старшими“ и землянами, „которыхъ они себе братією не менуютъ и не знаютъ отколь есть“,—это слуги-земляне „подлѣйшіе“ ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подолія (польской) такимъ же путемъ могла образоваться значительная часть мѣстной, непривилегированной шляхты — изъ замковыхъ слугъ, вышедшихъ изъ сельской „громады“ ⁷⁾. „Старшіе земляне и бояре, служившіе съ своихъ помѣстій господарю и крупнымъ панамъ-землевладѣльцамъ, затѣмъ могли иногда отправлять службу съ „своими“ слугами и боярами, называвшимися въ такихъ случаяхъ „боярскими боярами“ ⁸⁾. „Подданство“ послѣднихъ могло устанавливаться обычнымъ путемъ данины боярамъ на вѣчность или въ доживотье господарскихъ или панскихъ имѣній съ служившими въ нихъ боярами и слугами. Владѣльцы пожалованныхъ имѣній становились для послѣднихъ такими же „господарями“, какими до данины былъ для нихъ великій или удѣльный князь или вообще бывшій ихъ „панъ“.

¹⁾ Въ инвентаряхъ верѣдко обозначаются именемъ „шляхты“ служилые люди, бывшіе на положеніи конныхъ или панцирныхъ бояръ и слугъ (А. В. К. XIV, стр. 375, 408, 627; Археогр. Сборн., I, 239 и сл.).

²⁾ См., напримѣръ, Археогр. Сборн. I, 239 и сл.—инвент. имѣнія Деречинскаго пана Воловича, въ Слоним. повѣтѣ.

³⁾ Археогр. Сборн. I, 239. А. В. К. XIV, 226, 473. 624. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI. т. I, стр. 26; ч. VII, т. I, 588; ч. VII, т. II, 76—77.

⁴⁾ А. В. К. XIV, 9, 17, 23 (пани-бояре), 627 (тоже). Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. I, 202 (бояре-шляхта); ч. VII, т. II, 29 (бояре путные съ людьми) и пр.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I, стр. 231. Археогр. Сборн. I, 34 (слуги конные). Лит. Метр. Судн. дѣль, № 3, стр. 61 (слуги-шляхта); № 3, стр. 7 (слуги путные). Ср. *Грушевскій*, „Барск. староство“, стр. 257—о шляхтѣ—слугахъ замковыхъ.

⁶⁾ Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I, стр. 26.

⁷⁾ См. *Грушевскій*, „Барск. староство“, 257.

⁸⁾ См. *Любавскій*, „Области. дѣленіе“, 620.

Путемъ служебнаго „подданства“ установилось въ составѣ литовско-русскаго боярства-шляхты коренное различіе между боярами „дворными“, или служебными, тянувшими по своимъ помѣстьямъ—имѣніямъ и службамъ къ дворамъ господарскимъ, княжскимъ и панскимъ, и *повѣтвовой* шляхтой—боярами, самостоятельно владѣвшими земскими имѣніями и тянувшими по своей юрисдикціи, какъ выражаются акты, не къ „дворамъ“, а къ „повѣтамъ“. Изъ актовъ первой половины XVI вѣка видно, что шляхтой—„повѣтниками“ считались только князья, паны и мѣстные земляне или бояре-шляхта, владѣвшие земскими имѣніями¹⁾. На различіе между повѣтвовой и дворною шляхтой-боярами указываетъ категорически инструкція ревизорамъ королевскихъ имѣній, 1569 г. Ревизорамъ, между прочимъ, предписывается смотрѣть за тѣмъ, чтобы мѣстные урядники не выпускали изъ своей юрисдикціи шляхту-бояръ, служившихъ въ королевскихъ имѣніяхъ; ради точной регистраціи такихъ бояръ ревизоры должны были „достаточно вывѣдать и записать въ регестры“ всѣ имѣнія боярскія, принадлежавшія не къ „повѣтамъ“, а къ „дворамъ“ господарскимъ²⁾. Обозначеніе служилыхъ бояръ эпитетомъ „дворныхъ“ находимъ уже въ актахъ конца XIV вѣка³⁾; позже, въ пору широкаго развитія *libertates et jura* земской, „повѣтвовой“ шляхты, могло вполне установиться различіе между ней и боярствомъ служилымъ, „дворнымъ“: послѣдніе владѣли не земскими имѣніями въ повѣтахъ, а „держали“ помѣстья въ господарскихъ и панскихъ дворахъ-маетностяхъ и по своимъ помѣстьямъ—имѣніямъ состояли въ отношеніяхъ служебнаго „подданства“ къ своимъ панамъ—„господаримъ“. Держать имѣнія „подъ господаремъ“ означало владѣть ими не по общему, земскому праву, но по праву помѣстному, обусловленному службой владѣльцамъ такихъ имѣній, будетъ ли то великій князь, или же паны—земляне и бояре-шляхта⁴⁾.

Служилые бояре-шляхта „вживаютъ права земскаго⁵⁾“, шляхет-

¹⁾ См., напримѣръ, „Попись Волинскихъ земель“, 1528 г. (Arch. Sangusz. III, стр. 323 и сл.) и люстрацію Волинскихъ замковъ, 1546 г. (Zródła dziejowe, VI, 20. Памятн. II, отд. 2, стр. 41).

²⁾ Археогр. Сборн. III, № 22.

³⁾ Сюда относится именно грамота Мстиславскаго князя Лугвенія Ольгердовича, 1396 г. Грамота дана „дворному боярину“ Костышку Валужиничу на землю, пожалованную „въ вѣчное раденье“,—ради военной службы, отправлявшейся „посолю“ съ другими Мстиславскими боярами (А. В. К., XIII, стр. 3).

⁴⁾ Любавскій, „Област. дѣленіе“ 614, 617, 618 и 620.

⁵⁾ См., напримѣръ, Лит. Митр. Судныхъ дѣлъ № 3, стр. 7,—вырокъ 1520 г.

скаго, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями. Такимъ образомъ, слуги и бояре дворные изъ шляхты, на общемъ основаніи со всѣми служебными людьми, подчиняются панской юрисдикціи; право на общій шляхетскій судъ признается за служилою шляхтой лишь по дѣламъ, влекущимъ за собой лишеніе чести ¹⁾. Кромѣ своей спеціальной службы (военной), шляхта-бояре свободны отъ всякихъ повинностей и „платовъ повиноватыхъ“ людей тяглыхъ ²⁾. Слуги и бояре-шляхта могутъ имѣть своихъ „подданныхъ“,—въ отчинахъ на общемъ шляхетскомъ правѣ, въ помѣстьяхъ — вообще въ границахъ условій данины („какъ намъ служили“ и пр. ³⁾). Служилая шляхта-бояре и слуги владѣютъ, подъ условіемъ службы и за службу, панскими землями и цѣлыми имѣніями, дававшимися какъ въ отчину и выслугу на „вѣчность“ (вѣчно и непорушно) такъ и въ „доживотье“ или „до воли“, на положеніи „помѣстья“ или простаго, временнаго „держанья“ ⁴⁾. Владѣніе имѣніями отчинными (не по выслугѣ или данинѣ) иногда въ актахъ просто приравнивается къ „панскому“ землевладѣнію ⁵⁾ и едва ли подлежало какимъ-либо ограниченіямъ. Что касается выслуженныхъ вотчинъ и данинъ-помѣстій, дававшихся на вѣчность, въ доживотье и пр., то владѣніе ими всегда обуславливалось службой: оставлять службу и переходить къ другому „пану“ съ выслугой на вѣчность или съ помѣстьемъ можно было лишь въ такомъ случаѣ, когда право это категорически оговаривалось въ самомъ актѣ на выслугу или данину ⁶⁾. Имѣнія съ людьми,

¹⁾ См. Лит. Стат. 1566, I, 4; III, 8. Ст. 1588, III, 11.

²⁾ Памятн. II, отд. 2, стр. 174.

³⁾ На „подданныхъ“ служилой шляхты сохранились многочисленныя указанія въ инвентаряхъ и другихъ актахъ. См. Арх. Сборн. I, стр. 147 (бояре,—люди на нихъ „работаютъ“), 289 (шляхта, земле, бояре). Арх. Ю. З. Р. п. VI, т. I, стр. 231 (слуги); ч. VII, т. I, 594 (бояре); ч. VII, т. II, 29 (бояре путные); ч. VIII, т. I, № 1 и 2 (слуги). А. В. К. XIV, стр. 7, 17 (бояре-шляхта), 23 (шаны-бояре) и пр.

⁴⁾ См., выше—о данинѣ людей и имѣній.

⁵⁾ См., напримѣръ, конію Лит. Метр. VI, 193,—актъ 1500 г. Иногда слуги владѣютъ, кромѣ земель, данныхъ за службу („на конь“ и пр.), также „своими“ (очевидно, отчинными) имѣніями и людьми (Археог. Сбор. I, стр. 147).

⁶⁾ Подобное право, напримѣръ, опредѣляется въ листѣ, 1443—1474 г., пана Войцеха Монивидонича его слугѣ-шляхтичу Гримацкому на данину „въ отчину“ панскаго двора Юхновскаго съ тремя подданными, съ тѣмъ, что, по смерти пана, Гримацкій можетъ съ своей вотчиной служить, кому хочетъ (см. Лит. Метр. Записей № 2, стр. 219). О данинѣ имѣній слугамъ и боярамъ-шляхтѣ см. А. В. К. XIII, стр. 3; Арх. Ю. З. Р. ч. VIII, т. I, № 1 и 2 (1386 и 1407 г.); Арх. Сборн. I, стр. 147 и пр. Ср. Любавскій, „Област. дѣленіе“, стр. 614.

дававшіяся слугамъ на условномъ, помѣстномъ владѣніи, могли отбираться у нихъ по усмотрѣнію владѣльца ¹⁾). Наконецъ, право выхода вольныхъ слугъ и бояръ, практиковавшееся въ видѣ исконой пошлины во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ ²⁾, неизмѣнно держалось и въ литовско-русскомъ государствѣ. По давнему обычаю, слуги и боярешляхта могли оставлять свои выслуги и помѣстья и служить, кому хотѣли, безъ особыхъ ограниченій ³⁾).

Въ заключеніе замѣтимъ, что литовско-русская служилая шляхта во многомъ напоминаетъ собой въ особенности мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей московскаго государства. Есть, впрочемъ, и существенная разница между ними. Въ то время, какъ въ Москвѣ преобладали по преимуществу „государевы“ помѣщики, вошедшіе затѣмъ въ общій составъ служилаго дворянства, въ Литвѣ-Руси большинство служилой шляхты очутилось въ „подданствѣ“ крупныхъ пановъ—землевладѣльцевъ и въ концѣ концовъ подчинилось чуть ли не такому же владѣльческому „господарству“, какъ и вообще всѣ подданные панскихъ имѣній. Остатки стараго, свободного боярства, задержавшіеся мѣстами (напримѣръ, въ Полоцкой землѣ — панцырные бояре) до позднѣйшаго времени, послѣ присоединенія Западнаго края къ Россіи были причислены къ свободнымъ разрядамъ государственныхъ крестьянъ ⁴⁾).

Средину между служилою шляхтой и слугами-отчичами занимаютъ бояре и слуги вольные, прихожіе или похожіе ⁵⁾). По исконой пошлинѣ, вольные, люди (напримѣръ, мѣщане и др.) могли поряжаться вообще какъ въ тяглые люди, такъ и въ люди служебные, могли брать земли на „службу военную“, дѣлаться слугами и боярами пан-

¹⁾ Такой случай, повидимому, отмѣченъ въ листѣ, 1482 г., Анны Довгирдовны, записавшей своему мужу, между прочимъ, шесть „земель“ съ людьми, бывшими въ „держаньи“ панскихъ слугъ (Лит. Метр. Записей № 4, стр. 113).

²⁾ См. проф. *Сергеевича*, „Рус. Юрид. древности“, I, стр. 306.

³⁾ Иногда право выхода прямо оговаривается въ листахъ на даннну помѣстій за службу и пр., см., напримѣръ, приведенный выше листъ папа Монивидовича, 1443—1474 г. Ср. *Любавскій*, 614—615.

⁴⁾ См., напримѣръ, указъ Императрицы Екатерины II, 1788 г., о правахъ полоцкихъ панцырныхъ бояръ (1-е Полн. Собр. Зак., № 16611). Ср. *А. Сементовскій*: Историческая записка о панцырныхъ боярахъ (1868).

⁵⁾ О боярахъ вольныхъ или прихожихъ см. А. В. К., XIV, стр. 403, 456, 591. Археогр. Сборн., I, 289. О слугахъ вольныхъ, похожихъ—А. З. Р., II, № 69; Конія Лит. Метр., V, 158.

цырными, путными и пр. ¹⁾). Подобно всѣмъ положимъ людямъ, вольные слуги могутъ быть людьми „новыми“ и въ такомъ значеніи могутъ сидѣть „на жалобѣ“ или „волѣ“; по истеченіи льготнаго срока прихожіе слуги должны служить наравнѣ съ старожитными людьми ²⁾). Подобно боярамъ-шляхтѣ, вольные слуги и бояре получаютъ во владѣніе „маѣности“ подѣ условіемъ службы ³⁾; кто затѣмъ не желалъ служить съ земли, могъ свободно оставить ее и порядиться на службу къ другому пану ⁴⁾). Личная свобода вольныхъ слугъ, какъ и всякихъ прихожихъ людей, гарантируется ⁵⁾, разѣ вольный слуга не засиживалъ на одномъ мѣстѣ земской давности или не былъ „въ молчаньи“ при данинѣ его за „отчича“. Прихожіи слуга и бояринъ, засидѣвшіе давность, своевременно не пользовавшіеся правомъ выхода, на общемъ основаніи съ тяглыми людьми теряютъ это право, обращаются въ отчичей ⁶⁾).

Кромѣ служилой шляхты и вольныхъ, положихъ людей, въ инвентаряхъ и другихъ актахъ упоминаются также *слуги и бояре не похожіе, отчичи или отчинные люди* ⁷⁾), какъ изстаринный и, по всему

¹⁾ О вольныхъ слугахъ и боярахъ панцырныхъ и путныхъ см. Археогр. Сборн., I, стр. 239; А. В. К., II, № 69; Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 1.

²⁾ О такихъ слугахъ говорится, напримѣръ, въ описи Житомирскаго замка 1501 г. (Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. 1, № 2). См. также опись обывателей Смоленскаго замка конца XV вѣка,—въ составѣ волостей Пацнискон, Свѣтлановской и др. нѣкоторые слуги сидѣли „на жалобѣ“ (Лит. Метр., Записей № 4, стр. 155 и слѣд.).

³⁾ А. В. К., XIV, стр. 456. Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 1.

⁴⁾ Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 1.

⁵⁾ Изъ одного суднаго вырока 1506 г. видно, что владѣлецъ на судѣ искалъ за тяглыхъ людей, служившихъ у него, вольныхъ путныхъ слугъ; отказъ суда на такое притязаніе владѣльца мотивируется такъ: „то не слушная речъ абы слуги путные (вольные) мѣли кому въ *неволю* даны быти“ (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 1).

⁶⁾ Въ инвентаряхъ иногда отмѣчаются въ числѣ отчичей бояре, засидѣвшіе земскую давность. См., напримѣръ, А. В. К., XIV, стр. 591. Ср. *Любавскій*: *Области дѣленіе*, стр. 391: здѣсь отмѣченъ изъ Литовской Метрики одинъ судебный случай, когда нѣсколько господарскихъ бояръ Вилькайскаго волости были неправильно, въ качествѣ тяглыхъ людей, пожалованы королевой Еленой, державшею Вилькею, во владѣніе пану Словику. При жизни пана бояре, низведенные въ тяглыхъ, были „въ молчаньи“, „въ томъ ся не выводили“ и лишь позже, при наслѣдникахъ, вадумали искать своей свободы. Судъ отказалъ въ виду истеченія давности.

⁷⁾ Археогр. Сборн. I, стр. 239; III, 39. А. В. К., XIV, стр. 591. Коп. Лит. Метр., V, 158; XXVI, 198 (1468 г.). Лит. Стат. 1588, IX, 27; XII, 11—18.

видно, наиболѣе многочисленный классъ служебныхъ людей въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ. Сплошныя „служебныя“ села, существовавшія, какъ раньше указано, въ особенности на восточныхъ и южныхъ порубежьяхъ литовскаго государства, несомнѣнно слагались, если не исключительно, то въ большинствѣ, изъ слугъ-отчичей; села эти имѣли характеръ господарскихъ и панскихъ военныхъ поселеній, заводившихся на рубежахъ государства ради ратной „сторожи“ отъ „разоренія“ и „пополоха“ татаръ и другихъ хищныхъ сосѣдей. Мѣстные старосты-державцы господарскихъ дворовъ-маетностей, какъ и отдѣльные паны, владѣвшіе земскими имѣніями, набирали бояръ и слугъ панцырныхъ и путныхъ, вообще ратную „сторожу“ не только изъ людей свободныхъ, похожихъ, но и изъ своихъ „властныхъ подданныхъ-отчичей“¹⁾. Выборъ тяглыхъ людей въ слуги падалъ, какъ видно изъ актовъ, не только на людей съ достаткомъ, но иногда и на людей обдѣланныхъ („kołanpuch“, „zubozałuch“), не имѣвшихъ возможности по убожеству вести, какъ слѣдуетъ, тяглое хозяйство и потому переводившихся панами на болѣе льготное положеніе слугъ „по полевой сторожѣ“, листовной службѣ и пр.²⁾. Составъ слугъ отчичей въ панскихъ имѣніяхъ пополнялся также путемъ данины господарскихъ слугъ и бояръ въ частное держанье на общемъ положеніи съ даниной тяглыхъ отчичей³⁾. Слуги-отчичи, какъ люди несво-

¹⁾ О боярахъ и слугахъ панцырныхъ, путныхъ и другихъ изъ состава „отчичей“ и вообще тяглыхъ подданныхъ см. Археогр. Сборн. I, стр. 289; III, 89, А. В. К., XIV, стр. 591. Коп. Лит. Метр., XXVI, 198. Лит. Стат., 1588, IX; 27; XII, 11 — 13. Ср. Любавскій, „Областное дѣленіе“, 343, 344, 622. Грушевскій, „Барское староство“, 257. Въ иллюстраціи Кременецкаго замка съ волостію, 1552 г., между прочимъ, записано распоряженіе королевы Боны (владѣвшей въ то время Кременецкимъ староствомъ): „обобрано мужиковъ тяглыхъ 24 и вѣчнено ихъ слугами для посмлаанья и доведанья вестей“ и пр. Слуги эти (путные и конные) поименно перечисляются въ семи селахъ (очевидно, пограничныхъ съ татарскою стѣною); отдѣльно отъ слугъ живутъ особымъ селомъ бояре путные изъ людей прихожихъ, еще не выслѣдшіе „воли“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 29 и 81). Такія же осады слугъ изъ отчичей ради тѣхъ же цѣлей могли имѣть мѣсто и въ панскихъ имѣніяхъ.

²⁾ Разъ, такой „zubozałuch“ слуга поправлялся, онъ снова могъ обращаться въ тяглое. Такъ бывало въ особенности въ Подоліи, да и въ другихъ южно-русскихъ областяхъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 222, 243 и пр. Грушевскій, Барское староство, 257).

³⁾ Такъ, въ 1514 г., княгиня Слуцкая получила въ данину господарскихъ путныхъ слугъ: по привилею они должны служить ей службу путную, какъ прежде служили господарскому двору, „а она волна ими рассказывати, какъ сво-

бодные, не пользовавшіеся правомъ выхода, не могли безъ воли пана оставлять своихъ службъ и переходить къ другимъ владѣльцамъ ¹⁾. Въ этомъ отношеніи бояре и слуги-отчичи ничѣмъ не отличались отъ тяглыхъ людей, бывшихъ въ отчинномъ подданствѣ.

Въ составѣ похожихъ и отчинныхъ бояръ и слугъ выдѣлялся особый классъ служилыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ слугъ и бояръ-данниковъ, также бояръ осадныхъ, платныхъ, чиншевыхъ и полюдныхъ. Одни изъ нихъ оставались на боярской (ратной) службѣ, съ приплатой лишь чинша или даней (натурою или деньгами) по меньшимъ окладамъ сравнительно съ тяглыми людьми; другіе же вовсе отставлялись отъ службы ратной, переводились вполнѣ на „осаду“, сидѣли безъ службы—„на голумъ пласіе“; старую службу они отправляли лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда въ имѣніи всѣ подданные „гвалтомъ“ шли въ ратный путь ²⁾. Служилые бояре—шляхта и земляне состояли, главнымъ образомъ, на одной шляхетской (военной) службѣ, хотя изрѣдка упоминаются въ актахъ (съ половины XVI вѣка) земляне и бояре, сидѣвшіе на замковыхъ земляхъ на осадѣ или чиншѣ; въ панскихъ имѣніяхъ „чиншевая“ шляхта встрѣчается еще въ актахъ XVIII вѣка ³⁾.

Разсмотримъ теперь самыя *повинности* людей служебныхъ. Специальный характеръ такихъ повинностей выражается въ томъ, что главнымъ назначеніемъ бояръ и слугъ, жившихъ въ имѣніяхъ госпо-

ими *власными*.. какъ своими *подданными*“,—слуги должны быть послушны княжѣ и ея пряднику (Лит. Метр. Судн. дѣлъ, № 1, стр. 61). Въ 1511 г. король Сигизмундъ отдалъ въ частное владѣніе, „на вѣчность“, два дворца съ служебными людьми: „тыи два чоловѣка мають ей (владѣлицѣ) служити по тому, какъ на насъ служили“ (Arch. Sangusz., III, 114).

¹⁾ См., напримѣръ, Лит. Метр. Судн. дѣлъ, № 2, стр. 248. При раздѣлѣ (въ 1571 г.) Глушскаго имѣнія между наследниками-князьями Заславскими, было положено: „слугъ путныхъ и людей волостныхъ—отчичовъ въ obu сторонѣ оденъ отъ другаго пріймовати не маемъ“ (Археогр. Сборн. III, стр. 39).

²⁾ О боярахъ-данникахъ см. А. В. К., XIV, стр. 255. Памятн. III, 101—104; Арх. Сборн., III, № 37 и пр. О боярахъ осадныхъ—А. В. К., XIII, 356 и сл.; XIV, 348, 455, 585 и пр. О чиншевыхъ—ibid., XIV, 11, 226; Арх. Сборн., I, 239. О платныхъ—Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 180. О полюдныхъ—А. В. К., XIV, 17. Ср. Любавскаго. „Областное дѣленіе“, стр. 542.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 77, 108. Изъ инвентаря Гомельскаго старовства 40-хъ годовъ XVII вѣка видно, что въ этомъ староствѣ было нѣсколько боярскихъ селъ,—нѣкоторыя изъ нихъ оставались по старому на шляхетской или боярской службѣ, другія переведены „на осаду“ или „врокъ“ (А. В. К., XIII, 348, 356 и сл.).

дарскихъ и панскихъ, было отправленіе *ратной службы*, лежавшей на имѣніяхъ. Въ старое время вездѣ во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ ратная служба отправлялась, кромѣ княжеской дружины, земскими „волями“, въ формѣ народнаго ополченія, по вѣчевымъ „разрубамъ“ (отсюда „рубленная“ рать-ополченіе, созывавшееся вѣчемъ для обороны земли, а иногда и для нападенія) ¹⁾. Та же самая система ратной службы, въ формѣ народнаго ополченія, несомнѣнно практиковалась по старой пошлѣ и въ западно-русскихъ земляхъ до и послѣ присоединенія ихъ къ литовскому государству. Съ конца XV вѣка, параллельно съ развитіемъ шляхетскихъ *libertates et iura*, возникаетъ и постепенно усваивается въ Литвѣ-Руси польская система обороны государства въ формѣ „земской“, или что то же, шляхетской службы, отправлявшейся *помѣстной милиціей* съ земскихъ имѣній пановъ-землевладѣльцевъ. Первыя начала шляхетско-милиціонной службы полагаются въ литовскомъ государствѣ земскими привилегіями 1387 и 1413 г. ²⁾: съ этихъ поръ оборона государства (*expeditiones, ragonia*) отправляется ратною службой шляхты, становится „рыцарскимъ долгомъ“, или правильнѣе—сословною привилегіей поземельнаго шляхетства ³⁾. Въ эпоху земскихъ привилегій и Статута „нарушенія“ представляютъ собой не старыя народныя ополченія, но лишь шляхетскую милицію, организовавшуюся въ военное время каждый разъ „повѣтовой“ шляхтой съ ея земскихъ имѣній. Съ полнымъ развитіемъ и упроченіемъ политическихъ прерогативъ шляхты (главнымъ образомъ, съ Люблинской уніи 1569 г.) организація ратныхъ силъ государства окончательно выходитъ изъ сферы функций литовскаго государя; въ лицѣ шляхетскихъ органовъ—повѣтовыхъ сеймиковъ и вальныхъ сеймовъ распоряженіе ратными силами государства становится одною изъ главныхъ прерогативъ той самой шляхты, которая сама же отправляетъ съ своихъ имѣній функцію земской обороны государства. Та же система „помѣстной милиціи“ утверждается и въ московскомъ государствѣ; но была глубокая разница, такъ сказать, въ самой природѣ

¹⁾ П. С. Л., I, 34, 41, 61, 73, 212, 232; III, 25, 59; IV, 28, 48, 240, 263, 269. Практиковалась также рать „охочая“, по вызову охотниковъ или „повольниковъ“ (*ibid.*, III, 19 78 и др.), иногда и по найму рати изъ инородцевъ—наряговъ, печенѣговъ, половцевъ, ляховъ и пр. (*ibid.*, I, 10, 12, 18, 55, 61, 62, 96, 181; II, 148), наконецъ, рать союзная, по ряду князей (*ibid.*, I, 107; II, 100. Собр. госуд. грамотъ, I, 37, 45 и пр.).

²⁾ См. *Zbiór praw Litew.*, стр. 1 и 7.

³⁾ См. мои „Источники литовско-русскаго права“, стр. 27.

этой системы по польско-литовскому и московскому праву. Последнее знаетъ ратную службу помѣстной милиціи въ видѣ обязательнаго „государственнаго тягла“ помѣщиковъ,—организация и полное распоряженіе всѣми ратными силами государства всецѣло, въ мирное и осадное время, принадлежить верховному вождю государства. Въ польско-литовской Речи Посполитой, рядомъ съ шляхетскою экспроприаціей финансовыхъ правъ государственнаго фиска, утверждается также экспроприация тою же шляхтой ратныхъ силъ государства. Силы эти разбиваются по панскимъ дворамъ-маетностямъ ¹⁾; владѣльцы послѣднихъ—единственные распорядители въ своихъ имѣніяхъ ратною службой „подданныхъ“—панскихъ служилыхъ людей какъ изъ помѣстной шляхты, такъ и изъ вольныхъ и отчинныхъ тяглыхъ людей. „Служебные“ люди въ польско-литовской Речи Посполитой, какъ и въ Московскомъ государствѣ, отправляютъ обязательную ратную службу; но „тягло“ это регулировалось не обще-государственными интересами, а исключительно мѣстными условіями и волей владѣльца каждаго панскаго двора—маетности въ отдѣльности. Лишь въ осадное, военное время организуются обще-государственныя „посполитыя рушенія“, но всегда по волѣ и на средства шляхты, отражавшей каждый разъ на защиту государства своихъ „служебныхъ“ подданныхъ. Разъ прекращается осадное положеніе,—ратная сила, собранная въ посполитое рушеніе, выходитъ изъ вѣдѣнія государства, расходится въ свои „державы“—панскіе дворы-маетности. Такимъ образомъ, лишь въ осадную пору, по уполномочію и съ соизволенія державной шляхты, государство можетъ располагать ея ратными силами ради своей охраны. Шляхетское государство, по принципу, должно оставаться безъ собственнаго войска, какъ и государственный фискъ—безъ сколько-нибудь устойчивыхъ и достаточныхъ финансовыхъ средствъ.

Главный контингентъ служебныхъ людей отправляетъ *службу*

¹⁾ Раньше замѣчено, что съ Люблинской униіи всѣ „królewskozupny“, въ томъ числѣ и бывшіе господарскіе дворы-маетности, входятъ въ общую массу шляхетскихъ земскихъ имѣній. Служилые люди бывшихъ „господарскихъ“ маетностей отправляли лишь мѣстныя повинности, при своемъ замковомъ старостѣ и по службамъ лишь своего „панскаго“ двора и замка; замковые слуги и бояре, въ существѣ дѣла были такими же панскими слугами, какъ и бояре шляхетскихъ имѣній,—не знали постоянной „государственной“ службы, какъ московскіе служилые люди. „Государству“ служили въ Литвѣ и Польшѣ служилые люди лишь временно, въ пору шляхетскихъ „посполитыхъ рушеній“.

конною¹⁾. Конные бояре и конные слуги—общія, такъ сказать, родовыя названія служилыхъ людей въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ²⁾. Они „служать конемъ“ („или конно“), или „на коняхъ“, „ѣздить верхомъ“, „служать и ѣздить, гдѣ прикажутъ“, „ставятъ коня“, также служатъ „конемъ въ зброн“ („збройне“), или „конно и збройно“, отправляютъ „rowinopośe konna z ogeżem“, „ставятъ коней въ панцырѣ“ и пр.; слугѣ, состоящему на конной службѣ, отводится волока „на конь“³⁾. Конную службу отправляютъ: служилая шляхта, земiane, бояре, слуги и служебники изъ людей похожихъ и отичей на одинаковыхъ основаніяхъ, какъ въ господарскихъ, такъ и въ панскихъ дворахъ-маетностяхъ⁴⁾. Иногда слуги „коней ставятъ“ только на „войну“⁵⁾ или же „ѣздить“ („служать конемъ“) съ листами,—„въ годъ служить три дороги“ (пути) и пр.⁶⁾. Затѣмъ подъ конною службой разумѣется также совмѣстный нарядъ служилыхъ людей и на „войну“, и въ „дорогу“ съ „листами“, „до посылокъ“ (на *posyłce*); одни и тѣ же бояре и слуги конные могутъ наряжаться на военную и путную или листовную службу⁷⁾. Такимъ образомъ, подъ конною службой разумѣется нарядъ служебныхъ людей на войну, а въ мирное время на службу путную (въ дорогу съ листами, на посылки и пр.). Каждый изъ этихъ двухъ главныхъ видовъ конной службы, въ свою очередь, имѣетъ „особныя“ категоріи сообразно съ различными условіями и задачами службы въ осадную пору и въ розрагѣе. Разсмотримъ въ общихъ чертахъ конную службу по главнымъ ея категоріямъ.

¹⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, т. II, стр. 78.

²⁾ Памяти, III, отд. 2, стр. 188. А. З. Р., I, 219. Археогр. Сборн., I, стр. 34. Лят. Стат., 1688, IX, 27; XII, 11—13. Ср. Грушевскій, „Варское староество“, стр. 257.

³⁾ Археогр. Сборн., I, стр. 34, 147, А. В. К., XIV, 9, 17, 363, 372, 412, 478, 639. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 231; ч. VII, т. I, 117, 306; ч. VII, т. II, 134, 142, 276, 419.

⁴⁾ Археогр. Сборн., I, 34. А. В. К., XIV, 9, 17, 363, 403, 466, 468, 601, 639. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 117; ч. VII, т. II, 78, 134, 142 и пр.

⁵⁾ Памяти., III, отд. 2, стр. 188, А. З. Р., I, № 219. А. В. К., XIV, стр. 403. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 120; ч. VII, т. II, 419.

⁶⁾ А. В. К., XIV, стр. 412. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 419.

⁷⁾ Напримѣръ, служилые люди состоятъ „на службѣ боярской (ходятъ на войну) конно и збройно и до посылокъ“—„на *posyłce*“ (А. В. К., XIV, 466, 468); служатъ „збройно и на посылкахъ“ (*ibid.*, 473); „съ листы ѣздить и на войну ходятъ“, (*ibid.*, 601); „служать на службѣ земской и съ листы ѣздить верхомъ“, (*ibid.*, 639); „служать конно,—ѣздить на войну и на всякую дорогу“ при воеводѣ или его вранникѣ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 117) и пр.

Нарядъ служебныхъ людей въ осадное время на „войну“, выѣздъ „конно и збройно“ противъ „непріятельскихъ людей“, носятъ по актамъ техническое названіе *военной службы*¹⁾. Направленная на защиту родной земли и цѣлаго государства („господарства“) служба эта обозначается наименованіемъ *земской* или *господарской службы*²⁾. Затѣмъ въ значеніи сословной привилегіи шляхты-бояръ, владѣвшихъ земскими имѣніями, военная служба именуется также *боярскою* или *шляхетскою*³⁾. Въ литовско-русскихъ актахъ намѣчается еще иное техническое обозначеніе военной повинности въ смыслѣ *путной службы*. Какъ кажется, служба эта стоитъ въ связи съ древне-русскими наименованіемъ войны (въ особенности наступательной) словомъ *путь*. „Идти въ путь“ или „дѣять путь“ (иногда и „поѣздство“) въ старину означало идти съ вооруженною силой на войну ради добыванія полона и дани въ вражеской странѣ⁴⁾. Въ общемъ же смыслѣ ратнаго пути говорятъ о войнѣ и западно-русскіе акты. Такъ, Городельскій земскій привилей 1413 г. возлагаетъ на литовское бояр-

¹⁾ См. Археографическій Сборникъ, II, стр. 239. Archiv. Sangusz., III, 89. А. В. К., XIII, 3. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 594 и пр.

²⁾ См. о службѣ *земской* Archiv. Sangusz., III, 133, 411, 460, 463 и пр. Археографическій Сборникъ, I, 147. А. В. К., XIV, 639. О службѣ *господарской* Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 120.

³⁾ См., напримѣръ, А. В. К., XIII, 348, 356; XIV, 290 (*servitia bojarina*). Arch. Sang., III, 85, 245. Иногда ратная служба называется „службой боярской военной“ или „службой боярскою земскою“ (Археографическій Сборникъ, III, № 111; Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 419). Люди наряжавшіеся на военную службу, получали отъ пановъ земли „на боярскую службу“ (А. В. К., XIV, 443, 585; Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, 93) или „на боярство“ (А. В. К., XIV, 208—210, 338).

⁴⁾ П. С. Л., I, 97, 103; II, 25 и пр. Въ первой главѣ настоящаго очерка указано на старое значеніе „пути“ и „путника“ въ лѣсномъ хозяйствѣ сѣверо-русскаго рольника: „идти въ путь“ значитъ идти на промыслъ лѣсной, охотничій (на пушнаго звѣря и пр.). По былой связи охоты съ войной, послѣдняя также могла квалифцироваться техническимъ именемъ „пути“. Организация наступательной войны имѣла въ виду добываніе такого же „полона“, какъ и промыслъ лѣснаго охотника, или степнаго хищника. Ратное движеніе въ вражескую землю ради военной добычи въ старину можетъ быть такимъ же промысломъ, какъ и „путь“ лѣснаго охотника. Путь могъ обозначать, поэтому, и промыслъ вооруженнаго ратника-воина (напримѣръ, „ушкунника“ Новгородскаго), подобно лѣсному охотнику отправлявшася въ „путь“—хищническій промыслъ ради добыванія ратнаго полона. „Идти въ путь“ иногда замѣняется выраженіемъ: „идти въ дань“. Въ начальной лѣтописи подъ 945 годомъ читается: „Въ се же лѣто речеша дружина Игореві: отроки Свѣнъль жи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы назі; поди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“.

ство повинность „vias expeditiones facere“¹⁾; повинность эта въ первомъ земскомъ привилеѣ Владислава Ягеллы (1387 г.) слагается изъ „expeditio“ и „rogonia“²⁾. Въ записной книгѣ данинъ Казимира слово „путь“ иногда замѣняется словомъ „война“: „Васку Смолянину *войну не ходити*, а ни подводъ давати, зъ городомъ не тягнути... Онъ-дріану Огаоноу зъ братьею изъ двора и зъ селца также зъ городомъ не тягнути, ни *на путь не ходити*, а съ того имъ давати на годъ по корабелнику“. Отсюда и служебные люди, отправлявшіе въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ ратную службу, могли называться „путными“ слугами и боярами, ѣздившими въ ратный „путь“ ради земской обороны или наступленія, по латинскимъ источникамъ—„*servitores expeditionarii*“ (то-есть, слуги, идущіе въ посполитое рушенье),—название, удерживавшееся еще въ актахъ XVI вѣка³⁾. Дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ актовъ этого времени ясно видно, что подъ именемъ путныхъ слугъ и бояръ разумѣлись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ именно служилые люди, обязанные путною службой во время войны. Такимъ образомъ, въ 1514 г. слуги путные княгини Слуцкой доказывали на судѣ, что они служатъ на господаря, а не на княгиню: „здавна зъ предковъ панцырною службою служивали, на войну ѣзживали“,—на собственно путную (листовную) службу нѣтъ никакого намека⁴⁾. Въ другомъ случаѣ на судѣ (въ 1508 г.) полоцкіе мѣщане показывали, что съ купленныхъ ими земель въ волости они „служать путною службою въ панцырехъ“⁵⁾. По инвентарю имѣнія пана Пенскаго, числялось въ имѣніи три слуги ратные и вотъ какъ опредѣляются ихъ повинности: первый изъ нихъ служить господарю (владѣльцу) конемъ; съ волокъ ни однихъ подачокъ не даетъ, только

¹⁾ Выраженіе это различно понимается историками польскими и русскими: „wojny służyć“ (*Даниловича* переводъ—въ *Zbiór praw Litew* 13), также „robenie goszcinców“ (hr. *Platter*, *Zbiór pamiętn.*, I, 9), „odprawianie podróz“, (*Niemcewicz*, *Zbiór pam.*, I, 348), „проведеніе военныхъ дорогъ“ (пр. *Владимірскій-Будановъ*,—въ *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1868, т. 139, стр. 522), „прокладывать дороги“ (*Вестужевъ-Рюминъ*, *Исторія*, II, 68). См. мои „Источники литовско-русскаго права“, 28.

²⁾ *Zbiór praw Litew.*, стр. 1 и 7. *Expeditio*—выходъ на войну ради земской обороны, поидѣйшее „*rospolite ruszenie*“, обыкновенно противъ наступающаго непріятели; *rogonia*—наступательныя дѣйствія, „погона“ за непріятеlemъ. О „*посполитомъ рушеньи*“ см. *Археографическій Сборникъ*, III, № 37.

³⁾ См. *Любаскаго*, *Области. дѣленіе*, стр. 349.

⁴⁾ *Лит. Метр.*, *Суд. дѣль*, № 1, стр. 61.

⁵⁾ *Ibid.*, № 2, стр. 50. А. З. Р., I, № 185; II, 61.

всегда на кони сѣдять, а на войну ѣдутъ". Другой—„слуга конный, служить господарю изъ дѣдизны конемъ збройне, яко прислушить на доброго молодца на шляхту". Здѣсь слуга путный—то же, что и конный; „конный" и „путный"—понятія тождественныя ¹⁾). По справедливому замѣчанію г. Любавскаго „военная служба и была тою путною службой", какою въ Полоцкой землѣ несли сельскіе путники и мѣщане, покупавшіе волостныя земли ²⁾). Слуги путные „служили панцырною службою", безъ другихъ повинностей (почему иногда и назывались прямо „панцырными" слугами), кромѣ Полоцкой земли, также въ другихъ Кривичскихъ земляхъ (Смоленской и Витебской), какъ и, повидимому, въ собственной Литвѣ; кромѣ панцырной или военной службы, отправлявшейся „ведле можности своее", путные слуги не несли никакихъ другихъ повинностей ³⁾). Въ Подляхія и во всей южной половинѣ литовскаго государства (особенно на Волини, Подоліи и Кіевщинѣ), судя по всѣмъ показаніямъ инвентарей и другихъ актовъ, „путная" служба получила техническое значеніе собственно „листовной" службы и дорожной сторожи; слуги, отправлявшіе здѣсь „особно" военную службу, назывались вообще конными, панцырными и пр. ⁴⁾). Г. Любавскій полагаетъ, что и въ Полоцкой землѣ и Литвѣ путные люди „панцырной службы" первоначально также несли одну листовную службу и лишь послѣ перешли на службу панцырную, почему „въ сущности уже переставали быть путными и только по простой традиціи удерживали свое прежнее имя" ⁵⁾). Положеніе это, какъ намъ кажется, нельзя признать вполнѣ вѣрнымъ. Въ виду указаннаго выше значенія ратныхъ „путей" (expeditiones, vias exped.) по памятникамъ XIV и XV вѣковъ, есть основаніе полагать, что названію „путными" полоцкихъ слугъ, отправлявшихъ военную службу, нужно придавать значеніе простаго наслѣдія „изначальнаго" обозначенія ратныхъ людей въ древне-русскихъ земляхъ,—наслѣдія, удерживавшагося „по традиціи" съ старымъ значе-

¹⁾ Археографическій Сборникъ, I, стр. 34—35.

²⁾ См. Любавскаго, „Областное дѣленіе", стр. 351.

³⁾ Ibid., стр. 349—352, гдѣ сведены изъ Литовской Метрики данныя о службѣ путныхъ слугъ изъ собственной Литвѣ и Кривичскихъ земляхъ,—вездѣ въ смыслѣ „военной" или „панцырной" службы, безъ всякаго намека на собственно путную (листовную) службу.

⁴⁾ См. ниже—о путныхъ слугахъ и боярахъ въ техническомъ смыслѣ. Ср. также Любавскій, стр. 354—355.

⁵⁾ См. „Областное дѣленіе", стр. 349

ніемъ въ Кривичскихъ земляхъ и сосѣдней Литвѣ еще въ актахъ XVI вѣка. Что касается затѣмъ техническаго обозначенія терминомъ „путный“ специальной службы—листовной, то, по всей вѣроятности, его нужно считать болѣе поздней, производною модификаціей первоначальнаго значенія „пути“ въ общемъ смыслѣ вооруженнаго наряда служебныхъ людей на „войну“ съ наступавшимъ непріателемъ.

Затѣмъ, по способамъ ратнаго снаряженія и различію боеваго вооруженія, какъ и вообще въ соотвѣтствіи съ специальными функциями ратнаго строя, служебные люди и ихъ военная служба обозначаются иногда въ актахъ особыми специальными эпитетами. Служба ратника, снаряжающагося на войну вооруженно, съ „доспѣхами“, „кошко и збройно“, называется вообще „доспѣшною“; по болѣе тяжелому или легкому снаряженію, въ панцырѣ или съ однимъ щитомъ, и служба называется „панцырною“ или „щитною“. Соотвѣтственно съ этимъ и ратники носятъ особыя названія „слугъ и бояръ доспѣшныхъ и панцырныхъ“ или „путныхъ“¹⁾. Всѣ эти категории ратныхъ людей существовали въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ²⁾ и иногда отправляли, кромѣ специальныхъ службъ, и нѣкоторыя повинности людей тяглыхъ. Личный составъ ратниковъ слагается изъ слугъ и бояръ, какъ изъ шляхты (особенно въ ряду бояръ панцырныхъ), такъ и изъ людей прихожихъ и отчичей³⁾.

¹⁾ Въ актахъ есть прямыя указанія на однородность службы доспѣшной и панцырной или щитной. Напримѣръ, въ листѣ великаго князя Александра, 1497 г., Сенку Тереховичу на село Золотовяне читаемъ: „служба съ того сельца идетъ панцырнал“... а намъ съ того (села) службу доспѣшную служить“ (Литов. Метр., № 5, стр. 63).

²⁾ Иногда цѣлыя села состояли изъ однихъ ратныхъ людей. Напримѣръ, по описи Кіевского замка, 1552 г., въ замку принадлежало 7 сель панцырныхъ слугъ; на службу выходило изъ этихъ сель 146 панцырныхъ людей. Во время описи села были пусты (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 121).

³⁾ А. З. Р., I, № 219. Памятники, III, отд. 2, стр. 188. Археографическій Сборникъ, III, № 2 и 37. А. В. К., XIV, стр. 375 и 622. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 120; ч. VII, т. II, 419. Литов. Метр., Записей, № 3, стр. 89; № 4, стр. 155; № 5 стр. 63. Данныя изъ Литовской Метрики касательно слугъ доспѣшныхъ, панцырныхъ и щитныхъ собраны въ соч. Любавскаго „Областное дѣленіе“, 349, 356—358. Въ панскихъ имѣніяхъ слуги доспѣшные (главнымъ образомъ, изъ отчичей и людей прихожихъ, не-шляхты) отправляютъ иногда повинность ѣзды съ паномъ и съ листами разъ или два въ годъ (Археографическій Сборникъ, III, № 37). Кромѣ того, слуги платятъ иногда медовую дань, дякло, (овсомъ, житомъ на осѣвъ), посощану и пр. (см., напримѣръ, Археографическій Сборникъ, III, № 2).

Доспѣшныя ратники отправляютъ военную службу подъ разными названіями, смотря по роду „зброи“ и „доспѣховъ“, съ какими каждый ратникъ долженъ былъ являться на войну. Въ источникахъ упоминаются слѣдующія „збройныя“ службы:

а) *Служба стрѣлецкая* ¹⁾ отправляется „стрѣльцами“ или „стрѣльниками“ ²⁾, прислухавшими къ дворамъ господарскимъ ³⁾ и панскимъ“. Въ панскихъ имѣніяхъ сами владѣльцы могли наряжать въ стрѣльцы своихъ подданныхъ; есть также акты о господарской данинѣ отдѣльныхъ стрѣльцовъ ⁴⁾ или же въ составѣ жалованныхъ имѣній. Последній случай, напримѣръ, записанъ въ листѣ 1424 г. Черниговскаго князя Болеслава-Свидригайла Максиму Владу на „весь“ Коссовъ въ Снятинской волости, подъ условіемъ службы, „копьемъ и съ двумя стрѣльцами“ ⁵⁾. Стрѣльцы, подобно другимъ служилымъ людямъ, получали земли „на особную службу“. Въ господарскомъ листѣ 1586 г. стрѣльцу Пуньскаго двора на данную ему сѣножать съ лѣсомъ такъ опредѣляется „особная“ служба съ данной земли: „мають съ того службу стрѣлецкую намъ служить, въ часъ потребный коня оттоль ставить и на службу земскую ѣздити“ ⁶⁾. По уставу о волокахъ 1557 г. и другимъ актамъ, стрѣльцы, жившіе въ господарскихъ волостяхъ, должны являться на войну и въ ловы ⁷⁾ съ „зброей—ручницами и мечами“ ⁸⁾.

б) *Служба копейничкая* составляетъ особую повинность *копейниковъ*, жившихъ подобно стрѣльцамъ въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ. Какъ видно изъ приведенной выше грамоты черниговскаго князя Свидригайла, 1424 г. и изъ описи Черкаскаго замка, 1552 г., копейники являлись на войну „въ зброяхъ“—съ копьемъ, также съ „кордами, алябардами и ощепами“ ⁹⁾.

в) *Служба пушкарская*. Къ составу слугъ замковыхъ принадле-

¹⁾ О „службѣ стрѣлцкой“ см. А. В. К., XIII, стр. 24.

²⁾ О „стрѣльникахъ“ см. Копія Литовской Метрики, V, 190,—1499 годъ.

³⁾ См. напримѣръ, А. З. Р., III, № 19, п. 4 (уставъ о волокахъ 1557 г.); Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 90 и пр.

⁴⁾ См. Копія Литовской Метрики, V, 190,—листъ 1499 г. на данину господарскаго стрѣльца въ частное владѣніе.

⁵⁾ Литовская Метрика, Перенасей, № 17. В., стр. 160.

⁶⁾ А. В. К., XIII, стр. 24.

⁷⁾ А. З. Р., III, № 19, п. 4.

⁸⁾ Опись Черкаскаго замка 1552 г. (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 90).

⁹⁾ Литовская Метрика Перенасей, № 17. В. стр. 160. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 90.

жать „пушкарн“, жившіе при замкахъ и по селамъ господарскимъ и панскимъ. На „пушкарство“, какъ видно изъ актовъ, набираются слуги не только изъ отчичей и людей похожихъ, но и изъ „паробковъ“ (невольной челяди)¹⁾. Пушкарн получаютъ „на урядъ“, или пушкарство, опредѣленную денежную плату изъ замковаго „скарба“ или же имъ дается земля „вольная“ отъ всякихъ податковъ и повинностей. Въ военное время пушкарн „пильнуютъ“ стрѣльбу (стрѣлянье) изъ замковой „арматы“ или „гаковницъ“ (пушекъ); затѣмъ къ пушкарству относится вообще „дозоръ арматы“. Въ обыкновенное время замковые пушкарн „робятъ селитру и порохъ“ изъ замковаго матеріала, также куютъ и „оправуютъ“ всякую „стрѣльбу“, то-есть. ручницы и другое „дѣло“ (оружіе)²⁾.

Въ составѣ крестьянскихъ дворовъ упоминаются изрѣдка въ источникахъ также ратные „служебники“, подъ именемъ *драбовъ*, *жолнеровъ* (*zolnięz*) и *карель*³⁾ господарскихъ и панскихъ. По всему видно, здѣсь обозначаются не особые разряды служилыхъ людей, но лишь общія названія рядовыхъ ратниковъ-стрѣльцовъ и др.⁴⁾.

Ратныя „послуги“, на какія наряжались служебные люди, различно отправляются въ военное и мирное время.

При вторженіи непріятеля въ страну наступалъ „часъ неспокойный“—„пора военной тревоги и опасности отъ непріятельскихъ людей“,—наступалъ „часъ *посполитаю рушеня*“, организацин земской обороны отъ наступавшаго врага, путемъ созыва на военную службу всѣхъ „почтъ“ ратныхъ людей, жившихъ при замкахъ и въ селамъ господарскихъ и панскихъ. Служить „на войнѣ конно и збройно“, „ставить конь на послугу военную“, значило участвовать въ посполитомъ рушеніи и вообще въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ вторгшагося въ страну непріятеля,—ѣздить противъ непріятельскихъ лю-

¹⁾ См. Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ, № 3, стр. 61.

²⁾ См. А. В. К., XIII, стр. 572. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 80, 594, 601; ч. VII, т. II, 35, 89, 414.

³⁾ Карель—литовскій терминъ: „kareiwis“ = Krieger,—то же, что драбъ или жолнеръ; „karelis“ и „karas“ = Krieg, Kampf. См. *Nesselmann*, Wörterbuch, стр. 179.

⁴⁾ По описанію Черкаскаго замка 1552 г. составъ („почты“) служебниковъ ратныхъ при замкѣ слагается изъ опредѣленнаго числа „драбовъ“, дѣлвшихся на десятки, каждый изъ копейниковъ и стрѣльцовъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 90). О жолнерахъ въ частномъ имѣніи см. А. В. К., XIII, 474. О карелѣ господарскомъ—Коп. Лит. Метр., V, 169 и 172 (1499 годъ),—въ подлин. Метричѣ, стр. 116 и 118.

дей „поспону“ со всѣми „почтами“ служебныхъ людей, созванныхъ на войну и пр. Отъ участія въ „войнѣ“, или посполитыхъ рушеніяхъ, освобождались лишь замковые слуги и служки, обязанные безземѣнно „лежать“ въ замкахъ ради „сторожи“ ихъ отъ непріятельскихъ людей ¹⁾. Въ осадную пору, когда грозила опасность обложенія непріателемъ укрѣпленныхъ остроговъ и замковъ, „лежаніе“ въ нихъ ради обороны отъ непріятеля, особенно въ пору самой осады, было повинностью всѣхъ служебныхъ людей, выходившихъ на войну при первой надобности ²⁾. Разъ загонъ непріятельскихъ людей вторгнулся за земскіе рубежи съ вооруженной силой, служебные люди обязаны были идти въ погоню за ними тотчасъ по полученіи „вѣсти“ о вторгшемся загонѣ. Еще по земскому привилею Владислава-Игелы, 1387 г., бояре должны отправляться въ „рогоніа“, то-есть, по замковымъ люстраціямъ XVI вѣка, собираться въ наступленіе, „ѣздить въ погоню за непріятельскими людьми“ ³⁾.

Ратная повинности служебныхъ людей не совсѣмъ прекращались и послѣ „розартя“, въ пору, свободную отъ вражескаго „разоренія“ и „полоха“. Сюда въ особенности относится такъ называемая „сторожа“, известная подъ двумя отдѣльными видами—сторожи „польной“ и „замковой“. Сторожа составляла общую повинность всѣхъ „подданныхъ“ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ и отправлялась обыкновенно нарядомъ на „особную“ службу мѣстныхъ ратныхъ людей, „прислухавшихъ“ къ дворамъ панскимъ и господарскимъ. Сторожа польная практиковалась по преимуществу въ значеніи мѣстной повинности населенія окраинныхъ областей государства; сторожа зам-

¹⁾ См. Арх. Сборн., III, № 37. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2; ч. VII, т. I, стр. 81, 329, 588, 594; ч. VII, т. II, стр. 118, 419. А. В. К., XIV, стр. 226. Подробности—у *Любавскаго*, 526 и слѣд.

²⁾ О такой повинности говорится въ особенности въ люстраціяхъ южно-русскихъ замковъ XVI и XVII вѣковъ. Такъ, по люстраціи Черпобильскаго замка, 1552 г., „въ часъ непокойний“ служилые люди, тяпувшіе къ замку, должны „лежать“ не только въ своемъ замкѣ, но и въ Кіевѣ, при воеводѣ, для замковой сторожи и обороны замка отъ непріятеля (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 588). По люстраціи Кременца, 1563 г., замковые слуги въ военное время должны постоянно находиться въ своемъ замкѣ, при старостѣ замковомъ или его подстаростимъ, „зѣнжати“ изъ замка противъ подступавшихъ непріятельскихъ людей и вообще „тримати стражу“ отъ послѣднихъ тамъ, гдѣ и раньше стерегли и гдѣ будетъ имъ приказано старостою или его врандывами (*ibid.*, ч. VII, т. II, 118).

³⁾ См. *Zbiór pr. Lit.*, стр. 1 и сл. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 82 и пр. Ср. *Любавскій*, 526.

ковая держалась, напротивъ, вездѣ, гдѣ только существовали замки и укрѣпленные остроги, въ имѣніяхъ не только господарскихъ, но и панскихъ. Разсмотримъ сначала главнѣйшія данныя, относящіяся къ польной сторожѣ, насколько, конечно, это необходимо ради общей характеристики повинностей различныхъ крестьянскихъ классовъ ¹⁾.

„*Польная сторожа*“ (сторожа „полевая“ или „опольная“, также просто „поле“) ²⁾ или „служба поленицкая“ ³⁾, представляетъ собою по литовско-русскимъ актамъ мѣстную форму обще-русскаго и, какъ кажется, общеславянскаго института пограничной сторожевой службы, искони учреждавшейся въ открытыхъ земскихъ порубежныхъ, ради общаго „дозора“ за „непріятельскими людьми“, въ видахъ своевременнаго принятія мѣръ земской обороны на случай непріятельскаго вторженія въ страну. Въ южно-русскихъ порубежьяхъ, искони подвергавшихся нападеніямъ кочевниковъ сосѣднихъ степей, до конца XI вѣка практиковалась система огражденія земскихъ рубежей непрерывными земляными валами съ сторожей, въ лѣсныхъ мѣстахъ—засѣнками. По восточнымъ границамъ русскихъ земель, также ради огражденія ихъ отъ сосѣднихъ хищниковъ, велось „строеніе черты“—порубежной линіи съ острожками, валами, сторожей и пр. ⁴⁾. Съ тою же цѣлью по южно-русскимъ окраинамъ, въ XI и XII вѣкахъ, заводятся военныя порубежныя поселенія инородцевъ (черныхъ клобуковъ и козарь) ⁵⁾. Ради своевременнаго отраженія нападавшаго врага искони практикуется на русскихъ порубежьяхъ добываніе „ратныхъ вѣстей“, — институтъ, принадлежавшій въ древней Руси къ главнымъ земскимъ повинностямъ, стоявшимъ въ связи съ ратнымъ дѣломъ ⁶⁾.

¹⁾ Данныя касательно польной сторожи почти не разработаны въ существующихъ изслѣдованіяхъ; мы войдемъ, поэтому, въ нѣкоторыя подробности по этому вопросу, стоящему въ близкой связи съ системой мѣстныхъ повинностей крестьянъ.

²⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 81—82, 95; т. II, 22.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 10 (опись Овручскаго замка, 1545 г.).

⁴⁾ См. проф. И. Бяляева „Сторожевая, станичная и полевая служба на польской украинѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Мих.“ (*Чтенія* въ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1845, I; 1846, IV; отдѣльно — 1846). Проф. В. Антоновича „Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли“ (*Кіевская Старина*, 1884, мартъ). *Więlowski*, *Monum. Polon. hist.*, I, 224 (письмо, 1008 г., *Брунна*, архіеп. Мерзебургскаго къ имп. Генриху II—о путешествіи къ печенѣгамъ).

⁵⁾ *Иловайскій*. *Исторія*, I, 308; II, 17. *Бестужевъ-Рюминъ*. *Ист.*, I, 172.

⁶⁾ См., напримѣръ, А. А. З., I, 31, 58, 87. У монголовъ также извѣстенъ былъ институтъ „ратныхъ вѣстей“: всякій, кто узнавалъ о готовящемся набѣгѣ

Добываніе вѣстей ратныхъ лежало на пограничномъ населеніи; мѣстные правители, получавшіе такія вѣсти, должны были отправлять съ ними ѣздоковъ къ князьямъ въ стольные города; ѣздки пользовались на пути правомъ „повоза“, первоначально и учреждавшася, главнымъ образомъ, для доставки ратныхъ вѣстей ¹⁾. Въ связи съ ратными вѣстями стоятъ учрежденіе по пограничнымъ путямъ (по какимъ обыкновенно велись набѣги сосѣднихъ хищниковъ) „сторожи“, или „просоки“, позже *сторожевой* или береговой службы ²⁾.

Цѣлью такой сторожи было добываніе ратныхъ вѣстей, развѣдки о движеніяхъ въ степи кочевниковъ, охрана пограничной линіи съ острожками и пограничнаго населенія отъ внезапныхъ вражескихъ набѣговъ и пр. „Сторожа“ въ этомъ смыслѣ упоминается въ начальной лѣтописи уже въ X вѣкѣ ³⁾. Посылка дружины и земскихъ воевъ въ сторожу или просоку, въ „поле“ (отсюда „полевая“ сторожа), по путямъ слѣдовала обыкновенно тотчасъ по полученіи ратныхъ вѣстей ⁴⁾. Въ своихъ докончаніяхъ старые земскіе князья нерѣдко уговариваются о совмѣстной сторожѣ противъ общаго ихъ врага ⁵⁾. Подобная же полевая сторожа упоминается въ старо-польскихъ актахъ XII и слѣдующихъ вѣковъ подъ разными именами: *stroża*, *pole* или *opole* (*orpole*, *opole*, *obole*), *vicinia*, *custodia*, то въ значеніи натуральной повинности, главнымъ образомъ, пограничнаго населенія, то денежнаго сбора (*exactio*), взимавшася въ замѣнъ повинности натурою съ волостей во внутреннихъ областяхъ государства ⁶⁾.

Въ литовско-русскомъ государствѣ полевая сторожа, какъ видно

сосѣднаго племени, долженъ былъ сообщать о томъ улусному вождю лично или посылать особыхъ ѣздоковъ съ „ратною вѣстью“. Такіе ѣздки вездѣ по пути имѣли право безпрепятственно брать подводы; для ѣздоковъ съ „вѣстями“ и стали нперные заводиться въ Ордѣ татарскіе „ямы“ (см. мое соч. „Къ исторіи права русск. инородцевъ. Калмыц. право“, I, 320).

¹⁾ Собр. госуд. грамотъ, I, 2. Въ XIV вѣкѣ по татарскимъ порубежнымъ слѣдѣли люди „охочіе“, „доброхоты“, добывавшіе „языка“ и извѣщавшіе князей о всѣхъ движеніяхъ въ Ордѣ (П. С. Л., IV, 81).

²⁾ Въ одномъ актѣ 1360 г. ордынская сторожа названа „карауломъ“ (А. И., I, 3).

³⁾ П. С. Л., I, 28.

⁴⁾ Ibid., III, 41; IV, 82.

⁵⁾ Собр. госуд. грамотъ, I, 172. А. А. Э., I, 14.

⁶⁾ См. *Russisches und Muszkowski, Codex diplom. Poloniae*, I, стр. 4, 79, 102 и пр.; II, 142, 616; III, 74, 90, 186. *Russynski, Codex dipl. Mag. Poloniae*, 14, 22, 75, 80.

изъ актовъ, составляла „давній обычай“, практиковавшійся въ пограничныхъ областяхъ, въ особенности прилегавшихъ на югѣ съ татарской степью, а на востокѣ съ московскими землями ¹⁾). Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что польная сторожа являлась необходимымъ „обычаемъ“ и по сѣвернымъ рубежамъ Литвы-Руси, гдѣ изстари шла постоянная борьба съ сосѣдними нѣмцами; „застава“, о какой упоминаетъ Полоцкій привилей 1511 г. ²⁾, несомнѣнно имѣетъ значеніе не одной замковой, но и польной сторожи противъ „почтъ“ и загоновъ нѣмецкихъ рыцарей, вторгавшихся по временамъ въ сосѣднія литовскія и кривичскія земли. Польная сторожа по западнымъ границамъ съ Польшей въ актахъ не упоминается; тѣмъ не менѣе можно полагать, что въ старину, особенно до болѣе тѣснаго сближенія Литвы съ Польшей, и на западной границѣ практиковалась та же самая сторожа, какая велась на другихъ порубежьяхъ. Сторожа польная снаряжается вообще „для осторожности“ отъ всякихъ „непріятелей“ или „непріятельскихъ людей“—татаръ, турокъ, москвичей и др. ³⁾. Люди „стерегутъ на окраинѣ“ или „въ полѣ“ прежде всего „для доведенія вѣстей (или „слуховъ“) о войску татарскомъ“, вѣстей, собиравшихся „по всѣмъ украиннымъ замкамъ“ и непосредственно „подъ непріятельскими людьми“, — для „wuwiedania strony niebezpieczności od pierzyciela“, — для „выстерегиванія“, „дозора“, „отвѣдыванія“ и „береженья“ шляховъ (путей), по какимъ обыкновенно ходятъ непріятельскіе загоны,—наконецъ, иногда и ради охраны людей, бывшихъ „на пашнѣ“ или въ „ловахъ“ замковыхъ, отъ внезапнаго нападенія непріятеля и пр. ⁴⁾. Какъ видно изъ актовъ, польная сторожа не была личною повинностью пановъ и вообще повѣтовой шляхты, какъ это прямо оговаривается, напримѣръ, въ Полоцкомъ привилей ⁵⁾. „Заступовать“ сторожу обязаны были по „давнему обы-

¹⁾ О польной службѣ говорятъ мнестари подольскіе (Варскаго староства, замковъ Винницкаго и Браславскаго), волынскіе (Кременца) и въ особенности кіевскіе (Кіева, Житомира, Овруча, Остра, Черкасъ, Канева). Полевая сторожа учреждалась также по восточной границѣ выше Кіевской земли (напримѣръ, въ Рѣчицкомъ староствѣ Придѣпровья)—отъ москвичей съ татарами.

²⁾ А. З. Р., II, № 70.

³⁾ См., напримѣръ, инструкцію Рѣчицкому державцѣ, 1529 г.,—*Любавскій*, стр. 525.

⁴⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 617; т. II, 29 — о „довѣданьи вѣстей“ и пр.

⁵⁾ А. З. Р., II, № 70.

чаю“ всѣ подданные господарскіе и панскіе; самое же „снаряженъе“ (сторожи) было „особною“ службой сторожей, взданныхъ въ „поле“ изъ состава, какъ замковыхъ слугъ и бояръ панцырныхъ и путныхъ— по наряду мѣстныхъ старостъ или ихъ урядниковъ, такъ и изъ волостныхъ подданныхъ по наряду самихъ волощанъ.

Нарядъ „мужиковъ“ иногда дѣлался и по распоряженію владѣльцевъ, напримѣръ, королевы Боны (владѣвшей Кременцемъ), „обравшей“ 24 слуги изъ „тяглыхъ мужиковъ“ между прочимъ, „для доведанья вѣстей“ ¹⁾.

По инструкціи Рѣчицкому державцѣ, 1529 г., на полную службу наряжаются „люди добрые и годные на добрыхъ коняхъ“ ²⁾. По нѣкоторымъ инвентарямъ волощане наряжаютъ въ полные сторожа особыхъ „вздныхъ“ съ придачей имъ „возжей“ (водчихъ, проводниковъ). Иногда же, вмѣсто снаряженія сторожи натурою, волощане давали ежегодно „сторожовщину“ по опредѣленнымъ денежнымъ окладамъ ³⁾. На южныхъ окраинахъ, напримѣръ, въ Кіевщинѣ, гдѣ была необходима постоянная сторожа отъ татарскихъ загоновъ, существовали иногда цѣлыя села изъ ратныхъ людей, несшихъ на мѣстѣ сторожевую или „поленницкую“ службу.

Въ половинѣ XVI вѣка къ Кіевскому замку непосредственно тянули три села (Кривое, Ходоровкова и Сокольчи) „польныя“, отправлявшія сторожу на границѣ и дававшія сообща небольшую медовую дань ⁴⁾. Нужно полагать, что сплошные ряды „польныхъ“ поселковъ и хуторовъ могли быть обычнымъ явленіемъ въ волостяхъ другихъ замковъ, лежавшихъ ниже Кіева, на самомъ порубежьѣ съ татарскою степью. Въ мѣстахъ, болѣе отдаленныхъ отъ южныхъ рубежей, „польные“ люди, или „поланицы“, жили въ селахъ обыкновенно съ другими разрядами слугъ и тяглыхъ людей ⁵⁾. На южныхъ окраинахъ,

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 29.

²⁾ *Любавскій*, 525.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 111.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 121,—опись Кіевского замка, 1552.

⁵⁾ Такъ было, напримѣръ, въ волостяхъ Житомирскаго староства, по люстраціямъ 1471 и 1501 г. Въ селѣ Романово было 27 данниковъ, 1 слуга (путный) и 9 „поланицъ“, „што земли не держать“; въ с. Крошиѣ съ данниками, ловцами, и коланями (убогими) жили люди „польные“ (въ 1471 г. — 12 чел., въ 1501 г. — 20 чел.), „што овле (подъ селомъ) пашутъ“... Польные люди платили подымщину, болковщину (плату съ воловъ) и овсяное дябло (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2; ч. VII, т. II, стр. 5 — 6). Точно также въ селахъ Овручскаго замка

подвергавшихся постояннымъ набѣгамъ татарскихъ загоновъ, польная сторожа правится „каждого часу подлѣ давного обычая“, какъ это положено, напримѣръ, въ привилеѣ кievскихъ мѣщанъ, 1514 г. ¹⁾. Въ такихъ случаяхъ польные люди являлись на сторожу обыкновенно „чергами“, по недѣлямъ или въ иномъ порядкѣ. Въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ сторожа снаряжалась не „установичне“ (постоянно), а „водлугъ часовъ potreбы“, въ особенности когда получались „вѣсти“ или „слухи“ о движеніи къ рубежамъ татарскихъ загоновъ.

Иногда, впрочемъ, хотя бы и не было „слуховъ“, мѣстные бояре панцырные и путные съ старостою или его урядникомъ обязаны были въ теченіе лѣта разъ, два и три ѣздить въ польную сторожу для „дозора“ шляховъ татарскихъ и пр. По инвентарямъ Мозырскаго и Винницкаго замковъ половины XVI вѣка польная сторожа назначается обыкновенно въ лѣтнее и весеннее время „для пашни“ (то-есть, во время полевыхъ работъ) или въ замковые ловы, для „дозора“ ихъ отъ непріятельскихъ людей ²⁾. Гдѣ велась „установичная“ сторожа (какъ, напримѣръ, въ староствахъ Каневскомъ, Черкасскомъ и пр.), тамъ по обычаю намѣчались „урочистые“ сторожевые пункты въ извѣстномъ разстояніи отъ замковъ (въ 3-хъ, 5-ти, иногда и въ 12 миляхъ), гдѣ постоянно, по „чергамъ“, стояли для дозора польные люди; такіе пункты одновременно назначались въ нѣсколькихъ мѣстахъ на „поля“ или по обычнымъ „шляхамъ“ татарскихъ загоновъ. Въ ближайшихъ пунктахъ сторожу держали сами жители, а въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ 12 миляхъ отъ замка) сторожа держится на шляхахъ обыкновенно замковыми служками, по наряду старость ³⁾.

Замковая сторожа принадлежитъ къ ратнымъ повинностямъ, прак-

(по люстр. 1545 г.) были волощане, которые „слыжутъ службы поленицкое“ (ibid., ч. VI, т. I, № 10); и въ составѣ мѣщанъ были люди „поленицкіе“, которые „служать конемъ“ (на полѣ), а также ѣздятъ при гонцахъ въ Орду (ibid., стр. 118).

¹⁾ См. Любавскій, 526.

²⁾ См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 601 и 617.

³⁾ По люстраціи Киевскаго замка, 1552 г., ближайшимъ пунктомъ „сторожи отъ поля“ считается „валъ“ у Золотыхъ воротъ, гдѣ сторожу держали сами мѣщане; въ пору люстраціи вѣсто сторожи мѣщане данали воеводѣ „сторожовщину“—15 копъ грошей въ годъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, I, стр. 111). О польной сторожѣ см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 118; ч. VII, т. I, стр. 81, 95, 111, 121, 329, 350, 594, 601, 608 и 617; ч. VII, т. II, стр. 5, 22, 118, 184. А. З. Р., I, № 210; II, № 70.

тиковавшимся изстари во всѣхъ русскихъ земляхъ ¹⁾. Въ древне-русскихъ городахъ, острогахъ и твердяхъ всегда должны были находиться ратные люди ради отправленія городской „сторожи“ („заставы“, „за-сады“ или „осады городской“). Обязанностью воевъ, сидѣвшихъ въ городахъ, было „стеречися“ отъ внезапныхъ нападеній непріятеля. При „розмирья“ прежде всего увеличивается городная осада,—посылаются вой отдѣльно въ города и волости „блюсти ихъ отъ поганыхъ“ ²⁾! Въ мирное время считалось также необходимымъ „сидѣнье“ сторожи по городамъ и по пограничной линіи съ твердями и острожками ³⁾. По литовско-русскимъ инвентарямъ и другимъ актамъ XVI и XVII вѣковъ, замковая сторожа держится въ военное и мирное время. Люстрація Кременца 1563 года предписываетъ замковымъ служкамъ въ военное время, не отъѣзжая на войну, оставаться въ замкѣ при старостѣ, „зѣбзжать изъ замка и стражу тримать“ противъ наступавшаго непріятеля ⁴⁾. Точно также по люстраціи Чернобыльскаго замка, 1552 года, служилые земляне, „въ часъ непокойный“ отъѣзжавшіе съ старостой противъ непріятеля, должны „лежать“ въ Кіевѣ при воеводѣ, ради усиленія замковой сторожи ⁵⁾. О такой же сторожѣ ратныхъ „почтъ“ въ осадное время упоминаютъ люстраціи XVII вѣка ⁶⁾. Въ „розратѣ“ замковая сторожа ведется сторожами (straży, strażnicy) дневными—„воротными“ (wrotny) и ночными „кликунами“. Воротные „завѣдаютъ и стерегутъ“ замковые ворота, также „прислужуютъ“ старостѣ; кликуны ведутъ ночное „кликанье“ и „гласанье“,—„стерегутъ и кличуть“, „лежать съ бронями“, ходятъ по бланкамъ (стѣнамъ городскимъ) и пр. ⁷⁾. Изъ инвентарей видно, что въ старое время замковая сторожа отбывалась обыкновенно самими волостями натурою: села ставили сторожей изъ своихъ служебныхъ

¹⁾ Въ старыхъ памятникахъ польскаго права повинность эта извѣстна подъ именемъ „custodia castrі“ или „stroża“ (*Racynski, Codex dipl. Mag. Polon., 35, — годъ 1259*).

²⁾ П. С. Л. III, 168 и пр.

³⁾ Ibid., 88.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 118.

⁵⁾ Ibid., ч. VII, т. I, 588.

⁶⁾ Напримѣръ, по люстраціи Остерскаго замка, 1628 (*ibid., стр. 350*), бояре должны быть на замковой стражѣ во время военной тревоги,—„крѣпко боронить“ замокъ отъ непріятеля.

⁷⁾ Арх. Сборн. I, стр. 188. Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. I, стр. 87; *ib. т. II, 22, 26. Arch. Sangusz. IV, 455. А. Р. К. XIII, 80 и пр.*

людей, „чергами“, по недѣлямъ ¹⁾). Есть указанія на цѣлыя села сторожей; напримѣръ, по инвентарю Волковыйскаго замка, начала XVI вѣка, для охраны замка наряжались „особые“ сторожа Рудницкіе, жившіе отдѣльными селомъ (изъ 18 службъ) ²⁾. По инвентарямъ XVI вѣка волости по большей части, въ замѣнъ сторожи натурою, „складаючися“ даютъ замковому уряду денежный сборъ—„старожовщину“, или „кляковщину“, для найма сторожей, обыкновенно изъ „драбовъ“ ³⁾.

На такихъ же основаніяхъ наряжалась волостными людьми сторожа „остроговая“, или служба „паркановая“, для охраны воротъ у „остроговъ“ (паркановъ) — деревянныхъ стѣнъ („тынь“, „столпье“ и проч.), какими обыкновенно обводились внѣшніе городскіе валы за главными замковыми стѣнами (каменными) ⁴⁾.

Въ источникахъ упоминаются, затѣмъ, „особныя“ сторожевыя службы, которыя, подобно полевой и замковой сторожѣ, отправлялись волостными нарядомъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ. Таковы: а, сторожа „водная“ — изъ „побережниковъ“, охранявшихъ, иногда съ подмогой тяглыхъ людей, рѣчные и озерные ловы отъ „злодѣевъ“ и пр. ⁵⁾ б, сторожа „лѣсная“, охрана пуццъ отъ порубокъ и истребленія въ нихъ звѣрей — повинность „сторожей лѣсныхъ“ (stróży leśny), гаевниковъ (gaiewin) и мѣстныхъ лѣсничихъ, имѣвшихся въ лѣсныхъ мѣстностяхъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ. Осочники, кромѣ „особной“ службы ловецкой (см. ниже), также берегутъ пуцци, чтобы никто самовольно не жегъ въ нихъ золы и не билъ звѣрей, какъ и бортники „бору пильнують“ ⁶⁾. Сюда же относятся сторожа *ловецкихъ дворовъ* въ пуцахъ господарскихъ и пан-

¹⁾ См. напримѣръ, иллюстраціи Луцкаго и Браславскаго замковъ, половины XVI вѣка (Арх. Ю.-З. Р. ч. XII, т. I, 164.

²⁾ *Любавскій*, „Обл. дѣленіе, прилож. № 8.

³⁾ О замковой сторожѣ см. Arch. Sangusz. IV, 455—456. А. В. К. XIII, стр. 80, 239; XIV, 177—178. Археогр. Сборн. I, стр. 188; III, № 109. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. II, стр. 108; ч. VII, т. I, 81, 87, 95, 111, 164, 595; ч. VII, т. II, 22, 28, 85, 414, 601.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I, стр. 81; ч. VII, т. I, 595, 601, 617 (служба паркановая); ч. VII, т. II, 22.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. I, 350; т. II, 170. Въ актахъ упоминаются „сторожа“ озеръ, жившіе близъ нихъ домами (*Любавскій*, 325).

⁶⁾ А. З. Р., II, № 149. *Skarb.* № 2234. А. В. К. XIV, стр. 256, 266, 474, 590, 591. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I, стр. 205, 488.

скихъ ¹⁾. в) Сторожа *стадъ* и *табуновъ* конскихъ и рабочаго скота (быдла) въ стайняхъ и на пастбищахъ—повинность пастуховъ и конюховъ *стадныхъ* ²⁾; г) сторожа *панскихъ дворовъ*, свирновъ, скарбу и проч. ³⁾.

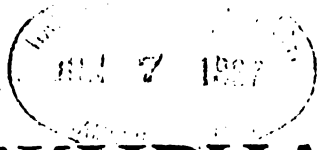
Ф. Лесенковичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Археогр. Сборн. I, № 47.

²⁾ А. З. Р., II, № 159, п. 80. А. В. К., XIV, 571. Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. II, 101.

³⁾ А. В. К., XIII, стр. 339, 640. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. II, 103. Въ одномъ актѣ 1495 г. говорится о повинности волоцанъ Жижморскихъ ходить „въ *за-стаю*“ въ Троки до господарскаго скарба. (Лит. Метр. Записей № 5, стр. 26). Литов. „*svigna*“—Kammer, Schlafkammer (*Nesselmann*, 510).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХІ.

1897.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1897.

ПРАВТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 3

О. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (окончаніе) 1

А. И. Соболевскій. Изъ исторіи русскаго языка 44

А. С. Ланно-Данилевскій. Обраніе и оводъ законовъ Россійской имперіи, оставленные въ царствованіе Екатерины II (продолженіе). 60

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенеъ. Кашубскій языкъ, кашубскій народъ и „кашубскій вопросъ“ (окончаніе) 83

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Оинтактическія наблюденія . . . 128

А. А. Чубышевъ. Очерки изъ исторіи европейской драмы (окончаніе). 168

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Б. А. Тураевъ. Страна Эіоповъ (Абиссинія). *Е. Е. Долманевъ.* С.-Пб. 1896 208

А. И. Соболевскій. Русскіе врачевники. Изслѣдованіе *Л. О. Зиньва.* С.-Пб. 1896 211

И. И. Вакстъ. *М. П. Боголюбовъ.* Гигіена. Десять публичныхъ лекцій по индивидуальной гигиенѣ. Москва. 1896 214

А. И. Соболевскій. O mluvě Jana exarcha bulharského. Příspěvek k dějinám církevní slovaštiny. Napsal D-r. Vöcl. Vondrák. V Praze. 1896 219

И. В. Ястребовъ. *D-r Matthias Murko.* Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik. Mit einem Anhang: Koilar in Jena und beim Wartburgfest Graz 1897 221

С. М. Середонинъ. *С. В. Рождественскій.* Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка 211

Г. В. Форстенъ. *Павелъ Виноградовъ.* Учебникъ всеобщей исторіи. Часть III. Новое Время 248

— Книжныя повости 255

— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ) 1

ОБВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургской биологической лабораторіи за 1896 годъ 1

— Двадцатипятилѣтіе Постоянной коміисіи народныхъ чтеній 4

— Императорское Московское Археологическое Общество въ 1896 году 15

А. Л—ръ. Письмо изъ Парижа

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Schmidt, Georgius. Exegetica 49

В. Е. Реозъ ст. 855 N 55

Schmidt, Georgius. Exegetica 58

О. О. Вазинеръ. Древне-римскія секулярныя игры (*Ludi saeculares*) и секулярный гимнъ (*Carmen saeculare*) Горация. 62

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

А. Н. Любиновъ. Исторія финики 49

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ И. Васильевскій.

(Вышла 1-го мая).

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУ- ДАРСТВѢ ¹⁾.

Особый разрядъ служебныхъ (służący), не тяглыхъ людей, от-
правлявшихъ свои службы „въ панцырехъ“, „конемъ“ („верхомъ“),
„конно и збройно“, составляли люди *путные*, иногда „люди *службе-*
ные путные“, также „*ждчилицы*“, жившіе въ имѣніяхъ господарскихъ
и панскихъ ²⁾. Въ частности сюда относятся: „*бояре, слуги и служки*
путные“, бояре и „*слуги листовные*“ „*путники* — слуги и путники
посельскіе“ (сельскіе), — „*текуны*“, „*текуница*“ и „*такуны*“, „*комор-*
ники“, „*ордынцы*“ и „*слуги ордынскіе*“ ³⁾. Бояре и слуги этого раз-

¹⁾ *Окончаніе*. См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Простыненія* за 1897 годъ.

²⁾ О людяхъ *путныхъ* см. А. З. Р., I, № 159, п. 14; № 202 и др. О людяхъ *służący*—Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 349. О людяхъ *служебныхъ* *путныхъ*—*Skarb.* № 2244. О *ждчилицы*—Археогр. Сборн. III, № 11. О людяхъ *путныхъ*, *служащихъ* „въ *панцырехъ*“—Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 419; Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 2, стр. 50. О *служащихъ конемъ*—Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 108, 118, — „*верхомъ*“—А. В. К., XIV, 639, — „*конно и збройно*“—*ibid.*, 468, 473. Объ обязанности людей *путныхъ* имѣть *оружіе* въ порядкѣ—см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI т. I, стр. 349.

³⁾ О *боярахъ* и *слугахъ* *путныхъ* см. Памятн., II, отд. 2, № 1; Арх. Сборн., I, № 23. А. В. К., XIV, 17, 226, 547. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 625; т. II, 29, 76, 96, 108. О *служащихъ* *путныхъ*—Арх. Сборн., III, № 11. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 118. Арх. III, № 19, п. 1. А. В. К., XIV, стр. 108, 578, 579. О боярахъ и *слугахъ листовныхъ*.—Памятн., III, отд. 2, стр. 87; А. В. К., XIV, стр. 208, 624. О *путникахъ*—А. З. Р., I, № 185. О *слугахъ* и *путникахъ посельскихъ* (сельскихъ)—А. В. К., XIII, стр. 67. А. З. Р., I, № 175, 185. Кош. Лит. Метр., V, 5. О *текунахъ*, *текуницахъ* и *такунахъ*—А. В. К., XIV, стр. 216, 219, 266; *Любавскій*, прилож. № 8. О *коморникахъ*—Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 205. Объ *ордынцахъ* и *слугахъ ордынскихъ*—А. З. Р., II, № 30, 164; Арх. Сборн., III, стр. 188; Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 10, стр. 118.

ряда отправляютъ „путную“ службу. Упоминаются затѣмъ служба „листовая“, служба „на посылкахъ“ и путная „сторожа“—на „станахъ“ „у подводъ“ и проч. ¹⁾.

Составъ и значеніе службы путныхъ людей различно опредѣляется въ актовыхъ формулахъ. Путные слуги и бояре „ѣзять (или „бѣгають“) зъ *листами*, гдѣ прикажутъ“, несутъ „rowinność do pisania“ или „пошенія“ листовъ, ѣзять „za posłaniem z listem“ господарскимъ или дворнаго уряда, по всякимъ „справамъ“ и „потребамъ дворнымъ“ ²⁾. Здѣсь рѣчь идетъ о „листовной“ службѣ слугъ и бояръ, отправлявшихъ ее вмѣстѣ съ службой военною и сторожевою въ разныхъ видахъ; есть вмѣстѣ съ тѣмъ указанія на то, что иногда вся служба путныхъ слугъ и бояръ ограничивается лишь одною ѣздой съ листами, безъ всякихъ другихъ новинностей и полатковъ ³⁾. Путные люди, отправлявшіе въ данныхъ случаяхъ „особную“ службу ѣзды съ листами, называются въ инвентаряхъ листовыми боярами и слугами.

Кромѣ листовной службы, путные люди, „*послувають*“, наряжаются „до посылокъ“ или служатъ „на посылкахъ“ („на *posyłce*“) ⁴⁾. Въ господарскихъ дворахъ-магнностяхъ (по уставу о волокахъ 1557 года) путные люди ѣздятъ до панскихъ и пашныхъ дворовъ, подчиненныхъ уряду магнностей, также посылаются въ Вильну съ денежными „подачками“ для доставки ихъ въ господарскій скарбъ, отряжаются на посылки „на право“, „по кридамъ“ подданныхъ и проч. По своимъ личнымъ „потребамъ“ дворные урядники не въ правѣ снаряжать пут-

¹⁾ О службѣ *путной* см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 76. А. В. К., XIV, 290 и пр. О службѣ *листовной*—Памят., III, отд. 2, № 1; Арх. Сборн., I, II, № 11. О *путной сторожѣ*—А. В. К., XIV, 440; Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 558.

²⁾ Памят., III, отд. 2, стр. 87. Археогр. Сборн., I, стр. 147; III, № 11, 37. А. В. К., XIV, стр. 208, 255, 369, 456, 469, 624. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 329, 349; ч. VII, т. II, 29, 118, 175, 429. Слугамъ путнымъ дается вольная волока „за конь“ (Арх. Сборн., I, стр. 147). Королева Бона, владѣвшая Кременцомъ, распорядилась избрать въ замковой волости изъ тяглыхъ „*мужиковъ*“ 24 слуги, между прочимъ, для „пошенія листовъ“. (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 29).

³⁾ Въ инвентаряхъ нерѣдко говорится, что бояре и слуги „только зъ листомъ бѣгають“ или „ѣзять“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 329; ч. VII, т. II, 175), „толко на всякіе потребности дворные зъ листами ѣзять“ (Арх. Сборн., III, № 11), — „неповинни давать никакихъ другихъ подачекъ и служить инымъ службъ“.

⁴⁾ О различіи „*посылокъ*“ отъ „пошенія листовъ“ см., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 29.

ныхъ слугъ въ посылки; посылки обязательны для слугъ лишь подъ условіемъ приказа господара или дворнаго уряда въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ панскихъ имѣніяхъ точно также снаряжались путные люди на „послуги“ пановъ и ихъ дворныхъ урядниковъ, для разныхъ посылокъ по имѣнію и вообще по панскимъ дѣламъ. Слуги получаютъ обыкновенно „вольныя“ земли и волоки на „послуги“ (на „ковъ“ или „посылки“). Службу посыльную путные люди въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ, по большей части, исполняютъ вмѣстѣ съ листовною службой; но есть также указанія на то, что служба посыльная полнится иногда отдѣльно отъ листовной,—люди, состоявшіе при панахъ и урядахъ на посылкахъ, не подчиняются въ такомъ случаѣ никакимъ другимъ службамъ и полаткамъ ¹⁾. Къ этимъ-то слугамъ специально относятся „*посланцы*“, иногда упоминающіеся въ инвентаряхъ господарскихъ и панскихъ имѣній ²⁾. При второстепенныхъ господарскихъ и панскихъ дворцахъ (фольваркахъ), а также по селамъ и волостямъ, при мѣстныхъ урядникахъ (приставахъ и проч.), находились на „особной“ службѣ, для посылокъ по разнымъ урядовымъ порученіямъ, „служки“, называвшіеся специально „*текунами*“ („текунцы“, „тавкуны“), какъ видно, исполнявшіе на мѣстѣ обязанности служекъ посыльныхъ ³⁾.

Былъ еще третій видъ путной службы, извѣстной подъ именемъ *дорожной сторожи* и, подобно службѣ листовной или посыльной, отправлявшейся „копемъ“ или „верхомъ“, „коппо и збройпо“. Дорожная сторожа составляетъ изстаринную повинность общинъ, практиковавшуюся въ старое время во всѣхъ русскихъ земляхъ ради обезпеченія безопасности путей сообщенія. Дорожная сторожа въ особенности стоитъ въ связи съ учрежденіемъ путевыхъ „становъ“, или

¹⁾ Объ исполненіи службы посыльной отдѣльно отъ листовной—см., напримѣръ, А. В. К., XIV, стр. 108. О слугахъ, состоявшихъ на посылкахъ,—см. А. З. Р., III, № 19. А. В. К., XIV, 385, 468, 473, 630. Археогр. Сборн., I, стр. 147. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 29, 118.

²⁾ О „посланцахъ“ см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 118. Ср. мое сочиненіе „Крестьяне юго-западной Россіи“ (*Києвскія Университетскія Извѣстія*, 1863 г., № 11).

³⁾ О *служкахъ* см. А. З. Р., III, № 19, п. 1. А. В. К., XIV, 108, 578, 579. О *текунахъ*, *текунцахъ* и *тавкунахъ* см. А. В. К., XIV, 216, 219, 266; *Любавскій*, прилож. № 8, — въ князскихъ, панскихъ и господарскихъ дворахъ-магнотствахъ. По Нессельману (*Wörterbuch*, 94) — литовск. *tekūnas* = *der Läufer*, Courier, Bote, посыльный, то же, что служка урядовый или панскій, состоявшій на посылкахъ.

„становыхъ дворовъ“, вообще съ ратными „путями и полюдьями“. Въ пору ратныхъ „путей“ противъ непріятеля общины выставляли по дорогамъ, на „станахъ“, средства, какъ передвиженія „доспѣховъ“ (повозъ, подводы), такъ и охраны ихъ въ пути нарядомъ особыхъ ратныхъ людей-проводниковъ, охранявшихъ въ пути „повозы“ съ ратными доспѣхами; на тѣхъ же „станахъ“ выставлялись повозы и особые проводники для ѣздоковъ съ „ратными вѣстями“ о вторженіи непріятеля и пр. (см. выше). Точно также, при „полюдьяхъ“—разъѣздахъ по областямъ князей, ихъ намѣстниковъ и волостелей, данниковъ, гонцевъ и пр., на путевыхъ станахъ давались общинами „ѣздокамъ“ не только кормы, постояніе (дневка и ночлеги) и подводы, но и „становщики“—особые проводники ради охраны ѣздоковъ въ пути. Съ татарской эпохи появляются „ямы“ (старые станы и дворы), съ „ямскою гошбой“, подводною и сторожевою службой „ямниковъ“, или „ямщиковъ“¹⁾. Такіе же „ямы“ извѣстны были въ литовскомъ государствѣ (собственно на Волини и другихъ южныхъ областяхъ) еще при Витовтѣ²⁾. Древне-русскіе путевые станы-дворы существовали изстари во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ. Станы устраивались особыми поселками-хуторами на большихъ „гостинцахъ“ и земскихъ дорогахъ на случай проѣзда господаря, его пословъ и гонцовъ, мѣстныхъ правителей и другихъ „ѣздоковъ“, также ради ратныхъ потребностей—поставки проводниковъ и подводъ подъ ратные спаряды (пищали, самострѣлы и пр.), посылавшіеся въ украинныя замки, подъ „военныя обозы“ и пр.³⁾. Къ станамъ путевымъ тянули службой приписанные къ нимъ люди путные, служебные и тяглые, жившіе при станахъ особыми селами, иногда и цѣлыми волостями, безъ различія между селами господарскими и владѣльческими—монастырскими и пр.⁴⁾. Люди путные являлись во дворахъ-

¹⁾ См. мой очеркъ—„Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“, (*Варшавскія Университетскія Извѣстія*, 1895, V, стр. 36—37).

²⁾ О „ямахъ“ говорится, напримѣръ, въ грамотѣ Витовта 1407 г. пану Вячковичу на села въ Владимірскомъ повѣтѣ, съ освобожденіемъ жителей отъ „яма“ и нѣкоторыхъ другихъ повинностей въ пользу великаго князя (Лит. Метр. Записей № 25, стр. 6).

³⁾ См. Литов. Метр., Судныхъ дѣлъ № 3, стр. 7; Записей № 5, стр. 10.

⁴⁾ Къ стану Купиликовскому (въ Полоцкой землѣ) тянули сосѣднія села господарскія и монастырскія,—„поднимали“ господаря и мѣстныхъ воеводъ, въ пріѣздъ ихъ на станъ (*Любавскій*, 435). Къ другому стану—Суйскому (тамъ же) принадлежали люди путные, у которыхъ панъ Путята купилъ земли (*ibid.*). Къ стану Ловожскому тянули люди путные и тяглые, которые „поднимали“ на своемъ

станахъ проводниками, путевою „сторожей“ ѣздоковъ,—люди тяглые поставляли изъ своихъ достатковъ на станы для ѣздоковъ стаціи (кормы) и подводы. Люди путные, отправлявшіе на становыхъ дворахъ дорожную сторожу, называются въ актахъ „проводниками“¹⁾, ѣздившими въ путь „конемъ“ или „верхомъ“, „сторожею у подводы, гдѣ потреба“²⁾. Такіе же проводники разумѣются въ актахъ также иногда подъ именемъ „*верховой подводы*“, отличавшейся отъ „подводъ съ возы“³⁾. Въ актахъ открывается цѣлый рядъ данныхъ, указывающихъ на то, что дорожная сторожа, или путевая служба проводниковъ, не смѣшивалась съ собственно подводною повинностью. Такимъ образомъ, въ привилеѣ Сигизмунда I 1506 года, путевая сторожа конемъ различается отъ „подводъ“: по этому привилею кметы (*kmetones*) панскихъ имѣній, во время проѣзда господаря, „*podwodae ipsi dari et cusdodiri cum solido numero equorum in locis solitis et consuetis*“⁴⁾. Инвентарь панскаго имѣнія Могильная въ Минскомъ повѣтъ, 1592 года, говоритъ о повинности людей ставить „у подводы, гдѣ потреба, сторожа колеею“⁵⁾. Подъ тою же путевою сторожей иногда разумѣется въ актахъ повинность „*стеречи дороги*“⁶⁾ или

станѣ мѣстныхъ (Полоцкихъ) воеводъ, также государскихъ пословъ и гонцовъ, въ проѣздъ ихъ черезъ станъ; въ 1506 г. люди тяглые и путные этого стана были отданы князю Ивану Полубенскому, съ обязанностию отправлять становую службу лишь на одного господаря: „когда мы сами господарь тою *дорожою* поѣдемъ, тогда они насъ мають поднимати подлѣ даннаго обычая, какъ передъ тымъ бывало“ (*Любавскій*, 494—495). Въ 1508 г. тянуло къ стану Бендедовскому салцо Дубровки съ слугами путными, служебными и тяглыми (Литовск. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 50).

¹⁾ Въ грамотѣ Сигизмунда I, 1529 г., державцамъ дворовъ государскихъ по пути къ Москвѣ говорится объ отправленіи московскаго носольтва и о дачѣ послу съ его слугами въ путевыхъ дворахъ подводъ съ возами и проводниками отъ двора до двора (*Любавскій*, 491).

²⁾ А. В. К., XIV, 440, 638. Арх. Ю.-З. Р., VII, I, 558; VII, II, 118.

³⁾ Государскіи вырокъ великаго князя Александра, 1492 г., положено: если государскіе гонцы „гоняють“ черезъ имѣнія князя Корецкаго и пана Сенковича, то изъ этихъ имѣній даются только „*верховныя*“ подводы, какъ есть того обычая“, а не „подводъ съ возы“. Последнія даются лишь въ томъ случаѣ, когда посылаются въ украинныя замки нищали, самострѣлы и пушечный порохъ (Литовск. Метр., Записей № 5, стр. 10).

⁴⁾ *Zbiór praw Litew.*, стр. 95 и слѣд.

⁵⁾ А. В. К., XIV, 440. Ср. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 558.

⁶⁾ Въ записяхъ данинъ Казимира читаемъ: „Незбодичомъ (по Волковыйску), десятиемъ чаловѣкомъ *дороги стеречи*, а Лагрю на своей же *дорози* десятиемъ же, какъ здавна стеречивали при вел. князѣ Витовтѣ и при Жигимонтѣ“.

„стеречи недѣли“,—повинность, различавшаяся отъ поставки подводъ. Такое различіе замѣчается, напримѣръ, въ статьѣ Кіевскаго привилея 1529 года: „А што люди церковные и князьскіе и паньскіе и боярскіе *стеречивали* недѣля въ Чернобыли и подводы давали воеводамъ и посламъ и гонцомъ нашимъ и татарскимъ: мы имъ и людямъ ихъ то вѣчно отпустили“¹⁾. Въ 1510 году король далъ дяку село Туловичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, съ тѣмъ, что люди „недѣля не мають *стеречи* и подводы и стацей на урядника нашего Мозырскаго и на пословъ и на гонцевъ не мають давати“²⁾. О такой же сторожевой службѣ говорится въ листѣ 1493 года великаго князя Александра намѣстнику Овручскому, пану Горностаю Романовичу, на человека въ Кіевскомъ повѣтѣ, который до данины „коня ставилъ на недѣлю къ Чернобылю и служба одна (то-есть, не правилъ иныхъ повинностей)... дань даивалъ, вымenea коня маеть ставить на недѣлю въ Чернобыли по старому“³⁾. По общему уставу о подводахъ, 1557 г., волощане отправляютъ дорожную сторожу—охрану подводъ и ѣздоковъ, слѣдовавшихъ по путевымъ стапамъ, учреждавшимся на большихъ дорогахъ и гостинцахъ, должны на станахъ-дворахъ „ховати кони и стеречи подводы перемѣною, по недѣлямъ, у ровности“⁴⁾. „Черга“ по недѣлямъ практиковалась также при нарядѣ волостныхъ людей на другія повинности—поставку подводъ на путевые станы, на замковую и польную сторожу и пр. По инвентарю Чернобыльскаго замка, 1552 года, люди волостные, не только господарскіе, но и землянскіе и церковные, отправляютъ всѣ эти повинности „чергами“ по недѣлямъ; самыя волости дѣлились обыкновенно на меньшіе волостные *окружи* — „недѣли“, каждая изъ нѣсколькихъ селъ людей-„потужниковъ“, чередовавшихся между собой при отправленіи дорожной сторожи, подводной и другихъ повинностей⁵⁾. Та же самая система наряда людей путныхъ и тяглыхъ на службы „чергами“, по

¹⁾ А. З. Р., II, № 164. Ср. также *ibid.*, № 30.

²⁾ *Любаскій*, 494. О такой же „сторожѣ недѣли“ говорится въ вырокѣ 1499 г. по жалобѣ мѣщанъ новгородскихъ на людей Циринской волости, отказывавшихся отъ обычной повинности „стеречи недѣли своею съ подводами“ въ Новгородѣ (Копія Литовской Метрики, V, 236).

³⁾ Литовск. Метр., Записей № 3, стр. 84.

⁴⁾ А. З. Р., III, № 157. Кромѣ сторожи „по недѣлямъ“, смотря по составу путныхъ людей въ волостяхъ, иногда путевая сторожа отправляется „колею“ или „чергою“ (по очереди) разъ или два въ годъ, каждымъ путникомъ въ отдѣльности (А. В. К., XIV, стр. 440. Археогр. Собр., III, № 37; ср. *ibid.*, I, стр. 213).

⁵⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 588 и слѣд.

недѣлямъ, и то же раздѣленіе волостей на меньшія части—недѣли, изъ нѣсколькихъ сель каждая, констатируются въ люстраціи Винницкаго замка, 1552 года ¹⁾). Нѣтъ основанія полагать, что система службъ по недѣлямъ была лишь мѣстной особенностью волостей упомянутыхъ двухъ замковъ; ничто не мѣшаетъ допустить существованіе той же системы, если не на всей территоріи государства, то во всякомъ случаѣ вездѣ въ южно-русскихъ областяхъ. Изъ приведеннаго выше общаго устава 1557 г. о подводной повинности видно, что поставка на путевые дворы подводъ и дорожной сторожи отправлялась волостями вездѣ въ литовскомъ государствѣ чергами, „по недѣлямъ у ровности“ (см. выше).

Кромѣ службы на путевыхъ станахъ-дворахъ по общему, волостному наряду, путные люди отправляютъ дорожную сторожу при своихъ мѣстныхъ панскихъ дворахъ, въ имѣніяхъ господарскихъ и шляхетскихъ. По инвентарямъ господарскихъ маестностей, путные слуги и служки „провожаютъ“ старость во время поѣздокъ по старостству, „ѣздить на всякую дорогу“ при воеводѣ ²⁾ и по приказу уряда ѣздить съ „посланцами“ урядовъ подданныхъ, вообще отправляются „въ путь“, то-есть, сопровождаютъ подводы подъ гонцами ³⁾. Точно также въ панскихъ имѣніяхъ путные люди „ѣздить съ паномъ“, ходять съ нимъ „на дорогу“, „служать дорогъ три въ годъ“ и пр. ⁴⁾.

Къ такому же разряду путныхъ людей, наряжавшихся на дорожную сторожу, по всему видно, относятся *путники, поселскіе* (или сельскіе) *путники*, также *слуги поселскіе* и *коморники*. По полонскимъ актамъ XVI вѣка поселскіе путники сопровождаютъ въ пути великокняжескихъ пословъ ⁴⁾. Кромѣ привилеевъ полоцкихъ, „посельскіе путные“ упоминаются также въ Витебскихъ привилеяхъ 1508

¹⁾ Ibid., стр. 602, 622, 629.

²⁾ Памятн., II, отд. 2, стр. 11—14; III, 87. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 117, 349; ч. VII, т. II, 118.

³⁾ Археогр. Сборн., III, № 37. А. В. К., XIV, стр. 412. Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 243.

⁴⁾ Они обязаны также являться на защиту города, содержать сторожу остроговую и платить подати (А. З. Р., II, № 175). Ср. привилей Полоцка—1511 г. (А. З. Р. II, № 70), 1547 г. (ibid., III, № 5) и 1593 г. (А. В. К., XIII, стр. 67), также и другіе мѣстные акты Полоцка (А. З. Р., I, № 159, 175, 210; Кол. Лит. Метр., V, 5,—листъ 1506 г. на данну въ держанье села съ 18-ю людьми данными и таглыми и 2-мя служками поселскими; послѣдніе даютъ медовую дань и лувницы шерстью).

и 1509 г. ¹⁾). Кривичскимъ путникамъ соотвѣтствуютъ волинскіе *коморники*. О нихъ, напримѣръ, упоминаетъ инвентарь панскаго имѣнія Коильна, въ Владимірскомъ повѣтѣ 1590 г.: въ одномъ изъ селъ этого имѣнія отмѣчены два коморника, которые „послугуютъ и съ паномъ ѣздятъ“ ²⁾).

Въ Киевской землѣ существовалъ особый классъ путниковъ — *ордынцы* или *слуги ордынскіе*, наряжавшіеся на дорожную сторожу при послахъ и гонцахъ, ѣздившихъ въ орду татарскую и обратно. Ордынцы служатъ „конемъ“ и владѣютъ за службу „данными отчинными“ землями ³⁾. По всей вѣроятности, служба такихъ же ордынцевъ имѣется въ виду люстраціей кievскаго воеводства 1616 г., упоминающей, между прочимъ, о „*służbie orduńskieju*“ въ ряду другихъ стародавнихъ мѣстныхъ повинностей, отправлявшихся въ пользу Овручскаго замка населеніемъ имѣнія „поссессоровъ“ Костюшковичей ⁴⁾. Замѣтимъ при этомъ, что въ литовско-русскихъ актахъ чуть ли не до XVII вѣка упоминается „ордынщина“, въ общемъ значеніи тяг-

¹⁾ А. З. Р., I, № 204—привилей 1503 г.; Zbiór pr. Litew., стр. 99 — привилей 1509 г.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 205.

³⁾ По инвентарю Овручскаго замка 1645 г., „слуги ордынскіе повинни при послахъ и гонцахъ господарскихъ ѣздити до орды, а земли отчинные данные“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 10). Ордынцы упоминаются также въ инвентаряхъ повѣтовъ Киевскаго, Путивльскаго, Каменскаго и Черкаскаго (А. З. Р. II, № 30; Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 1. Ср. *Любавскій*, стр. 355).

⁴⁾ См. *Źródła dziejowe*, V, стр. 81. „Ордынцы“ и „ордынскія деревни“, стоявшія въ прямомъ отношеніи къ старому татарскому госиодству, упоминаются въ докончаньяхъ московскихъ князей: „А что наши ордынцы и дѣлком, а тѣмъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ (по старинѣ), а земль ихъ не купить“. См. Собр. госуд. грам., I, № 27—докончанье вел. князя Дмитрія Иван. съ княземъ Серпуховскимъ, 1362; № 93—доконч. 1388 г.; № 35—доконч. 1389 г.; № 45—доконч. 1433 г. боровскаго князя Василія Ярослав. съ вел. княземъ Моск. Василіемъ Вас.—Какъ полагаютъ не безъ основанія (см. проф. *В. И. Сергиевичъ*: „Русск. юрид. древности“, I, стр. 268), на „ордынцахъ“ лежала служба по содержанию ордынскихъ пословъ, доставленію имъ подводъ, проводниковъ и пр. Въ докончаньи рязанскаго князя Ивана Вас. съ кн. переяславскимъ Фѣдоромъ Вас., 1496 г., люди, обложенные повинностями въ пользу татарскихъ пословъ, называются то „тяглыми, кои пословъ кормятъ“, то „владельными людьми, кои пословъ кормятъ“ (Собр. госуд. грам., I, № 127). „Ордынскія деревни“ упоминаются въ Александро-Невской лѣтописи еще при Иванѣ Грозномъ: къ числу волостей и становъ, вятыхъ государемъ въ свой обиходъ (въ опричнину), отнесены были „числяки и ордынскія деревни“ (см. *Сергиевичъ*: „Русск. юрид. древности“, 268). О „числякахъ“ и „дѣлкахъ“ см. выже—о людяхъ тяглыхъ и асачивкахъ.

ловыхъ „*consuetudines*“, удерживавшихъ отъ татарской эпохи старья названія. Таковы — „дань въ татары“, *tributum tharthagogum* и ордынщина — вообще временные сборы (каждый разъ по особымъ окладамъ на опредѣленное время), бравшіеся съ тяглаго населенія въ чрезвычайныхъ случаяхъ, напримѣръ, на исправленіе замковъ и наемъ рати, наряжавшейся противъ татаръ, на выкупъ плѣнныхъ въ ордѣ и т. п. Подобные сборы упоминаются въ актахъ до XVII вѣка въ значеніи общей финансовой мѣры, практиковавшейся во всѣхъ областяхъ литовскаго государства ¹⁾).

Перейдемъ теперь къ особому разряду людей служебныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ „*слугъ служебныхъ*“, служебниковъ и служекъ замковыхъ или дворныхъ, отправлявшихъ въ панскихъ и господарскихъ дворахъ-маетностяхъ такъ называемую „*службу служебную*“ ²⁾). Слуги этого разряда стоятъ отдѣльно отъ слугъ и бояръ, отправлявшихъ, какъ показано выше, ратную и сторожевую службу въ разнообразныхъ ея видахъ и формахъ. Слуги служебные или дворные „мѣшкаютъ“ въ господарскихъ замкахъ и панскихъ дворахъ, также въ путевыхъ дворахъ-станахъ ³⁾), и владѣютъ въ селахъ, на общемъ основаніи съ другими „подданными“ землями, съ которыхъ „службу особную служебную при дворѣ нашемъ служатъ“ ⁴⁾). Служба эта состояла въ личныхъ „*послугахъ*“ (*posługi potozspne*) въ панскомъ дворѣ — при старостахъ замковыхъ и панахъ или главныхъ урядникахъ дворныхъ и замковыхъ; служебники этого разряда служатъ въ своихъ дворахъ, „какъ и когда имъ прикажутъ“ ⁵⁾). Личный составъ „*слугъ служебныхъ*“ пополнялся, какъ видно изъ актовъ, изъ другихъ разрядовъ „подданныхъ“ — людей тяглыхъ ⁶⁾), путныхъ ⁷⁾) и пр., оказы-

¹⁾ Объ ордынщинѣ см. А. З. Р., I, № 193; II, 61, 70, 71, 168. Археогр. Сборн., III, стр. 183. А. В. К., XIII, стр. 67—68. Ср. мои „Очерки исторіи литовско-русскаго права“, I, стр. 357—359.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 596; т. II, 218 и др. Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 2, стр. 50 (вырокъ 1508 о слугахъ путныхъ и служебныхъ путевого стана Безедовскаго въ Полоцкой землѣ). Ср. *Любавскій*, 348.

³⁾ А. З. Р., III, № 19, п. 1 и 5. Археогр. Сборн., I, № 46. О слугахъ „*служебныхъ*“ въ путевыхъ станахъ говорить упомянутый выше вырокъ 1508 г. (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 50).

⁴⁾ *Любавскій*, 348.

⁵⁾ А. З. Р., III, № 19, п. 1 и 5. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 596; т. II, 222, 226.

⁶⁾ Выше приведено распоряженіе королевы Боны по Кременцу о выборѣ изъ тяглыхъ „*мужиковъ*“ 24 слугъ, „между прочими, для личныхъ послугъ при замковомъ урядѣ“.

⁷⁾ *Любавскій*, 348.

вавшихся излишними или не нужными для данныхъ службъ или же пришедшихъ въ убожество и потому не бывшихъ въ состояніи отправлять лежавшую на нихъ службу тяглую или путную ¹⁾. Кромѣ людей зависимыхъ, въ служебники дворные и замковые поступаютъ люди „простые“, похожіе, и служилая, безземельная шляхта ²⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ такіе слуги называются „неприказными“, если принимались въ службу безъ сторонней поруки, и слугами „приказными“ или „приказцами“, разъ требовалась при ихъ нарядѣ въ службу порука стороннихъ лицъ, отвѣчавшихъ за неисправность слугъ ³⁾. Слуги-шляхтичи жили при панскомъ дворѣ на „хлѣбкормленіи“, состояли подъ „протекціей“ пана ⁴⁾, отправляли разныя личныя послуги при панскомъ дворѣ, вообще числились въ составѣ двора или же поряжались, за пользованіе дававшейся имъ панскою землею на разныя дворные и волостныя уряды и службы; по конституціи 1569 г. шляхта, отдававшаяся панамъ подъ протекцію, охраняется Статутомъ ⁵⁾.

Въ частности источники относятъ къ дворнымъ служебникамъ „одверняхъ“, „козачковъ“ и другихъ лицъ, жившихъ на личныхъ „послугахъ“ при владѣльцахъ или главныхъ урядникахъ ⁶⁾. Сюда же принадлежатъ замковые или дворные „кухари“ и „пекари“, состоявшіе на „кухарствѣ“ и получавшіе за службу особую плату или землю, свободную отъ полатковъ и новинностей; въ послѣднемъ случаѣ кухари и пекари числятся въ инвентаряхъ обыкновенно въ составѣ сельскихъ подданныхъ. Кухари набираются изъ „паробковъ“ (челяди невольной), также тяглыхъ и людей похожихъ; иногда кухари, жившіе въ господарскихъ дворахъ-маетностяхъ, составляютъ также предметъ частной данины панамъ ⁷⁾. Къ этой же категоріи служебни-

¹⁾ По актамъ подольскимъ, дворные замковые или служебныя служки, по преимуществу, набираются изъ людей „kołannych alias zubożaluch“ (см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 222, 243).

²⁾ См., напримѣръ, *Грушевскій*, Барск. староство, 257.

³⁾ Лит. Ст. 1588, XI, 14, 15; Ст. 1566, XII, 14; Ст. 1588, XII, 22. За „приказцами“ признается право выхода (Ст. 1588, XII, 22, 24).

⁴⁾ По актамъ XVIII вѣка такіе слуги извѣстны подъ именемъ шляхты „протекціональной“ (см. мой очеркъ „Крестьяне юго-зап. Россіи“—*Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1863, № 11).

⁵⁾ См. Лит. Статутъ, изд. 1811 г., III, 30, примѣч. 1.

⁶⁾ А. З. Р., III, № 19, п. 5.

⁷⁾ О кухаряхъ см. Археогр. Сборн., I, № 46. А. В. К., XIV, стр. 446; 639. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 85—Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 3, стр. 61. Ср. *Любавскій*, 330. О пекаряхъ—Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 85, 326.

ковъ, жившихъ не только въ панскихъ дворахъ, но и въ составѣ сельскихъ жителей, нужно относить „дворныхъ“ или „сѣдельныхъ конюховъ“, „машталеровъ“ и „кучеровъ“, отправлявшихъ службу „конскую“¹⁾, также „возныхъ“ или „возницъ“, состоявшихъ на замковыхъ или дворныхъ „послугахъ“, — напримѣръ, возившихъ дрова, воду и пр. и помимо „особиной“ службы ничего не платившихъ и не работавшихъ²⁾.

Къ разряду „слугъ служебныхъ“ относились также „служебники“, отправлявшіе разнаго рода *урядовыя службы* по хозяйственно-административному управленію имѣній господарскихъ и панскихъ. Вопросъ о службахъ урядниковъ дворныхъ и волостныхъ въ имѣніяхъ господарскихъ достаточно разработанъ въ существующихъ изслѣдованіяхъ о крестьянахъ и областномъ управленіи литовско-русскаго государства³⁾. Мы ограничимся поэтому лишь общимъ обзоромъ документальныхъ данныхъ касательно урядовыхъ службъ въ имѣніяхъ княжескихъ, панскихъ, шляхетскихъ и церковныхъ.

Въ инвентаряхъ и другихъ актахъ, относящихся къ земскимъ имѣніямъ князей, пановъ, шляхты и разныхъ церковныхъ учреждений, находимъ рядъ указаній на разныхъ урядниковъ дворныхъ и крестьянскихъ — тивуновъ, намѣстниковъ, войтовъ съ ихъ слугами, также справцовъ, дозорцовъ, приставовъ и пр.⁴⁾ Одни изъ такихъ служебниковъ живутъ въ панскихъ дворахъ и отдѣльныхъ фольваркахъ, другіе же числятся въ составѣ крестьянскихъ дворищъ, службъ и пр.

¹⁾ Конюхи дворные, по уставу о волокахъ 1557 г., завѣдываютъ дворною конюшней, сбруей, кормомъ коней и пр. (А. З. Р., III, № 10, п. 3 и 29). О „кучерахъ“ въ панскомъ имѣніи см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 184.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 35, 176, 214, 325.

³⁾ Г. Любавскій, въ своемъ сочиненіи — „Области дѣленіе лит.-русск. государства“, свель изъ Литовской Метрики и частію также изъ изданныхъ въ печати актовъ даннахъ касательно главнѣйшихъ дворныхъ и волостныхъ урядовъ въ господарскихъ имѣніяхъ, но большей части съ точнымъ разъясненіемъ состава и характера отдѣльныхъ урядовыхъ службъ. См. также изслѣдованія о крестьянахъ юго-западной Россіи проф. Антоновича, Новицкаго и др.

⁴⁾ См. А. З. Р., I, № 61; II, 17. Памяти, I, отд. 2, стр. 8—14; III, отд. 2, стр. 48, 57. Археогр. Сборн., I, № 20, 46; III, № 111. Arch. Sangusz., IV, стр. 471, 479, 490. А. В. К., XIII, стр. 240, 333, 368; XIV, 23, 77, 157, 168, 196, 207, 257, 354 и пр. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I, стр. 250, 483; т. II, 107; ч. VII, т. II, 11, 185. Лит. Стат. 1529, VI, 14; XIII, 15. Ст. 1566, I, 66; XIV, 5 и др. Ср. проф. Владимірскаго-Буданова „Населеніе“, стр. 44; Грушегскаго „Барское староство“, 304.

Такимъ образомъ, подобно господарскимъ имѣніямъ, земскія имѣнія пановъ и шляхты имѣютъ своихъ дворныхъ урядниковъ, подъ именемъ *намѣстниковъ, справцовъ* и пр.¹⁾ *Тивуны* (тивоны, *ciwuny*), въ качествѣ помощниковъ главныхъ дворныхъ урядниковъ, сидѣли иногда въ панскихъ дворахъ, большею же частью въ принадлежавшихъ къ нимъ фольваркахъ и отдѣльныхъ селахъ, и имѣли значеніе, особенно въ большихъ панскихъ имѣніяхъ, не только сельскихъ, но и волостныхъ старостъ. Тивуны панскіе, какъ и господарскіе, удерживались до позднѣйшаго времени главнымъ образомъ въ Жмудіи и изрѣдка упоминаются также въ инвентаряхъ (до конца XVI вѣка) нѣкоторыхъ имѣній собственной Литвы, Гродненскаго и Минскаго повѣтовъ и на Волини²⁾. — Позже вмѣсто тивуновъ, особенно въ имѣніяхъ съ польско-нѣмецкимъ волочнымъ хозяйствомъ, вводятся *войты* волостные и сельскіе; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ (напримѣръ, въ Городенскомъ имѣніи Здятла князей Острожскихъ) иногда оставались тивуны и при войтахъ, но лишь въ значеніи зависѣвшихъ отъ нихъ старостъ³⁾. Въ инвентаряхъ панскихъ имѣній съ сельскими войтами упоминаются также *лавники*, имѣвшіе такое же значеніе, какъ и лавники въ господарскихъ экономіяхъ⁴⁾. Вмѣсто тивуновъ и войтовъ, а иногда и одновременно съ ними, сидятъ по селамъ и волостямъ панскимъ *приставы, ключники, приказники*, также *старцы*; весь урядъ въ имѣніи сосредоточивается нерѣдко въ лицѣ одного или нѣсколькихъ старцевъ, сидѣвшихъ на „старшенствѣ“ въ

¹⁾ См. указанные въ предыдущемъ примѣчаніи инвентари и другіе акты, помѣщ. въ „Акты Зап. Россіи“ и „Памяти. Кіевск. Комиссіи“. О намѣстникахъ въ шляхетскихъ имѣніяхъ Подоліи см. *Грушевскаго* „Варское староство“, 804.

²⁾ О *тивунахъ* въ панскихъ имѣніяхъ см. Арх. Сборн., I, стр. 146. А. В. К., XIV, стр. 23, 223, 224, 230, 253, 266, 359, 363.

³⁾ О *войтахъ* см. Археогр. Сборн., III, № 111. А. В. К., VIII, стр. 328; XIV, 168, 197, 207, 214, 220, 243, 268, 273, 295, 403.

⁴⁾ См. А. В. К. XIV, стр. 169, 220, 224, 294. Въ уставѣ Могилевскихъ волостей, 1594 г. (Археогр. Сборн., I, стр. 192), служба лавниковъ опредѣляется въ слѣд. статьѣ: крестьяне избираютъ лавниковъ изъ „людей неподозрѣнныхъ, вѣры годныхъ“, въ небольшихъ селахъ по одному, въ большихъ по два. Ихъ повинность: „оглядывать шкоды между поданными въ испашахъ и иныхъ шкодахъ: сами не судятъ, но длютъ вряду по шкодамъ, „посвѣтченъ или сознание“. Они должны также „исягаа порядку въ селѣ доглядать, а наиболѣ—горожи отъ стравы, на боковыхъ стѣнахъ размѣривши на ровныя части на каждую волоку, абы каждый горожу слушаю поставилъ“. Черезъ нихъ же войтъ заказываетъ поданнымъ работы, „абы се никто невѣдомостью не вымолвлялъ“. См. также Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. II, стр. 116—иллюстрацію Кременецкаго замка, 1563 г.

отдѣльных фольваркахъ и селахъ¹⁾ Въ южно-русскихъ имѣніяхъ панскихъ (на Волини, въ Кіевщинѣ, Подоліи и Галичинѣ) волостные и сельскіе старшины извѣстны были подъ именемъ „отамановъ (атамановъ, ватамановъ); иногда при нихъ упоминаются также старцы въ значеніи меньшихъ сельскихъ старостъ²⁾. Въ подольскихъ актахъ намѣчаются формулы, отождествляющія ватамановъ съ тивуцами и вообще сельскими старшинами (*villicus, alias suwan seu watman*“); въ началѣ XVIII вѣка ватаманы подольскіе смѣняются войтами. Самыя раннія свѣдѣнія (отъ XIV вѣка) доходятъ о подольскихъ ватаманахъ, существовавшихъ въ Подоліи по волостямъ еще въ пору зависимости ея отъ сосѣдней татарской орды. Полагаютъ, что самое слово отаманъ заимствовано отъ татарскаго „одаманъ“—старшій пастьухъ³⁾. Въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ инвентаряхъ XVIII вѣка упоминается вмѣсто атамана *asawula*, въ значеніи крестьянскаго старшины, являвшагося во главѣ селъ въ панскихъ имѣніяхъ⁴⁾. Въ дворахъ, „пашенныхъ“ (дворцахъ, фольваркахъ) главною службой считается, какъ и въ господарскихъ имѣніяхъ, служба гуменная и скотницкая, отправлявшаяся *гуменниками* (гуменниками, дворниками) и *рыкунами* (скотницами, дворками или дворничками, — *gukunja* *prukazna*

¹⁾ О *приставкахъ* см. А. В. К., XIV, стр. 266. О *ключникахъ*—Археогр. Сборн., I, 146; А. В. К., XIV, 223. О *приказникахъ*—Копія Лит. Метр., VI, 83 (актъ 1496 г.). О *старцахъ*—Археогр. Сборн., I, стр. 221. А. В. К., XIII, стр. 368. Лит. Метр., Судн. Дѣл № 1, стр. 128.

²⁾ Атаманъ съ старцемъ упоминаются въ одномъ селѣ имѣнія Веледникъ въ Овручскомъ повѣтѣ князей Друцкихъ-Горскихъ. См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 250—251. Въ Каневскомъ повѣтѣ въ XVI вѣкѣ каждый послокъ панскихъ подданныхъ, несмотря на малый составъ населенія, имѣетъ своего атамана (проф. *Владимірскаго-Буданова* „Населеніе“, 44). Объ атаманахъ на Волини см. *Arch. Sangusz. IV*, стр. 471, 479 и пр. О подольскихъ и галицкихъ атаманахъ см. *Грушевскаго*, „Барское старство“, 30. Въ недавно изданныхъ галицкихъ инвентаряхъ половины XVI вѣка упоминаются въ качествѣ сельскихъ старшинъ *князья* (*kniasz*, — стр. 92, 96, 271), *ватаманы*, *тивоны*, также польско-нѣм. *войты* и *солтысы* („жерела до исторіи Украйни-Руси“, изд. археогр. комиссіей „науковаго товариства имени Шевченка“, I, 1895).

³⁾ См. *Грушевскаго* „Барское старство“, 300—301.

⁴⁾ „*Асаула*“ упоминается въ инвентарѣ села Каленого въ Житомирскомъ повѣтѣ, 1768 г., принадлежавшаго пану Ганскому (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 185). Не видно, чтобы при асаулѣ былъ еще какой-либо другой урядникъ въ имѣніи. Названіе асаула заимствовано изъ „полковаго“ строя сосѣдней гѣво-бережной Украйны, гдѣ „асаулы“ означали въ то время опредѣленный земскій урядъ.

или рогадна). Служба гуменныхъ состоитъ въ ближайшемъ надзорѣ на мѣстѣ за фольварочнымъ хозяйствомъ, въ особенности за гумномъ (стодолай) ¹⁾, составлявшимъ общую принадлежность панскихъ дворовъ. Кроме того, на фольваркахъ полагаются рыкуни, смотрѣвшія специально за „оборой“ съ быдломъ (скотомъ); имъ въ особенности принадлежитъ веденіе въ панскихъ фермахъ молочнаго хозяйства—въ „млечныхъ коморахъ“, „сырницахъ“ и пр. Гуменные и рыкуни обыкновенно живутъ въ фермахъ на панскомъ „выхованьи“ ²⁾.

Дворовые и крестьянскіе (волостные и сельскіе) уряды въ панскихъ имѣніяхъ, по всему видно, построились на такихъ же началахъ, какъ и въ имѣніяхъ господарскихъ. Большой или меньшій составъ урядовыхъ службъ опредѣлялся тамъ и здѣсь, главнымъ образомъ, территоріальными размѣрами имѣній и характеромъ принадлежавшихъ къ нимъ сельско-хозяйственныхъ угодій. По сравненію съ дворовымъ хозяйствомъ въ имѣніяхъ господарскихъ, урядовыя службы панскихъ дворовъ-маетностей вообще не отличались большой сложностью; въ панскихъ инвентаряхъ, напримѣръ, вовсе не упоминаются подстаростин, понамѣстники и подтивуны, а также волостные служебники-сотники (сотскіе), сорочники (въ „сороча“ частяхъ волостей) и десятники, бывшіе обычными урядниками въ господарскихъ имѣніяхъ ³⁾. На дворныхъ и крестьянскихъ урядахъ, какъ видно изъ инвентарей, состоятъ крестьяне изъ людей тяглыхъ, иногда и изъ огородниковъ ⁴⁾. Инвентари не даютъ точныхъ указаній на способъ назначенія служебниковъ на дворовые и крестьянскіе уряды—по усмотрѣнію ли однихъ пановъ, или по выбору крестьянъ ⁵⁾. Какъ

¹⁾ По *Нессельману* (стр. 497) литовск. „stadola“ (staddeles)—Einfahrt an den Dorfkrügen.

²⁾ См. Археогр. Сборн., I, стр. 146. А. В. К., XIII, 28, 240, 266. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. III, 107.—О гуменникахъ и рыкуняхъ на фермахъ въ господарскихъ имѣніяхъ см. А. З. Р., II, № 159, п. 21; III, № 19, п. 96. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 126, 187 и др. По *Нессельману* (Wörterb.), 440), литов. rikūnia, ds=dworka, Mc'erin, Verwalterin auf einem Landgute.

³⁾ См. *Любаскаю* „Областн. дѣленіе“, стр. 425 и слѣд. Объ urzednik'ѣ въ частномъ имѣніи см. А. В. К., XIV, 450.

⁴⁾ Напримѣръ, въ инвентарѣ одного имѣнія въ Ковенскомъ повѣтѣ войтъ помѣченъ въ составѣ огородниковъ (А. В. К., XIV, стр. 278). Ключники изъ тяглыхъ подданныхъ упоминаются въ инвентарѣ имѣнія Здатла князей Острожскихъ (ibid., 323). Въ имѣніи Засулье Мяскаго повѣта „подвойскій“ (повидному, панскій приказчикъ) взятъ изъ огородниковъ села Засулья (А. В. К., XIV, стр. 447).

⁵⁾ Быть можетъ, войты и лавники въ панскихъ имѣніяхъ назначались по выборамъ самихъ крестьянъ („которые се подданные зезволятъ“), какъ это управ-

и въ господарскихъ имѣніяхъ, каждый служебникъ, отправлявшій урядовую службу, считается „liberwolien“ отъ всякихъ податковъ и тяглыхъ повинностей ¹⁾. Тивуны, войты и другіе служебники, по инвентарямъ, обыкновенно сидятъ по селамъ на „вольныхъ“ волокахъ и службахъ ²⁾; иногда, впрочемъ, старцы, атаманы и другіе служебники числятся въ инвентаряхъ заурядъ съ другими тяглыми людьми, безъ обозначенія какихъ либо особыхъ льготъ ³⁾, или же съ платежомъ меньшаго чинша и съ работами въ меньшемъ составѣ сравнительно съ другими крестьянами ⁴⁾. Крестьяне, сидѣвшіе на разныхъ урядахъ, „потребу дворную служатъ“ ⁵⁾, сообразно съ задачами и характеромъ урядовыхъ службъ. Кромѣ хозяйственной администраціи (присмотра за работами крестьянъ, наряда ихъ на службы, сбора податковъ и пр.), главные служебники въ панскихъ имѣніяхъ (особенно гдѣ не жили постоянно сами владѣльцы) пользовались административно-судебною властью надъ крестьянскимъ населеніемъ. Указаніе на такую власть панскихъ служебниковъ дается, напримѣръ, въ господарскомъ листѣ 1568 г., въ которомъ, между прочимъ, говорится о служебникахъ въ одномъ изъ волынскихъ имѣній князя Корецкаго: „которые (служебники) дей въ ономъ селѣ его *мужали для постереженія правды* подданныхъ его“ ⁶⁾. Судебная дѣятельность панскихъ служебниковъ въ данномъ случаѣ формулируется въ смыслѣ функціи древне-русскихъ „добрыхъ“ или „судныхъ мужей“ (старославянскихъ „вѣщихъ людей“) — „вѣщателей“ права, владѣвшихъ правоспособностью „мужевать“, или, что то же — „сказывать знахорство“, „правду стеречи“, „послушествовать“, быть суднымъ „мужемъ“, представителемъ общины въ роли вѣщателя и хранителя „пошлины-старинны“ ⁷⁾.

тиковалось, напримѣръ, въ господарскихъ волостяхъ Могилевскихъ, по уставу 1594 г., по всему видно, руководившемуся въ этомъ случаѣ стародавнимъ обычаемъ (Археогр. Сборн., I, стр. 191).

¹⁾ А. В. К., XIV, 474.

²⁾ Арх. Сборн., I, стр. 146; III, № 111. А. В. К., XIII, стр. 338; XIV, 223 и пр.

³⁾ Напримѣръ, старцы по инвентарю имѣнія Полоцкаго владыки, 1588 г. (Археогр. Сборн., I).

⁴⁾ О меньшемъ чиншѣ см. А. В. К., XIV, 256. Въ нѣкоторыхъ подольскихъ имѣніяхъ ватаманы „робятъ“ только 2 дня въ недѣлю (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 11),

⁵⁾ А. В. К., XIV, 230.

⁶⁾ См. проф. Антоновича „Грамоты великихъ князей Литовскихъ“, № 54, стр. 125.

⁷⁾ Ср. мое изслѣд. — „Старый земскій обычай“, стр. 84—85.

II. *Люди тямые* или *черные*. Подъ этимъ именемъ, какъ показано раньше, разумѣется въ актахъ все не служилое населеніе имѣній господарскихъ и панскихъ,—„подданные“, владѣвшіе „тяглыми“ землями и сидѣвшіе на „тяглѣ“ или „тяглою службѣ“¹⁾. „Особные“ разряды людей тяглыхъ опредѣляются специальными различіями между разнообразными крестьянскими службами: по надѣльнымъ „работамъ“ въ панскомъ дворѣ и на дворной, фольварочной—пашнѣ, по „даньямъ“ и „поплаткамъ“, вообще сборамъ натурою и деньгами, по обложенію тяглыхъ людей оброкомъ (чиншемъ) въ замѣсть работъ и дапей; по „особной“ эксплуатаціи въ имѣніяхъ сельско-хозяйственныхъ угодій, въ особенности лѣсныхъ, луговыхъ и водныхъ (рѣчныхъ и озерныхъ); наконецъ, по разнообразнымъ службамъ людей ремесленныхъ, жившихъ ручнымъ трудомъ по мѣстнымъ условіямъ сельскихъ промысловъ. Мы и рассмотримъ въ общихъ чертахъ службы „особныхъ“ тяглыхъ классовъ: людей „работныхъ“ или „тяглыхъ“ въ тѣсномъ смыслѣ, данниковъ, людей оброчныхъ (чиншевыхъ), огородниковъ, садовниковъ, бортниковъ и другихъ классовъ по эксплуатаціи угодій лѣсныхъ и пр., наконецъ службы „особныхъ“ классовъ людей ремесленныхъ. Въ заключеніе сдѣлаемъ замѣтку о людяхъ „убогихъ“ (kołanpusz и пр.), стоявшихъ особнякомъ, не причислявшихся ни къ служебнымъ, ни къ тяглымъ классамъ подданныхъ.

а) *Издѣльные работы* въ панскихъ дворахъ и на панскихъ земляхъ составляли „особную“ службу *людей тямыхъ* въ тѣсномъ смыслѣ, противопоставившихся не только людямъ служебнымъ, боярамъ и слугамъ разныхъ наименованій, но и классамъ не служилыхъ „черныхъ“ людей—данникамъ, оброчникамъ, куничникамъ, бортникамъ и т. д.²⁾ Люди тяглые именуются въ актахъ также „тяглыми *мужиками*“³⁾,

¹⁾ О тяглыхъ людяхъ въ этомъ смыслѣ см. Арх. Сборн., I, 147; III, 2. Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 2, стр. 50; Публичн. дѣлъ № 28 стр. 30; Записей № 6; стр. 520. Коп. Лит. Метр., V, 3 (1505 г.) и другія документальныя данныя, приведенныя въ началѣ настоящаго отдѣла очерка. О „тяглыхъ земляхъ“ см. Коп. Лит. Метр. VI, 16 (1494 г.). О людяхъ „сидѣвшихъ на тяглѣ“—А. В. К., XIV, стр. 443; О „тяглою службѣ“—Арх. Сборн., I, 32, 34, 35 и пр.

²⁾ Люди тяглые, по актамъ, противопоставляются, напр., конокормцамъ и лейтамъ (А. З. Р., II, № 119), людямъ служебнымъ, конюхамъ, пшеничникамъ, садовникамъ (Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 114), данникамъ, ловцамъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2,—инв. Житомир. замка), слугамъ и людямъ даннымъ (Коп. Лит., Метр. V, 163,—годъ 1498) и пр.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 29.

„ратаями“¹⁾, „поданными работными“ (homo laboriosus)²⁾, людьми „принными“³⁾, „потужными (roszezni, roszezni, gospodarz roszezny)⁴⁾. По тягловому различію крестьянскихъ дворовъ, люди тяглые, жившіе на Воляни дворищами, иногда называются „людьми подворищными“ (подворными) и „полудворищными“, въ отличіе отъ данниковъ, исчислявшихся въ инвентаряхъ по службамъ и дымамъ⁵⁾. Крестьяне, сидѣвшіе на четвертяхъ дворищъ или службъ, называются иногда „четвертинками“, какъ и дворищные — „щоденными“ (тые що день повинни робити“), — сидѣвшіе на волокахъ — „волочниками“ (włoczni, rbiwłoczni и пр. “). Затѣмъ, люди, жившіе близъ тивунскихъ дворовъ и обязанные издѣльными работами на этихъ дворахъ и на тянувшей къ нимъ пашнѣ, называются иногда „тяглыми людьми тивонскими“, въ отличіе отъ тяглыхъ „сяленцевъ“, работавшихъ на панской фольварочной землѣ⁷⁾. Люди тяглые иногда обязываются, сверхъ издѣльныхъ работъ, также взносомъ „дякла“ (сборовъ хлѣбомъ и другими продуктами, — см. ниже) или уплатой за землю „чинша“; это — „люди тяглые дякольные“ и „люди тяглые чиншевые“⁸⁾. Повинности („повиновательство“) людей тяглыхъ обозначаются въ инвентаряхъ самыми разнообразными наименованіями: служба тяглая (servitium), пригонъ (служба пригонная, розметы пригонные), работа (робочизна, labor), праца, послуги, тягло, потягль, панщина (панщизна) и пр. “). Что касается различныхъ

¹⁾ Археогр. Сборн., VII, 15. Ратаями дворными называются также челядины, обработывавшіе панскую пашню и жившіе въ пашенныхъ дворахъ — фольваркахъ (А. З. Р., II, № 159, п. 31; Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 2, стр. 100).

²⁾ О „поданныхъ работныхъ“ см. Арх. Ю.-З. Р., VII, т. I, 291. Въ 1478 г. виленскій воевода, панъ Алексѣй Судимонтовичъ далъ фундаментную запись костелу въ имѣніи Волнѣ, между прочимъ, на двухъ „homines laboriosos, non tributarios“ съ ихъ дѣтymi и на трехъ „tributarios cum tributo ipsoium“ (Лит. Метр., Записей № 80, стр. 931).

³⁾ А. З. Р., I, № 185; II, 61, 147. См. Любавскій, стр. 315, 320.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 93; ч. VII, т. II, 173, 180, 233.

⁵⁾ Ibid., ч. VI, т. I, 109, 118; Arch. Sangusz., III, № 125.

⁶⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 477 (четвертинки), 463 и 469 (щоденные), 471 и 483 (воловочные и повъолочные).

⁷⁾ Такое различіе отмѣчено въ инвентарѣ имѣнія Титованъ, въ Жмуди (А. В. К., XIV, № 2).

⁸⁾ О людяхъ тяглыхъ дякольныхъ см. Археогр. Сборн., I, стр. 32; VII, № 10. Ср. Любавскій, стр. 316, 319. О людяхъ тяглыхъ чиншевыхъ — Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 172.

⁹⁾ Археогр. Сборн., I, стр. 34, 186, 212. А. Ю.-З. Р., I, № 91. А. В. К., XIII,

видовъ издѣльныхъ работъ и тяглыхъ „поплатковъ“, какъ и вообще хозяйственныхъ операцій, въ какихъ обязаны были участвовать тяглые люди, то этотъ вопросъ достаточно разработанъ въ существующихъ изслѣдованіяхъ о крестьянахъ юго-западной Россіи литовской эпохи ¹⁾, и потому будетъ излишнимъ касаться этого вопроса въ настоящемъ очеркѣ. Считаю необходимымъ остановиться здѣсь на совершенно не разъясненномъ вопросѣ о южно-русскихъ „ясачникахъ“ или „ясачныхъ людяхъ“, которые, на нашъ взглядъ, имѣли такое же значеніе „особнаго“ класса крестьянъ, какъ и люди тяглые, „рабочные“.

Ясачники (есачники, сочники), или *люди ясачные*, упоминаются впервые, если не ошибаемся, въ изслѣдованіи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова о „населеніи юго-западной Россіи“ ²⁾, но безъ точнаго разъясненія значенія этого разряда крестьянъ. Въ перечнѣ общественныхъ классовъ, сдѣланномъ въ этомъ изслѣдованіи по люстраціи Кіевщины, конца XV или начала XVI вѣка, сочники и есачники намѣчаются пслѣдъ за ловцами и, повидимому, трактуются въ такомъ же смыслѣ, какъ и „осочники“ (тѣ же ловцы) сѣверныхъ областей Литвы-Руси. По догадкѣ г. Любавскаго, названіе ясачниковъ идетъ со времени татарскаго владычества и означаетъ, „повидимому“, людей, принадлежавшихъ къ разряду данниковъ ³⁾; догадка эта имѣетъ въ виду ту же люстрацію Кіевщины, да еще какой-то актъ изъ Литовской Метрики, къ сожалѣнію, не только не цитированный, но и не наименованный точно авторомъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Любавскій замѣчаетъ, что въ средѣ кіевскихъ мѣщанъ были ясачные люди, платившіе „ясакъ“ или дань, и при этомъ ссылается на листъ великаго князя Александра кіевскимъ мѣщанамъ, 1494 г. ⁴⁾. Но дѣло въ томъ, что ни Кіевская люстрація, ни листъ 1494 г. не даютъ вполне точныхъ показаній, каково въ дѣйствительности было значеніе южно-русскихъ ясачниковъ и платившагося ими ясака. Г. Любавскій оставилъ безъ вниманія нѣкоторые акты, давно извѣстные въ печати;

стр. 187, 378; XIV, 448, 457. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, 2, 13; ч. VII, т. I, 328, 608; т. II, 30, 416. Ср. *Любавскій*, 834; *Грушевскій*, 253; мое изслѣд. о крестьянахъ—въ *Кіевск. Унив. Извѣст.*, 1863, № 11.

¹⁾ См. цитированныя выше изслѣдованія *Антоновича*, *Новицкаго*, *Леонтовича*, *Владимірскаго-Буданова*, *Любавскаго* и *Грушевскаго*.

²⁾ См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, предисл., стр. 27, 131 и 134.

³⁾ „Областное дѣленіе“, стр. 342.

⁴⁾ *Ibid.*, 498. Ср. А. З. Р., I, № 120.

акты эти, вмѣстѣ съ данными о „ясакѣ“ и „ясачныхъ“ людяхъ (ясакчи) у старыхъ монголо-татаръ, категорически указываютъ на ясачниковъ, какъ людей тяглыхъ, потужныхъ, а не ловцовъ и не данниковъ. Термины: „ясачникъ“ и люди „ясачные“, по вѣрной догадкѣ г. Любавскаго, „идутъ со времени татарскаго владычества“. Мы и остановимся прежде всего на ясакѣ и ясачникахъ у монголо-татарскихъ племенъ, державшихъ въ своемъ данничествѣ русскія земли и оставившихъ имъ въ наслѣдіе „ясачничество“ вмѣстѣ съ другими институтами монгольскаго происхожденія.

По коренному своему значенію, *ясакъ*, или *яса*, означаетъ собственно *обычай*, родовую пошлину, какою монголы руководились еще въ первоначальную пору разрозненной жизни отдѣльными родами, бродившими въ средне-азиатскихъ степяхъ. Въ началѣ XIII вѣка образуется великое ханство Чингиса, сплотившаго монгольскіе роды въ одинъ племенной союзъ. Въ это-то время (около 1206 г.), на общемъ съѣздѣ монгольскихъ вождей, старый родовой ясакъ монголовъ кодифицируется подъ именемъ „великой ясы“, или „ясака“,—сборника общеплеменныхъ законовъ, обязательныхъ для всѣхъ племенъ великаго ханства. Племенной ясакъ монголовъ удерживалъ свою силу и въ Золотой Ордѣ, перекочевавшей изъ средне-азиатскихъ степей въ Поволжье и далѣе въ Черноморскія и Подольскія степи и надолго подчинившей всему владычеству сосѣднія русскія земли ¹⁾).

¹⁾ О „великой ясѣ“ упоминаетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ монгольскаго права, дѣйствовавшаго на Руси,—ярлыкъ хана Золотой Орды Менгу-Томира, 1270 г. объ освобожденіи русскаго духовенства отъ всѣхъ татарскихъ дани и повинностей: по этому ярлыку всякій монгольскій чиновникъ, берущій съ духовенства въ противность предписаніямъ ярлыка дань и пр., „по велицей ясѣ не извинится и смертію да умереть“ (Румянц. собр. госуд. грамотъ, II, № 2). Позже, въ пору вторичнаго образованія ойратства (союза) средне-азиатскихъ монгольскихъ племенъ въ началѣ XVII вѣка, тотъ же родовой ясакъ монголовъ кодифицируется вновь на съѣздѣ монгольскихъ вождей (1640 г.), подъ именемъ „Цанджия-Вичикъ“ (Ойратскій уставъ высканій). Последній сборникъ монгольскаго ясака дѣйствовалъ до позднѣйшаго времени у всѣхъ средне-азиатскихъ монголовъ, въ томъ числѣ и у русскихъ калмыковъ, монголо-бурятъ и пр. Фрагменты монгольскаго ясака временъ Чингиса, вмѣстѣ съ Ойратскимъ уставомъ 1640 г. (последній по старому русскому списку, официально дѣйствовавшему въ калмыцкихъ судахъ) изданы мной въ сочиненіи: „Къ исторіи права русскіхъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или Ойратскій уставъ высканій“—въ XXVIII томѣ „Записокъ Импер. Новоросс. университета“ и отдѣльно—1879 г. Въ слѣдующемъ году проф. С.-Петербургскаго университета К. Ѳ. Галстунскій издалъ Ойратскій уставъ по открытому имъ монгольскому списку, съ переводомъ на русскій языкъ.

Кореннымъ институтомъ, опредѣлявшимъ всю природу и организмъ монгольской пошрины-ясака и связывавшимъ отдѣльныхъ индивидовъ въ тѣсныя племенные группы, нужно считать *genti adscriptio*, съ сложною системою родовыхъ сервитутовъ, въ формѣ тяглыхъ повинностей (работъ), личныхъ службъ, даней и пр. Наименованіе родовой пошрины переносится на всю совокупность возникшихъ изъ *genti adscriptio* родовыхъ сервитутовъ: ясакъ, по монгольско-татарскому праву, искони означаетъ и правовой обычай, и основанныя на немъ, тяглыя повинности и дани—разнообразныя службы, отправлявшіяся индивидами въ пользу своихъ родовъ, или правильнѣе — родовыхъ вождей. Въ этомъ смыслѣ въ понятіе ясака входитъ не только платежъ дани, но и вообще всякій нарядъ членовъ рода на „службу“, напримѣръ, въ ратный путь, охотничью облаву, на „послуги“ при ставкѣ вождя (въ качествѣ ли стража-панцырника и латника, или простаго рабочаго), уходъ въ степи за племеннымъ стадомъ и т. д. Группа родичей, кочевавшихъ вмѣстѣ съ своимъ стадомъ, имѣвшихъ одно „огнище“, курень, дымъ или „котель“, которымъ содержалась вся группа, составляла основную единицу родоваго строя монгольскихъ племенъ¹⁾. Члены такой группы, подчинявшіеся общей для нихъ родовой пошринѣ—ясаку, и назывались въ отношеніяхъ другъ къ другу людьми ясачными, „ясакчи“—названіе, вполнѣ соответствующее славянскому слобру—потужнику или литовскому бурснику (см. выше). Съ другой стороны, по „числу“ (переписи) отдѣльно кочевавшихъ куреней — дымовъ опредѣлялись также ратныя и другія повинности, отправлявшіяся сообща родичами-ясачниками одного куреня²⁾. Въ тягловомъ отношеніи тотъ же ясачный людъ, „ясакчи“, означалъ не просто данниковъ, но вообще тяглыхъ членовъ рода, подлежащихъ въ силу *genti adscriptio* всѣмъ родовымъ сервитутамъ въ пользу рода и его вождя,—отправлявшихъ всѣ тягости, возлежація на людяхъ простаго

Въ то же время мной изданъ (по рукописи барона Ф. А. Бюлера, хранящейся нынѣ въ библиотекѣ Московскаго юридическаго общества) переработанный въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, по иниціативѣ русскаго правительства, на съѣздѣ калмыцкихъ старшинъ, ойратскій уставъ, подъ именемъ: „Зинзигинскія постановленія“ или „Право мунгалскихъ и калмыцкихъ народовъ“ (см. XXIX т. *Записокъ Новоросс. унив.*, 1880 года: „Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Калмыцкое право“). Сборникъ этотъ остался безъ законодательнаго утвержденія.

¹⁾ См. мое сочиненіе „Къ исторіи права русскихъ инородцевъ“. Ойратскій уставъ, стр. 260.

²⁾ См. тамъ же.

состоянія, служащихъ и платящихъ подати¹⁾). Позже такъ назывались просто крѣпостные, зависимые люди не только у средне-азиатскихъ монголовъ, русскихъ бурятъ и калмыковъ, но и у татарскихъ горцевъ сѣвернаго Кавказа — малкарцевъ, кумыкъ и пр.²⁾. Затѣмъ старшины (зайсанги) монгольскіе, стоявшіе во главѣ тяглыхъ „куренныхъ“ по числовому порядку десятковъ, сорока, сотенъ и пр., имѣли значеніе „ясачныхъ“ нарядниковъ („сборщиковъ ясачныхъ“), завѣдывали не однимъ сборомъ дани—ясака, но и всякими тяглыми повинностями данной сотни или десятка куреней³⁾. Въ составъ ясачныхъ людей не входили *ясари* (рабы) да тарханы (*darshan* и *erketen*), то есть, люди, за особыя заслуги (ратныя и не ратныя) освобожденные отъ *genti adscriptio* и соединенныхъ съ нимъ тяглыхъ или служебныхъ повинностей куреней, десятковъ и пр.⁴⁾.

Въ такомъ же положеніи тяглыхъ или ясачныхъ людей находилось населеніе данническихъ земель, подчинявшихся монгольскому владычеству. Русскія земли въ монгольскую эпоху составляли „царевы улусы“⁵⁾, подлежавшіе „татарщинѣ“, татарской „тягости“, „ясаку“⁶⁾.

¹⁾ Калмыцкое право, стр. 365.

²⁾ О „ясакчи“ у генерешныхъ малкарцевъ и другихъ кавказскихъ горцевъ-татаръ см., напримѣръ, статью *Е. С—ва* „Крѣпостные въ Кабардѣ“ въ Сборн. свѣдѣн. о кавказск. гордахъ, 1868, II. О „ясакѣ“ и ясачныхъ людяхъ у различныхъ монголо-татарскихъ племенъ см. извѣстные труды Палласа, Георга и др. Ср. также упомянутое выше мое сочиненіе „Къ исторіи права русскихъ инородцевъ“. О „ясакѣ“ по адатамъ кавказскихъ горцевъ-черкесъ, кабардицевъ, чеченцевъ, кумыкъ, малкарцевъ и др. см. мои „Адаты кавказскихъ горцевъ“ (т. I и II), sub voce „ясакъ“ и „ясакчи“. Литература по исторіи права и быта монголо-татаръ и горцевъ сѣвернаго Кавказа, подчинявшихся изстари монгольскимъ вліяніямъ, указана въ моихъ сочиненіяхъ—„Адаты“ и „Обратскій уставъ“.

³⁾ См. Обратскій уставъ, ст. 169—170; Калмыцкое право, стр. 64 (ч. 7), 187, 139.

⁴⁾ О *ясряхъ*, тарханахъ и *эркетенахъ* см. Обратскій уставъ, стр. 155—156, 256; Калмыцкое право, 368, 373. О системѣ податей и повинностей у древнихъ монголовъ см. *И. Березина* „Внутреннее устройство Золотой Орды“, 1850; *сю же*: „Очеркъ внутреннего устройства Улуса Джучіева“, 1868.

⁵⁾ П. С. Л., IV, стр. 110. Румянц. сбор. гос. грамотъ, II, № 15, ярлыкъ Эдигея великому князю московскому Василю Дмитріевичу 1409 г.

⁶⁾ О татарщинѣ см. Сборн. госуд. грам., II, № 4. О „ясакѣ“ упоминаютъ восточно-русскіе акты еще въ концѣ XV вѣка, напримѣръ, докончныя рязанскихъ князей, 1496 г. (*ibid.*, I, № 127). О „тягости“ — *ibid.*, I, 27. Ордынская дань впервые упоминается въ летописи подъ 1237 г. (П. С. Л., III, 129). Даничество сѣверо-восточной Руси прекращается къ началу XVI вѣка; южной—въ половинѣ XIV вѣка.

Первоначально установлена была на Руси татарская десятина— „во всемъ, и въ людѣхъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое“¹⁾; вскорѣ десятина замѣняется окладною данью по такому же татарскому „числу“ (переписи данщиковъ), какъ и въ другихъ областяхъ монгольскаго ханства. Поголовщина опредѣлялась каждый разъ монгольскими „писцами“ и „численниками“ („сборщиками ясака“) по количеству „численныхъ“ людей, обложенныхъ татарскою „тягостью“ (тягломъ). Съ XIV вѣка непосредственное татарское „число“ прекращается; вмѣсто него въ Ордѣ опредѣлялись съ этихъ поръ для отдѣльныхъ русскихъ княженій особые оклады „ордынщины“, или „выхода“, путемъ таксированія повинностей и даней въ окладныхъ актахъ—ханскихъ „сверткахъ“ или „дефтерахъ“, дававшихся князьямъ вмѣстѣ съ ярлыками на княженіе²⁾; по такимъ сверткамъ князья и обязаны были собирать у себя татарскій выходъ или ясакъ и доставлять въ Орду³⁾. Въ составъ татарской „тягости“, кромѣ окладной дани или выхода, входили: „запросъ“—единовременный сборъ не по дефтерамъ, а по особымъ ханскимъ ярлыкамъ⁴⁾, затѣмъ разные „протори“, „распаны“, „пошлины“ и „доходы“⁵⁾. Основною ордынскою „службой“ русскихъ данниковъ считалась поставка „вонновъ“ для участія въ ратныхъ путяхъ, предпринимавшихся монголами по ханскимъ ярлыкамъ⁶⁾. Ордынская „тягость“, лежавшая на русскихъ данникахъ, обнимала затѣмъ разнообразныя мѣстные „службы“, „работы“ и „кормы“ по содержанію цѣлаго штата монгольскихъ чиновниковъ, временно („мимоходячихъ“) или постоянно жившихъ въ столичныхъ центрахъ русскихъ земель, при князьяхъ, также въ отдѣльныхъ пригородахъ, волостяхъ и селахъ, въ качествѣ вождей татарскихъ ратей, обычныхъ ханскихъ намѣстниковъ и волостелей, разныхъ

¹⁾ П. С. Л., I, 221; III, 50.

²⁾ О ханскихъ „сверткахъ“ и „дефтерахъ“ см. Румянц. собр. госуд. грам., I, № 27, 52, 127, 128. О „ярлыкахъ“ на княженіе, *ibid.*, № 49.

³⁾ См. *ibid.*, № 40, 52, 127; II, 15. Татарская подать называется въ актахъ „данью къ ордѣ“ или „въ орду“, „ордынскимъ выходомъ и оброкомъ“ (Собр. госуд. грам., I, 40, 49, 52, 127; II, 12).

⁴⁾ *Ibid.*, I, № 7 и др.

⁵⁾ *Ibid.*, I, № 27, 49, 52, 127; II, № 2, 7, 9, 12. По ярлыкамъ къ такимъ проторамъ и пошлинамъ принадлежать: мость, тамга, мостовщина и другія мѣстныя пошлины, затѣмъ разные добровольные взносы—дары, почесты, поклонное, поминки и пр.

⁶⁾ См. *ibid.*, II, № 2, 7.

пошлинниковъ, ловцовъ и пр. ¹⁾). По восточно-русскимъ актамъ XIV — XV вѣковъ ордынскія повинности и дани составляютъ специальную службу нѣсколькихъ разрядовъ тяглыхъ людей: *численныхъ*, или *числяковъ*, затѣмъ *ордынцевъ*, или ордынскихъ деревень, и такъ называемыхъ *дѣлюевъ* (делюевъ), или дѣловыхъ людей. Всѣ эти люди владѣютъ своими землями; съ нихъ и отправляютъ владѣльцы ордынскія службы. Каждый изъ такихъ разрядовъ, какъ видно изъ актовъ, отправляетъ свою особую службу; но въ чемъ суть такихъ службъ, на это не дается въ источникахъ вполне точныхъ указашій. Какъ не безъ основанія полагаютъ, названіе „численныхъ“ людей, или „числяковъ“ ²⁾, произошло отъ обложенія татарскою данью и производившейся съ этой цѣлью переписи („числа“) населенія ³⁾. Изъ актовъ видно, что численные люди были во всѣхъ владѣніяхъ великихъ и удѣльныхъ князей платившихъ ордынской выходъ, жили отдѣльно отъ черныхъ волостей, и платили дани особо отъ другихъ тяглыхъ людей ⁴⁾; въ актахъ въ особенноти замѣчается различіе числяковъ

¹⁾ Общимъ названіемъ монгольскихъ чиновъ на Руси, повидимому, было „послы“ (между ними стоятъ особо послы „мимоходчїе“, на время приходившіе въ русскія земли изъ орды), „рядци“ (нарядники), „приказники“ и „заказники“ (см. Румянц. Собр. госуд. грамотъ, II, № 2, 7, 9 — 12; *Григорьевъ*: „О достоверности ханскихъ ярлыковъ“, 1842; *Березинъ*: Ханскіе ярлыки, 1850—1861; *И. Вьллеетъ*: „О монгольскихъ чиновникахъ на Руси“ (*Архивъ истор.-юрид. съед. Калачова*, I). Монгольскіе чины на Руси были такими же *кормленщиками*, какъ и княжескіе наместники, волостели и пр. Подобно послѣднимъ, ханскіе послы „кормились“ населеніемъ русскихъ земель, какъ на пути, такъ и во все время пребыванія на Руси. Къ такимъ „кормамъ“ ханскихъ пословъ-правителей ярлыки относятъ: „мимоходное на дорогѣ“, то-есть, путевые кормы, и „питіе“, доставлявшееся мѣстнымъ населеніемъ ханскимъ ѣздокамъ — „людямъ и конямъ“, затѣмъ становое, вѣздное, пошлужное, полѣтное, пожитки, поклонное, почестье, дары и пр. Въ составъ „кормленія“ ханскихъ чиновъ входили также разныя тяглыя „работы и службы“ (напримѣръ, при ставкѣ ханскихъ правителей), подводы, ямъ, постой, сторожа, ловитвы и т. п. Точное перечисленіе татарскихъ чиновъ, также слѣдовавшихъ имъ разныхъ повинностей и платежей, находимъ въ ханскихъ ярлыкахъ, дававшихся русскому духовенству, на освобожденіе отъ всѣхъ „тягостей“ татарскихъ (См. Румянц. Собран. госуд. грамотъ, II, № 2, 7, 9—12).

²⁾ О „численныхъ людяхъ“ см. Румян. Собр. госуд. грам., I, № 21, 22, 25, 26, 33, 35, 40, 45, 51.

³⁾ См. *В. И. Сергеевичъ*: „Русск. юрид. древности“, I, стр. 267.

⁴⁾ Въ духовной князя серпуховскаго Владиміра Андреевича, 1410 г., читаемъ: „А треть численныхъ своихъ людей въ Москвѣ и въ ставкѣхъ далъ есмь дѣтемъ своимъ“; князю Андрею, между прочимъ, данъ Черноголовль „съ численными людьми на Кержачѣ и съ селы и бортью и со всѣми пошлинами“. „А что

отъ черныхъ людей¹⁾. По всѣмъ видимостямъ, числяки—часть того же тяглаго, чернаго населенія, выдѣлявшаяся изъ состава черныхъ волостей по своей специальной службѣ—обложенію и платежу татарскаго „выхода“, съ освобожденіемъ, какъ видно, отъ другихъ повинностей²⁾. Числяки упоминаются еще при Иванѣ Грозномъ, рядомъ съ волостями и станами, взятыми царемъ на свой обиходъ (въ опричнину)³⁾. Другіе два класса крестьянъ, отправлявшихъ вмѣстѣ съ числяками ордынскую „тягость“, составляли „дѣлюн“ и „ордынцы“, или „ордынскія деревни“; о послѣднихъ сказано уже раньше. По всему видно, дѣлюн съ ордынцами разумѣются въ dokonчаньи Рязанскихъ князей, 1496 года, подъ однимъ именемъ людей „тяглыхъ“ или „кладенныхъ, кои пословъ (татарскихъ) кормятъ“⁴⁾. Общую службой тѣхъ и другихъ были, какъ видно, „кормы“ всего состава монгольскихъ чиновъ, временно или постоянно жив-

возмутъ дани на Московскихъ станѣхъ и на городѣ Москвѣ, и численныхъ людей“, дѣлятся поровну (Собр. гос. грам., I, № 40). По духовной Галицкаго князя Юрія Дмитриевича, 1434 г., дѣти дѣлятъ между собой „городскія пошлыны, тамга, восмиичее, численные люди, мытъ“,—затѣмъ перечисляются черныя волости съ городами (ibid., № 51).

¹⁾ „А которые слуги потягли къ дворьскому, а черные люди къ сотникамъ, тыхъ ны въ службу не принимати, но блюсти ны съ одного, также и численныхъ людей“ (Собр. гос. грам., I, № 27,—dokonчанье 1362 г. вел. князя Моск. Дмитрія Ив. съ княземъ Серпуховскимъ).

²⁾ См. *Сергиевичъ*: „Русск. юрид. древности“, I, 268. Тягловое выдѣленіе „численныхъ“ людей изъ состава черныхъ волостей представляетъ полную аналогію, напримѣръ, съ выдѣленіемъ въ Новгородѣ особыхъ волостей, становъ, путей, пожей и пр. въ „княжчпны“,—кормленіе князей за ихъ нарядъ,—волости эти отличаются отъ волостей Новгородскихъ, какъ и „княжчпны“ (бѣль серебро), отличаются отъ „черныхъ кунъ“ (черн. серебра), шедшихъ съ Новгородскихъ волостей въ казну Новгородскую (Собр. гос. грам., I, 14, 20, 32, 322; II. С. Л., I, 107, 210; II, 194; III, 11, 19; IV, 94, 99, 160 и пр.). Точно также нѣкоторые погосты въ Новгородской землѣ выдѣлялись въ особое тягло, напримѣръ, для улаты „поральа посадничего и тысяцкаго“ (А. А. Э., I, 42, 104). Едва ли можно согласиться съ предположеніемъ Рейца о томъ, что числяки — люди, которые попали въ послѣднюю татарскую перепись, относятся въ людямъ стараго татарскаго счисленія (см. *Рейцъ*: „Versuch üb. d. Gesch. Ausbildung“ etc., I, 9, 37, пр. 3; ср. *Сергиевичъ*: „Русск. юрид. древн.“, 268). Числяки XIV вѣка только по имени относятся къ числякамъ XIII вѣка (до отмытня татарскаго „числа“). Старые числяки несомнѣнно обнимали ось черныя волости; числяки же XIV и XV вѣка рѣзко отличаются отъ людей черныхъ по своему специальному тяглу.

³⁾ См. проф. *К. И. Сергиевичъ*: „Русск. юрид. древн.“, I, 268.

⁴⁾ Собр. гос. грам., I, № 127 и 128.

шихъ въ русскихъ земляхъ въ качествѣ ханскихъ намѣстниковъ и разныхъ пошлинниковъ; разница же между ордынцами и дѣльями могла высказываться въ самомъ составѣ и характерѣ службъ тѣхъ и другихъ. Въ то время, какъ ордынцы служили татарскимъ нарядникамъ—посламъ въ „пути“, во время ихъ постоянныхъ разъѣздовъ по волостямъ и въ Орду, дѣльи могли отправлять при послахъ разные „службы“ и тяглыя „работы“, давать имъ „кормы“ и „пошлины“ на мѣстѣ ихъ наряда, въ самихъ ставкахъ ханскихъ пословъ, сидѣвшихъ по русскимъ городамъ и волостямъ въ качествѣ ханскихъ намѣстниковъ, данщиковъ, ловцовъ и т. д. ¹⁾.

Восточно-русскимъ ордынцамъ, числякамъ и дѣльямъ, по всѣмъ видимостямъ, соответствуютъ южно-русскіе „татарскіе люди“ ²⁾, извѣстные позже подъ именемъ *ордынцевъ* и *ясачниковъ* (есачниковъ, есочниковъ, сочниковъ), или людей *ясачныхъ*. Раньше сказано уже о южно-русскихъ ордынцахъ; здѣсь остановимся на людяхъ ясачныхъ.

Люды ясачные упоминаются въ числѣ крестьянъ, по своимъ службамъ тянувшихъ къ господарскимъ замкамъ: Винницкому (въ Подоліи), Овручскому, Чернобыльскому, Житомирскому, Черкасскому и Кіевскому. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что южно-русскіе ясачники XV и XVI вѣковъ представляютъ собой наслѣдіе, удержавшееся въ Кіевщинѣ и частію въ Подоліи отъ временъ подчиненія Южной Руси татарскому владычеству ³⁾. Остановимся прежде всего на фактиче-

¹⁾ О дѣльяхъ см. Собр. гос. грам., I, № 24 (люди дѣловые), 27, 33, 35, 45. Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что дѣльи несли ту же особую службу, что и ордынцы,—службу по содержанію ордынскихъ пословъ, доставленію имъ подводъ, проводниковъ и пр. (См. „Русск. юрид. древности“, I, 262). Но разъ ордынцы и дѣльи несли одинаковую службу, мало будетъ понятнымъ, почему тѣ и другіе обозначаются различными именами: различіе имѣть именно указываетъ и на различіе службъ тѣхъ и другихъ. Подъ именемъ „пословъ“ не слѣдуетъ разумѣть только татарскихъ „вздоковъ“, бывшихъ въ „пути“ въ Орду или изъ Орды; послы, какъ и радды,—общее названіе татарскихъ чиновниковъ ратныхъ и не ратныхъ, *посмаламихъ* ханами въ русскія земли въ качествѣ ханскихъ намѣстниковъ, баскаковъ, писцовъ и пр.

²⁾ Такъ назывались русскія колоніи Подольскаго Полонья, подчинившіяся въ XIII и XIV в. мѣстной татарской ордѣ и во второй половинѣ того же вѣка вошедшія въ составъ литовскаго государства (см. моя „Очерки лит.-русс. права“, стр. 349).

³⁾ Ордынская зависимость Южной Руси, какъ извѣстно, установилась одновременно съ сѣверо-восточными русскими землями: Сѣверщина, Кіевщина, По-

скихъ данныхъ, относящихся къ вопросу о южно-русскихъ ясачныхъ людяхъ.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ, упоминающимъ о людяхъ ясачныхъ, относится привилей великаго князя Александра, 1494 г., кievскому боярину Ершевичу на имѣніе Мошны въ Черкасскомъ повѣтѣ: „а въ томъ имѣннн были люди ясачные, къ Черкасомъ служили ясачную службу“; въ виду того, что жившіе въ имѣннн люди частію ушли, частію взяты или побиты татарами, новому владѣльцу дозволяется садить людей въ имѣннн, съ тѣмъ, чтобы Черкасскій намѣстникъ такихъ людей въ ясачную службу не вернулъ и далъ имъ „впокой“; „нехай они ему (новому владѣльцу) служатъ по тому, какъ и въ ыншихъ боярахъ кievскихъ люди госнодаремъ своимъ служатъ“¹⁾. Тому же году принадлежитъ другой листъ великаго князя Александра, данный кievскимъ мѣщанамъ въ подтвержденіе старыхъ пожалованій временъ Витовта и Казимира Ягеллона; по этому листу люди ясачные даютъ „ясакъ“ по старому²⁾. Въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка издана была люстрація замковъ Винницкаго и Житомирскаго³⁾. Въ селѣ Длезеновѣ, тянувшемъ

доля, Волны (съ тянувшими къ ней частями Полѣсья и Подляхн, напримѣръ, Кобрняномъ и пр.) и даже Галичина составляли такіе же ханскіе „улусы“, какъ и старыя московскія княженія (см. моя „Очерки исторіи лит.-русскаго права“, 214), — управлялись ханами, послышанными въ русскія земли „темниковъ“, „баскаковъ“ и вообще намѣстниковъ и данщиковъ (ibid., 215, 216, 349, 353) для сбора „данн“, „выхода“ (ibid., 183, 354) и „татарщины“ (упоминается въ духовной, 1286 г., вел. князя Владимірскаго Владиміра Васильковича, гдѣ, между прочимъ, говорится о данннхъ княгинн Ольгѣ Романовн г. Кобрнна, съ обязанностию вносить Владимірскому князю „татарщину“ — см. Румянц. Собр. гос. грамотъ, II, № 4). Польскій король Казимиръ со времени занятія Галичины (въ 1349 г.) сдѣлался такимъ же ханскимъ подручникомъ — „холопомъ“, какъ и русскіе князья того времени (см. проф. Филевичъ: „Борьба Польши и Литвы Руси“, 52). Ордынская зависимость Южной Руси прекращается съ Синеводской битвой, 1362 г., и окончательно при Витовтѣ, въ началѣ XV вѣка. Какъ замѣчено нами въ другомъ мѣстѣ, главною основой „добровольнаго“ союза и подчиненія южно-русскихъ земель литовскимъ великимъ князьямъ была политика „очищенія“ русскихъ земель отъ ордынцевъ и ордынской „неволи“ и „разоренія“ (см. моя „Очерки исторіи лит.-русскаго права“, 25—27, 30, 152, 183, 214—216, 353, 357).

¹⁾ См. Филевичъ: „Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кievской губерніи“, стр. 620. Тотъ же актъ записанъ въ Литовск. Метр., Записей, № 5, стр. 18.

²⁾ А. З. Р., I, № 120.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, № 1; люстрація извлечена изъ Литовск. Метр., Записей, № 3, стр. 90—94. Часть люстраціи (собственно Житомира съ дворами

къ Винницѣ, обозначено 12 слугъ и 11 „есачныхъ“; слуги, по люстраціи „на войну ходять, подымщины не дають“, ясачные же „подымщину дають, а городъ робять“. Изъ 10-ти селъ, тянувшихъ къ Житомиру, ясачные люди упоминаются въ селѣ Бордвиконѣ: въ пемъ числятся 4 слуги и 3 „сочники“,—„новые люди, ещо воли не выседали; а коли волю выседаютъ, они (слуги) мають служити, а есачники имуть тяглы тягнути, какъ и иные люди“. Подъ „людьми“, тянувшими „тяглы“ въ другихъ селахъ, разумѣются именно люди, „тяглые“ или „неданые“, которые „пашуть“ замковыя земли, „ходять съ топоромъ и косою на толоку“ и дають подымщину. Рядомъ съ „людьми“ тянуть къ замку слуги (ходять на войну), поланины (польные люди, полевая сторожа,—см. выше), данники (дають медовую дань и подымщину вмѣсто тяглой службы) и ловцы (ходять въ ловы, безъ другихъ повинностей и полатковъ). Затѣмъ о людяхъ ясачныхъ говорится въ листѣ короля Сигизмунда I, 1521 г., бывшимъ ясачнымъ людямъ Овручскимъ, которыхъ еще король Александръ „вызволить отъ службы ясачной (esiacznoy) и недѣли Чернобыльской стереги не казалъ“; то же было подтверждено королемъ Сигизмундомъ, обязавшимъ челобитчиковъ въ качествѣ бояръ „служить службою земскою конне и збройне посполу“ съ другими мѣстными боярами¹⁾. Наконецъ, какъ намъ кажется, вполне категорически разрѣшается вопросъ о „службѣ ясачниковъ“ въ описаніи Чернобыльскаго замка, 1552 г.²⁾ Къ замку тянутъ села, расположенныя по рѣкамъ Припечи, Тетереви и Днѣпру, въ повѣтахъ Чернобыльскомъ и Овручскомъ, съ людьми господарскими, землянскими и церковными³⁾. Въ

Костешове и Грезань) напечатана въ польской транскрипціи въ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2; здѣсь говорится, что съ дозволенія короля Станислава-Августа извлеченъ дословно изъ Литовской Метрики ивентарь гор. Житомира, составленный при покойномъ королѣ Александрѣ. Въ полномъ изданіи люстраціи обозначена подъ датой „около“ 1471 г.; въ отдѣльномъ же изданіи ивентаря Житомира въ архивѣ отмѣчена дата 1501 г. Между тѣмъ, ни въ подлинномъ спискѣ Метрики, ни въ позднѣйшей копіи вовсе не обозначена точная дата; изданіе люстраціи слѣдуетъ относить вообще къ 1492—1506 г.—времени княженія Александра.

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. IV, т. I, № 2.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, № 82, стр. 588 и 590.

³⁾ По Днѣпру, внизъ къ Кіеву, располагались 12 селъ Кіевского Печерскаго монастыря; ему же принадлежали два села на Припечи и Тетереви. Монастырю Николи Пустынскаго принадлежало село „на полѣ“ близъ Припечи. Кромѣ того, упоминается село на Припечи бискупа Кіевского (см. *ibid.*, стр. 588).

поселкахъ живутъ бояре, слуги ¹⁾ и есачники; о другихъ крестьянскихъ классахъ вовсе не упоминаетъ люстрація. Въ ней затѣмъ весьма точно опредѣляется ясачная служба, бывшая одинаково обязательною для людей не только господарскихъ, но и землянскихъ и церковныхъ. Когда въ Чернобыли не было еще замка, а былъ только дворъ (очевидно, фольваркъ) съ пашней, всѣ „волощане“ съ мѣщанами ходили орать и пахать „на справѣ дворной“; послѣ постройки замка земля дворная была сдана въ „держанье“ мѣщанамъ. По люстраціи ясачники „робятъ“ замокъ, даютъ подводы и станции, бьютъ господарскіе ѣзды на Припети, а съ своихъ ѣздовъ даютъ на замокъ опредѣленную часть рыбнаго улова; кромѣ того, есачники ловятъ бобровъ на кievскаго воеводу. Всѣ эти тяглыя службы и работы есачники отправляютъ „чергами“, по недѣлямъ, въ какія сводятся „именники“ (племя) и „потужники“—ясачники; каждая „недѣля“, въ значеніи части волости, слагается изъ ясачниковъ нѣсколькихъ поселковъ, сообща отправлявшихъ ясачную службу. Есачники, жившіе на замковой землѣ и владѣвшіе своими особыми „уходами“, до люстраціи давали кievскому воеводѣ „есачизну“, состоявшую въ ежегодномъ взносѣ грошевой и медовой дани и въ доставкѣ сѣна натурою или деньгами („закосное“). Такая же „есачизна“ въ пользу воеводы лежала на землянскихъ и церковныхъ ясачникахъ. По люстраціи есачизна уплачивается владѣльческими людьми ихъ панамъ; люди же господарскіе, вмѣсто старой есачизны, „осажены“ воеводою на конную службу (боярскую).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію чисто татарское происхожденіе „ясачной службы“ тяглыхъ людей, приписанныхъ къ кievскимъ и частію подольскимъ замкамъ, безъ различія между людьми господарскими, землянскими и церковными. По всѣмъ видимостямъ, „особныя“ службы ордынцевъ и ясачниковъ образовались еще въ XIII—XIV вѣкахъ, въ пору ордынской зависимости южно-русскихъ земель, и по своему происхожденію и составу ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ службы восточно-русскихъ „ордынцевъ“, „числяковъ“ и „дѣлюевъ“ XIV—XVI вѣковъ, какъ и отъ службы старыхъ монголо-татарскихъ „ясакчи“. Въ русскихъ земляхъ, числившихся въ составѣ ордынскихъ „улусовъ“, главнымъ образомъ въ мѣстахъ стоя-

¹⁾ Тѣ и другіе обязаны ходить на войну и „лежать“ въ мѣстномъ замкѣ и въ Кіевѣ „въ часъ неспокойный“, то-есть, держать замковую сторожу въ осажденное время.

нокъ многочисленнаго штата ханскихъ „пословъ“, ордынцевъ-кормленщиковъ, выдѣлялись изъ состава тяглыхъ волостей ряды поселеній сельскихъ и городскихъ съ ихъ специальнымъ тяглою, состоявшимъ изъ платежа „ордынскаго выхода-ясака“ въ ханскую казну, вмѣстѣ съ тяглыми „службами“ и „ясачною“—работами, денежными взносами и „кормами“ въ пользу мѣстныхъ ордынцевъ—ханскихъ баскаковъ и др. Съ „очищеніемъ“ южно-русскихъ земель отъ ордынской „неволи“ и съ подчиненіемъ ихъ наряду литовскихъ князей, старые ордынцы и ясачники не сливаются, однако, съ остальнымъ тяглымъ населеніемъ; они продолжаютъ попрежнему нести ясачную службу. Вмѣсто бывшихъ стоянокъ ханскихъ баскаковъ и другихъ представителей ханской власти, средоточіемъ ясачной службы являются господарскіе „города“, укрѣпленные дворы и замки, усиленно заводившіеся въ Подольи и другихъ южно-русскихъ земляхъ вслѣдъ за очищеніемъ ихъ отъ ордынской неволи, въ видахъ охраны населенія отъ татарскаго „разоренія“ и „пополоха“. „Замковыя работы“ и „кормы“ мѣстныхъ правителей, княжескихъ намѣстниковъ-старость, становятся основною „ясачною“ службой бывшихъ ордынскихъ ясачниковъ. По установившейся пошлинѣ они выдѣляются на старыхъ основаніяхъ, какъ и въ татарскую „неволю“, изъ состава тяглыхъ волостей, безъ различія между людьми, жившими на земляхъ замковыхъ и частно-владѣльческихъ. Съ теченіемъ времени, путемъ отдѣльныхъ пожалованій, владѣльческіе ясачники освобождаются отъ ясачной службы въ господарскихъ замкахъ и дворахъ; эта служба становится „особнымъ“ тяглою ясачниковъ, жившихъ на господарскихъ земляхъ. Съ XVII вѣка ясачники больше не упоминаются въ актахъ; очевидно, въ это время они уже вошли въ общій составъ населенія замковыхъ и старостинскихъ имѣній.

в) Второй разрядъ людей не служебныхъ составляли *люди данние* или *данники*, иногда также *danniki rossiegli* (тяглые), *tributarii*¹⁾. Данники—люди „не тяглые“, отправлявшіе свои службы въ формѣ не издѣльныхъ работъ и „пригоновъ“, но „даней“ („дань дорочная“,

¹⁾ О *данникахъ* и *данникахъ людяхъ* см. А. З. Р., I, № 39, 42, 139, 217 и пр.; Археограф. Сборникъ, I, стр. 33; А. В. К., XIV, стр. 266, 460, 525 и др. Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 98, 119, 148, 301. Arch. Sang., № 71, 102, 134, 147; о *данникахъ татарахъ* см. Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, стр. 296 (люстр. Ратненскаго замка, 1565). О *tributarii* см. Лит. Метр., Публич. дѣлъ № 28, стр. 114 (1428 г.); *ibid.*, Записей № 80, стр. 981.

„danina“, „данниче“, иногда „данниче черное“, „tributum“) денежных и промысловыхъ (натурою), платившихся съ пахати и разныхъ крестьянскихъ угодій лѣсныхъ и рѣчныхъ ¹⁾.

Крестьяне этого разряда упоминаются уже въ актахъ конца XIV вѣка ²⁾ и затѣмъ до позднѣйшаго времени встрѣчаются въ имѣніяхъ не только государскихъ, но и частновладѣльческихъ ³⁾. Въ составѣ данниковъ, какъ и вообще людей тяглыхъ, могли числиться, какъ люди вольные, приходни, такъ и отчичи, люди „извѣчные“, не пользовавшіеся правомъ выхода ⁴⁾; въ инвентаряхъ находимъ указанія даже на шляхтичей, числившихся въ составѣ данниковъ и на общемъ основаніи съ ними платившихъ „дань“ ⁵⁾. Подобно людямъ „robotнымъ“ или „пригоннымъ“, владѣвшимъ тяглыми „землями“ и отправлявшимъ съ нихъ издѣльные работы съ денежными „поплатками“ (главнымъ образомъ, подымциной), данники владѣютъ землями напешными — „данными“, съ которыхъ идетъ дань „прошевая“, или

¹⁾ О дани см. А. З. Р., II, № 161, п. 5. Arch. Sang., I, № 73, 102, 107, 121 и пр. О дани дорочной см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 301—304. О данниче—*ibid.*, ч. VII, т. II, 218. О данничемъ см. записную книгу Казимира: „Хоружому Луцкому Даману данничое въ Мозыри на годъ“. „Василью Малышевичу данничое въ Каменцы на годъ“. „Сенько Илвоничъ просилъ данничое черное, а ему бы служили“. (Лит. Метр., Записей № 4, стр. 61 и др.). Ср. также Кош. Лит. Метр., V, 306 (1502 г.—„даннич“). О tributum — Лит. Метр., Публ. дѣл., № 28, стр. 114.

²⁾ Лит. Метр., Записей, № 2, стр. 125. — Запись 1392 г. князя Дмитрія Семеновича его женѣ, между прочимъ, на „данника“ въ Турци.

³⁾ О данникахъ въ панскихъ имѣніяхъ см., напримѣръ, Археографическій Сборникъ, I, стр. 83; А. В. К., XIV, стр. 266, 550 и др.

⁴⁾ О данникахъ—вольныхъ людяхъ, приходняхъ и отчичахъ, см. А. В. К., XIV, стр. 600; А. Ю.-З. Р., I, № 62. Въ 1496 г. великій князь Александръ далъ Черниговскому намістнику, князю Ивану Борисовичу Ганскому, данника, а также село съ полными людьми въ черниговскомъ повѣтѣ; право выхода признано только за послѣднимъ (А. З. Р., I, № 138). Въ 1492 г. княгиня Слудская пожаловала Троицкому монастырю даннаго человѣка также безъ права выхода: если данникъ пойдетъ прочь, монастырю предоставляется его „искати, какъ котораго коланнаго“ (А. З. Р., I, № 98). Въ одномъ актѣ 1496 г. различаются данники „непохожіе и прихожіе“ (Лит. Метр., Записей, № 5, стр. 57). Данники „непохожіе“, отчичи, служатъ предметомъ дани и продажи „на вѣчность“ (Arch. Sangus., III, № 99; Лит. Метр., Записей, № 2, стр. 233).

⁵⁾ Въ инвентарѣ имѣнія Кретинга, въ Жмуди, упоминаются въ числѣ данниковъ—люди прихожіе, отчичи и одинъ шляхтичъ; всѣ платятъ одну и ту же дань (см. А. В. К., XIV, стр. 600).

„серебряная“, „серебщица“, „платъ“ грошевой, иногда и „подымщина“¹⁾).

Основнымъ фондомъ всѣхъ повинностей данниковъ служатъ, главнымъ образомъ, бывшія въ ихъ владѣніи разнообразныя угодыя лѣсныя и рѣчныя; съ нихъ данники и платятъ промысловыя дани подъ разными названіями. Таксація такихъ даней, какъ видно изъ инвентарей, не вездѣ могла быть одинаковою. Дани платятся въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по богатству и разнообразію угодій, бывшихъ въ эксплуатаціи крестьянъ, и вообще смотря по мѣстнымъ условіямъ сельскихъ промысловъ въ отдѣльныхъ областяхъ. По инвентарямъ южно-русскихъ замковъ и имѣній господарскихъ и панскихъ, въ виду постоянныхъ татарскихъ набѣговъ, мѣшавшихъ правильному развитію сельско-хозяйственной культуры, промысловыя дани съ крестьянскихъ пасѣкъ, бобровыхъ гоновъ и другихъ мѣстныхъ „уходовъ“ иногда вовсе не подчиняются точной таксаціи, платятся, „коли лѣто доброе“, „коли ся медъ родить“, „часомъ большей или меньшей“, на примѣръ, изъ „половины“ или „трети“ получеціаго дохода; иногда же данники, по убожеству или другимъ причинамъ и „не даютъ ничого“²⁾).

Промысловыя дани носятъ разныя названія, въ особенности по различію лѣсныхъ и рѣчныхъ промысловъ бортниковъ, бобровниковъ и куничниковъ, изъ коихъ по преимуществу слагается разрядъ литовско-русскихъ данниковъ³⁾). Къ промысловымъ данямъ литовско-русскихъ данниковъ относятся:

Дань медовая, уплачивавшаяся данниками (иногда данниками „*miadowymi*“) или бортиками и пасѣчниками съ принадлежавшихъ имъ бортей и пасѣкъ. Нерѣдко въ актахъ подъ общимъ именемъ „дани“ разумѣется по преимуществу дань медовая. Она обозначается также именемъ „дачки медовой“, иногда просто „меда“, „меда прѣс-

¹⁾ О земляхъ „данныхъ“, см. Arch. Sang., III, № 17, 70; Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2. О дани грошевой, серебряной и подымщинѣ, см. Археографическій Сборникъ, I, стр. 33; А. В. К., XIII, стр. 339; XIV, 460. Arch. Sangusz., I, № 71 и 102. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 119, 148, 301. Ср. *Любавскій*: „Обл. дѣленіе“, 338.

²⁾ См., на примѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 98—100, 148; *ibid.*, т. II, 5.

³⁾ См., на примѣръ, А. З. Р., I, № 2 9; II, 87, 149. Памятн., II, отд. 2, стр. 14—15; III, 165. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 4 и пр. Ср. ниже — объ „особныхъ“ службахъ и разрядахъ крестьянъ по занятіямъ и промысламъ, лѣснымъ, рѣчнымъ и пр.

паго“, „меда липецкаго“ („miod lipczowy“, „липецъ“), ежегодно поставлявшагося въ панскій дворъ натурою въ опредѣленномъ количествѣ ¹⁾. По инвентарю Барскаго староства, 1565 г. данники даютъ въ замокъ, въ извѣстные періодъ (чрезъ года два), кромѣ липецкаго меда опредѣленной мѣры (gasczke, ведро), также особую „пчельную дань“ (или „десятину одъ пчолъ“, „dziesziate pszoli“, „пчолы десятинные“) — десятый „пень“ („улей“) въ каждой крестьянской пасѣкѣ ²⁾. По инструкціи ревизорамъ королевскихъ имѣній, 1569 г., медъ отъ пчелъ подданныхъ берется „пароту“ ³⁾. Въ Ратненскомъ староствѣ, по инвентарю 1565 г., дань медовая (miodowa) берется въ тройкомъ видѣ: липцовый медъ „данный“ или „осенній“ (danni albo yeszienni), дававшійся отдѣльно съ дворищъ „ведле старого звычайу“ (то-есть, въ обычномъ количествѣ „Przesznich“ ульевъ), затѣмъ „полюдь“ (poludzie)—надбавка къ обычной нормѣ дани съ увеличившагося числа дворищанъ, и наконецъ медъ „бобровичій“ или „ловчій“, вносимый ежегодно всей „громадой“ огуломъ ⁴⁾.

Дань бобровая бралась съ данниковъ,—бобровниковъ, имѣвшихъ въ панскихъ имѣніяхъ свои особые бобровые гоны и дававшихъ въ панскій дворъ опредѣленное число бобровъ, „шерстію“ или деньгами („бобровщина“, „бобровщинные пенязи“). Иногда дань этого имени упоминается, какъ раньше замѣчено, въ значеніи особаго вида дани медовой, бравшейся съ цѣлыхъ „громздъ“ данниковъ, владѣвшихъ бортями и бобровыми гонами ⁵⁾.

¹⁾ См. А. З. Р., I, № 26, 48, 86; II, 23, 27, 71, 76. Памяти., III, отд. 2, стр. 21, 158—173. Археографическій Сборникъ, I, стр. 38. А. В. К., XIII, стр. 339; XIV, 11, 412. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 119, 148, 301; т. II, 4—7, 216, 218, 278, 282. Arch. Sang., I, № 69, 71 и пр. Лит. Стат. над. 1811, X, 8, прим. 1, (листъ 1420 г. о медов. данн). Лит. Метр., Записей, № 3, стр. 90 и 92.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 216, 218. А. В. К., XIV, 419, 421.

³⁾ Археографическій Сборникъ, III, № 22.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 282 и слѣд. Та же система медовой дани, повидимому, практикуется и по инвентарю Любомльскаго староства, 1564 г. (см. *ibid.*, стр. 325 и слѣд.). О такой же медовой дани говорятъ источники восточно-русскаго права — (дань медовая, куничная и пр., см. П. С. Л., I, 210, 277; III, 61. Соб. гос. гр. I, 37). О такихъ же даняхъ говорятъ старыя польскіе акты, — напримѣръ, объ „annona mellis“ о медовой десятинѣ decem urnas melles, объ „exactio ciso mellis или exact. cifus (cifatum) mellis: См. *Rayssewski*, Codex, I, p. 113; II, 5. *Raszyński*, Codex, 1136.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 82, 218; II, 8, 86, 87, 203. А. В. К., XIII, стр. 239. Arch. Sang., I, № 122. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 282. Лит. Метр. Зап., № 8;

Дань куничная имѣла своимъ объектомъ обложение данниковъ — „куничниковъ“ взносомъ кунецъ „шерстію“ или деньгами („пенязи куничныя“) ¹⁾. Дань эта имѣла значеніе самостоятельнаго промысловаго полатка; иногда же „кунцы“ упоминаются въ актахъ и въ видѣ дополнительнаго взноса къ дани медовой или грошевой. Въ Жмуди большинство данниковъ, какъ видно, состояло изъ „куничниковъ“, владѣвшихъ своими землями („куничными“) и платившихъ съ нихъ куничную дань. Куничниками же называются иногда и крестьяне, снимавшіе въ аренду чужія земли „съ позему пахати“; поземъ, слѣдовавшій въ такихъ случаяхъ съ крестьянъ, и назывался „кунцами“, платившимися въ старое время „шерстію“, позже и деньгами ²⁾. Эти-то поземельные сборы и называются иногда „земными кунцами“, иногда также „дворными“ (плата съ дворовъ) ³⁾. Какъ извѣстно, въ старину платежными единицами считались „куны“ (кунцы „шерстью“); названіе „кунъ“ и „кунецъ“ позже перешло къ металлическимъ денежнымъ знакамъ — рублямъ, грошамъ, пенязямъ и пр. Такимъ образомъ, крестьяне, „сидѣвшіе на кунцахъ“, во всегда означали профессиональных куничниковъ-ловцовъ. „Сидѣть на кунцахъ“, по инвентарямъ XVI вѣка, означаетъ собственно состоять „на осадѣ“, платить вмѣсто издѣльныхъ работъ тяглыхъ людей грошевой платъ—кунцы; сидѣнье „на кунцахъ“ въ этомъ случаѣ противопоставляется сидѣнью „на тягли“ ⁴⁾. Въ смыслѣ же денежныхъ платежей-пошлинъ упоминаются въ актахъ кунцы „змирскія“ (по мировымъ сдѣлкамъ) и свадебныя—кунцы „девочыя, вдовыя, выходныя“ и пр. ⁵⁾. Наконецъ, изъ одного межеваго акта 1501 г. видно,

стр. 412. Коп. Лит. Метр., V, 204 (бобровщина); VI, 221; XXXVI, 10. Въ старыхъ польскихъ актахъ упоминается „exactio bobrowe“ или „bobri“ (*Wzyszczenie*, Codex, I, p. 293; III, 70).

¹⁾ По инвентарямъ Киевской земли, конца XV вѣка, въ нѣкоторыхъ селахъ (Терисевъ на Рок, Романово и пр.) „куничники“ платятъ въ годъ кунцы въ извѣстномъ количествѣ, по 3, 6 и пр.; иногда опредѣляется общее количество кунецъ, доставляемыхъ всѣмъ составомъ куничниковъ въ имѣніи (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, № 1).

²⁾ А. З. Р., I, № 171, 218; II, 8, 86, 149, 159 (п. 25), 160. Арх. Ю.-З. Р., ч. IV, т. 1, № 10; ч. VI, т. I, стр. 117; ч. VII, т. I, стр. 119; т. II, 1 и 5. Arch. Sang., I, № 122; IV, стр. 522. Копія Лит. Метр., V, 273; VI, 221; XXXVI, 10.

³⁾ См. Лит. Метр., Записей, № 8, стр. 412 и слѣд.—книга данишъ 1506—1511 г.

⁴⁾ См., напримѣръ, А. В. К., XIV, стр. 12, 443, 446, 468. Археографическій Сборникъ, III, № 22. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 120, 304, 305.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 22, 29.

что „куница“ означала не только промысловую дань и всякій денежный платежъ, но и опредѣленную земельную мѣру, соответствовавшую волокъ. Название это, пужно полагать, возникло еще въ древнее время, когда рольникъ, занимавшій участокъ земли опредѣленной мѣры, платилъ за него куницу (куній мѣхъ) ¹⁾.

Къ тому же разряду даней принадлежать поплаты данниковъ съ эксплуатировавшихся ими лововъ *лисиць, блокъ и зайцевъ*. Въ актахъ упоминаются „лисичники“, которые „сидѣли на лисицахъ“, уплачивали дань изъ принадлежавшаго имъ улова лисиць; дань платится „шерстію“. Въ подольскихъ актахъ лисичниками называются приходни—„вольники“, дававшіе „лисицы“ на первыхъ порахъ осаженья до окончанія „воли“, льготы отъ повинностей „старожитныхъ“ подданныхъ ²⁾. Большою же частію данина лисиць имѣла вообще значеніе дополнительнаго платежа къ дани грошевой или медовой ³⁾. Въ смыслѣ же промысловаго сбора упоминается въ актахъ дань „бѣличья“, или „бѣлки шерстію“ („wieworku“) и „зайцы“, повидимому, дававшіеся, какъ и лисицы, въ значеніи не самостоятельной дани, а лишь дополнительнаго платежа къ другимъ данямъ ⁴⁾.

Самостоятельный разрядъ данныхъ людей, отличавшихся отъ людей служебныхъ и тяглыхъ, какъ и отъ собственно данниковъ съ ихъ промысловыми данями, составляютъ „дякольніки“ („люди дякольніи“ или „поддякольніи“, „подданы дяклии“, иногда и „tributarii“) ⁵⁾, платившіе вмѣсто работъ, службъ и подачекъ тяглыхъ подать натурою со всего, что „уродилось или прибыло въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ ⁶⁾, главнымъ образомъ, по эксплуатаціи крестьянской пахати и сѣножатей и вообще по обычнымъ статьямъ хозяйственнаго обихода крестьянъ. Въ актахъ находимъ прямые указанія на то, что дякольніки не служатъ никакихъ „тяглыхъ службъ“ и не даютъ „подачекъ“ тяглыхъ людей; иногда даже свободны отъ

¹⁾ См. А. В. К., XIV, Предисловіе, стр. XIX, акты—№ 1.

²⁾ См. Грушевскій, „Барское староство“, стр. 225.

³⁾ А. З. Р., I, № 39. См. Любавскій, „Обл. дѣленіе“, стр. 339.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 39. А. В. К., XIV, стр. 10 и 11. Арх. Ю.-В. Р., ч. VII, т. II, стр. 278, 281, 285 и пр. Ср. Любавскій, стр. 340. По инвентарю имѣнія Тапина въ Полоцкомъ повѣтѣ, 1591 г., всѣ крестьяне даютъ ежегодно по зайцу (А. В. К., XIV, 412).

⁵⁾ А. З. Р., II, № 99. Памят., I, отд. 2, стр. 52. Skarbies, № 2237, 2241, 2261. О „подданныхъ дякльхъ“ и „заякльхъ“ см. А. В. К. VI, стр. 642. О „tributarii“—Любавскій, стр. 320.

⁶⁾ См. Любавскій, „Обл. дѣленіе“, 316.

„толокъ“¹⁾). Замѣчаніе проф. С. А. Бершадскаго о томъ, что „дьякла были главнымъ признакомъ тяглой службы“, нельзя признать вѣрнымъ²⁾. Выдѣленіе крестьянъ на особое положеніе дякольныхъ людей, по всему видно, стоитъ въ связи со старою системою „натуральнаго“ хозяйства въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ, когда потребности панскихъ дворовъ покрывались непосредственно изъ достатковъ крестьянскихъ—хлѣба и разной „живности“, добываемыхъ трудомъ самихъ крестьянъ. Дякольничество имѣло мѣсто въ особенности въ такихъ имѣніяхъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ, крестьянское хозяйство ограничивалось рольничествомъ, безъ разнообразныхъ лѣсныхъ и рѣчныхъ угодій, и гдѣ, при малой доходности самостоятельнаго, фольварочнаго хозяйства и отдѣльной запашки панскихъ земель, послѣднія въ большей своей части входили въ составъ крестьянскихъ ролей, съ платежемъ за нихъ разныхъ натуральныхъ поборовъ.

Поборы эти носятъ разные названія. На первомъ планѣ стоятъ такъ называемыя „дьякла“³⁾ („дякольничье“), относящіяся въ инвентаряхъ и другихъ актахъ къ „доходамъ панскимъ“, „пошлинамъ“, „податкамъ“ или „подачкамъ“ (daciae) и „данямъ“ и отличающіяся отъ „работъ“, „чиншей“ и „десятинь“⁴⁾). Названіе дякольныхъ людей словомъ „tributarii“⁵⁾ указываетъ на дякло въ общемъ смыслѣ дани — „tributum“, по первоначальному своему значенію чуть ли не такой же „дани-окупа“, какъ и дань, бравшаяся старыми Олегами и Игорями съ покоренныхъ народцевъ финскихъ и славянскихъ⁶⁾).

¹⁾ См. Skarbies, № 2241. Ср. *Любавскій*, 319.

²⁾ См. *Кіевская Старина*, 1888, октябрь, стр. 96.

³⁾ „Дякло“—литовск. dūkle, es—по *Нессельману* (стр. 145) Abgabe, Zins, Tribut, Steuer; „duklininkas — Zinsbauer, der Zinspflichtig ist“. Въ словарь *Ширвида* (Słownik Szirwida) указывается на коренное значеніе литовск. „dokle“ въ смыслѣ „hold“, „danina“—дани, дававшейся въ знакъ зависимости, даничества (См. *Яросевичъ*: „Obraz Litwy“, I, 163, 580).

⁴⁾ О „дякольничьемъ“ см. Археогр. Сборн., VII, стр. 11. О „доходъ панскомъ“—Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 211. О „пошлинѣ“—ibid., Записей № 5, стр. 97; № 9, стр. 51. О „податкахъ“—Arch. Sang., III, № 179. О „подачкахъ“—А. В. К., XIV, стр. 13 и 14. О „daciae“—Arch. Sang., III, № 142. Въ инвентарѣ фольварка Должанскаго, 1594 г., дякло, въ смыслѣ дани, отличается отъ „работъ, чиншей и десятинь“ (А. В. К., XIV, стр. 497). О значеніи дякла см. *Чацкисъ*: „Dziela“, I, 84; *Яросевичъ*: Obraz Litwy, I, § 89.

⁵⁾ См. *Любавскій*, 320.

⁶⁾ На первичное значеніе литовскаго дякла въ смыслѣ „дани-окупа“ намекаетъ, между прочимъ, приведенное выше толкованіе Ширвида слова „dokle“ въ значеніи „hold“, danina (дань).

Земли, бывшія въ обработкѣ дякольниковъ, называются дякольными¹⁾; изъ одного акта 1494 г. видно, что земли дякольныя въ имѣніяхъ господарскихъ даются крестьянамъ „на особную службу“, подъ условіемъ „службу служить и дякло давать“²⁾. Всѣ повинности крестьянъ, сидѣвшихъ на „особной“ дякольной службѣ, слагались, кромѣ грошеваго поплатка за землю, главнымъ образомъ, изъ дякла въ различныхъ его видахъ³⁾. Есть затѣмъ не мало указаній въ инвентаряхъ, что дякло иногда дается и при „тяглоѣ службѣ“, въ видѣ дополнительнаго сбора къ собственно тяглымъ работамъ и поплаткамъ; почему иногда люди тяглые называются „людьми тяглыми дякольными“⁴⁾. Дякло дается въ видѣ добавочнаго сбора по нѣкоторымъ инвентарямъ также данниками, куничниками, людьми „осадными“ и „чиншевыми“; дякло платятъ иногда и бояре, несшіе „листовную“ службу⁵⁾. Дякла по исконной пошлинѣ улачиваются натурою⁶⁾. Сборы дяколъ деньгами („продякла“) всегда точно опредѣляются въ инвентаряхъ и особыхъ уставахъ господарскихъ дворовъ. Обыкновенно перекладывались на деньги лишь дякла второстепенныя или неудобныя по своей громоздкости для доставки въ панскіе дворы; иногда же самимъ крестьянамъ предоставляется платить дякло натурою или деньгами⁷⁾.

Къ составу дяколъ относятся прежде всего денежные платежи („посѣди“, „грошевыя платы“ и „чинши“), давашіеся дякольниками

¹⁾ Arch. Sang., III, № 179. *Skarb.*, № 2287. Коп. Лит. Метр., VI, 10 и 28 (1494 г.).

²⁾ См. Копія Лит. Метр., V, 23 (1494 г.).

³⁾ См., напримѣръ, А. В. К., XIX, стр. 22, 192, 195, 230, 252, 268, 280, 312 и пр.

⁴⁾ О дяклѣ при тяглоѣ службѣ см. А. В. К., XIV, стр. 8, 12, 19, 187, 208, 228 и пр. О „людяхъ тяглыхъ дякольныхъ“—см. Коп. Лит. Метр., V, 302 (1502 г.). *Любавскій*, 316—319.

⁵⁾ О данникахъ см. А. В. К., XIV, стр. 10—11, 117, 389. О людяхъ куничныхъ—*ibid.*, 446. О людяхъ осадныхъ—*ibid.*, 289 и 295. О „чиншевомъ“ житѣ и овсѣ—*ibid.*, 179. О дяклѣ бояръ—*ibid.*, 17.

⁶⁾ Въ 1528 г. люди Новинской волости жаловались господарю на мѣстнаго намѣстника, который произвольно, противъ обычая, бралъ съ крестьянъ деньги, а не натурою, сѣнное дякло; намѣстникъ долженъ былъ очищаться присягою, что онъ этого не дѣлалъ, и только послѣ присяги былъ оправданъ по суду (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ, № 6, стр. 108).

⁷⁾ См. А. В. К., XIV, стр. 8, 102, 177, 275 и пр. А. З. Р., II, № 159 (п. 11 и 12). Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 13 („продякла“).

съ ихъ земли ¹⁾. Главными предметами обложенія дякломъ служатъ: жито („жито дякольное“, жито „ziagpowe“, дававшееся зерномъ, „житицина“, — плата натурою или деньгами, — „дякло житные“ или „ржаное“, „оржаное“, „дань житная“) ²⁾, пшеница (*tributum siliginis alias dziakła*“), дававшаяся „пшеничниками“ (*tributarii*) ³⁾, ячень ⁴⁾, овесъ („овесъ дякольный“ или „данный“, „дякла овсянныя“, „дань овсяная“, „tributum avenae“, уплачивавшіеся „овсяниками“) ⁵⁾, сѣно (сѣно „дякольное“, „дякло сѣнное“, „сѣнныя пенязи“ или „сѣновщина“) ⁶⁾, кормовая трава („дякла пентиничныя“, „пенязи почичныя, платившіеся „пентинниками“) ⁷⁾, ленъ (на сѣнье лянное“,

¹⁾ Въ инвентаряхъ, напримѣръ, таксируются „дякла посѣди“ и пр. (см. А. В. К., XIV, стр. 13, 192, 195, 212, 280, 252, 268, 312, 378).

²⁾ О „житы“ см. А. В. К., XIII, стр. 378; XIV, 8, 12, 177: 195 и пр.; Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 301. О „житы дякольные“—А. В. К., XIV, 226, 473, О житѣ „ziagpowet“—*ibid.*, 408. О „житицины“ — Лит. Метр., Зап., № 5, стр. 83 (житицина-натурою); Копія Лит. Метр., V, 204. (1499 г.). О „дякла житномъ“—Археогр. Сборн., I, стр. 32, 33, 45; III, 12. А. В. К., XIV, 338. О „дякла ржаномъ“ — Коп. Лит. Метр., V, 293 и 350. О „дань житной“ — А. З. Р., II, № 159 (п. 9). Arch. Sang., I, № 71; Коп. Лит. Метр., V, 15 (1506 г.). Вѣроятно, сюда же относятся „мучники“, поставлявшіе жито не зерномъ, а мукою (см. *Любавскій*, 383).

³⁾ О „пшеницы“ см. А. В. К., XIII, 312, 419, 432, 460, 462. О „tributum siliginis“ и „tributarii“—*Любавскій*, 320. О „пшеничниками“ — Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 114 (вырокъ 1516 г.); Коп. Лит. Метр., V, 322 (1502 г.); VI, 580 (1504); *Любавскій*, 320 (примеч., 1508 г.).

⁴⁾ А. В. К., XIV, стр. 312, 419, 460 и 462.

⁵⁾ Объ „овесъ“ см. А. В. К., XIII, стр. 339; XIV, 8, 157, 177 и пр. Объ овесѣ „дякольномъ“ — *ibid.*, XIV, 216, 226, 331, 473. Объ овесѣ „димномъ“ — Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 278. О „дяклахъ овсяныхъ“—Археогр. Сборн., I, 32, 45; III, 12. Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 8, стр. 142; Коп. Лит. Метр., V, 136 и 293. О „дань овсяной“—Коп. Лит. Метр., V, 350. О „tributum avenae“ alias *dziakła*—*Любавскій*, 320. Объ „овсяниками“—А. В. К., XIV, 215.

⁶⁾ О „сѣны“ см. А. В. К., XIV, 8, 159, 192 и пр. О сѣнѣ „дякольномъ“ — *ibid.*, 473; Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, 13. О „дякла сѣнномъ“—А. З. Р., II, № 159 (п. 11, 12). Коп. Лит. Метр., V, 293. О *peniazы сѣнныхъ или сѣновщины*—А. В. К., XIII, 33. Лит. Метр., Записей, № 8, стр. 412 и сл.

⁷⁾ О „дякла пентиничномъ“ и „пентиникахъ“ см. А. З. Р., II, № 159 (п. 11 и 12). *Любавскій*, стр. 150, 316, 474,—прилож. № 25, 26, 33. О „пенязы почичныя“ — Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 18 (уставъ 1542 г. госнод. дворовъ Виленск. и Трокеж. повѣтовъ). По *Нессельману* (стр. 284), *pentinnas, pentinnais*—трава, зелень; „*pentinnais arkli idurti*“—кормить лошадей травой.

„льновальное“—гроши съ волокъ вмѣсто льна)¹⁾, конопля²⁾, хмель³⁾ и дрова („дякло дровяное“, „пеньязи дровные“ или „лѣсные“, плавившіеся „дривозами“)⁴⁾. Къ дякольнымъ же данямъ относятся поборы живностью всякаго рода, необходимою въ нанскомъ хозяйствѣ. По извѣстнымъ намъ инвентарямъ сюда относятся: хлѣбъ (печеный), крупа, сыръ, масло, олей, орѣхи, гуси, куры, пѣтухи, каплуны (вообще „кокоши дякольные“) и яйца⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ къ дякламъ относятся и главные предметы мезлевы—яловицы, венри, поросята⁶⁾.

Составъ дяколъ не вездѣ одинаково опредѣляется. Основными дяклами, какъ видно изъ инвентарей, считаются собственно подати житныя, овсяныя и сѣбныя; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ все дякло ограничивается только этими сборами⁷⁾. Иногда же дается одно сѣно или овесъ съ другими мелкими поборами—птицей и пр.; нерѣдко все дякло состоитъ изъ мелкой живности⁸⁾. Въ инвентаряхъ иногда таксируются дякла съ оговоркой о неплатежѣ ихъ въ данное время „за убожествомъ“ крестьянъ „zuboželuch“, напимѣръ, въ голодную пору, вслѣдствіе „новѣтрія“, „разоренія“ татарскаго и т. п.⁹⁾. Въ актахъ находимъ также указанія на эксплуатацію дяколъ, въ особенности зерноваго хлѣба въ мѣстностяхъ господарскихъ. Сборъ дяколъ и ихъ завѣдываніе лежитъ на обязанности мѣстныхъ старостъ; въ числѣ подчиненныхъ имъ дворныхъ вридниковъ упоминаются „приставы дякольные“ и „дякольники“, которые „дякла завѣдаютъ и нашу двориую житомъ дякольнымъ сѣють“ по наряду тяглыхъ лю-

¹⁾ См. А. В. К., XIV, стр. 11, 12, 177, 349, 460, 462, 532, 537, 538. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 278.

²⁾ См. А. В. К., XIV, 8 и пр. О „сѣмени конопляномъ“, „конопли часавые“ для неводовъ и рыбныхъ сѣтей, также о „прядявѣ“—*ibid.*, XIII, 339; Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 217 и 278; А. З. Р., II, № 69, 78, 87, 99, 106. Ср. Грушевскій, „Барское староство“, 252.

³⁾ А. В. К., XIV, 339; XIV, 419, 420, 422, 538; Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 304. О „дани амелевой“—Боп. Лит. Метр., V, 2 (1505 г.).

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 13, А. З. Р., II, № 159 (п. 11 и 12). А. В. К., XIV, 219, 312, 424, 458. Лит. Метр., Записей № 5, стр. 97 (1499 г.).

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 217, 278. А. В. К., XIII, 339, 378; XIV, 12, 14, 153, 187, 195, 212, 295, 315, 378, 391, 466 и пр. Ср. Грушевскій, 253.

⁶⁾ А. В. К., XIII, 339; XIV, 471, 472.

⁷⁾ См., напимѣръ, А. В. К., XIV, стр. 195.

⁸⁾ См., *ibid.*, XIII, 339, 378; XIV, № 3 и пр.

⁹⁾ См., напимѣръ, А. В. К., XIV, стр. 9, 17, 19, 296.

дей¹⁾. Дякла ржанья и овсяныя собираются державцами господарскихъ дворовъ въ опредѣленное время, напимѣръ, по уставу 1529 г. (п. 9 и 10), „о святомъ Симонѣ Іудѣ“ (28-го октября), вообще послѣ уборки полей и луговъ. Кромѣ посѣва на дворной пашнѣ, въ господарскихъ дворахъ хлѣбное дякло шло на содержаніе „залогѣ“ (гарнизона), въ раздачу людямъ служилымъ, „лежавшимъ“ на службѣ въ господарскихъ замкахъ, также на кормъ дворной челяди, плѣнныхъ и на другія надобности панскихъ дворовъ²⁾. Дякла овсяныя и сѣныя собирались для корма скота и лошадей, державшихся въ господарскихъ и панскихъ дворахъ и дворцахъ-фольваркахъ. Дякла живностью (куры и пр.) назначались для панской кухни и на другія надобности³⁾.

Въ связи съ дякломъ стоитъ однородная же дань, извѣстная подъ именемъ „*mezlewa*“⁴⁾, также „*stiszi*“⁵⁾ и *побора*⁶⁾. Изъ нѣ-

¹⁾ А. В. К., XIII, стр. 24. Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 9, стр. 142 (1522 г.); *ibid.*, № 6, стр. 23 (1528 г.). Тяглый крестьянинъ, платящій дякло, обыкновенно по наряду дворнаго вряда, самъ сѣилъ и боронилъ свое дякло на дворной пашнѣ (А. В. К., XIV, 315, 321).

²⁾ Въ расходной книгѣ начала XVI вѣка, помѣчено: „Игнату а Василью Теоричомъ, лежане въ Городнѣ, а по 2 рубли зъ винъ; имъ же 20 бочекъ жита зъ дяколъ Городеньскихъ“ (Лит. Метр., Записей № 8, стр. 412 и слѣд.). При сдачѣ въ 1522 г. Городни старостѣ, ему виѣнено засѣвать дворную пашню дякольнымъ житомъ и овсомъ, „а останокъ (дякла отъ посѣва) вьяной (плѣнныхъ) москвичи кормити“ (*ibid.*, Судныхъ дѣлъ № 3, стр. 142). „Мѣсячина“, выдававшаяся на содержаніе челяди въ дворахъ господарскихъ и панскихъ, набиралась, главнымъ образомъ изъ житныхъ и кормовыхъ дяколъ, вносившихся въ панскіе дворы людьми дякольными (см. мою статью — „Панскій дворъ въ лит.-русскомъ государствѣ“, 53).

³⁾ См. *Любавскій*, 474.

⁴⁾ *Mezlewa* (мезелево)—литовск. *mėzlawa, mėzlawa*—подать, дань, какъ и дякло; *mezlauninkas*—данникъ (см. *Nesselmann*, Wörterb., 398). О *мезелевѣ* см. А. З. Р., I, № 61, 163; II, 69, 75, 159, 160, 208. Памятн., II, отд. 2, стр. 42, 43; III, 92, 123. Археогр. Сборн., VII, 16. А. В. К., XIV, 208 и др. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, 13.

⁵⁾ Литовск. *spuše*, *es*—отъ нѣм. *Spreise*, пища, кормъ, кормленіе. „*Spruzągne*“—кладовая съ съѣтными припасами (*Nesselmann*, 494). О „спижѣ важкоденной и холоднои“ говорится въ одномъ заставномъ листѣ Сигизмунда, I, 1516 г.: подъ спижей разумѣется здѣсь то же, что *меজেва-кловяцы*, бараны и инны „речи“, дававшіяся господарскими людьми въ дворъ „по давному“ (см. *Любавскій*, прилож. № 26).

⁶⁾ Такъ называется *меজেва*, платившаяся вмѣстѣ съ дякломъ людьми дякольными и тяглыми въ имѣніи Здѣтель (Здятля), Городенскаго повѣта, князей Острожскихъ (А. В. К., XIV, стр. 208, 216, 217, 219, 222 и пр.).

которыхъ актовъ видно, что мезлева съ дякломъ составляли главную службу людей дякольныхъ, не подлежавшихъ другимъ податкамъ и повинностямъ ¹⁾. Затѣмъ. люди, состоявшіе на чиншѣ, иногда также платятъ „увесь поборъ“ съ дякломъ, иногда же и безъ послѣдняго; мезлева, какъ и дякло, дается затѣмъ по нѣкоторымъ инвентарямъ данниками и людьми тяглыми, въ видѣ дополнительнаго побора къ ихъ „особнымъ“ службамъ ²⁾. Мезлеву нельзя считать „своего рода праздничнымъ приношеніемъ, которымъ обязаны были крестьяне по отношенію къ своему господарю“ ³⁾. Опредѣленіе это обосновано на одномъ внѣшнемъ признакѣ—времени взноса мезлевы къ „великодню“ и „колядкамъ“ (Христову Воскресенію и Рождеству), почему „спяжа“ и мезлева иногда называются „великоденными“ и „колядными“ ⁴⁾. Такимъ же „праздничнымъ приношеніемъ“ можно считать и дякло, взносъ котораго, какъ замѣчено выше, иногда также приурочивался къ опредѣленному (осеннему) празднику (св. Симона и Іуды). Сущность мезлевы весьма точно опредѣляется, напримѣръ, въ заставныхъ листахъ Сигизмунда I ⁵⁾. Цѣлью мезлевы, собиравшейся по господарскимъ дворамъ съ тянувшихъ къ нимъ крестьянъ, было „поднимать“ господаря, то-есть, доставлять въ господарскіе дворы кормы „животиною“, во время его пріѣзда для лововъ и въ другихъ случаяхъ; когда не было господарскаго пріѣзда на мѣсто, мезлева могла даваться въ обычное время натурою или деньгами. Та же самая повинность „поднимать“ нановъ кормами лежала и на крестьянахъ въ панскихъ имѣніяхъ. Главными предметами обложенія мезлевою, по актамъ, считаются: яловицы, бараны, вепри (кабаны) и свиньи ⁶⁾.

¹⁾ См., напримѣръ, *Skarbiec*, № 2241. Въ актѣ 1514 говорится о мезлевѣ и дяклѣ, платившихся крестьянами Ейшишскими сообща всей волостію (Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 75).

²⁾ См. А. В. К., XIV, 208, 216—219, 222, 224 и пр. Ср. *Любаевскій*, 316.

³⁾ Такое опредѣленіе мезлевы дается г. *Любаевскимъ*: „Области дѣленіе“, 476.

⁴⁾ Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 62. Ср. *Любаевскій*, 476.

⁵⁾ Листы эти найдены въ приложеніяхъ къ сочин. г. *Любаевскаго*: „Области дѣленіе“, №№ 25—27. Въ одномъ листѣ 1516 г., напримѣръ, говорится: „А мезлева-яловицы и вепри и инныя речи — масть съ тоей волости намъ давана быти каждый годъ подлугъ давного обычая“. Или въ другомъ листѣ того же года: „Коли пріѣдемъ до тыхъ дворовъ, тогда масть онъ насъ стаціями поднимати в мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рудамъ для того, коли мѣшкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднимать“.

⁶⁾ А. З. Р., II, № 169 (п. 9—12). А. В. К., XIV, стр. 208, 216, 217, 419, 473, 476. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 13 и пр.

Яловицы и венпри иногда числятся, какъ замѣчено раньше, и въ составѣ дяколь ¹⁾). Къ мезлевѣ, какъ и дякламъ, относится также доставка въ панскіе дворы гусей, куръ и яицъ ²⁾). Совпаденіе въ дяклѣ и мезлевѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ обложения, какъ кажется, даетъ основаніе предполагать, что въ Литвѣ первоначально существовалъ одинъ натуральный поборъ—дякло и лишь позже изъ него выдѣлилась мезлева, въ видѣ отдѣльнаго кормоваго сбора. Этимъ только объясняется, почему въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ хозяйство велось по давнему обычаю, практиковалось до позднѣйшаго времени дякло, обнимавшее главныя статьи мезлевы. И дѣйствительно есть документальныя указанія на позднее появленіе мезлевы въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, не только панскихъ, но и господарскихъ. Такъ, во всѣхъ господарскихъ волостяхъ, какъ видно изъ одного акта 1518 г., мезлева, какъ самостоятельный поборъ, была введена лишь въ началѣ XVI вѣка; до того времени отдѣльныя статьи мезлевы могли числиться въ составѣ дякла ³⁾). Мезлева, подобно дяклу, могла замѣняться въ цѣломъ составѣ или по частямъ денежнымъ поборомъ—„мезлевщиною“, „яловищиною“, „венпровщиною“, „пенязми поборными“ и пр. ⁴⁾).

Къ этой же формѣ поборовъ, по всѣмъ видимостямъ, относятся „воловщина“ („болкумовщина“) и „коневщина“. Въ старое время, какъ не безъ основанія полагаютъ изслѣдователи, они могли имѣть значеніе натурального побора скотомъ и лошадьми и лишь позже превратились въ денежные поборы. Дѣйствительно, въ одномъ вырокѣ 1514 года сохранилось, напримѣръ, указаніе на то, что въ господарской волости, тянувшей къ Неменчинскому двору, въ Виленскомъ тивунствѣ, мѣстные тивуны брали еще въ началѣ XVI вѣка воловъ и яловидъ „за мезлеву великоденную и о Божемъ Нарожени подлугъ ихъ давнего обычая“ ⁵⁾). Воловщина, о какой говорятъ акты Волинской,

¹⁾ А. В. К., XIII, 339; XIV, 471, 472.

²⁾ А. В. Р., II, № 169 (п. 9—12). А. В. К., XIII, стр. 208, 216, 219 и пр. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, 13.

³⁾ См. *Skarbice*, № 2241.

⁴⁾ А. В. Р., II, № 86. А. В. К., XIV, стр. 177. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 13. *Любавскій*, стр. 321, 476—477, и прилож., № 28.

⁵⁾ Лит. Метр., Судн. дѣлъ № 1, стр. 62. Сохранились въ Лит. Метрихъ двѣ грамоты Витовта (1407 и 1428 г.) о данихъ селъ панамъ съ освобожденіемъ отъ „воловщины“—„ab exactionem terrestrem generalem (въ Владим. повѣтѣ) volow-skizna dictam“ (Лит. Метр., Записей № 25, стр. 6; Публич. дѣлъ № 28, стр. 114). Здѣсь „exactio“ означаетъ денежный поборъ, а не натуральную повинность.

Кіевской и другихъ земель, безъ упоминанія о грошевой платѣ „за воловъ“, скорѣе всего означаютъ такой же поборъ натурою, какъ и дань „bidlicza“ или стаціи рогатаго скота актовъ Подляхія или Подолья (см. ниже). Подобно мезлевѣ, воловщина или болкуновщина бралась первоначально „на приѣздъ“ господарей, когда мѣстное населеніе должно было отправлять всякія „стаціи“ и вообще платило разные „кормовые“ поборы; позже поборы эти обратились въ постоянные окладные сборы натуральные и денежные, обязательные для тяглаго населенія имѣній господарскихъ и панскихъ ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ, особенно имѣній господарскихъ и панскихъ съ вполнѣ усвоеннымъ польско-нѣмецкимъ воловнымъ хозяйствомъ (въ Подляхія, Жмуди и пр.), литовскія дякла и мезлевы замѣняются польскими *стаціями* и *данями*. Такія стаціи („stacja“, „rowiŃności slacynu“), наиримѣръ, давались подданными въ господарскихъ волостяхъ Брянскаго и Саражскаго староствъ (въ Подляхія), по инвентарю 1558 г. Изъ литовскихъ дяколъ въ составъ стацій входитъ одинъ овесъ; ни жито, ни сѣно не упоминаются. За то иногда до чрезвычайныхъ мелочей развиты собственно кормовыя стаціи-поборы рогатымъ и мелкимъ скотомъ, домашней птицей, печенымъ хлѣбомъ, молочными продуктами, огородными овощами и пр. ²⁾). Въ другихъ инвентаряхъ того же типа названіе стацій дается то одному литовскому дяклу, то мезлевѣ, смотря по тому, гдѣ практикуется тотъ или другой поборъ. Въ Жмуди, наиримѣръ, при маломъ развитіи крупнаго скотоводства, стаціями облагаются „по давнему обычаю“ только зерновые продукты (жито, овесъ, пшеница, ячмень, ленъ), также сѣно и дрова ³⁾). Такая же система кормовыхъ „стацій“ при-

¹⁾ О „болкуновщинѣ“, бравшейся съ воловъ, по лѣстраціи Кіевской земли, конца XV или начала XVI вѣка, см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 5. Намъ не удалось разъяснить происхожденіе названія „болкуновщина“. Въ литовскихъ словаряхъ нѣтъ такого слова. Вѣроятно, оно принадлежитъ къ такимъ же татарскимъ терминамъ, какъ ясакъ, есачизна и пр. О воловщинѣ см. А. З. Р., I, № 20; Арх. Ю.-З. Р., I, № 36. О „коневщинѣ“ и воловщинѣ см. *Любавскій*, стр. 321, 352, 477, 480, 495.

²⁾ Въ составъ стацій, по инвентарю Саражскому и Брянскому, 1558 г., входятъ: воли, коровы, яловицы (jałowie), теленки, бараны, козы, свиньи, вепри, гуси, павы, куры, яйца, крупа, горохъ, овесъ, печеный хлѣбъ, молоко, масло, сыръ, пастернакъ, капуста, дыбуля, петрушка, рѣпа и пр. (см. А. В. К., XIV, стр. 32, 33, 60).

³⁾ Иногда прибавляется и поборъ гусей, куръ и яицъ (см. А. В. К., XIV, стр. 312, 460, 462, 532).

ната и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ собственной Литвы ¹⁾). Въ Ратненскомъ и Любомльскомъ староставахъ, по инвентарямъ половины XVI вѣка, литовскія дякла и мезлевы точно также замѣняются „поборомъ“ (собственно чиншемъ „дорочнымъ“), „даними“ житными, овсяными и др. ²⁾ и „стаціями“ изъ скота рогатаго и мелкаго, домашней птицы и разныхъ кухонныхъ припасовъ ³⁾). Иная система кормовыхъ поборовъ установилась въ Подоліи, особенно въ западной половинѣ, съ чисто польскими „поляховщинами“, стаціями и данинами. Для примѣра укажемъ на люстрацію Барскаго старостава 1562 г. По этой люстраціи „поляховщина“ (или, что то же, „поголовщина“, также „збоже данне“ и „осепь“) состоитъ изъ побора (по числу головъ дворичанъ) жита и пшеницы, съ курами и яйцами. „Стація“ — поборы съ дворичъ или волокъ и лановъ опредѣленнаго количества овса, сѣна, прядива, домашней птицы и кухонныхъ припасовъ ⁴⁾. „Данина“ раздѣляется на „dan bidliczu“, или „поволовщину“, дань „баранью“ и „вепровую“. Поволовщина обязательна для всякаго подданнаго, убогаго и богатаго, разъ онъ имѣеть у себя скотъ; дань состоитъ изъ десятины рогатаго скота — по волу, яловницѣ или другому „быдлу“. Дань эта чередуется съ данью медовою и пчельною (см. выше) и берется чрезъ каждые два года. „Баранья“ дань уплачивается ежегодно каждымъ подданнымъ, имѣющимъ у себя овцы: изъ 20 овецъ дается баранъ и изъ 10 ягнятъ — одинъ ягненокъ. „Вепровая“ дань состоитъ въ ежегодной данинѣ изъ 20 свиной одного вепра всякимъ подданнымъ, имѣющимъ свиной ⁵⁾.

Ф. Лесеневичъ.

¹⁾ Напримѣръ, по инвентарю имѣнія Ракляшевъ, въ Лидскомъ повѣтѣ, пановъ Гѣбовичей, 1585 г., грошовой платъ „за стаціи“ платится только по обоженію яловницъ и барановъ; остальныя стаціи (жито, овесъ, гуси, канлуны и яйца) берутся натурою (А. В. К., XIV, стр. 315).

²⁾ Упоминаются: сѣно данное, жито, сѣно „свое работное“, ленъ съ прядиномъ, хмель „своей работы“, веревки (rowgozu) и пр.

³⁾ Таковы „стасупы“: яловщина, вепри, волы, куры, канлуны, ястребъ „даювний“, яйца „wielkoposkie“, сыръ, масло, „похлѣбне“ (это на свой хлѣбъ отдѣляется въ особое двориче) и пр. (См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, стр. 277 и слѣд.; 25 и слѣд.).

⁴⁾ Куръ, яицъ, масла, сыра, печенаго хлѣба (po bochnowi) и пр.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 217, 226, 237 и пр. Ср. Грушевскій, Барское староство“, стр. 252.